

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ *и культура*

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-11-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-11-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Горохов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Лаврова Светлана Витальевна – доктор искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования, член Союза композиторов России, проректор по научной работе и развитию Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой. 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, дом 2. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Штейнер Евгений Семенович – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Трубочкин Дмитрий Владимирович – доктор искусствоведения, проректор Высшей школы сценического искусства, профессор кафедры зарубежного театра Российского института театрального искусства. Малый Кисловский пер., 6, Москва, 125009

Леняшин Владимир Алексеевич – академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института открытого образования Московского государственного областного технологического университета (МГОТУ), «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056 Астрахань, улица Татищева 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет м. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – Доктор философских наук, доцент, Зав. кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ" Кафедра: философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7/9

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Берд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской

государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариэ (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Обермайр Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Слонди Берлинского свободного университета. Freie Universität Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фрайденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Усачев Александр Владимирович - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии социальных наук и журналистики, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина" 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, дом 28.1 E-mail: a.usacev@mail.ru

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российской государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, вns, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, igorbelyaev@list.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге,, профессор, 460040, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, Y.Griber@gmail.com

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009, Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологдина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Касаткина Светлана Сергеевна - доктор философских наук, Череповецкий государственный университет, профессор , 162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Шекснинский проспект, 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, jvlarin@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, Oskar46@mail.ru

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, krasfilmanager@gmail.com

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, Infotatiana-p@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, skorokhod71@mail.ru

Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, профессор, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, сектор истории антропологических учений, руководитель сектора

Council of editors

Gorokhov Pavel Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvgu.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Svetlana V. Lavrova — Doctor of Art History, Associate Professor of the Department of Music Education, member of the Union of Composers of Russia, Vice-Rector for Research and Development of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2, Zodchego Rossi str., St. Petersburg, 191023. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Evgeny S. Steiner — Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich — Doctor of Art History, Vice-Rector of the Higher School of Performing Arts, Professor of the Department of Foreign Theater The Russian Institute of Theatrical Art. Maly Kislovsky Lane, 6, Moscow, 125009

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Open Education of the Moscow State Regional Technological University (MGOTU), "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University"". 141070, Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology, Altai State University, 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61.

Popov.eug@yandex.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056 Astrakhan, 20a Tatishcheva Street, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, M. I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Rostov region, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET" Department: Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 7/9

Ruben Grantovich Apresyan – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny perelok, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) – doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunost str., Moscow, 111395, Russia.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Cognitive Theory Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Obermayr Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharkaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the

Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Usachev Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Social Sciences and Journalism, I.A. Bunin Yelets State University 399770, Lipetsk region, Yelets, 28.1 Kommunarov str. E-mail: a.usacev@mail.ru

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Mikhail Ivanovich Zhabsky — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Portnova Tatiana Vasilievna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 12 Studentskaya str., Vladimir, Vladimir Region, 600005, Russia, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, igorbelyaev@list.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Laboratory of Color, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, Y.Griber@gmail.com

Gryaznova Elena Vladimirovna - Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Professor, 603009, Russia, Nizhny Novgorod, Vologda str., 1 B, office 49, egik37@yandex.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna - Doctor of Philosophy, Cherepovets State University, Professor, 162600, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sheksninsky Prospekt str., 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 58 Kommunarov str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, 4 Farman Salmanova str., Tyumen, Tyumen Region, 625000, Russia, jvlarin@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, Oskar46@mail.ru

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, krasfilmanager@gmail.com

Portnova Tatiana Vasiliyevna - Doctor of Art History, Kosygin Russian State University,

Professor, 127282, Russia, Moscow, Moscow, ul. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 k 4, Infotatiana-p@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 4 Bardina str., Saratov, 410035, Russia, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, 99 Ladozhskaya str., Penza, 440071, Russia, Penza Region, Penza, skorokhod71@mail.ru

Elvira Maratovna Spirova - Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Sector of the History of Anthropological Studies, Head of the Sector

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

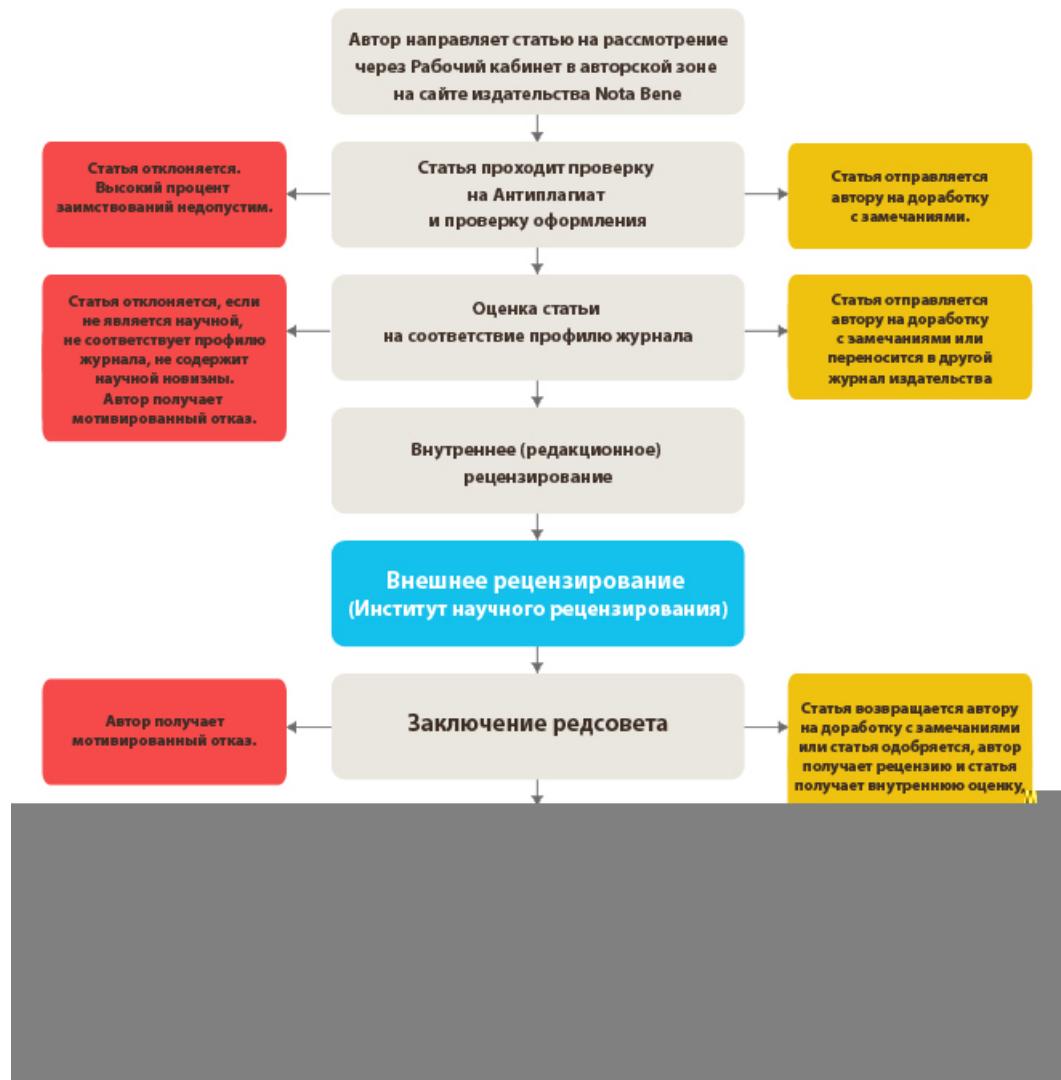
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Дуников И.М. Понятие «постмодерн» / «постмодернизм» в отечественном гуманитарном дискурсе	1
Жерносенко И.А., Дуников И.М. Жан-Франсуа Лиотар и его теория постмодерна	16
Тюрина С.Н. Работа с «именем» как перевод: античные понятия и визуальный язык римских катакомб в методологии С. Бак-Морс.	29
Лю Ц. Формы проявления национальной идентичности в классической музыке с точки зрения культурологии	46
Дубовицкий В.В. Концепция образа в философии Платона и ее вариации в истории культуры	57
Чекрыгин О.В., Надеина Д.А. Проблема датировки синоптических евангелий и ее влияние на реконструкцию образа исторического Иисуса	69
Пещаницкая Е.В. Мультисенсорная семантизация цвета в контексте формирования комфортной городской среды	80
Воронова Н.И., Никифорова А.А. Уровневая матрица культурных кодов как типологическая модель культуры	98
Ли Ч., Иванова Ю.В. Адаптация философско-художественной традиции Се-и к сетевому культурному пространству в условиях диалога массовой и элитарной культуры	113
Корецкая М.А. К дискуссии о коллективном субъекте научного знания	135
Болотникова Е.Н. В поисках Я: преодолевая границы психоанализа, субъектности и идентичности	149
Чимитова И.З. Репрезентация межэтнического согласия массовыми коммуникациями Бурятии	159
Саяпин В.О. От Иммануила Канта к Жильберу Симондону: схемы оперативного воображения	170
Татищев А.А. Постантропоцентристическая модель развития гуманитарных наук	187
Англоязычные метаданные	204

Contents

Dunilov I.M. The concept of "postmodernity" / "postmodernism" in Russian humanitarian discourse	1
Zhernosenko I.A., Dunilov I.M. Jean-Francois Lyotard and his theory of postmodernity	16
Tiurina S.N. Working with the "Name" as Translation: Ancient Concepts and the Visual Language of the Roman Catacombs in the Methodology of S. Buck-Morss	29
Liu J. Manifestations of National Identity in Classical Music: A Cultural Studies Perspective	46
Dubovitskii V.V. The concept of the image in Plato's philosophy and its variations in the history of culture	57
Chekrygin O.V., Nadeina D.A. The problem of dating the synoptic gospels and its influence on the reconstruction of the image of Jesus	69
Peshchanitskaia E.V. Multisensory semantization of color in the framework of designing comfortable urban environments	80
Voronova N.I., Nikiforova A.A. Level matrix of cultural codes as a typological model of culture.	98
Li Z., Ivanova Y.V. Philosophical reconstruction of the Xieyi tradition and its aesthetic transformation in the digital media space.	113
Koretskaya M.A. Towards a discussion on the collective subject of scientific knowledge	135
Bolotnikova E.N. In Search of the Self: Overcoming the Boundaries of Psychoanalysis, Subjectivity, and Identity	149
Chimitova I.Z. The representation of interethnic piece by the mass media in Buryatia	159
Sayapin V.O. From Immanuel Kant to Gilbert Simondon: Schemas of Operational Imagination	170
Tatishchev A.A. Post-Anthropocentric Model of the Development of the Humanities	187
Metadata in english	204

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Дунилов И.М. Понятие «постмодерн» / «постмодернизм» в отечественном гуманитарном дискурсе // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.72319 EDN: QUISQX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72319

Понятие «постмодерн» / «постмодернизм» в отечественном гуманитарном дискурсе

Дунилов Иван Михайлович

ORCID: 0009-0007-6726-5088

независимый исследователь

656063, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Монтажников, 5, кв. 38

✉ 2200imd@gmail.com

[Статья из рубрики "Кафедра"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.10.72319

EDN:

QUISQX

Дата направления статьи в редакцию:

13-11-2024

Дата публикации:

04-10-2025

Аннотация: В статье осуществлена попытка выделить основные подходы российских философов, культурологов, социальных теоретиков к трактовке концептов «постмодерн» / «постмодернизм». Автор выделяет два основных подхода к толкованию данного понятия отечественными исследователями. Первый, типичный для отечественной науки, сосредоточен, практически, исключительно на сфере культуры, а характерная для него философская парадигма в значительной степени совпадает с французским постструктурализмом. Основное внимание при таком подходе уделяется проблеме критики и преодоления проекта Просвещения. Относительно недавно в отечественной гуманитарной науке появились исследования, которые можно условно представить в качестве альтернативного подхода. В основе данного направления, основанного на социально-культурной теории американского философа Ф. Джеймисона, — экспликация

связи постмодернизма и капитализма на определенном историческом этапе, а именно на этапе «позднего» капитализма. В исследовании используются следующие научные методы, позволяющие выделить характерные трактовки понятия «постмодерн» / «постмодернизм»: метод компаративного анализа и структурно-типологический метод. Предложена оригинальная типология и оценка перспектив исследований, использующих то или иное теоретическое основание. Типичный для отечественной гуманитарной сферы подход (называемый автором «традиционным») будет какое-то время преобладать не только в рамках академической науки в силу институциональной инерции, но и за её пределами. Ведь именно такой подход, несмотря на свои недостатки, перекочевал из научного дискурса в научно-популярную литературу, материалы средств массовой информации, художественные произведения и т. д. Однако теоретические и практические изыскания, связанные с теоретическим наследием Ф. Джеймисона позволяют выявить связи социально-экономических реалий и логику развития культурных трендов современности. Поэтому данное направление автор считает более актуальным и перспективным.

Ключевые слова:

постмодерн, постмодернизм, современность, постструктурализм, Просвещение, российские гуманитарные исследования, исследования культуры, история понятий, философия культуры, Ф. Джеймисон

В современной гуманитарной науке и публицистике понятия «постмодерн» и «постмодернизм» широко употребляются, но при этом они до сих пор остаются крайне неясными. Четкого определения этих концептов просто нет, хотя среди многочисленных авторских версий можно выделить некоторые сущностные черты, некоторые характерные связи. В данной статье сделана попытка выделения типичных подходов к концептам «постмодерн» / «постмодернизм» в отечественной гуманитарной науке. Глядя на значительное расхождение авторских версий в отечественной литературе, представляется, что давно назрела необходимость систематизации существующих подходов.

Прежде всего следует отметить, что дефиниция «постмодерн» обычно соотносится с определенным хронологическим периодом и соответствует английскому *postmodernity*, то есть периоду постсовременности, следующему за современностью (*modernity*). Тогда как «постмодернизм» (англ. *postmodernism*) относится более к описанию художественных направлений, философских стилей. Это достаточно упрощенное разделение, так как разные авторы весьма вольно обращаются с этими понятиями, в том числе, нередко употребляют их и в качестве синонимов. Поэтому мы предлагаем использовать термины «постмодерн» / «постмодернизм» в трактовке авторов, чьи теории и концепции анализируются в ходе данного исследования.

На примере усвоения понятия «постмодерн» / «постмодернизм» в отечественной научной литературе можно увидеть, каким образом локальные (конкретно, российские) социально-политические и научные реалии влияют на окраску самого термина, попавшего в Россию в момент глубочайшего социально-политического кризиса начала 1990-х. Особая специфика может быть связана как с упадком интереса к социальной проблематике (и особенно философии левого толка, напоминающей многим официальный советский дискурс), так и с импортированием определенных версий на раннем этапе (например, версии Вольфганга Вельша [\[1\]](#)), которые затем обрастили

массой комментариев, служили основой собственных научных концепций российских исследователей, были институализированы, попали в учебники и СМИ. Философия постмодернизма при таком понимании в значительной степени совпадала с французским постструктурализмом. Сам термин попал в Россию в то время, когда за рубежом он стал терять актуальность в качестве подходящего для описания современной культурной ситуации.

Другими чертами данного подхода, разделяемого многими русскоязычными учеными (Н. Маньковская, Е. Петровская, И. Ильин, В. Курицын, А. Якимович, М. Эпштейн, А. Марков и другие авторы) будут культуроцентричность (и даже литературоцентричность), акцент на проблеме преодоления проекта Просвещения (т. е. рационального переустройства общества, основанного на вере в познавательный потенциал человеческого разума), плюрализме, эклектизме и т.д. Если же добавить отечественное неофициальное позднесоветское искусство, вписываемые при желании в отечественную постмодернистскую традицию, то становится еще более понятен эффект колеи. Данный подход мы условно назовем «традиционным».

Постмодернизм в России оторван от своих творцов и интерпретаторов, ведь даже достаточно поверхностное изучение зарубежной литературы позволяет утверждать, что заглавную роль в разработке и обсуждении концепции «постмодерна» / «постмодернизма» сыграли североамериканские или, скорее, англоязычные литературоведы, философы и арт-критики. И только недавно положение, сложившееся в сфере российского гуманитарного знания, стало подвергать пересмотру «традиционные» отечественные интерпретации, а исследования Ф. Джеймисона, Д. Харви и других авторов стали усваиваться отечественным академическим сообществом. Автор данной статьи осознает, что такое разделение является значительным упрощением, вместе с тем, именно такой способ позволяет эксплицировать типологические особенности двух векторов отечественного гуманитарного дискурса: лагерь «традиционалистов» (при всем разнообразии интерпретаций его представителей), и лагерь тех, для кого основанием для интерпретаций будет теория Ф. Джеймисона или, шире, подход, связанный с социальной теорией, при котором постмодернизм интерпретируется как культурная доминанта общества на стадии «позднего» капитализма (само это определение позаимствовано Джеймисоном у бельгийского экономиста Э. Манделя).

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению теорий, следует сразу оговориться, что предложенная классификация не является исчерпывающей. Все существующее многообразие подходов просто невозможно уместить в рамках столь простой классификации. Некоторые примеры исключений приведены в статье.

Несмотря на то, что большая часть авторов рассматривает «постмодерн» / «постмодернизм» как историческое явление, есть и метаисторические версии трактовок постмодернизма. Пожалуй, самая известная из таких теорий принадлежит Умберто Эко. Среди отечественных ученых метаисторический подход разделяет Натальи Автономова [2]. Она описывает две типичные реакции или стратегии преодоления культурного прошлого, то есть художественного развития: авангард, который отвергает прошлое в пользу нового; и постмодернизм, который творчески перерабатывает и переосмысливает культуру минувших периодов. Так, по отношению к искусству Возрождения академизм был постмодернистской реакцией, барокко же авангардисткой. В исторической перспективе авангард оказывается более значимым.

Особняком стоит и оригинальная теория постмодернизма «как консерватизма» искусствоведа Анатолия Рыкова, изложенная в его работе «Постмодернизм как

"радикальный консерватизм"» [\[3\]](#). Консерватизм, по мнению А. Рыкова, есть одна из возможных интерпретаций постмодернизма. В основе подхода Рыкова, по его собственным словам, лежат концепции К. Мангейма и Ю. Хабермаса, а анализу подвергаются тексты К. Гринберга, Р. Краусс, Д. Каспита и Ф. Джеймисона с целью выяснить их общую консервативную методологическую природу. Исследователя интересует не социальная теория, а, скорее, внутренняя логика «художественно-теоретического развития» (из-за невозможности разделения собственно теоретизирования от рефлексии по поводу художественного производства). В целом теоретический постмодернизм помещается в более общее течение модернизма, являясь его продолжением.

А теперь рассмотрим несколько примеров, которые можно условно отнести к «традиционному» лагерю.

Известный культуролог и философ Вадим Руднев в своем словаре культуры XX века, адресованном широкой публике, определяет «постмодернизм» как «основное направление современной философии, искусства и науки» [\[4, с. 220\]](#). «Постмодернизм», будучи вестником постиндустриального (обращаем внимание на характерную для многих отечественных исследований связку постмодернизма и постиндустриализма) общества, предстает в качестве более позднего, более амбициозного и всеядного варианта французского постструктурализма, претендующего не только на игры с текстом. К основным представителям постструктурализма автор относит Барта, Фуко, Деррида, Бодрийара, Кристеву, а хронологически помещает между 1970-1980 гг. прошлого века. Признаки постмодернизма по Рудневу — это плюрализм, отказ от серьезности и истины, цитатность. Взлет постмодернизма в 1980-е годы обусловлен тем, что постмодернизм «явился проводником нового постиндустриального общества, сменившего или, по крайней мере, сменяющего на Западе традиционное буржуазное индустриальное общество. В этом новом обществе самым ценным товаром становится информация, а прежние экономические и политические ценности — власть, деньги, обмен, производство — стали подвергаться деконструкции». Так постмодернизм «стал претендовать на выражение общей теоретической надстройки современного искусства, философии, науки, политики, экономики, моды» [\[4, с. 221\]](#).

Вадим Руднев считает, что первым постмодернистским произведением стал роман Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану», написанный в конце 1930-х годов прошлого века. А сам постмодернизм (как литературный стиль?) появился либо как реакция на кризис модернизма, либо вместе с модернизмом. В качестве примеровлагаются «Бледный огонь» В. Набокова, «Палисандр» Саши Соколова, «Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Хазарский словарь» М. Павича, произведения В. Сорокина, Х. Л. Борхеса, Х. Кортасара, Д. Фаулза.

Получается, что постмодернизм уже достаточно долго существовал в качестве литературного стиля, прежде чем получил философское осмысление. Первым же философом, осмыслившим постмодернизм в качестве философского понятия, был Лиотар со своим произведением «Постмодернисткий удел» («Состояние постмодерна?»), в которой философ критиковал большие нарративы. В качестве теоретика постмодернизма Руднев упоминает Ф. Джеймисона.

В своей книге «Постмодернизм от истоков до конца столетия» филолог Илья Ильин пишет: «Родившись вначале как феномен искусства и осознав себя сперва как литературное течение, постмодернизм затем был отождествлен с одним из

стилистических направлений архитектуры второй половины века, и уже на рубеже 1970-х - 1980-х годов стал восприниматься как наиболее адекватное духу времени выражение и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи» [\[5, с. 5\]](#).

Очевидно, что филолога Ильина больше интересуют литература, шире — текст. Ильин считает, что ярче всего постмодернизм раскрывается в постмодернистской литературе, в которой высмеиваются реализм, высокий модернизм и индустрия развлечений. Интересна оценка отношения постмодернизма и массовой культуры. Расцвет постмодернизма Ильин относит к 1980-м. Постмодернизм неразрывно связан с философией постструктурализма и даже, по мнению И. Ильина, сливаются в «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс» [\[6, с. 114-117\]](#).

Философ и культуролог Александр Марков считает, что мы живем в эпоху постмодерна, как бы мы к этому не относились, а сам постмодернизм определяет как систему идей. Постмодерн существует, как существовал романтизм, реализм или Средневековье [\[7, с. 10\]](#). Вряд ли известный ученый по ошибке приписывает понятиям реальное существование (это подтверждается и наличием рассуждений об универсалиях в тексте), так можно утверждать с высокой степенью вероятности, что речь идет о сознательно выбранной стратегии.

Как известно, основные идеи постмодернизма были сформулированы в работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», на основе которых Марков делает вывод, что постмодернизм противопоставляет себя экзистенциализму; а также он отмечает влияние психоанализа на возникновение постмодернизма. Как мы можем заметить, постмодернизм в философии традиционно связывается с французскими мыслителями. Вопросы о том, насколько эти понятия являются бесспорными, насколько они определяют наше время, Александром Марковым не ставятся.

Надежда Маньковская также рассматривает французский постструктурализм и постфрейдизм в качестве теоретической основы постмодернизма [\[8, с. 15\]](#), но её работа посвящена эстетике. Исследовательница выделяет три этапа развития постмодернизма, зарождение которого относит к концу 1950-х в США.

Первый «авангардистский» этап с 1960-х — это этап ниспровержения авторитетов (модернизма, в первую очередь), смешения высокого и низкого, настоящего и прошлого, расцвет попкультуры и контркультуры. С этим этапом связано творчество художников Э. Уорхола, Р. Раушенберга, теоретиков М. Маклюэна, Л. Фидлера, С. Зонтаг, И. Хассана, французских постструктуралистов, писателей Д. Керуака, Д. Сэлинджера, музыканта Д. Кейджа. «Однако, — отмечает Маньковская, — при всей своей агрессивности в художественной практике, в теоретическом отношении постмодернизм 60-х годов остается достаточно односторонним и инфантильным, лишенным целостности, а главное — позитивного прогноза культурной жизни» [\[8, с. 162\]](#).

Второй этап — это 1970-е годы. Вторая фаза постмодернистского искусства связана с его распространением в Европе в данный период. Главный мыслитель периода — У. Эко. Писатели Г. Гарсия Маркес, И. Кальвино, С. Беккет, режиссер Р. В. Фасбиндер, архитектор Ч. Мур, музыканты Т. Райли и Ф. Гласс, художник Р. Б. Китай. Контркультуру и протест «новых левых» сменил эклектизм «новых правых».

Третий этап — современный, этап «постмодернистского модернизма» начинается в конце 1970-х. Ключевой мыслитель — Ж. Деррида. Это период институализации и

распространения постмодернизма в Восточной Европе и России [\[8, с. 160-165\]](#).

Напротив, философ, культуролог и литературовед Михаил Эпштейн предлагает крайне оригинальную периодизацию. Всю историю западного человечества Эпштейн делит на 4 большие эпохи: древность, средние века, Новое время (модерность) и постсовременность (постмодерность). Получается, что Новое время — это период от Ренессанса до модернизма. Это уже культурные периоды в рамках истерической эпохи. А вот уже внутри модернизма можно выделить футуризм, сюрреализм и т.д. «Постмодернизмом» философ называет первый и практически завершенный этап постмодерности, т.е. четвертого и актуального исторического периода. При этом автор предостерегает от подмены всей постмодерности постмодернизмом, что было бы сравнимо подменой всего периода Нового времени его последним этапом — модернизмом. Если постмодернизм относительно сравним по объему с модернизмом, то постмодерность — это настоящая многовековая формация, начало которой мы только застали. «Постмодернизм» же, по мнению М. Эпштейна, уже исчерпал себя к концу 1990-х. [\[9, с. 7-9\]](#) Для описания характерных черт постмодерности и постмодернизма (ибо о последующих этапах мы не ещё можем судить) философ применяет понятие «постмодерн». Это принципиально отличает авторскую хронологию от различных попыток вписать «постмодерн» в качестве этапа исторического периода модерна, а также создает известную терминологическую путаницу. Можно заметить, что периодизация внутри больших эпох опирается на выделение господствующих художественных стилей.

Ученый предостерегает от того, чтобы судить о постмодерне по постмодернизму, просто потому этот период только начался, а явления, присущие зарождению нового этапа, мы можем объявить отличительными чертами всего этого неизвестного эпохального периода.

Но т. к. постмодернизм приходит на смену модернизму, то и наследие модернизма влияет на содержание постмодернизма. Таким нехитрым способом М. Эпштейн хочет разделись очень похожие и обычно вписываемые в один исторический этап культурные схемы. Само описание модернизма и постмодернизма уже не отличается какой-то особой новизной: «На место категорий единства и противоположности выдвигаются категории различия и инаковости, которые устанавливают ценность “другого”, выходящего за рамки данной системы. Всякая иерархия ценностей, в том числе противопоставление “элитарного” и “массового”, “центра” и “периферии”, “глобального” и “локального”, революционная оппозиция обществу, авангардистский вызов традиции, — снимаются во имя сосуществования разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и несводимых друг к другу. Те группы и субкультуры, которые раньше считались маргинальными, выдвигаются на первый план, как субъекты политической деятельности и теоретического самовыражения — отсюда феминизм, гомосексуализм, постколониализм как стратегии письма и общественные движения. Личность, оригинальность, авторство рассматриваются как иллюзии сознания или условные конструкции, за которыми действуют механизмы знаковых систем, языка, бессознательного, рынка, международных монополий, властных структур, распределяющих функции между индивидами» [\[9, с. 5\]](#). Самая же главная загадка: какой будет постмодерность? Ждет ли нас новое Средневековье? И тогда каким оно будет? [\[9, с. 296-298\]](#).

Искусствовед Александр Якимович в начале статьи 1991 г. «Утраченная Аркадия и разорванный Орфей» [\[10\]](#) (отсылка к «The Dismemberment of Orpheus» И. Хассана [\[11\]](#)) приводит аргументацию швейцарского теолога Ханса Кюнга, по мнению которого

наблюдается значительное расхождение между философским и художественным модернизмом. Если первый, схематично представленный как линия Декарта-Ньютона-Канта-Маркса, отражает рационалистические умонастроение, то художественный модернистский авангард в духе П. Пикассо, М. Дюшана, Г. Аполлинера, Д. Джойса решительно сопротивляется философскому рационализму, то есть проекту самого Просвещения [\[10, с. 229\]](#).

Если нет консенсуса по поводу понимания основополагающего понятия «модернизм», то это влечет путаницу и с пониманием термина «постмодернизм». Ведь, если следовать логике Кунга, то значительная часть произведений, традиционно относимых к модернизму, следовало бы считать постмодернистскими по настрою. Например, можно проследить развитие художественных стилей от символизма к экспрессионизму, сюрреализму ... и так до постмодернизма.

В статье «О Лучах Просвещения и других световых явлениях»[\[12\]](#) А. Якимович предлагает уже значительно расширенную версию своей трактовки культурной ситуации, которая включает и объяснение расхождения между отечественной и западной версий постмодернизма. По мнению А. Якимовича, потеря ориентации и самой возможности упорядочивания описания реальности, характерная для постмодернизма, связана с кризисом объяснительных моделей мира, предполагающих «абсолютный центр смысла» [\[12, с. 243\]](#) и его бинарные оппозиции, такие как: истина и ложь, добро и зло, знание и незнание, труд и капитал и т.д. Эти оппозиции всегда имели ценностную окраску несмотря на то, что «центр смысла» может быть различен для различных исторических эпох. Успех прагматизма есть свидетельство подобного упадка моральных схем.

И хотя Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, П. Файерабенд, Ж.-П. Сартр, Т. Адорно и другие современные мыслители развили иррациональные тенденции в трактовке постмодернизма, но истоки их уже ясно прослеживаются в философии Ф. Ницше, К. Ясперса, Л. Шестова, М. Хайдеггера, в психоанализе З. Фрейда и т.д.

Иррациональные силы выходят наружу, когда кризис рационализма торжествует. А в итоге приходит безразличие. Если в статье «Утраченная Аркадия и разорванный Орфей» идеи Просвещения воплотились в тоталитарный кошмар, то в «Лучах просвещения и других световых явлениях» уже философский и художественный авангард разделяется с Разумным, Добрый, Вечным, включая гуманизм и просвещение. Демонтаж и деконструкция стали не просто визитной карточкой постмодернизма, но способом его существования. И все это было заключено в самой логике Просвещения [\[12, с. 244-245\]](#). Разум самоутверждается, уничтожая прежние построения, каждое новое философское здание уже запланировано под снос. И все это ради прославления Разума и человека, настолько всемогущего, что может разнести на кусочки все то, на чем он базировался. По мнению, Якимовича — это есть отличительная особенность Запада. А. Якимович находит знаки преемственности художественного авангардизма и постмодернизма.

Однако Якимович считает, что постмодернизм не является исключительно западным явлением: общества Восточной Европы, бывшего соцлагеря, возможно, «столкнулись с этим общественно-культурным синдромом как-то иначе, на другом витке развития, или выйдя к нему с другой стороны — не со стороны изобилия, потребления, досуга и информации, а со стороны дефицита, недопотребления, не-досуга и недо-информации» [\[10, с. 234\]](#).

Упадок российского авангардизма, повлиявшего более на культурные тренды Запада, нежели на явления русской культуры, крушение политического строя в СССР — все это привело к цинизму в сознании россиян и ощущению периферийности отечественной культуры. Однако особенность российской культуры заключается вовсе не в какой-то ограниченной способности к разрушению или меньшей страсти, а в остатке, Абсолюте, который и высвечивается, когда не остается ничего. Из-за особенностей культурных традиций российский постмодернизм, сколь бы он ни стремился попасть в высший художественный свет, обречен быть локальным. То есть Якимович предлагает, все-таки, учитывать свой культурный бэкграунд даже в рамках постмодернизма.

Таким образом, вновь речь идет о банкротстве больших нарративов, из-за чего современный человек оказался в мире, который больше не понимает. И различные мыслители, работавшие в немарксистской традиции, включая упоминаемых Якимовичем Ю. Хабермаса, Э. Манделя и Ф. Джеймисона, как раз пытались понять: что происходит с индивидом, у которого уходит почва из-под ног.

Если с идеей, высказываемой различными авторами, о том, что сама логика рационализации приводит к деконструкции собственных оснований, вполне можно согласиться, то выделение Якимовичем условно «утвердительных» и «разрушительных» трендов, определение философской преемственности различных течений выглядят уже гораздо менее убедительным. Ведь каждая новая господствующая философская система амбивалентна: создавая новую структуру мира, она подтачивает миропонимание, основанное на предыдущих основаниях. Например, теории Декарта или Маркса, приводимые Якимовичем в качестве оплота рациональности, могут быть как созидающими, так разрушительными. Или же морализаторская линия противопоставления русской православной традиции европейской, воплощённая в произведениях Л. Толстого и Ф. Достоевского, вызывает массу вопросов. Например, при трактовке творчества Достоевского в духе философии экзистенциализма, которую Якимович, в отличие от А. Маркова, записывает в предтечи постмодернизма, это противопоставление теряет смысл. Даже такой типичный, по мнению многих авторов, постмодернист как М. Фуко, по мнению Маршалла Бермана, был продолжателем традиции М. Вебера. В результате «железная клетка» рациональности Вебера получила развитие в виде дисциплинарных режимов у Фуко [\[13, с. 43-45\]](#).

М. Эпштейн и А. Якимович пытаются вписать неофициальное позднесоветское и постперестроечное художественное творчество в общую канву постмодернизма. О том, что следует с осторожностью описывать разнородные явления, обусловленные внутренней локальной логикой развития, в качестве местных версий постмодернизма, писал ещё Брайан Макхейл [\[14\]](#). Рассмотрим, с какими трудностями сталкиваются отечественные авторы, отстаивая подобные трактовки.

Энергии модернизма с его радикальными проектами переустройства общества иссякают, но Эпштейн даже называет Россию родиной постмодернизма! [\[9, с. 55\]](#) Это является следствием гиперреальности самого коммунистического режима. Если у Якимовича российский постмодернизм — это постмодернизм недостатка, то у Эпштейна — это постмодернизм символической перенасыщенности (при расхождении с реальностью и подмены её символическим) советского строя. Однако оба автора не замечают, что масштабная модернизация не является уникальной для стран Запада. Позднесоветское общество с определёнными оговорками можно назвать «обществом потребления», а символическая насыщенность при идеологической монополии партии выродилась в ритуальные формы участия и дискурсивные практики, скорее, подтверждающие

нормальность и принадлежность к советской общности, чем свидетельствующие о глубокой идеологической индоктринации. О чём пишет, в частности, Алексей Юрчак [15]. Упадку главенствующей идеологии при сохранении групповой «этики добродетели» посвящена книга Леонида Фишмана [16]. Михаил Эпштейн справедливо отмечает, что на Западе постмодернизм был во многом проектом левых, что позволяет ему проводить параллели с постмодернизмом в российском обществе. Однако марксистская традиция в позднесоветском обществе практически угасла.

Напротив, представителей художественных течений, при всей их одержимости советской символикой, пусть и пропущенной сквозь призму иронии или даже сарказма, вряд ли можно назвать наследниками «левой» традиции. Можно даже утверждать, что для западных марксистов крушение СССР стало большей идеологической проблемой, чем для советских авангардных художников и писателей, получивших возможность свободно публиковаться и выставляться в стране и за рубежом. Если художественная рефлексия по поводу исторического пути России важна для жителей страны, то для мира это опыт локальный.

Относительно недавно в отечественной науке появился альтернативный подход, в основе которого лежит убеждение в том, что следует отделять критику Просвещения и философию постструктурализма от социально-теоретических подходов к постмодернизму. В результате исследовательский интерес смещается преимущественно к творчеству североамериканских авторов. Ученые, которые могут быть условно отнесены к этому направлению, весьма критически настроены к сложившемуся в отечественной науке консенсусу по поводу постмодернизма.

И первый вопрос, который возникает: а зачем, собственно, понадобилась какая-то альтернативная школа или подход? Вместо акцента на внутренние причины развития культурных явлений (а это вполне правомерный и плодотворный, но ограниченный подход), сторонники альтернативной теории пытаются вернуть область культуры в лоно более общих социально-исторических явлений, заодно и оспорив содержание понятия «постмодерн» / «постмодернизм», сложившееся в отечественной гуманитарной науке. Особое внимание уделяется массовой культуре, обычно игнорируемой исследователями «традиционной» школы. А ведь массовая культура есть один из важнейших факторов глобального влияния западного капитализма и культурной унификации, что и позволяет говорить действительно об унификации современной культуры в контексте глобализационных процессов.

Самым известным представителем подхода, основывающимся на работах Ф. Джеймисона, можно считать Александра Павлова [17; 18], известного не только в качестве теоретика и социального философа, но и как исследователя массового кинематографа. Павлов, пожалуй, является пока лидером «альтернативной» школы понимания постмодернизма, в основе которой, как мы упоминали, лежит интерес к постмодернизму как к особой оптике, языку описания современности. Причём не просто изолированной самодовлеющей сфере культуры, а культуры, которая неотделима от социальных, исторических, политически реалий А. Павлов анализирует современные культурные тренды и произведения массовой культуры, используя в качестве научной базы исследования в области социальной и культурной теории. К сторонникам данного подхода можно причислить также: Николая Афанасова, критика традиционного подхода, утверждающего, что онный носит ограниченный характер и затрудняет само понимание сути явления [19]; исследователя из Казахстана Дмитрия Мазоренко и отечественного ученого Эдуарда Сафонова. Все они находят работы Ф. Джеймисона и Д. Харви,

посвященные постмодерну/постмодернизму, весьма актуальными.

Для критической теории в самом общем виде, к которой можно отнести и социальную философию Павлова, современная реальность — это реальность современного капитализма. Подобный подход коренным образом отличается от культуроцентрического, распространенного в отечественной гуманитарной науке. Таким образом, одному из самых влиятельных философов современности (а им безо всяких скидок является Ф. Джеймисон) потребовался амбассадор в отечественной науке. Иначе мы бы имели все шансы, пропустив постмодернизм, попасть, например, сразу же в «метамодернизм» со все тем же багажом знаний, где французские философы — это главные «постмодернисты».

А. Павлов занимает несколько лукавую позицию по отношению к постмодернизму: заявляет, что постмодернизм устарел, вышел из употребления, отчаянно ищет достойных приемников (собираемых им под зонтичным термином «постпостмодернизм»), рассматривает значительное количество претендентов, выделяет среди них более или менее удачные версии, детально разбирает все манифесты, ключевые тексты, отмечает новизну и оригинальность... И все это для того, чтобы, в конце концов, прийти к выводу, что теория Фредрика Джеймисона лучше, глубже и вообще, так или иначе, является основой значительного числа конкурирующих теорий, которые иногда выигрывают в частностях, но проигрывают в охвате общего. В результате Александр Павлов предлагает эффективный способ избавиться от постмодернизма: вообще о нем не говорить, не пользоваться наработками, упуская значительный пласт теории; или же продлевать зомби-существование постмодернизма: либо прямо заявляя о преемственности новой теории (и тогда нужно еще доказать, что она такого нового вносит по сравнению с более разработанными версиями), либо, старясь оспорить постмодернизм его же методами — отсылками к тем же общим местам, что является изначально проигрышной стратегией [\[20\]](#).

Но при этом и сам «капитализм» как термин является «необходимым злом»: никакого четкого и конвенционального наполнения, как и лаконичного определения, у него просто нет. А. Павлов при описании капитализма цитирует социолога Френка Уэбстера: «И все же, несмотря на необходимые поправки, мало кто из нас согласится полностью отказаться от этих и подобных понятий. Причина очевидна: да, они слишком общи, нуждаются в уточнениях, ведут к заблуждениям, но при всем том они служат инструментом для определения и понимания основных элементов мира, в котором мы живем и формируемся как личности. Стремление осмыслить основные черты различных обществ и событий, видимо, неизбежно подталкивает нас к тому, чтобы принять эти обобщающие понятия» [\[21, с. 8\]](#). Подобное произошло и с «постмодернизмом», о чем писали многочисленные участники споров о постмодернизме. Вопрос заключается в том: следует ли его заменить на что-то иное, чтобы получить какие-то новые инструменты, либо же пока эти термины («постмодерн» и «постмодернизм») достаточно наполнены и предлагают широкое дискурсивное поле, чтобы просто избавиться от него ради моды (и даже не очень приятных политических коннотаций) или какого-то минорного выигрыша?

По мнению Николая Афанасова, многие западные теоретики, работающие с моделями описания современности (Ш. Зубофф, Н. Срничек, Ф. «Бифо» Берарди, Д. Вайсман и другие) согласны с определением «цифрового капитализма» в качестве новой концептуальной платформы. Однако исследователь отмечает, что при более глубокой разработке отдельных аспектов в рамках «цифрового капитализма», тем не менее, не позволяет отделить его от «позднего капитализма». Т. е. этапа капитализма, культуры

которого и описана Джеймисоном как постмодернизм. Под новым термином скрываются все те же теоретические основы [\[22\]](#).

Дмитрий Мазоренко считает, что за всеми спорами сохраняется относительный теоретический консенсус по поводу периодизации капитализма, то есть об актуальной сегодня стадии «позднего» капитализма. А предпринимаемые попытки выделения какой-то принципиально иной стадии недостаточно основательны.

Перечисленные выше авторы сходятся на том, что отсутствие фундированных теорий, обосновывающих разрыв и наступление принципиально иной стадии капитализма (или чего-то отличного от капитализма), позволяет «культурной логике позднего капитализма» оставаться самым подходящим языком описания современности пусть и с учетом новейших дополнений и поправок [\[23\]](#).

Нужно отметить, что при всех своих достоинствах комплексной теории данный подход не лишен и недостатков. В частности, переход от социально-экономических структур к особенностям культуры достаточно пунктирно прописан; сама периодизация капитализма, предложенная Манделем, может служить мишенью для обоснованной критики; а интерпретация отдельных художественных течений и отдельных культурных артефактов может показаться весьма тенденциозной.

Подводя итоги, заметим, что «традиционное» понимание концепта «постмодерн» / «постмодернизм» будет и далее преобладать в отечественной науке не только из-за особенностей институционального воспроизведения, но и из-за широкого распространения именно этой версии в научно-популярной литературе, сообщениях СМИ, художественных произведениях. До тех пор, пока расхождение между новейшими культурными (в широком смысле) трендами и ограниченными возможностями их интерпретации не выяснит существенные недостатки данного направления.

Стратегия исследования концепта «постмодерн» / «постмодернизм», связывающая изменения культуры с изменениями в капитализме куда более устойчива и фактически ограничена только временем существования социальной системы, которая может быть описана, на данном этапе, в качестве капиталистической. Поэтому подходы к изучению культурных явлений, опирающиеся на социальную теорию Ф. Джеймисона, представляются более перспективными.

Библиография

1. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109-136.
2. Автономова Н. С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 17-22.
3. Рыков А. В. Постмодернизм как «радикальный консерватизм»: Проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960-1990-х гг. СПб.: Алетейя, 2007. 376 с.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
5. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интранда, 1998. 255 с.
6. Ильин И. П. Постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс // Современное зарубежное литературоведение. Страны западной Европы и США: концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ильина И. П., Цургановой Е. А. М.: Интранда, 1999. С. 114-117.
7. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна: лекции по теории культуры. М.: РИПОЛ классик, 2019. 256 с.

8. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000 г. 347 с.
9. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.
10. Якимович А. К. Утраченная Аркадия и разорванный Орфей. Проблемы постмодернизма // Иностранный литература. 1991. № 8. С. 229-236.
11. Hassan I. The Dismemberment of Orpheus // Boundary 2. 1972. № 1. Р. 216-224.
12. Якимович А. К. О лучах Просвещения и других световых явлениях. Культурная парадигма авангарда и постмодерна // Иностранный литература. 1994. № 1. С. 241-248.
13. Берман М. Все твердое растворяется в воздухе. Опыт модерности. М.: Горизонталь, 2020. 488 с.
14. Макхейл Б. Послесловие: реконструкция постмодернизма // KANT: Social science & Humanities. 2020. № 1 (3). С. 52-59.
15. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
16. Фишман Л. Г. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 232 с.
17. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. Изд. 3-е, дополненное. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 584 с.
18. Павлов А. В. Странная жизнь постмодернизма // Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. С. 7-53.
19. Афанасов Н. Б. В поисках утраченной современности // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 1. С. 256-265.
20. Павлов А. В. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. 2019. № 2 (129). С. 1-24.
21. Павлов А. В. Проблема легитимации капитализма в XXI веке // Социология власти. 2021. Том 33. № 1. С. 6-10.
22. Афанасов Н. Б. «Поздний капитализм» и «цифровой капитализм». К вопросу о пересечении понятий // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 62-73.
23. Мазоренко Д. А. Своевременность позднего капитализма: почему постмодернизм остается главным языком описания нашей эпохи? // Социология власти. 2021. Том 33. № 1. С. 11-38.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как автор обозначил в заголовке («Понятие “постмодерн” / “постмодернизм” в отечественном гуманитарном дискурсе»), является отечественный (российский) гуманитарный дискурс по вопросам сущности и периодизации, соответственно, феномена «постмодерн» в художественном творчестве и исторического периода «постмодернизма» как совокупности характеризующих историческое время тенденций философско-теоретической и художественной рефлексии. Предмет исследования рассмотрен автором в непосредственной логической связи с объектом — с совокупностью трендов западных теоретических традиций осмыслиения постмодерна / постмодернизма (тенденции, к примеру, восточной философии или иберийской традиции, не берутся в расчет, видимо, по причине их маргинализации ведущими западными трендами).

Автор вполне справедливо отметил более тесную связь российского дискурса с французским структурализмом / постструктурализмом, нежели с англо-американским неомарксизмом, который в силу догматизации марксизма в советское время советскими теоретиками серьезно не изучался, а в постсоветское время игнорировался как несущественный (маргинализированный)асспект общемирового теоретического дискурса. Безусловно, во многом из-за ограниченности обзора подходов в социально-гуманитарном знании, в современной России возник определенный тренд интерпретации постмодерна / постмодернизма, который исключает из орбиты внимания большинства теоретиков не только непопулярные подходы XX в., но и неординарные авторские концепции современных российских коллег. Отмечая, что подобным образом существенно ограничивается исследовательская оптика не только в России, но и в других странах, рецензент подчеркивает особую ценность представленного автором исследования: даже упоминание выпавшего из аналитического обобщения в истории гуманитарного знания подхода ставит под сомнение справедливость односторонней (ограниченной) периодизации исторического процесса.

Автор вполне обосновано и справедливо приходит к выводу, что «“традиционное” понимание концепта “постмодерн” / “постмодернизм” будет и далее преобладать в отечественной науке не только из-за особенностей институционального воспроизведения, но и из-за широкого распространения именно этой версии в научно-популярной литературе, сообщениях СМИ, художественных произведениях. До тех пор, пока расхождение между новейшими культурными (в широком смысле) трендами и ограниченными возможностями их интерпретации не высветит сущностные недостатки данного направления». Какая же из концептуальных моделей будет востребована в «нормальной» науке в ситуации девальвации сформировавшейся «традиции», безусловно, пока сложно говорить. Методологический плюрализм предполагает, что теоретические традиции и различные методики вслед за П. Фейерабеном можно использовать в качестве теоретического паллиатива, позволяющего так или иначе использовать полученное новое знание с пользой. Кризис же расхождения теории и практики рано или поздно изменит культурно-исторические условия развития научного тренда (новые тренды будут порождать новые заблуждения).

Таким образом, предмет исследования рассмотрен автором на высоком теоретическом уровне, и статья заслуживает публикации в авторитетном научном журнале.

Методология исследования опирается на принципы типологии отечественного (российского) гуманитарного дискурса по вопросам сущности и периодизации, соответственно, феномена «постмодерн» в художественном творчестве и исторического периода «постмодернизма» как совокупности характеризующих историческое время тенденций философско-теоретической и художественной рефлексии. Вполне логичен выбор основания типологии: оценка позиции теоретиков в интерпретации постмодерна / постмодернизма. Дополнительные аналитические приемы сложились в исследовании в релевантный научно-познавательным задачам комплекс. Выводы автора хорошо аргументированы и заслуживают доверия.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что «в современной гуманитарной науке и публицистике понятия “постмодерн” и “постмодернизм” широко употребляются, но при этом они до сих пор остаются крайне неясными». Представленное исследование, безусловно, вносит вклад в прояснение сложившейся ситуации.

Научная новизна исследования, заключающаяся в попытке автора представить сложившийся теоретический дискурс максимально комплексно, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста в целом выдержан научный, но в некоторых словах выражениях, возможно по причине описки, мысль автора недостаточно ясна («Прежде чем перейти

непосредственно к рассмотрению теорий, следует сразу оговориться, что предложенная классификация не является исчерпывающей, и всё существующее многообразие подходов можно вписать в столь простую типологию: существуют и оригинальные теории, которые не вписываются в заданные рамки данной статьи», «Далее исследователь отмечает, что...», «Это уже культурные периоды в рамках истерической эпохи», «Просвещения от собственно теорий «постмодерна» / «постмодернизм», использующих данный концепт»), — дополнительная вычитка текста позволит избежать существенных разнотечений в понимании авторской мысли.

Структура статьи подчинена логике изложения результатов научного поиска.

Библиография хорошо раскрывает проблемное поле исследования.

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна: автор аргументировано участвует в актуальной научной дискуссии.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и после дополнительной авторской вычитки / корректуры может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в статье в явном виде не формулируется, впрочем, он вполне чётко определён в заглавии работы.

Методология исследования не указана. Но основным методом исследования является герменевтический анализ рассматриваемых автором научных (философских) текстов отечественных авторов, которые посвящены анализу феномена постмодернизма и/или постмодерна.

Актуальность статьи её автор связывает с тем, что «в современной гуманитарной науке и публицистике понятия «постмодерн» и «постмодернизм» широко употребляются, но при этом они до сих пор остаются крайне неясными». Глядя на значительное расхождение авторских версий в отечественной литературе, представляется, что давно назрела необходимость систематизации существующих подходов». В этом отношении с автором трудно не согласиться. Необходимость конкретизации размытого содержания указанных понятий представляется вполне очевидной.

Научная новизна статьи напрямую определяется решением этой актуальной задачи. Автор предпринимает содержательный разбор точек зрения ряда отечественных исследователей, высказывавших своё мнение по поводу содержания понятий «постмодерн» и «постмодернизм».

Стиль и структура представленного текста вполне соответствуют жанру научной статьи. Содержание соответствует заглавию, текст внутренне логичен и непротиворечив. Однако в тексте упоминается теория Ф. Джеймисона, которую разделяют некоторые упомянутые в статье авторы. Стоило бы вкратце очертить её суть. Читатели статьи, достаточно далёкие от теоретизирования по поводу сущности постмодернизма, могут ничего не знать об идеях упомянутого автора, а без этого понимание сути основанных на этой теории идей становится затруднительным.

Кроме того, текст недостаточно хорошо вычитан. Присутствуют опечатки, несогласованность падежей, пропущенные слова: «подход разделяет Натальи Автономова», «в рамках истерической эпохи», «просто потому этот период начался». Местами можно обнаружить стилистически неудачные обороты. Так, отмечая недостатки одного из подходов, автор указывает: «переход от социально-экономических структур к

особенностям культуры достаточно пунктиро прописан» (лучше было бы: «прописан достаточно (или: довольно) пунктиро» или «прописан недостаточно чётко» и т. п.). В некоторых местах пропущены запятые.

Библиография насчитывает 23 источника. Это русскоязычные монографии, журнальные и энциклопедические статьи, посвящённые рассмотрению феномена постмодернизма. Данный список релевантен задачам автора статьи.

Апелляция к оппонентам выражена в некоторых полемических замечаниях, которыми автор статьи снабжает свой разбор существующих точек зрения на суть постмодернизма. В статье присутствуют выводы, основной из которых сводится к тому, что несмотря на наличие в российской гуманитаристике различных, порой довольно оригинальных трактовок терминов «постмодерн» и «постмодернизм», на данный момент будет сохраняться «классическое» их понимание (при всей размытости последнего).

Данная статья вполне может вызвать интерес широкой читательской аудитории – от студентов до специалистов. Её можно рекомендовать к печати в научном издании.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Жерносенко И.А., Дунилов И.М. Жан-Франсуа Лиотар и его теория постмодерна // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.71974 EDN: QUMKXS URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71974

Жан-Франсуа Лиотар и его теория постмодерна**Жерносенко Ирина Александровна**

ORCID: 0000-0002-8571-6205

доктор философских наук, кандидат культурологии

профессор, зав. кафедрой; кафедра музеологии и туризма; Алтайский государственный институт культуры

656055, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Юрина, 277, ауд. 306

[✉ irina.jernosenko@gmail.com](mailto:irina.jernosenko@gmail.com)**Дунилов Иван Михайлович**

ORCID: 0009-0007-6726-5088

независимый исследователь

656055, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Юрина, 277, ауд. 310

[✉ irina.jernosenko@gmail.com](mailto:irina.jernosenko@gmail.com)[Статья из рубрики "Философия постмодернизма"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.71974

EDN:

QUMKXS

Дата направления статьи в редакцию:

14-10-2024

Дата публикации:

04-10-2025

Аннотация: В статье осуществлена попытка критического анализа теории постмодернизма французского философа Ж.-Ф. Лиотара, оказавшего значительное влияние на дебаты о «постмодерне» / «постмодернизме; а его книга «Состояние постмодерна» стала одним из важнейших философских сочинений, в котором данный

термин был введен в научный оборот. Концепция «постмодерна», как заката больших нарративов Просвещения, сложилась в науке в условиях политического поражения левых в конце 1960-х начале 1970-х гг., под влиянием теорий науки Т. Куна и П. Фейерабенда, лингвистической теории Д. Остина, теорий перехода к постиндустриальному обществу, а также в рамках спора с Ю. Хабермасом. Науку модерна, легитимируемую внешними идеологическими дискурсами, Лиотар называл «метанарративами»: т.е. наука постмодерна, по его мнению, является лишь одной из «языковых игр», для которой достаточно принципа эффективности. В качестве метода исследования в статье используется компаративный анализ. При рассмотрении теории Ж.-Ф. Лиотара используются классификации подходов к постмодернизму, предложенные Д. Уэстом и А. Павловым. В результате исследования авторы приходят к выводу, что понимание постмодерна Ж.-Ф. Лиотаром лишено целостности: если в науке он фиксирует смену парадигм, то в культуре модерн постулируется им как некий циклический принцип обновления, в котором постмодерн выступает в качестве фазы обновления и порождения нового этапа модерна. Лиотар различал продуктивный «постмодернизм», и негативный, подчиненный логике капитала. Популяризация взглядов Лиотара в науке превратила его тезис о смерти «больших нарративов» в своеобразные идеологические рамки. Однако сам философ не утратил общую объяснительную схему, характерную для «большого нарратива», доведя логику деконструкции, характерную для западного проекта рациональности, до конца. В то же время критическая часть его работыозвучна (пост)марксистской критике экономического дискурса. Так же, как и его предшественники, принадлежавшие к (пост)марксистской традиции, Лиотар не замечает внутреннего потенциала массовой культуры, ограничиваясь прославлением уходящего с исторической арены модернизма. В отечественной науке теория постмодерна, предложенная Ж.-Ф. Лиотаром, воспринимается, преимущественно, как отражение принятого консенсуса о постмодернизме как о критике Просвещения.

Ключевые слова:

Жан-Франсуа Лиотар, Состояние постмодерна, постмодерн, постмодернизм, модерн, конец больших нарративов, Просвещение, история понятий, капитализм, философия науки

Жан-Франсуа Лиотар является одним из основных авторов «постмодернистского канона», чьи концепции достаточно хорошо известны отечественным ученым, хотя одна из основных работ — «The Differend: Phrases in Dispute»^[1], так и не переведена на русский. Он был первым философом, использовавшим понятие «постмодерн» в философском сочинении, а именно в книге под названием «Состояние постмодерна»^[2], вышедшей в 1979 г. в Париже. Сам термин «постмодерн» Ж.-Ф. Лиотар позаимствовал у литературного критика Ихаба Хассана^[3, с. 37]. Илья Ильин даже приписывает первенство Лиотару, считая, что деконструктивистский подход и описание послевоенного искусства в качестве постмодернистского были изначально импортированы из Франции в США, где получили развитие в работах Ихаба Хассана и Масуда Заварзаде^[4, с. 12]. «Состояние постмодерна» — работа, вдохновленная новыми концепциями развития науки Томаса Куна (концепция научных революций или смены научных парадигм), Пола Фейерабенда (концепция эпистемологического анархизма), а также теорией речевых актов лингвиста Джона Лэнгшо Остина, была написана по заказу университетского

совета правительства Квебека [2, с. 12]. Исследование было своеобразным ответом в полемике с Юргеном Хабермасом [5, с. 272], возникшей по поводу его (Ю. Хабермаса) книги «Проблемы легитимации позднего капитализма» [6], опубликованной в 1973 г. на немецком языке, в которой анализировались кризисные явления, присущие позднему капитализму. По мнению Хабермаса, капитализм, в качестве системы интеграции общества, нуждается в признании своей легитимности гражданами для социального воспроизводства. Однако эта система разрушается из-за конфликта логик легитимации: внутренней экономической, согласно которой капитализм есть самоуправляющаяся система, и внешней политической (демократической, правительственной) [6, с. 42-43]. Таким образом, возникает глубокое противоречие между логикой невмешательства, самодостаточности экономических стимулов и логикой демократического участия, регулирования.

Прежде чем продолжить разговор о творчестве Лиотара, нам следует ввести некую систему координат, чтобы более точно понять, какое место Лиотар занимает в дебатах о постмодернизме, к какой интеллектуальному течению внутри исследователей постмодернизма его можно отнести. Для этого обратимся к книге австралийского философа Дэвида Уэста «Континентальная философия», в которой предложено одно из самых развернутых описаний постмодернизма, а также авторская классификация, на которую мы и будем опираться далее.

Исследователь определяет постмодернизм как «... множество скептических, «антиэссенциалистских» и «антигуманистических» позиций в самых разных дисциплинарных контекстах — начиная с искусства, архитектуры или литературы и заканчивая социальной теорией, психоанализом и философией» [7, 323]. Д. Уэст выделяет следующие исторические обстоятельства, повлиявшие на возникновение постмодернизма: мировые войны, тоталитаризм и геноцид, упадок социалистической альтернативы и разочарование в марксизме у части интеллектуалов, а также кризис модернизма в культуре. «Парадокс в том, что этот философский постмодернизм практически незаметно переходит в социологически и исторически обосновываемую концепцию постмодернистской мысли и культуры как выражения актуального состояния западного общества» [там же]. Дэвид Уэст неслучайно называет марксизм «темной материей постмодернистского универсума». Марксизм выступает одновременно и объектом критики, и парадигмой для существующих более общих социологических или социально-исторических теорий постмодерна. Различного рода академические марксисты, пережившие опыт политического поражения, участвовали в спорах, где отстаивали свои версии описания состояния современности и современной (на тот момент) культуры. Уэст выделяет «два обособленных региона» постмодернизма: постмодернизм как радикальную критику Просвещения (философский постмодернизм), и постмодернизм, связывающий культурные тенденции с состоянием общества на определенной его стадии (постмодернизм социальной и культурной теории). Можно спорить о недостаточной точности и спорности определения (разве обе версии не могут быть «философскими»?), но исследователь указывает на весьма существенное различие между подходами. Если первый отрицает саму возможность построения универсальной теории, то второй предполагает включение постмодернизма в более общий проект [там же, с. 335].

Опираясь на концепцию Д. Уэста, Жана-Франсуа Лиотара можно назвать (с определенными оговорками) представителем первого подхода. Уэст весьма осторожен в оценках при отнесении ученых к «постмодернистам», поэтому, например, считает Жака

Деррида и Мишеля Фуко лишь предтечами постмодернизма.

Среди российских ученых размежевание между постмодернизмом как критикой проекта Просвещения и собственно социальной и культурной теорией постмодернизма, проводит ведущий отечественный исследователь постмодернизма и постпостмодернизма Александр Павлов. Социальный теоретик понимает постмодернизм как философию культуры и как язык культуры. Постпостмодернизмом Павлов называет совокупность теорий, призванных вытеснить, заменить постмодернизм в качестве более подходящего современному состоянию культуры языка описания. А. Павлов отмечает, что постмодернизм преимущественно относится к западной культуре и обществу. Философия постмодернизма для него — это, в первую очередь, те авторы, которые использовали данный термин и соответствующую оптику для описания состояния культуры конца XX века [8, с. 50-54]. Напротив, для философа и культуролога Михаила Эпштейна [9] и искусствоведа Александра Якимовича [10] характерно отношение к постмодернизму как к универсальному культурному феномену, своеобразному духу времени, принимающему оригинальные локальные формы.

Для удобства Павлов предлагает в качестве рабочего определения использовать устоявшееся в отечественной литературе разделение «постмодерн» и «постмодернизма»: «постмодерн — это историческое и культурное состояние западного общества и язык его описания, а (пост)постмодернизм — течение: в 1) искусстве, 2) литературе и 3) социальной и культурной теории» [8, с. 53-54]. Следует сказать и о том, что явной границы между постмодерном и постмодернизмом, как и четких определений, в англоязычной сфере нет, о чем прекрасно известно А. Павлову, поэтому, вероятно, автор намеренно разводит типологически данные концепты, чтобы сориентировать читателя в столь неоднозначных определениях. Усложняется работа с дефинициями ещё и тем, что в английском используются термины «postmodernism», «postmodern» и «postmodernity». Впрочем, деления на «постмодерн» и «постмодернизм» А. Павлов строго в своих работах не придерживается. Мы предлагаем использовать термины в том значении, какое они имеют у цитируемых авторов, либо в качестве синонимов, если не оговорено иное.

Усвоение понятия «постмодернизм» русскоязычными авторами имеет ряд особенностей. Исследования обычно ограничиваются областью эстетики и, шире, высокой культуры, а также опираются на схожий корпус текстов, в котором главенствующее положение занимают тексты французских постструктураллистов. В качестве примеров можно привести работы Надежды Маньковской [11], Вадима Руднева [12], Ильи Ильина [4], Вячеслава Курицына [13], Валентины Диановой [14], Александра Маркова [15], Дмитрия Хаустова [16], Александра Якимовича [17; 10], Михаила Эпштейна [9] и многих других. Сама же дискуссия о постмодернизме, т.е. о том, каким образом описывать новейшие культурные тенденции, проходившая, главным образом, на литературных кафедрах североамериканских университетов, начиная с 1970-х г. (и чьим побочным продуктом можно считать продвижение французских постструктураллистов в качестве «постмодернистов»), практически осталась не освещена и не усвоена в отечественной науке до последнего времени. Отчасти непрояснены и социально-экономические условия появления постмодернизма, включая особые институциональные предпосылки возникновения «французской теории», коль скоро многочисленные авторитетные ученые считают её философской базой постмодернизма. В качестве специального исследования на данную тему можно привести статью социолога Александра Бикбова «Осваивая французскую исключительность, или фигура интеллектуала в пейзаже» [18]. Александр

Марков также в своих лекциях уделяет этому обстоятельству внимание, хотя и в ином ключе [15, с. 17-36].

Все это в полной мере относится и к анализу творчества Ж.-Ф. Лиотара многими отечественными исследователями. Этот французский философ является не только одним из основных представителей «постмодернистских» философов, но и ученым, использовавшим концепции постмодерна и постмодернизма в собственных исследованиях. Однако, как отмечает Олег Горяинов, разграничение этих ипостасей достаточно редко проводится исследователями [19]. Поэтому пунктирное и довольно спорное описание Лиотаром контуров информационного общества, не становится предметом пристального внимания российских исследователей, как и марксистские обертоны, звучавшие в его (Ж.-Ф. Лиотара) трудах при описании институциональных и дискурсивных рамок, накладываемых реалиями капитализма.

Чтобы лучше понять контекст формирования его концепции постмодерна, обратимся к более раннему творчеству философа. Ж.-Ф. Лиотар — специалист по философии Канта [19] и бывший либертарный социалист, состоявший в группах «Социализм или варварство» и «Рабочая власть» в 1950–60-х гг. Его работа «Либидинальная экономика» (1974 г.) [20], была опубликована на русском в только 2018 г. в серии «Новое экономическое мышление».

Двумя годами ранее в 1972 г. свою «партизанскую» философию предложили философ Жиль Делёз и психоаналитик Феликс Гваттари в книге в «Анти-Эдип», ставшей первой частью двухтомника «Капитализм и шизофрения» [21]. Книга вышла после майских событий 1968 г. во Франции, которые привели к крушению голлистского режима, но не к социальной революции. Французские социологи Люк Болтански и Эв Кьяпелло утверждают, что эти события не прошли бесследно, а антиkapitalистическая критика была усвоена, инкорпорирована, став частью «нового духа капитализма» [22]. После столь значимого поражения левых сил Ж.-Ф. Лиотар решил заняться перековкой экономики в экономику желания — либидинальную экономику. Это была своеобразная «антифилософская» стратегия для времени, когда традиционные марксистские доктрины потеряли влияние, а надежды на появление нового агента социальных преобразований не оправдывали себя. Ж.-Ф. Лиотар пришел к выводу: капитал разрушает традиционные структуры и идентичности, приводя к тому, что рабочие, в действительности, «наслаждаются» эксплуатацией, саморазрушением и потерей идентичности, так как капитал есть скрытый объект желания эксплуатируемых. Нужно полностью переформатировать структуру желаний с помощью достижения особого аффективного состояния, что может случиться только тогда, когда мазохистское удовольствие станет «непереносимым» [20, с. 190-192]. Как можно заметить, Лиотар сохраняет элементы марксизма, но использует (весома вольно) фрейдистский словарь, превращая борьбу за социальные изменения во внутренний процесс трансформации желаний и практик. Очевидно, что подобная работа по преобразованию желания более подходила художественному левому авангарду, эстетические коды которого будут трактоваться как политические. По мнению Надежды Маньковской, «разрабатываемый Лиотаром прикладной психоанализ искусства направлен на создание концепции художественного творчества как универсального трансформатора либидозной энергии» [11, с.70]. Анархистские стратегии внутреннего сопротивления и освобождения получили дальнейшее развитие в работе Лиотара «Состояние постмодерна» [2].

Так чем же, по мнению Лиотара, является постмодерн? Во введении к своей знаменитой

книге он написал: «Упрощая до крайности, мы считаем постмодерном недоверие в отношении метарассказов» [\[2, с. 10\]](#). Позднее французский философ подробно раскрыл, как же он понимает понятие «метанarrатив»: «Рассказы эти — не мифы в смысле выдумки (даже христианской). Конечно, как и мифы, они ставят своей целью легитимировать социальные и политические институты и практики, законодательства, этики, стили мышления. Но в отличие от мифов они ищут эту легитимацию не в изначальном основополагающем акте, но в подлежащем свершению будущем, т. е. в Идее, подлежащей реализации» [\[23, с. 34\]](#). Иначе, это своеобразные идеологические дискурсы, претендующие на универсальность и подкрепленные проектом будущего, своеобразной философией истории. Хотя формально «Состояние постмодерна» посвящено научному знанию, претензии философа к метарассказам явно выходят за рамки описания современного на тот момент состояния науки.

Что понимает Ж.Ф. Лиотар под определением «метарассказы» (или «метанарративы»)? Первый из этих метарассказов, проявившийся ещё в немецком идеализме, опирается на логику развития сверхсубъекта, определяемую Гегелем в качестве «жизни Духа», а Фихте в качестве «божественной жизни». Преобразование знания, общества и государства и есть разворачивание этого божественного субъекта в истории. При таком подходе легитимация знания заключена в нем самом. Второй метарассказ связан с настроениями эпохи Просвещения. Наука является правом людей, а осуществление этого права отсылает к идее справедливости самих социальных институтций. Преобразовательная сила науки, скорее, инструментальная, направленная на проект освобождения от тирании и улучшения общества. В данном случае легитимность науки связана с политическим, национальным проектом. Если первый нарратив ближе для сферы высшего образования и научных работников, то второй для государственных чиновников и среднего образования. Но одной из главных мишеней для Лиотара служит марксизм: «Марксизм колеблется между двумя способами нарративной легитимации, которые мы только что описали. Партия может занять место университета, пролетариат — место народа или человечества, диалектический материализм — место спекулятивного идеализма и т. д. Можно таким образом проанализировать сталинизм и его специфическое отношение к науке, роль которой сводили к тому, чтобы давать цитаты для метарассказа о марше к социализму как эквиваленту жизни духа. Но можно и наоборот, в соответствии со второй версией, развивать в себе критическое знание, полагая, что социализм есть ничто иное как свободный субъект и что оправдание существования наук в том, чтобы давать эмпирическому субъекту (пролетариату) средства его освобождения от отчуждения и репрессий (это отражает позицию Франкфуртской школы)» [\[2, с. 90\]](#). Очевидно, что марксизм является одним из «больших нарративов», но, с другой стороны, отказ от одного из самых развитых и перспективных критических дискурсов лишает проект постмодерна Лиотара внешней оптики и целостности.

Проект Просвещения, характеризующийся, согласно Хабермасу, разделением сфер науки, морали и культуры, должен был служить не только реализации потенциала свободного обособленного развития, но совместно влиять на преобразование жизненного мира [\[24, с. 16\]](#). Из-за специализации и институализации возник разрыв, как разделяющий специалистов из разных областей, так и отделяющий их от публики. В результате проект преобразования социальной жизни так и не был реализован. Проект Просвещения, отстаиваемый Ю. Хабермасом и трактуемый Ж.-Ф. Лиотаром как реализация всеобщности, по мнению последнего, не просто развалился на части, но был уничтожен. Освенцим, восстания в Восточной Европе против коммунистических режимов,

восстание 1968 г. во Франции, экономические кризисы 1970-х делегитимировали различные политические проекты: не только коммунистический или националистический, но и либеральный. Местные идентичности и национализм победили рабочий универсализм. Как бы то ни было, проект Просвещения уничтожила логика его собственного развития, заключающаяся в последовательной критике и деконструкции основ, будь то традиции, власть и же сам человечески разум. Об этом пишет и А. Якимович [10, с. 244-245], и Д. Уэст [7, с. 338]. Однако научный дискурс может существовать и без внешней идеологической основы, например, в качестве одной из языковых игр — само развитие науки, технологий сделало подобное возможным. Термин «языковые игры» Лиотар взял у Людвига Витгенштейна [2, с. 32]. Можно заметить, что подобный скрытый технологический детерминизм, характерный, например, и для проекта «постиндустриального общества» Даниэла Белла, базируется на выделении более или менее автономных областей общественной жизни. Сам Белл выделял следующие сферы: технико-экономическую, политическую и культурную [25, с. СХ]. Такое обособление, в отличие от Хабермаса, для Белла не является препятствием для реализации социальных преобразований, а позволяет обосновывать зарождения нового постиндустриального общества, общества примата теоретического знания, а также сочетать противоречивые личные пристрастия в сфере политики, экономики и культуры.

Нarrативы не исчезают, а лишь «мельчают». Для научных языковых игр, служащих для производства нового знания, требуется определённое согласие участников, признание ими определённых правил, т. е. консенсус, но не «большой» в духе Хабермаса, распространяемый на все общество, а множество локальных, постоянно пересматриваемых — при этом главным двигателем выступают споры, несогласие. Научные теории появляются и исчезают. Это легитимация науки через «паралогию» — так Лиотар называет (анти)метод науки постмодерна [2, с.143]. Существует и иной принцип легитимации науки, который Лиотару явно менее симпатичен: это принцип прагматической легитимации, в конечном счете, отсылающий к экономической эффективности и примату экономического дискурса. Н. Маньковская считает, что «специфика постмодернистской ситуации заключается в разочаровании в недавнем идеале научности, связанном с оптимизацией систем, их мощью и эффективностью» [11, с. 201]. По мнению В. Диановой двоякое отношение Лиотара к технологиям обусловлено как их потенциалом раскрепощения, разнообразия, так и подавления, стандартизации [14, с. 182-183]. Стоит отметить, что в эклектичной работе Лиотара тема информационного общества и его генезиса не раскрывается в должной степени, а, скорее, постулируется само его наличие. При этом главным принципом будет эффективность соотношения входа/выхода, то есть самодовлеющая и оставшаяся без легитимирующих идеологий рациональность модернизма. Решающее значение здесь имеет интенция. По мнению Терри Иглтона, Ж.-Ф. Лиотар не может предложить ничего, «кроме анархистской версии той же самой эпистемологии, а именно, партизанские вылазки «паралогии», которые время от времени могут вносить разрывы, нестабильность, парадоксы и микрокатастрофы в эту, подавившую всех, техно-научную систему. Иначе, против «плохой» прагматики направляется прагматика «хорошая»; но она всегда обречена на поражение, потому что давно забыла о великом проекте Просвещения, об эманципации личности — все мы теперь знаем, что этот проект был чисто метафизическим» [26, с. 300].

Напряжение между потенциальной элементарной свободой «власти над сообщениями» отправителей, и теми, через кого они проходят, кому они адресованы, многочисленными хаотичными путями и перекрестками [2, с. 45-46], ростом количества и роли коммуникаций,

и институциональными правилами, регулирующими и ограничивающими свободу, так и не снимается в модели постмодерна Лиотара. Философ одновременно надеется на то, что традиционные институты ослабнут, хотя и не исчезнут в ближайшем будущем, но при этом констатирует факт товаризации знания, подчинение системы образования принципу эффективности и производству персонала для рынка труда. Более того, усложнение исследований приводит к тому, что техническая вооруженность трансформируется в «правоту»: кто богаче, лучше оснащен, тот и прав. Проект «капиталистической технонауки» дает лишь ложные обещания. Понятны опасения Лиотара по поводу концентрации власти-знания в руках технократов в случае «технонауки», но не очень понятно, насколько независимой может оставаться расщепленная наука. Социолог Фрэнк Уэбстер, в своей книге посвященной критическому обзору теорий информационного общества задается вопросом: кто, в конечном счете, будет определять приоритетность финансирования тех или иных научных проектов? [\[27, с. 59\]](#). Имеет ли значение качество информации при увеличении её количества, возможностей манипуляции и дифференциации доступа к более «качественной» информации [Там же, с. 217-218]? Да и сама возможность инфляции знаков и выработка безразличия от пресыщения и информационной перегрузки, в духе описаний Жана Бодрийяра, не стали предметом анализа Лиотара. Может ли конкуренция государства и корпораций создать зазоры, необходимые для свободного исследования?

Но, анализируя современные реалии, убеждаемся, что во многом Ж.-Ф. Лиотар был прав в своих прогнозах и выводах. Автономия академической науки остается в прошлом. Система образования подчинена экономическому диктату, её принципом является результативность при производстве специалистов, а не граждан, компетенций, повышению конкурентоспособности государства, а не «прогрессоров» с цивилизационными (какими бы они ни были) идеалами. Наиболее востребованным будут руководители, эксперты в новых перспективных отраслях, рекрутируемые из элит. Массовое образование же служит для воспроизведения профессиональных компетенций. Остаётся ещё масса потенциально безработных — это студенты гуманитарных факультетов, чья востребованность на рынке труда значительно ниже масштабов «производства». Компьютеризация и банки данных заменяют память. Если доступ к информации демократичен, то возрастает роль компетенций, связанных с поиском комбинаций, отсюда вполне утилитарный интерес к междисциплинарным исследованиям. Изменение реалий и расширение возможностей требует постоянной профессиональной переподготовки [\[2, с. 116-129\]](#). Можно нарисовать и куда более мрачную перспективу, ведь сокращение занятости при росте производительности и ограниченности рынка «высоких технологий» может привести не к «постиндустриальному обществу», даже в богатых странах, а к своеобразной версии «образовательного кейнсианства», сопровождаемого инфляцией дипломов (в стиле прогнозов социолога Рэндалла Коллинза [\[28\]](#)), то есть социальной стратегии, когда государство субсидирует задержку «лишних» специалистов в системе образования. Одновременно повышаются требования к образованию для профессий, где они явно избыточны. Это решения политические. Удивительно, что достаточно пессимистичный анализ Ж.-Ф. Лиотара сочетается с надеждами на новую науку постмодерна.

Позднее, в текстах, вошедших в сборник «Постмодерн в изложении для детей», Ж.-Ф. Лиотар продолжает полемику с Ю. Хабермасом, начатую в «Состоянии постмодерна», обращаясь уже не только к области научного знания, но и искусства, и политики. Логика модерна состоит в переосмыслении стандартов, задаваемых предшествующими художественными течениями и авторами. Так Поль Сезанн переосмысливает

импрессионизм, Жорж Брак и Пабло Пикассо предметность Сезанна, а Марсель Дюшан ставит вопрос о картине как о медиуме и т.д. Таким образом, момент преодоления модернизма (постмодернизм) в художественном произведении является одновременно рождением модернистского произведения. Цель современного искусства — представлять «непредставимое», то, что можно помыслить, но не увидеть [23, с. 25-32]. Модернизм и постмодернизм образуют своеобразный цикл обновления модерна. В. Дианова подчеркивает, этот цикл конечен, а модерн «содержит обещания преодоления себя самого, после чего можно будет констатировать конец эпохи и датировать начало следующей» [14, с.180].

Собственно, «реализм», «трансавангардизм» («постмодернизм» в духе архитектора Чарльза Джэнкса [29]) есть «негативный» вариант «постмодернизма», противостоящий настоящему авангарду. «Реализм, единственное определение которого состоит в том, чтобы избежать вопроса о реальности, подразумеваемого в опросе об искусстве, всегда локализуется между академизмом и китчем» [23, с. 19-21]. Этот «постмодернизм» или эклектизм есть «нулевая степень мировой культуры», потакание вкусам публики, когда критерием успеха выступает прибыль [там же]. В данном случае диктат партии сменяется диктатом рынка. В области искусства Лиотар фактически стоит на модернистских позициях: он объясняет и защищает концепцию автономии критического авангардного искусства в рамках модернизма, критикуя «постмодернизм» в искусстве и архитектуре. Советско-американский культуролог Михаил Эпштейн считает, что концепции Фредрика Джеймисона и Жана-Франсуа Лиотара дополняют друг друга: вторичный и цитатный постмодернизм, как его описывает Джеймисон, сменяется лиотаровским постмодернизмом, «который заново возвращает нас к “первичному после вторичного”, к состоянию рождения, но уже опосредованному опыту цитатности» [9, с. 289.] То есть речь о своеобразном обновлении модерна, но уже с уточнениями Эпштейна. Однако сам Лиотар описал вторичный и цитатный «постмодернизм» как «трансавангардизм». Массовая культура, распространению и особенностям которой удалено внимание в работах Фредрика Джеймисона, Дэвида Харви и других ученых, не стала объектом внимания ни Ж.-Ф. Лиотара, ни М. Эпштейна.

Понимание авангарда как критического локуса культуры, по нашему мнению,озвучно идеям представителей Франкфуртской школы. Например, понятие «реализм», как его раскрывает французский философ, напоминает описание аффирмативного характера культуры Герберта Маркузе [30]. Ж.-Ф. Лиотар не оплакивает «большие нарративы», банкротство которых для него столь очевидно, хотя чаяния и конфликты, которые они породили, и привели к революции в области искусства. Если Ю. Хабермас мечтает о возвращении некого органического единства, едва ли существовавшего когда-то, не учитывая критику, то французский мыслитель пытается отстоять один из осколов Просвещения, все ещё ценит революционность формальных культурных поисков.

Нетрудно заметить противоречие, возникающие при сопоставлении ситуации в науке и в искусстве в трактовке французского мыслителя. ***Если в науке постмодерн вытесняет модерн, то в искусстве модерн продолжает своё существование как принцип обновления.***

Таким образом, сущностными и отличительными чертами теории постмодерна Ж.-Ф. Лиотара являются: постулирование заката «больших нарративов», лингвистических и коммуникативных свобод, описываемых в рамках концепции «языковых игр»; эффективность в качестве достаточного основания в ситуации упадка метарассказов,

различия в трактовке постмодерна в науке и культуре. Нельзя сказать, что Лиотар игнорировал влияние институций или распространения экономического мышления в качестве универсального. Однако, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, капитализм не является политически предписывающим, сочетаясь с самыми разными политическими режимами, хотя и является тоталитарным в дискурсивном измерении: «Он приспособливается к республиканским институтам, однако плохо переносит террор (который разрушает его рынок). Он прекрасно уживается с деспотизмом (мы это видели на примере нацизма). Упадок больших универсалистских рассказов, включая либеральный рассказ об обогащении человечества, ничуть его не тревожит. Капитал, можно сказать, не нуждается в легитимации, он ничего не предписывает — в строгом смысле обязательства, — и как следствие ему не нужно предъявлять какую-либо инстанцию, которая нормирует предписание. Он вездесущ, но скорее, как необходимость, чем как конечная цель» [\[23, с. 87\]](#). Проблема состояла в том, что после разгрома левых сил во Франции, Лиотар продолжал «игнорировать слона в комнате»: ему пришлось сначала доказывать, что капитализм вообще не метарассказ, а потом, что он является метарассказом обо всем и ни о чем. Пока существовала альтернатива в виде социалистического лагеря, предпочтение капитализма руководству партии еще могло сосуществовать с «левой» позицией, но могло легко превратиться в апологию капитализма на фоне ускоренного вырождения и крушения СССР, триумфа рейганомики и тэтчеризма. В более поздних работах Литотар предпринял попытку исправить теоретические недостатки собственных построений, более подробно раскрыв понятие «справедливости», которое он не считает устаревшим или отжившим [\[2, с. 157\]](#). Тем не менее Д. Уэст утверждает, что позиция Лиотара «сходится в пределе с марксизмом, поскольку предполагает, что капитализм остается проблемой» [\[7, с. 336\]](#).

До наших дней вполне сохранился ещё один «большой нарратив», непосредственно связанный с проектом Просвещения, появлением гражданского общества и одновременно самыми массовыми и жестокими войнами в истории человечества: нарратив национального государства и нации.

Американский философ Фредрик Джеймисон утверждает, что Лиотар «переносит прежние идеологии эстетики высокого модернизма, прославление его революционной мощи, на саму науку и научное исследование. И как раз безграничность последних к инновации, изменению, разрывам и обновлению придаст системе, которая в противном случае будет репрессивной, неотчуждаемое возбуждение от нового и «неизвестного» (последнее слово встречается в тексте Лиотара), а также от риска, отрицания конформизма и разнообразия желаний» [\[5, с.287\]](#). Утешиться возвратом к протестному потенциалу культурного авангарда не удалось: модернизм институализировался и поглощался логикой капитала, поэтому проектирование надежд на новую науку призвано отвлечь от кризиса культуры модерна.

Дмитрий Хаустов отмечает, что Ж.-Ф. Лиотар, постулируя упадок больших нарративов в качестве аксиомы, сам занимается мифотворчеством [\[16, с.27-28\]](#). Иронично, что сама концепция «смерти метанарративов», получившая значительное распространение в академической науке, стала своеобразными сдерживающими рамками, препятствующими появлению и популяризации тотализирующих критических теорий общества. Нетрудно провести параллели и между превозносимыми Лиотаром «малыми» формами научного знания и проектной занятостью, временными контрактами в качестве формы ускользания, и даже гиг-экономикой, т. е. экономикой услуг по требованию, предоставляемых независимыми подрядчиками, для организации работы которых обычно

служит цифровая платформа. Так теории Лиотара, которого вряд ли можно причислить к апологетам экономизма, могут вполне служить «новому духу капитализма».

Лиотар использовал объяснительную схему, характерную для больших нарративов, развив её до логического конца: большие нарративы, приведшие к ужасным трагедиям, деконструируют сами себя, после чего наступает своеобразный «конец истории». С другой стороны, он опирается на скрытый технический детерминизм, приводящий к появлению «постиндустриального общества», «информационного общества» как некого социального артефакта. Лиотар не приводит достаточных доказательств в пользу наступления какого-то качественно отличного этапа развития общества, зато критическая часть его работы, посвященная диктату экономической рациональности и угрозе государственных и корпоративных институтов, позволяет трактовать «Состояние постмодерна» не столько как предвестник нового общества и науки, а как описание триумфального шествия экономического дискурса, который вытесняет и подменяет все остальные виды легитимирующих дискурсов. Лиотар старательно игнорирует современное состояние культуры, предпочитая обсуждать модернистских авторов. Он не видит никакого внутреннего потенциала у коммерциализированной массовой культуры, как и его предшественники, принадлежащие к Франкфуртской школе, а также многие отечественные исследователи постмодернизма.

Если же говорить об особенностях интерпретации теории постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара многими русскоязычными учеными, которых можно отнести к преобладающей традиции, то представляется, что особенности трактовки связаны с типичным для отечественной гуманитарной науки подходом к постмодернизму: концентрации на эстетике, высокой культуре, доминировании понимания постмодернизма как преимущественно критики Просвещения и определенных художественных стилей; недостаточному вниманию к социально-историческим условиям его появления и развития, сглаживанию критических моментов, абсолютизации плюрализма при отсутствии выраженной классификации. Все это позволяет не замечать явные противоречия как внутри теорий одного автора, так и между различными авторскими концепциями. Постмодернизм, как нам представляется, скорее рассматривается как некий консенсус, чем как спор в рамках общего дискурсивного пространства.

Библиография

1. Lyotard J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 232 p.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. 160 с.
3. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с.
4. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интранда, 1998. 255 с.
5. Джеймисон Ф. Введение [к книге Жана-Франсуа Лиотара «Постмодернистское состояние: Доклад о знании»] // Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 270-287.
6. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010. 264 с.
7. Уэст Д. Контиентальная философия. Введение. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.
8. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. Изд. 3-е, дополненное. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 584 с.
9. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000.

368 с.

10. Якимович А.К. О лучах Просвещения и других световых явлениях. Культурная парадигма авангарда и постмодерна // Иностранная литература. 1994. №1. С. 241-248.
11. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000 г. 347 с.
12. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
13. Курицын В. Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 286 с.
14. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: ООО «Издательство «Петрополис», 1999. 240 с.
15. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна: лекции по теории культуры. М.: РИПОЛ классик, 2019. 256 с.
16. Хаустов Д. С. Лекции по философии постмодерна. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
17. Якимович А.К. Утраченная Аркадия и разорванный Орфей. Проблемы постмодернизма // Иностранная литература. 1991. № 8. С. 229-236.
18. Бикбов А. Осваивая французскую исключительность, или фигура интеллектуала в пейзаже // Логос. 2011. № 1 (80). С. 3-27.
19. Горянинов О. Экономика, которой «нам» не хватало // Свежая газета. Культура. 2018. №№ 19-20 (148-149). С. 28.
20. Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
22. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
23. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 145 с.
24. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. М.: Практис, 2005. С. 7-31.
25. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 2004. 578 с.
26. Иглтон Т. Капитализм, модернизм и постмодернизм // Современная литературная теория. Антология / Сост. Кабанова И. В. М.: Флинта; Наука. 2004. С. 295-312.
27. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
28. Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. Есть ли будущее у капитализма? М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 61-112.
29. Джэнкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
30. Маркузе Г. Аффирмативный характер культуры // Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М.: ACT: Астрель, 2011. С. 318-359.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Содержание представленной к публикации статьи, на мой взгляд, несколько выходит за рамки своего названия. Это утверждение не является замечанием к работе, а, напротив, определенной похвалой. Название статьи слишком «скромное», поскольку, помимо четкой и грамотной реконструкции теории постмодерна Х.-Ф. Лиотара, она содержит обоснованную критику ряда ее положений, соотнесение выводов и прогнозов философа

с современным состоянием общества и критический взгляд на отечественную традицию рассмотрения постмодернистской философии.

Отличительными чертами теории постмодерна Ж.-Ф. Лиотара, по мнению автора статьи, является, во-первых, постулирование заката «больших нарративов», таких как нарратив о преобразовании знания, общества и государства в результате развития «мирового Духа», просветительской нарратив о науке как освобождающей и улучшающей общество силе и, наконец, марксизма, колеблющегося между первым и вторым нарративом. Во-вторых, особенность лиотаровской концепции постмодерна является убеждение, что на место названных метанарративов заступает постулирование некой «эффективности», когда «система образования подчинена экономическому диктату, её принципом является результ ativность при производстве специалистов, а не граждан, компетенций, повышению конкурентоспособности государства, а не «прогрессоров» с идеалами». Наконец, в-третьих, Лиотара выделяет от других теоретиков постмодерна различие трактовки постмодерна в науке и в культуре.

В то же время автор статьи отмечает, что, постулируя упадок больших нарративов, Лиотар сам занимается их созданием, в результате чего сама его концепция «смерти метанарративов» стала своеобразным мифом, сдерживающим появление тотальных критических теорий общества. В результате автор статьи приходит к выводу, что Лиотар «не приводит достаточных доказательств в пользу наступления какого-то качественно отличного этапа развития общества», зато утверждает, что состояние постмодерна есть не столько предвестник нового общества и науки, сколько «описание триумфального шествия экономического дискурса, который вытесняет и подменяет все остальные виды легитимирующих дискурсов». Все эти соображения (которых в статье намного больше, чем я перечислил) достаточно обоснованы.

Оценивая интерпретации теории постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара русскоязычными учеными, автор статьи приходит к выводу, что особенности их трактовки связаны с типичным для отечественной гуманитарной науки подходом к постмодернизму, а именно концентрации на эстетике, доминировании понимания постмодернизма как критики Просвещения и определенных художественных стилей; «недостаточному вниманию к социально-историческим условиям его появления и развития», «сглаживанию критических моментов, абсолютизации плюрализма при отсутствии выраженной классификации». Я, в силу недостаточного знания этой литературы, не могу судить о справедливости всех этих упреков, но из тех сочинений, которые мне известны, предполагаю, что подобные замечание не лишены основания.

Таким образом, представленная статья представляется интересным исследованием, содержащим научную новизну. Она написана относительно хорошим языком, что нечасто встречается в работах о постмодернизме. Я считаю возможным опубликование ее на страницах журнала.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Тюрина С.Н. Работа с «именем» как перевод: античные понятия и визуальный язык римских катакомб в методологии С. Бак-Морс // Философия и культура. 2025. № 10. С. 29-45. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76015
EDN: LEYHOM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76015

Работа с «именем» как перевод: античные понятия и визуальный язык римских катакомб в методологии С. Бак-Морс.**Тюрина Светлана Николаевна**

ORCID: 0009-0006-3503-6267

аспирант; сектор эстетики; Институт Философии РАН

109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, 501

✉ svetlanatyur@bk.ru[Статья из рубрики "Методология философского знания"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76015

EDN:

LEYHOM

Дата направления статьи в редакцию:

25-09-2025

Дата публикации:

11-10-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является процесс семантической трансформации ключевых античных философских понятий («целое», «эйдос», «мимесис», «образ») в раннехристианской культуре на примере текстов апологетов II–III веков и визуального языка римских катакомб. Статья фокусируется на переходном периоде поздней античности, когда происходило сложное взаимодействие и взаимопроникновение античной и формирующейся христианской традиций. Анализируется, каким образом традиционные для античной мысли категории были глубинно переосмыслены и наполнены новым содержанием в контексте христианского богословия и литургической практики, что в конечном итоге привело к становлению уникального визуального языка и художественного канона раннехристианского

искусства. Центральным материальным объектом исследования выступают росписи римских катакомб, рассматриваемые как воплощение этого философско-богословского «перевода». В основу работы положена методология «истории как перевода» Сьюзан Бак-Морс, в частности, ее подход к работе с «именем» как конкретным понятием, «вбирающим историю через свои значения», и принцип «обратного перевода» настоящего в прошлое. Научная новизна исследования заключается в применении методологии С. Бак-Морс к материалу позднеантичной культуры, что позволяет преодолеть традиционные бинарные оппозиции («языческое/христианское», «текст/образ») и показать генезис раннехристианского искусства как органичный процесс семантической трансформации, а не разрыва с традицией. В результате доказано, что визуальный язык катакомб не был примитивной иллюстрацией или случайным заимствованием, а являлся результатом осознанного «перевода» античного наследия, теоретически обоснованного в трудах апологетов. Ключевой вывод статьи состоит в том, что формирование новой визуальной парадигмы осуществлялось через переосмысление старых «имен», которые, сохранив форму, наполнялись новым богословским содержанием, а катакомбы предстают как пространство «схождения времен» (*kairos*), где этот перевод находил свое материальное воплощение.

Ключевые слова:

Поздняя античность, Раннехристианское искусство, Римские катакомбы, Визуальный язык, Неоплатонизм, Христианские апологеты, Эйдос, Мимесис, Сьюзан Бак-Морс, Кайрос

Введение

Изучение прошлого часто ставит перед исследователем сложную задачу: как понять иную эпоху, не приписывая ей современных категорий и ценностей? Особенно это касается исторических периодов на стыке эпох, где культурные и философские традиции смешиваются, создавая новые, подчас неожиданные формы. Поздняя античность — именно такая эпоха: время, когда античные и раннехристианские идеи сосуществовали, влияли друг на друга и вместе формировали новый культурный язык.

Степень разработанность данной темы касается проблемы трансляции и трансформации античного философского наследия в раннехристианской культуре является предметом постоянного научного внимания. Фундаментальный вклад в ее изучение внесли труды С.С. Аверинцева, проанализировавшего судьбы европейской культурной традиции на рубеже эпох, и В.В. Бычкова, детально исследовавшего генезис византийской и раннехристианской эстетики. Иконография римских катакомб была детально задокументирована в работах таких ученых, как Й. Вильперт, а богословский контекст раскрыт в современных исследованиях (Р. Йенсен и др.). Однако применение к этому материалу методологии «истории как перевода» Сьюзан Бак-Морс, позволяющей преодолеть бинарные оппозиции и рассмотреть эпоху как поле семантических трансформаций, осуществляется впервые, что определяет научную новизну данного исследования.

Эта проблема требует особого методологического подхода, свободного от диктатуры современных категорий. Как отмечает Сьюзан Бак-Морс в статье «История как перевод», необходимо «ослабив все эти сковывающие категории времени, пространства, идентичности, которые пытаются удерживать факты прошлого на своих местах» [\[7, с.122\]](#).

Её метод, восходящий к теории перевода Вальтера Беньямина, предлагает «обратный перевод в прошлое», где средством является «не понятие, но имя» — то есть работа с конкретными словами и образами, которые «вбирают историю через их значения», а не подводятся под готовые абстракции [7, с.123]. Это позволяет уловить специфику исторического момента через анализ функционирования отдельных терминов и образов в конкретных текстах и визуальных практиках, где смысл раскрывается в процессе использования, а не через заранее заданные теоретические рамки.

Этот «обратный перевод», который Бак-Морс в другой своей работе формулирует еще более радикально, заключается в том, что «не прошлое переводится в настоящее, а наоборот — настоящее в прошлое» [1, с. 236]. Таким образом, предлагаемая методологическая установка позволяет не накладывать на исторический материал привычных схем, рассматривая прошлое как критический ресурс для переосмысливания наших собственных категорий.

Методологический потенциал подхода Бак-Морс становится еще более рельефным в свете ее более поздней работы — «Год Первый: Философский пересчет». Если в «Истории как переводе» она предлагает инструмент, то в «Год Первый» — обосновывает его настоятельную необходимость. Бак-Морс настаивает, что само летоисчисление, делящее историю на «до» и «после» Рождества Христова, является «чисто условным и произвольным» [1, с. 5-6]. Это не просто историческое наблюдение, а методологический принцип: наше восприятие времени, основанное на этой условной шкале, «колонизирует» прошлое, навязывая ему чуждые категории и линейность. Таким образом, ее призыв к «обратному переводу» — это не просто романтический диалог с прошлым, а акт сопротивления этой хронологической колонизации. Он позволяет увидеть эпоху катакомб не как «преддверие» Средневековья, а как «множественность хронологий» и «динамичное поле интеллектуального поиска» (если использовать ее же термины), а старые «имена» обретали новое содержание в условиях сосуществования, а не простой смены эпох [1, с.16].

Таким образом, предлагаемое исследование видит свою задачу не только в применении конкретного метода С. Бак-Морс, но и в восстановлении той самой "уязвимой связи времен", о важности которой для понимания культурных переходов писал С.С. Аверинцев. Анализ трансформации "имен" в эпоху поздней Античности является практическим воплощением этой установки, позволяя услышать подлинный диалог эпох, свободный от последующих наслоений [5, с.5-6]. Предлагаемый анализ трансформации "имен" в эпоху поздней Античности служит практическим воплощением этой общей установки. Мы стремимся услышать подлинный диалог эпох, освобожденный от позднейших схоластических наслоений, и показать, как семантические сдвиги в языке философии и визуальных образах отражают глубинные изменения в структуре мысли и веры.

Такой подход перекликается с идеями нелинейной истории, разработанными Мануэлем Де Ланда в работе «Тысяча лет нелинейной истории». Он рассматривает историю не как линейный прогресс, а как процесс самоорганизации материальных и культурных потоков — миграций, экономических обменов, языковых изменений, сами конкретные формы возникают из внутренних морфогенетических способностей, заключенных в самом потоке материи-энергии [3, с. 11-14].

Следовательно, методологической основой работы является подход Сьюзан Бак-Морс, разработанный в статье «История как перевод» и развитый в монографии «Year 1: A Philosophical Recounting». Ключевым для нас является метод «обратного перевода», при

котором настоящее «переводится» в прошлое, что позволяет избежать наложения современных категорий на исторический материал. В качестве единицы анализа выступает «имя» — конкретное понятие или визуальный образ, которые «вбирают историю через свои значения». Этот инструмент позволяет проследить семантические сдвиги ключевых концептов («целое», «эйдос», «символ») на стыке философского, богословского и визуального дискурсов. Вспомогательную роль играют принципы нелинейной истории М. Де Ланда, акцентирующие самоорганизацию культурных потоков. Метод Бак-Морс применяется комплексно: как к анализу текстов (Секст Эмпирик, Плотин, апологеты), так и к интерпретации визуального языка римских катакомб.

Избранная методология С. Бак-Морс, безусловно, не является единственной возможной для анализа культурных переходов. Постколониальная критика (например, в работах Э. Саида [16], или Д. Чакрабарти [2]) акцентирует внимание на асимметрии власти в процессах культурного заимствования, а деконструктивистский подход (Ж. Деррида [9]) мог бы быть направлен на выявление внутренних противоречий и апорий в самих текстах апологетов. Однако именно метод «обратного перевода» был избран за его способность реконструировать динамичный и творческий характер семантических трансформаций, не редуцируя их к схеме «доминирования-подчинения» или чисто текстовым играм. Осознавая эти методологические альтернативы, мы считаем, что подход Бак-Морс наиболее адекватен для демонстрации органичности и сложности изучаемого процесса.

Раннехристианское искусство римских катакомб представляет собой плодотворное поле для применения этого метода. Оно возникает в зоне смыслового преобразования, в котором старые понятия античной культуры — эйдос, логос, мимесис, целое и часть — сталкиваются с новым религиозным опытом, чтобы быть переведенными в новую визуальную систему. Катакомбы можно рассматривать как место взаимопроникновения различных дискурсивных практик, в котором кристаллизуется новый визуальный язык через сложное взаимодействие платонической традиции, стоицизма и формирующейся христианской теологии

В данной статье прослеживается этот процесс на материале философских текстов (Секст Эмпирик, Плотин) и сочинений апологетов (Ириней Лионский, Климент Александрийский). Выбор этих авторов не случаен: их работы фиксируют ключевые моменты трансформации античных понятий — от скептического вопроса о целом и частях через неоплатоническую иерархию эйдосов к христианской концепции образа и символа. Римские катакомбы выбраны как конкретное материальное пространство, в котором перевод находил своё материальное воплощение.

Структура статьи следует логике перевода: первый раздел посвящён анализу античных понятий, которые впоследствии подверглись смысловой трансформации; второй рассматривает их переосмысление в текстах апологетов; третий обращается к отражению этих изменений в визуальном языке катакомб.

Цель исследования — продемонстрировать, что формирование раннехристианского искусства представляло собой органичный процесс адаптации и преобразования античного наследия, который первоначально зафиксирован в материальной культуре катакомб и лишь впоследствии получил систематическое теоретическое обоснование в трудах христианских авторов.

Структура и методологическая логика исследования выстроена в соответствии с этапами процесса «перевода». В первом разделе метод «обратного перевода» применяется для анализа «имени» «целое» у Секста Эмпирика и «эйдос» у Плотина, что позволяет выявить семантический кризис античного мышления и первые попытки его преодоления.

Во втором разделе тот же метод используется для исследования того, как христианские апологеты (Ириней Лионский, Климент Александрийский) осуществляли радикальный перевод этих и других «имен» («творчество», «образ», «символ») в новый теологический контекст, устанавливая границы и возможности репрезентации. Наконец, в третьем разделе методология Бак-Морс позволяет проанализировать визуальное воплощение этого перевода в росписях римских катакомб, рассматривая их как материальное поле смыслообразования, где античные образы, выступая в роли «имен», наполнялись новым содержанием, не разрывая связь с традицией.

1. Античные философские понятия "Целое" и "эйдос"

1.1. Критика понятия "Целого" у Секста Эмпирика

Применяя методологию "обратного перевода" Сьюзан Бак-Морс к анализу позднеантичной философии, мы обращаемся к "именам" - конкретным понятиям, которые "вбирают историю через их значения" [7, с. 122]. Одним из таких ключевых "имен" становится категория "Целое" в интерпретации Секста Эмпирика, анализ которой позволяет выявить глубинный кризис античного мышления накануне его встречи с христианской традицией.

Анализируя понятие "Целое" в "Пирроновых положениях" через методологию "обратного перевода", мы обнаруживаем у Секста Эмпирика не просто логические упражнения, а симптом глубинного кризиса античного мышления. Философ последовательно демонстрирует парадоксальность этой категории: "Если сами части составляют целое, то целое будет только именем и пустым выражением" [17]. Этот тезис Секст развивает, подвергая сомнению и само существование частей: "части не являются частями друг друга, если... часть заключается в том, частью чего она является" [17].

Для нашего исследования ключевым представляет собой следующий вывод: скептическая деконструкция Секста создает тот самый семантический вакуум, о котором пишет Бак-Морс — момент, когда "законы конвенционального использования языка распадаются" [7, с. 124]. Старое "имя" "целое" теряет свою объяснительную силу, открывая пространство для новых смысловых конфигураций, которые впоследствии будут предложены неоплатониками и христианскими апологетами.

Этот анализ раскрывает не просто логический парадокс, но глубокий кризис античного способа мышления, который можно рассматривать как деконструкцию одного из краеугольных камней античного мировоззрения. Аверинцев отмечал, что для античного рационализма был характерен "принцип плуралистического авторитаризма", на котором выстраивалась множественность философских школ существовала с жесткой догматической дисциплиной внутри каждой из них [6, с. 20-21]. Скептицизм Секста Эмпирика представляет собой радикальную реакцию на этот плурализм, предлагая не смену одной доктрины на другую, но фундаментальное воздержание от любой из них. Возникающий в результате этого воздержания семантический вакуум и становится тем самым "полем" или "строительной площадкой" (если использовать метафору Бак-Морс), на которой будут возводиться новые интеллектуальные системы — сначала неоплатонизм, а затем и христианская мысль.

Кризис выражается в этико-эстетическом идеале скептика — воздержании от суждения и достижаемой через него невозмутимости. Старые "имена" прекрасного и дурного теряют свою силу, что представляет собой именно тот момент, о котором пишет Бак-Морс — "разрыв, но и схождение вместе непредсказуемого времени и предсказуемого (оно

повторяется, поскольку постоянно и циклично)" [\[7, с. 124\]](#).

В "Пирроновых положениях" Секст предпринимает тщательный анализ понятия "Целое", выявляя его внутренние противоречия через систематическое исследование взаимоотношений целого и частей. Такой анализ позволяет интерпретировать работу Секста Эмпирика как важный этап трансформации античной мысли, в ней скептическая позиция становится не отрицанием философского поиска, а особым методом интеллектуальной честности перед лицом концептуальных трудностей.

Если скептическая традиция, представленная Секстом Эмпириком, демонстрирует распад традиционных "имен", то неоплатонизм предпринимает попытку их *собирания* на новых основаниях. Эта интеллектуальная операция представляет собой наглядный пример того "напряженного труда по переводу", который, согласно Бак-Морс, характеризует эпохи кардинальных смысловых сдвигов.

Воздержание от суждения предстает здесь как методологический принцип, соответствующий подходу Бак-Морс: он создает пространство для "обратного перевода" античных понятий, освобождая их от автоматических смысловых ассоциаций. Таким образом, метод Секста оказывается не отрицанием традиции, а формой ее творческого переосмысления, что позволяет рассматривать его работу как необходимое звено в процессе семантической трансформации позднеантичной философии.

1.2. Иерархия «эйдоса» и новое понимание мимесиса у Плотина

Если скептики демонстрируют кризис античного мышления через деконструкцию понятия "целое", то неоплатоники предлагают путь его преодоления через переосмысление другого ключевого "имени" античной философии — "эйдос". Неоплатонизм II-IV веков был весьма распространенным течением, из-за этого неоднородным и порой одно направление неоплатонизма радикально отличалось от другого. В системе Плотина это понятие приобретает новое измерение, становясь связующим звеном между материальным и духовным мирами. Философ осуществляет семантическое обновление традиционного понятия, переосмысливая его в контексте неоплатонической иерархии, что созвучно методологическому принципу С. Бак-Морс, призывающей "освободить прошлое от понятий, которые якобы его в себе содержат" [\[7, с. 129\]](#).

Плотин выстраивает иерархическую структуру бытия, в которой красота понимается как воплощение эйдоса на разных уровнях: "тело прекрасно душой, душа прекрасна умом, ум прекрасен первоединым благом" [\[15, с. 223\]](#). Этот подход представляет собой работу с "именем" как с конкретным понятием, "вбирающим историю через свои значения", поскольку Плотин не просто использует традиционную категорию "эйдос", но раскрывает ее имплицитный семантический потенциал через выстраивание системных отношений между уровнями бытия [\[7, с. 123\]](#). Это полностью соответствует методологии Бак-Морс, ее исторический анализ предполагает выявление скрытых возможностей понятий, реализуемых в процессе их смысловой трансформации.

Особую значимость в контексте нашего исследования приобретает осуществленное Плотином переосмысление традиционной концепции мимесиса. Философ кардинально трансформирует античное понимание подражания, утверждая следующее: "А если кто-нибудь принижает искусства на том основании, что они в своих произведениях подражают природе, то прежде всего надо сказать, что и произведения природы подражают [чему-то] иному. Затем необходимо иметь в виду, что произведения искусства подражают не просто видимому, но восходят к смысловым сущностям (*logoi*), из

которых состоит и получается сама природа, и что, далее, они многое созидают и от себя. Именно, они прибавляют к так или иначе ущербному [свои свойства] в качестве обладающих красотой" [\[15, с. 225\]](#). В этом утверждении происходит фундаментальный сдвиг: искусство более не выступает как вторичное копирование чувственного мира, но становится способом постижения умопостигаемых первообразов. Такой подход непосредственно соотносится с методологическим принципом Бак-Морса, поскольку Плотин осуществляет тот самый "обратный перевод в прошлое" — он не отбрасывает традиционное понятие мимесиса, но раскрывает его скрытый смысловой потенциал, позволяя античности говорить на языке уже новой эпохи.

Этот процесс переосмыслиния традиционных категорий представляет собой именно тот *kairos*, который Бак-Морс определяет как "разрыв, но и схождение вместе непредсказуемого времени и предсказуемого" [\[7, с. 124\]](#). Плотин не просто продолжает традицию, но осуществляет ее творческое преобразование, находя новые возможности в старых "именах". Однако плодотворность этого философского подхода имела свои исторические границы.

Как справедливо отмечает С.С. Аверинцев, "человеку с исключительно теоретическими интересами неоплатонизм мог обещать все — от холодных и ясных восторгов аналитической мысли до удовлетворения запросов оккультного свойства; но того, кому жизнь важнее, чем мышление о жизни, неоплатоническая мудрость удовлетворить не могла" [\[4, с. 82\]](#). Критика С.С. Аверинцева вскрывает фундаментальное противоречие: несмотря на радикальное переосмысливание понятий, осуществленное Плотином, неоплатонизм оставался замкнут в сфере умозрения. Его "имена" — "эйдос", "единое", "логос" — были очищены от грубой чувственности, но не обрели экзистенциального измерения. Именно эта ограниченность создала семантический вакuum, который сделал возможным и необходимым следующий этап "перевода" — христианскую реинтерпретацию неоплатонических категорий. Христианство, сохранив философский аппарат неоплатонизма, наполнило его новым содержанием, связав с категориями воли, личности и воплощения, что отвечало запросу эпохи на целостное мировоззрение.

Таким образом, анализ Аверинцева позволяет увидеть, что работа Плотина по семантическому обновлению "имен" была необходимым, но недостаточным условием для преодоления кризиса античного мышления. Его система стала своего рода концептуальным мостом, который христианские мыслители смогли использовать для построения новой философской парадигмы.

2. Переосмысление античных понятий христианскими апологетами

2.1. Ириней Лионский о творчестве и образе

Творчество Иринея Лионского представляет собой следующий этап в процессе семантической трансформации античных понятий, который можно анализировать через методологию "истории как перевода" С. Бак-Морса. Если неоплатоники осуществляли переосмысливание в рамках языческой традиции, то Ириней Лионский производит радикальный перевод ключевых "имен" в принципиально новый христианский контекст. Данная аналогия демонстрирует фундаментальный методологический сдвиг, который можно проанализировать в рамках подхода Бак-Морса. Если в античной традиции художественное творчество понималось как мимесис природных форм, то Ириней Лионский осуществляет радикальный семантический переворот: «Сама же душа человека является материалом в руках божественного художника, постоянно ведущего творчество по улучшению (украшению) своего главного творения» [\[8, с. 14\]](#).

Этот переход существенен не только как теологическая метафора, но как пример того, что Бак-Морс называет работой с "именем", которое вбирает историю через свои значения. Ириней не просто заимствует античное понятие "художественное творчество", но переориентирует его онтологический статус: творчество становится не воспроизведением существующего, но процессом теологического становления. Как отмечает Бычков, результатом этого процесса должен был явиться «особый "образ", "прекрасное" произведение искусства — совершенный в духовно-нравственном отношении человек» [\[8, с 14\]](#).

Таким образом, через переосмысление "имен" "творчество" и "образ" Ириней не просто адаптирует античную лексику, но создает новую смысловую переориентацию античного наследия, эстетическая терминология становится языком описания сотериологического процесса. Это соответствует подходу Бак-Морс, поскольку демонстрирует, как обратный перевод в прошлое позволяет традиционным понятиям обрести новую смысловую перспективу в изменившемся культурно-религиозном контексте.

Критика Иринеем изображений Бога должна рассматриваться как органичная часть его общей стратегии семантического перевода. Когда он утверждает, что "Он все же выше этого и потому невыразим" это представляет собой не просто отрицание антропоморфных представлений, но важнейшее методологическое установление границ репрезентации [\[10\]](#). В контексте подхода Бак-Морс это можно интерпретировать как осознание предела переводимости — момента, когда "имена" достигают своей смысловой границы и требуют не замены, но принципиально нового подхода к выражению невыразимого.

Этот негативный теологический жест парадоксально становится условием возможности будущего христианского искусства. Отрицание прямого изображения Бога создает семиотическое пространство для нового языка, который будет заполнен символическим языком катакомбной живописи. Как отмечает Бак-Морс, "когда понятия утрачивают свое историческое содержание, они теряют связь с истиной", и именно в такой момент кризиса становится возможным радикальное переосмысление [\[7, с.128\]](#). Ириней фиксирует этот кризис репрезентации, открывая пространство для нового визуального языка.

Таким образом, работа Иринея Лионского демонстрирует сложную диалектику семантической трансформации: с одной стороны, он осуществляет продуктивный перевод античных "имен" в христианский контекст (понятия творчества, образа, красоты), с другой — устанавливает принципиальные ограничения для этого перевода в области визуальной репрезентации. Этот двойной движение — творческое переосмысление и установление границ — представляет собой конкретное воплощение того обратного перевода в прошлое, о котором пишет Бак-Морс. Стратегия Иринея, таким образом, задает общее направление "перевода" — радикальную теологизацию античных понятий. Задача же разработки конкретного инструментария для нового визуального языка, способного существовать в рамках установленных Иринеем границ, была решена Климентом Александрийским.

Ириней не просто адаптирует античное наследие, но осуществляет его теологическую трансформацию, подготавливая почву для возникновения того уникального визуального языка, который сможет выразить новое религиозное содержание не через прямое изображение, но через сложную систему символов и аллегорий. В этом смысле его творчество становится ключевым звеном в процессе формирования христианской эстетической парадигмы.

2.2. Климент Александрийский: критика мимесиса и теория символа

Творчество Клиmenta Александрийского представляет собой следующий логический этап в процессе семантического перевода античных понятий в христианский контекст. Если Ириней Лионский сосредоточился на переосмыслении "образа" и "творчества", то Климент осуществляет фундаментальную работу с "именем" "Символ", что позволяет ему разработать теоретическое обоснование для появляющегося христианского искусства.

Критика Климентом Александрийским языческого искусства раскрывает его стратегию работы с унаследованными философскими понятиями. Климент помещает художественное представление, которое он называет искусством визуального представления (мимесис), на низший уровень феноменального мира, что соответствует идеи Платона о тенях. Развивая эту платоновскую традицию, Климент в "Строматах" при обсуждении Восьмой Заповеди против воровства классифицирует искусство как форму воровства, поскольку "художник крадет творение истину у Бога" [14].

Такой подход демонстрирует, как Климент осуществляет ту самую работу по "освобождению прошлого от понятий, которые якобы его в себе содержат", о которой пишет Бак-Морс [7, с. 129]. Он не просто заимствует платоновскую критику мимесиса, но переосмысливает ее в контексте христианского учения, превращая философскую концепцию в религиозно-этический аргумент.

Однако наиболее значимым вкладом Клиmenta становится рекомендуемые им изображения для печаток. Предлагаемые им изображения "голубя, рыбы, корабля, якоря" представляет собой практическое воплощение семиотической стратегии, основанной на иерархическом понимании образа [13]. Как отмечает В.В. Бычков, у Клиmenta выстраивается сложная система: "Бог — исходный пункт образной иерархии, первообраз для последующих отображений" [8, с. 97-98]. Рекомендуемые символы занимают в этой иерархии строго определенное место как опосредованные ступени образной лестницы, отсылающие через аналогию к высшим духовным реальностям. Каждый образ сознательно выбирается для выполнения функции "ступени" в процессе восхождения от видимого к невидимому, что подтверждает единство теоретического принципа и его практического применения у Клиmenta Александрийского.

Этот иерархический подход непосредственно соотносится с методологией Бак-Морса, поскольку Климент осуществляет обратный перевод в прошлое неоплатонической концепции эманации, преобразуя ее в христианскую теорию образа. Художественный символ понимается им как низшая, но легитимная ступень в системе богопознания, указывающая на высшие уровни духовной реальности.

Таким образом, работа Клиmenta Александрийского с "именем" "Символ" имеет принципиальное значение для понимания генезиса христианского искусства. Его теоретические разработки становятся непосредственным обоснованием того визуального языка, который мы встречаем в катакомбах, каждый образ понимается не как простое изображение, но как многоуровневый символ, ведущий к умопостигаемой реальности. Как отмечала Бак-Морс, когда понятия утрачивают свое историческое содержание, они теряют связь с истиной, и Климент демонстрирует, как через радикальное переосмысление традиционных "имен" можно открыть новые возможности для религиозного выражения.

3. Визуальное воплощение в росписях римских катакомб

Римские катакомбы как пространство погребения и собраний ранних христиан представляют собой уникальное поле для применения методологии Бак-Морс. Визуальный язык катакомбной живописи представляет собой результат сознательного отбора и трансформации античных образов, которые становятся носителями нового религиозного содержания.

Применяя подход Бак-Морс к анализу катакомбной живописи, мы избегаем двух крайностей: поиска прямых иллюстраций к текстам и построения исключительно теоретических конструкций. Вместо этого мы фокусируемся на том, как конкретные визуальные образы становятся полем смыслообразования, образы оказываются местом встречи античной формы и христианского содержания. Как отмечает Бак-Морс, именно в такие моменты *kairos* — "разрыва, но и схождения вместе непредсказуемого времени и предсказуемого" — рождаются новые семантические конфигурации [7, с. 124].

Конкретным воплощением этого семантического сдвига может служить эволюция образа Доброго Пастыря. Античный мотив пастуха с ягненком на плечах (известный по греческой пластике) в катакомбной живописи не просто заимствуется, но подвергается смысловой трансформации. Происходит не просто заимствование, но именно «перевод»: из аллегории сельской идиллии он становится христологическим символом, пастырь — это Христос-Спаситель, а ягненок — человеческая душа. Данный визуальный «перевод» представляет собой прямое воплощение теоретических установок апологетов: в частности, иерархической теории образа, разработанной Климентом Александрийским. Античная иконография пастуха, несущего ягненка, наполняется у христиан новым содержанием: из бытовой сцены она превращается в символ Христа-Спасителя. Этот процесс визуального перевода непосредственно соотносится с теоретическими разработками апологетов. Рекомендация Климента Александрийского использовать символические изображения находит свое практическое воплощение в катакомбной живописи, каждый образ сознательно выбирается как «ступень» для восхождения от видимого к невидимому, реализуя иерархическую теорию образа, описанную В.В. Бычковым.

Рассматривая росписи катакомб через призму предостережения Бак-Морс о «колонизации времени», мы избегаем соблазна видеть в них лишь «прото-христианское» искусство. Напротив, мы можем интерпретировать их как визуальное поле, где сталкиваются и сосуществуют разные «первые годы» — римская имперская образность, иудейские символы, личные надежды на спасение. Образ Доброго Пастыря существует не в линейном времени «от язычества к христианству», а в том самом *kairos* — «схождении времен», в котором античная форма и христианский смысл сосуществуют, не отменяя друг друга, а порождая новую семантическую конфигурацию.

Таким образом, катакомбы становятся пространством осуществления обратного перевода в прошлое, о котором пишет Бак-Морс. Античные визуальные формы не отвергаются, но наполняются новым содержанием, создавая уникальный семиотический язык, способный выразить богословские концепции через визуальные образы.

3.1. Символический язык как семиотическая система: от единичного образа к программе

Текущий анализ образа Доброго Пастыря демонстрирует успешный частный случай «перевода». Однако подлинное новаторство раннехристианского искусства заключается не в изолированных символах, а в создании целостной семиотической системы, где каждый элемент занимает строго определенное место в иерархии смыслов, теоретически обоснованной апологетами.

Ярким примером такой системы является программа росписей в катакомбах Присциллы

[\[12\]](#). Здесь мы наблюдаем не случайный набор изображений, а продуманную "визуальную проповедь". Композиция строится вокруг ключевых сцен: пророк Валаам и Звезда, воскрешение Лазаря и сцены евхаристии. Эта последовательность представляет собой нарративный "перевод" идеи спасительной миссии Христа, где ветхозаветные прообразы логически ведут к новозаветному исполнению и его литургическому воплощению.

Особый интерес в контексте работы с "именем" представляет эволюция образа Орфея. В языческой традиции Орфей — это певец, укрощающий дикую природу и спускающийся в Аид. В катакомбной живописи (например, в катакомбах Домитиллы) этот "имя"-образ подвергается радикальному переосмыслению [\[11\]](#). Орфей-Христос изображается уже не как мифический музыкант, а как Добрый Пастырь, окруженный паствой-овцами. Нагляднее всего этот семантический синтез проявляется в трансформации атрибутов: лира — главный символ античного Орфея — исчезает или становится менее значимой, а сам образ все чаще заимствует черты пастырской иконографии. Происходит фундаментальное замещение «имени» «Орфей-музыкант» на «имя» «Христос-Пастырь». При этом общее ядро — мотив укрощения хаотических сил и нисхождения в загробный мир — сохраняется, но наполняется принципиально новым догматическим содержанием. Этот процесс является наглядным примером того "напряженного труда по переводу", о котором пишет Бак-Морс, когда старые формы не отбрасываются, а сталкиваются и синтезируются, порождая новое содержание.

Таким образом, визуальный язык катакомб предстает не как набор разрозненных "цитат" из античного наследия, а как сложный семиотический организм. Каждый символ — рыба, якорь, голубь — функционирует не изолированно, а в составе целостных программ, реализуя на практике иерархическую теорию образа Климента Александрийского. Это доказывает, что "обратный перевод" осуществлялся не только на уровне отдельных "имен", но и на уровне синтаксиса — принципов организации визуального высказывания.

Заключение

Проведенное исследование показало, что формирование раннехристианского искусства представляло собой не разрыв с античной традицией, но сложный и многогранный процесс семантической трансформации ключевых философских "имен". Понятия "эйдос", "логос", "целое/часть" были последовательно переосмыслены через призму христианского опыта, что позволило создать новую визуальную парадигму. Однако главным результатом работы стало не просто констатирование этого факта, а демонстрация того, что этот процесс шел по разным, но взаимосвязанным каналам "перевода": от скептической деконструкции (Секст Эмпирик) и неоплатонического преобразования (Плотин) — к теологическому обоснованию (Ириней, Климент) и, наконец, к конкретному визуальному воплощению в катакомбах.

Методология "истории как перевода" Сьюзан Бак-Морс доказала свою эвристическую эффективность, позволив преодолеть традиционные бинарные оппозиции "языческое/христианское" и "духовное/материальное". Более того, рассмотрение ее подхода в свете более поздней работы "Год Первый" позволило раскрыть его как инструмент сопротивления "колонизации времени". Этот метод дал возможность увидеть в катакомбной живописи не "примитивное" заимствование или случайный набор образов, а результат осознанного семиотического выбора, где каждая деталь занимает строго определенное место в иерархии, а отдельные символы складываются в целостные визуальные программы.

Особую значимость приобретает выявленная взаимосвязь между теоретическими разработками апологетов и практикой катакомбного искусства. Тексты Ирины Лионского и Климента Александрийского выступают не просто историческим контекстом, но непосредственным теоретическим обоснованием визуального языка, демонстрируя удивительное единство богословской рефлексии и художественной практики в эпоху поздней Античности. Катакомбы становятся материальным свидетельством этого единства — гигантским "палимпсестом", где античная образность не стирается, а проплывает сквозь новый христианский текст, обогащая его своими коннотациями.

Таким образом, катакомбы можно рассматривать как уникальное пространство "схождения времен" (*kairos*), где осуществлялся напряженный труд по переводу античного наследия на язык новой веры. Этот процесс не был линейным или бесконфликтным — он представлял собой динамичное поле интеллектуального и художественного поиска, где старые "имена" обретали новое содержание, а традиционные формы наполнялись новыми смыслами. Проделанный анализ открывает перспективу для дальнейших исследований — применения методологии "обратного перевода" к другим "пограничным" эпохам и культурным феноменам, где столь же интенсивно происходила работа по переосмыслению унаследованного концептуального и визуального словаря.

Библиография

1. Бак-Морс, С. YEAR 1: A Philosophical Recounting / С. Бак-Морс. – Кембридж, Массачусетс : The MIT Press, 2021. – 416 с.
2. Чакрабарти, Д. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. – Принстон : Princeton University Press, 2007. – 330 с.
3. Деланда, М. A Thousand Years of Nonlinear History. – Нью-Йорк : Swerve Editions, 2000. – 333 с.
4. Аверинцев, С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью. – Л. : Наука, 1976. – С. 82. EDN: WCCFLR
5. Аверинцев, С. С. Связь времен / сост. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. – Киев : Дух і літера, 2005. – 448 с. EDN: YUCBMQ
6. Аверинцев, С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Образ античности. – СПб., 2004. – 477 с.
7. Бак-Морс, С. История как перевод / пер. с англ. Е. Петровской // Синий диван. – 2020. – № 24 : Словарь эпохи пандемии / под ред. Е. Петровской. – С. 121-131.
8. Бычков, В. В. Малая история византийской эстетики / В. В. Бычков. – Киев : Путь к истине, 1991. – 406 с. EDN: ZFVZOT
9. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида, Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с. – С. 352-368.
10. Ириней Лионский, свт. Против ересей [Электронный ресурс] / свт. Ириней Лионский ; пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. – СПб. : Изд. Олега Абышко, 2008. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/protiv-eresej/2 (дата обращения: 20.09.2025).
11. Катакомбы Домитиллы : [официальный сайт]. – URL: <https://www.catacombeomitilla.it/en> (дата обращения: 25.09.2025).
12. Катакомбы Присциллы : [официальный сайт]. – URL: <https://catacombepriscilla.com/en/home-en/> (дата обращения: 25.09.2025).
13. Климент Александрийский. Педагог [Электронный ресурс] / Климент Александрийский ; пер. с древнегреч., вступ. ст. и ком. А. Ю. Братухина. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2018. – 344 с. – ISBN 978-5-903525-47-3. – URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/ (дата обращения: 20.09.2025).

14. Климент Александрийский. Строматы. Кн. 6. Гл. 16 [Электронный ресурс] // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/6_16 (дата обращения: 20.09.2025).
15. Плотин. Эннеады // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. / ред. М. Ф. Овсянников. – М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1962. – Т. 1.
16. Сайд, Э. Ориентализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. – М. : Музей "Гараж", 2021. – 560 с.
17. Секст Эмпирик. Пирроновы положения [Электронный ресурс] / пер. Н. В. Брюлловой-Шаскольской. – URL: https://nibiryukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_sextus_empiricus_outlines_of_pyrrhonism.htm (дата обращения: 20.09.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – античные понятия и визуальный язык римских катакомб в методологии С. Бак-Морс. Методологической базой исследования является метод "истории как перевода", предложенный Сьюзан Бак-Морс. Актуальность исследования, как справедливо отмечает автор, обусловлена необходимостью прийти к пониманию эпохи, не приписывая ей современных категорий и ценностей. Особенno это касается исторических периодов на стыке эпох, где культурные и философские традиции смешиваются, создавая новые, подчас неожиданные формы. Автором продуктивно решается эта задача с опорой на методологию, предложенную Сьюзан Бак-Морс и описанную, в частности, в её статье «История как перевод». Как отмечает автор, её метод, восходящий к теории перевода Вальтера Беньямина, предлагает «обратный перевод в прошлое», где средством является «не понятие, но имя» — то есть работа с конкретными словами и образами, которые «вбирают историю через их значения», а не подводятся под готовые абстракции.

Научная новизна исследования состоит в расширении представлений о об особенностях формирования раннехристианского искусства.

Общая структура работы представлена следующими разделами: введение, результаты исследования и их обсуждение, заключение, библиография, включающая в себя 14 источников, 2 из них на английском языке. Текст статьи имеет следующую рубрикацию: «Античные философские понятия "Целое" и "эйдос"», «Переосмысление античных понятий христианскими апологетами», «Визуальное воплощение в росписях римских катакомб». Каждый из данных разделов имеет логичную внутреннюю рубрикацию.

Содержание статьи в целом отражает ее структуру. Работа написана грамотным научным языком. В первом разделе статьи представлен корректный анализ античных понятий, которые впоследствии подверглись смысловой трансформации. Во втором рассматривается их переосмысление в текстах апологетов. В третьем разделе автор обоснованно обращается к отражению этих изменений в визуальном языке катакомб. Особенно ценным является то, что подводя итоги исследования, автор логично заключает: методология "истории как перевода" Сьюзан Бак-Морс доказала свою эвристическую эффективность, позволив преодолеть традиционные бинарные оппозиции

"языческое/христианское" и "духовное/материальное".

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе. Вместе с тем они представляют интерес для работников культуры, религиоведов, теологов. В качестве недостатков данной работы следует отметить, что фактически разделы введение и заключение в статье представлены, но они не обозначены соответствующими заголовками. Вместе с тем во введении автору рекомендуется охарактеризовать степень научной разработанности проблемы, выделить в отдельный подраздел «Методология исследования», в котором чётко представить существенные характеристики применяемого метода исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья представляет собой амбициозную попытку переосмыслить процесс трансформации античного философского наследия в раннехристианскую культуру через призму визуального языка римских катакомб. Предмет исследования сосредоточен на анализе ключевых "имен" — понятий вроде "целое", "эйдос", "символ" и "мимесис" — и их семантических сдвигах в текстах Секста Эмпирика, Плотина, Иринея Лионского, Климента Александрийского, а также в росписях катакомб. Автор стремится показать, как эти трансформации отражают органичный синтез античной и христианской традиций, избегая бинарных оппозиций.

Методология исследования опирается на подход Сьюзан Бак-Морс "история как перевод", предполагающий "обратный перевод" настоящего в прошлое для освобождения исторического материала от современных категорий. Дополнительно автором используются идеи Мануэля Де Ланды о нелинейной истории как самоорганизации культурных потоков. Это позволяет автору избегать линейных интерпретаций и рассматривать эпоху поздней античности как поле семантических трансформаций, где "имена" (понятия и образы) функционируют не через заранее заданные рамки, а в процессе использования. Однако применение этой методологии не всегда последовательно: в анализе текстов апологетов и визуальных образов Бак-Морс используется скорее как концептуальный каркас, чем как строгий инструмент, что приводит к некоторому эклектизму в интерпретациях.

Актуальность статьи высока, поскольку она затрагивает вечную проблему культурных переходов, особенно в контексте глобализации и постколониальных дискуссий. В эпоху, когда границы между традициями размываются, подход Бак-Морс предлагает свежий взгляд на то, как прошлое не просто наследуется, а активно переосмысливается. Статья может быть полезна для философов, историков искусства и культурологов, изучающих генезис христианской эстетики.

Научная новизна заключается в первом комплексном применении методологии Бак-Морс

к материалу римских катакомб, сочетающему текстовый анализ с визуальным. Автор демонстрирует, как скептическая деконструкция Секста Эмпирика создает "семантический вакуум", переосмысленный Плотином в иерархии эйдосов, а затем апологетами — в символической теории. Визуальные примеры, такие как Добрый Пастырь или Орфей, иллюстрируют этот процесс, показывая, как античные образы становятся христианскими символами без полного разрыва с традицией. Однако новизна ослабляется обширными ссылками на известных авторов (Аверинцева, Бычкова, Грабара), что делает вклад скорее интегративным, чем революционным.

Стиль изложения академический, но местами перегружен цитатами и метафорами ("семантический вакуум", "kairos"), что затрудняет чтение. Структура логична: введение, три раздела (античные понятия, апологеты, катакомбы) и заключение, но переходы между ними могли бы быть более плавными. Содержание богато, но анализ неоплатонизма и апологетов доминирует над визуальным материалом, что дисбалансирует работу. Визуальные примеры описаны поверхностно, без детального иконографического анализа, что снижает убедительность аргументов.

Библиография обширна и актуальна, включая первоисточники и современные исследования, но некоторые ссылки (например, на онлайн-ресурсы) требуют проверки доступности. Автор корректно цитирует, однако отсутствуют ссылки на критику методологии Бак-Морса, что могло бы усилить аргументацию.

Апелляция к оппонентам минимальна: статья ссылается на Аверинцева и Бычкова, но не глубоко полемизирует с альтернативными взглядами (например, на постколониальную критику или деконструктивизм Деррида), что оставляет ощущение неполноты в диалоге с современными теориями. Это особенно заметно в разделе о катакомбах, где визуальный анализ мог бы выиграть от интеграции с более широкими дискуссиями о материальной культуре в поздней античности.

В целом, статья представляет собой амбициозный, но не довольно скромный вклад в современную теорию философии культуры. Исследование, предпринятое автором, в целом демонстрирует, как концепция "перевода" Бак-Морса может быть применена к историческому материалу, раскрывая динамику культурных трансформаций в переходный период. Это делает работу ценной для специалистов, интересующихся эволюцией христианского дискурса. Вместе с тем недостатки, выражющиеся в непоследовательности методологии, поверхностной глубине визуального анализа и полемичности снижают ее потенциал. Рекомендуется доработать статью и направить на рецензирование повторно, а именно: усилить иконографический аспект, добавить критику альтернативных подходов и сократить метафорический стиль для большей ясности. После этого статья может быть принята к публикации в журнале "Философия и культура", поскольку она органично вписывается в тематику культурных переводов и исторической семантики.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования данной статьи является процесс семантической трансформации ключевых античных философских понятий («имён»), таких как «целое», «эйдос», «мимесис», «образ» и «символ», в раннехристианской культуре. Автор прослеживает, как эти понятия, пройдя через кризис в скептической философии (Секст Эмпирик) и переосмысление в неоплатонизме (Плотин), были «переведены» христианскими апологетами (Ириней Лионский, Климент Александрийский) в новую теологическую парадигму и нашли своё материальное воплощение в визуальном языке росписей римских катакомб.

В качестве методологической основы был взят подход Сьюзан Бак-Морс, который был разработан в статье «История как перевод» и монографии «Год Первый: Философский пересчет». Ключевым инструментом выступает метод «обратного перевода», при котором настоящее «переводится» в прошлое для преодоления «колонизации времени» современными категориями. Единицей анализа становится «имя» — конкретное понятие или образ, которое «вбирает историю через свои значения». Метод применен комплексно: от анализа философских и богословских текстов до интерпретации визуальных практик. Вспомогательную роль играют принципы нелинейной истории М. Де Ланда.

Актуальность исследования обусловлена междисциплинарностью работы на стыке философии, истории искусства, культурологии и религиоведения, что соответствует современным научным трендам. Также обращение статьи к сложной и мало апробированной в отечественной науке методологии Бак-Морс отвечает запросу на новые инструменты анализа культурных переходов.

Научная новизна статьи заключается в том, что в данной статье впервые системно применяется методология С. Бак-Морс к материалу позднеантичной и раннехристианской культуры. Предлагается новая интерпретационная модель генезиса раннехристианского искусства, в которой теоретическая рефлексия апологетов и визуальная практика катакомб рассматриваются как единый, взаимосвязанный процесс «перевода».

Статья написана ясным, академическим языком с точным использованием терминологии. Сложные философские концепции излагаются доступно, не теряя при этом глубины.

Структура статьи безупречна и полностью соответствует методологии, отражает этапы процесса «перевода»: от деконструкции античных понятий к их теологическому переосмыслению и, наконец, визуальному воплощению.

Глубока и доказательна содержательная часть статьи. Автор демонстрирует великолепное владение первоисточниками и умение выстраивать убедительные аналитические цепочки.

Единственным недостатком является отсутствие иллюстративного материала, что было бы очень кстати для статьи, ключевой раздел которой посвящен визуальному анализу, так, было бы крайне интересно наличие репродукций из катакомб.

Очень репрезентативен список литературы, в который включены первоисточники (Секст Эмпирик, Плотин, Ириней Лионский, Климент Александрийский), фундаментальные труды ведущих отечественных специалистов (С.С. Аверинцев, В.В. Бычков) и основные работы по методологии (С. Бак-Морс, М. Де Ланда). Библиография отражает междисциплинарный характер исследования и обеспечивает его солидную теоретическую базу.

Автор избегает прямой полемики с потенциальными оппонентами и показывает, как старые образы и идеи по-настоящему преображались, наполняясь новыми смыслами.

Выводы статьи логичны, обоснованы и значимы. Автор убедительно демонстрирует, что

формирование раннехристианского искусства было осознанным семиотическим процессом «напряжённого труда по переводу», а не разрывом с традицией или стихийным заимствованием. Статья вызовет значительный интерес у широкого круга читателей (философов, историков, религиоведов, специалистов по теории и методологии и т.д.)

В заключении хотелось бы отметить, что статья является образцом высококачественного междисциплинарного исследования. Она заслуживает самой высокой оценки и рекомендуется к публикации в рецензируемом научном журнале.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Лю Ц. Формы проявления национальной идентичности в классической музыке с точки зрения культурологии // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76201 EDN: MGUCZO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76201

Формы проявления национальной идентичности в классической музыке с точки зрения культурологии

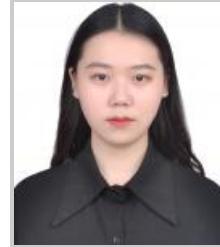
Лю Цзини

ORCID: 0009-0004-7524-9641

аспирант; факультет иностранных языков и регионоведения; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1

✉ 1304638069@qq.com

[Статья из рубрики "Самосознание и идентификация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.10.76201

EDN:

MGUCZO

Дата направления статьи в редакцию:

06-10-2025

Дата публикации:

13-10-2025

Аннотация: Классическая музыка, будучи универсальным языком искусства, одновременно является мощным средством выражения уникальных национальных характеристик. Статья посвящена исследованию художественных способов выражения национальной идентичности в классической музыке на примере русских и китайских произведений. В фокусе внимания находится творчество композиторов двух стран, которые, обращаясь к академическим жанрам, целенаправленно конструировали и утверждали национальное самосознание через музыкальные образы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания роли культуры в формировании идентичности в условиях полигэтнических обществ. Целью является выявление и многоуровневый анализ данных способов через призму теории «двойной идентичности», что позволяет разграничить и проследить взаимодействие этнической (культурной) и

национальной (гражданской) компонентов в едином художественном пространстве музыкального произведения. Исследование базируется на сравнительном анализе конкретных механизмов репрезентации национальной идентичности в двух композиторских школах. Методология сочетает культурологическую теорию «двойной идентичности», детальный музикологический анализ (включая специфику мелодики, интеграцию народных инструментов и уникальные ладовые системы – русскую модальность и китайскую пентатонику) и сравнительный анализ для выявления общих закономерностей и национальной специфики. Научная новизна заключается в комплексном анализе феномена национальной идентичности в классической музыке на основе теории «двойной идентичности», а также в проведении сравнительного анализа конкретных механизмов её репрезентации в русской и китайской культурах, выявляющего как общие закономерности, так и национально-специфические особенности. В ходе исследования выявлены и систематизированы три основные категории проявления национальной идентичности, проиллюстрированные конкретными произведениями: 1. использование фольклорных мотивов и сюжетов (на примере опер «Садко» и «Седая девушка»). 2. интеграция языка народной музыки, включая цитирование мелодий (например, «Веснянка» в Концерте Чайковского, народные песни в «Рапсодии Китая» Сянь Синхая), различные подходы к инструментовке (стилизация в русской музыке, прямое включение народных инструментов в оркестре китайской оперы) и использование уникальных ладовых систем. 3. воплощение национального духа, включая его двойственность (на примере «Времен года» и Пятой симфонии Чайковского) и патриотизм в периоды исторических испытаний (увертюра «1812 год», симфония «Ленинградская», «Марш добровольцев» и опера «Красная гвардия на озере Хунху»).

Ключевые слова:

национальная идентичность, этническая идентичность, двойная идентичность, классическая музыка, фольклор, народная музыкальная культура, народные песни, народные инструменты, национальный дух, патриотизм

В последние годы в контексте глобализации исследования проблем этнической идентичности и национальной идентичности продолжают привлекать внимание, особенно в многонациональных государствах, где они активно развиваются и набирают актуальность. В отличие от «этнической идентичности» – понятия, распространённого в академической среде, формирование которой в значительной степени обусловлено такими конкретными факторами, как язык, кровное родство, религия, обряды и происхождение, «национальная идентичность» более гибка и подвержена изменениям в разные периоды исторического развития.

Что касается конкретного значения понятия «идентичность», ученых из разных стран и областей знаний существуют различные точки зрения. Впервые этот термин был предложен в 1950-х годах психологом Эриком Эриксоном [\[1\]](#). Этот известный американский психолог разделил идентичность на два уровня: индивидуальную самоидентификацию в социальной среде и идентификацию с социальной группой [\[2\]](#).

Индивидуальная самоидентификация также может быть разделена на два аспекта: первый – это признание и понимание человеком собственных знаний, способностей и установок, второй – чувство принадлежности и идентичности с социальной группой на

психологическом уровне, что позволяет личности интегрироваться в определенное социальное сообщество.

Этническая идентичность означает единство сознания и представлений членов этноса, формирование образа этноса и идейную принадлежность. Хотя этническая принадлежность присутствует у человека с рождения, формирование этого самосознания также подвержено влиянию внешних условий окружающей среды.

Концепция национальной идентичности включает два аспекта:

Во-первых, нация – это, прежде всего, сообщество людей, и ключевым элементом этнической идентичности является признание взаимосвязей между её членами. Вопрос этнической идентичности возникает главным образом в связи с проведением границ между данной нацией и другими нациями. Во-вторых, существует аспект культурно-исторической идентичности. В процессе развития этноса культурная система находит своё воплощение через нацию, а нация, в свою очередь, объединяется благодаря общей культуре.

Культура народа включает в себя духовную и практическую деятельность людей, их материальное творчество и его результаты. Идентификация с национальной культурой отражает принадлежность человека к группе, связанной общими культурными ценностями – то есть к определенному народу. Принятие национальной культуры порождает чувство взаимной близости между людьми и формирует сложные этнопсихологические процессы, такие как ценности, эстетические представления, симпатии и антипатии, эмоции, сознание и др. Таким образом, первый уровень предполагает осознание взаимосвязей между людьми как представителями одного народа, второй же уровень представляет собой идентификацию с культурой как внешним проявлением нации.

С этой точки зрения, национальная идентичность и этническая идентичность тесно взаимосвязаны, а в многонациональных государствах, таких как Россия и Китай, они могут даже совпадать.

В рамках современной российской научной мысли, в трудах таких авторов, как В. В. Кочетков [\[3, с. 154\]](#), И. А. Петрова [\[4, с .56\]](#) и Д. М. Исайкин [\[5, с. 60.\]](#), центральное место занимает вопрос о взаимосвязи этнической (культурной) и национальной (гражданской) идентичности в полигэтничном государстве. Доминирующим подходом к его решению выступает теория «двойной» или «этнонациональной» идентичности. В данном контексте национальная идентичность трактуется как солидарность с государством, коренящаяся в разделяемой общности территории, исторического пути, культуры, а также прав и обязанностей. При этом данная общность не отрицает, а, напротив, интегрирует в себя этнические и культурные компоненты.

В Китайской Народной Республике, где особое значение придается формированию общенационального единства на основе этнокультурного многообразия, существует система двойной идентичности. С 1949 года государственная национальная политика, основанная на принципах равенства, единства и взаимного процветания всех народов, целенаправленно формирует двойную идентичность: с одной стороны – связь с собственной этнической группой, с другой – принадлежность к общегосударственному сообществу. Эта система играет ключевую роль в интеграции этнических меньшинств.

Ученые, включая Цинь Сянжуна [\[6, с. 6\]](#), Ши Хуэйин [\[7, с. 21\]](#) и Гао Юнцзюня [\[8, с. 20-21\]](#), единодушно выделяют эту двухуровневую структуру: на базовом уровне находится

этническая идентичность, тогда как высший уровень – общенациональная и государственная идентичность. Ключевыми элементами выступают чувство принадлежности, культурная самоидентификация, опирающаяся на конфуцианские ценности (иерархия, уважение, образование, коллективизм), а также социально-политическая идентичность (признание законов, интерес к международному имиджу страны). Как отмечают ученые Хэ Цзиньжуй и Янь Цзижун, между этими уровнями существует взаимозависимость: этническая идентичность служит основой для формирования национальной, в то время как национальная идентичность, в свою очередь, признает и защищает этническую особенность. Именно эта взаимосвязь создает прочный фундамент для двойной идентичности, что особенно важно для укрепления государственной идентичности малых народов [\[9, с. 7\]](#).

Музыкальная культура, являясь неотъемлемым компонентом общей культуры, служит одновременно и отражением, и источником формирования двойной идентичности. Классическая музыка, будучи продуктом духовной культуры, воплощает мировоззрение композитора, который в процессе творчества – осознанно или неосознанно – насыщает произведение элементами своей личной идентичности, будь то осознание собственной личности, принадлежности к определённому народу, культурным традициям или гражданской общности. Таким образом, композитор становится не только творцом, но и носителем культуры, а его произведение – отражением многослойной идентичности, в которой переплетаются личные, этнические, культурные и гражданские элементы.

В произведениях классической музыки нередко присутствуют символы, наделенные глубоким смыслом. Будь то тема, сюжет, название программных сочинений, использование фольклорных мелодий или народных композиционных приемов – все это отражает национальную идентичность композитора. Например, в условиях войны создание произведений в память о военных событиях или выраждающих стремление к миру и другие патриотические идеалы становится воплощением национальной идентичности.

Таким образом, проявления национальной идентичности в классической музыке можно условно разделить на три основные категории:

1 . фольклорные мотивы. Интегрируя фольклорные элементы в классическую музыку, русская и китайская композиторские школы создали уникальные художественные системы, отражающие глубинные связи между народной культурой и национальной идентичностью. Через тексты, заголовки и тематику произведений музыка становится прямым проводником национальных повествований, передавая историю, эмоции и ценностные ориентиры народа. В основе этого процесса лежит богатое устное наследие, выполняющее схожие функции в обеих культурах: фольклор служит мощным инструментом формирования национального самосознания, передавая через эпические сказания, обрядовые сцены и песенные образы представление о родной земле, героях и традиционных ценностях, одновременно становясь каналом трансляции нравственных идеалов и философских представлений о добре, справедливости и долге.

В русской культуре XIX – начала XX века, в эпоху романтического интереса к народным истокам, фольклор воспринимался как чистый родник национальной культуры, что нашло отражение в операх «Снегурочка» (1882), «Садко» (1897) и «Слово о полку Игореве» (1890), где мифологизация древних языческих верований и эпических сказаний воплотилась в монументальных полотнах, воспевающих «вечную Русь», с олицетворением природных стихий в образах Лешего, Мороза и Весны.

В китайской культуре XX века, особенно в военный период, фольклор стал инструментом модернизации и построения политической идентичности, где крестьянское наследие противопоставлялось феодальной традиции и переосмыслилось в ключе классовой борьбы, как в опере «Седая девушка» (1945), где традиционный сюжет превратился в историю спасения крестьянки коммунистами, а седые волосы стали символом страданий старого Китая. Таким образом, фольклор в обеих культурах представляет собой не только культурное наследие, но и живой источник художественного творчества, служащий выражением национального духа и мостом между прошлым и настоящим.

2. Язык народной музыки. Первый аспект проявляется в непосредственном использовании композиторами народной музыки через цитирование или адаптацию фольклорных мелодий в инstrumentальных произведениях, включая и симфонические и оперные партитуры, а также камерные сочинения. Яркими примерами этого подхода служат русская народная песня «Во саду ли, в огороде» в творчестве Римского-Корсакова, азербайджанская мелодия «Галанын дубиндэ», органично вплетенная в персидский хор из оперы Глинки «Руслан и Людмила», а также украинская народная песня «Веснянка», заимствованная Чайковским для третьей части его Первого концерта для фортепиано с оркестром. Яркими примерами интеграции народных мелодий в академические музыкальные формы являются «Рапсодия Китая» (1951) Сянь Синхая, в которой в качестве основных тем используются пять китайских народных песен, а вариации развиваются в пять частей, и «Сычуанская сюита» (1963) для оркестра Ло Чжунжуна, основанная на народных песнях провинции Сычуань, а также народные песни провинций Шаньси, Гуандун и Северной Шаанси. Так и в опере «Красная гвардия на озере Хунху» (1959) ария «Волны на озере Хунху» творчески перерабатывает народные мелодии «Сянхэские напевы» и «Взгляд на луну» [10, с. 43], тогда как в опере «Седая девушка» знаменитая ария «Завывает северный ветер» возникла на основе народной песни «Маленькая капуста». Эти произведения демонстрируют, как русские и китайские композиторы органично претворяли материалы народной музыки в профессиональных классических музыкальных жанрах.

Народные инструменты являются неотъемлемой частью фольклорной музыки, однако интересно отметить различие в подходах китайских и русских композиторов к их интеграции в классические произведения. В русских операх, таких как «Руслан и Людмила» М. И. Глинки, «Снегурочка» и «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, композиторы избирают путь стилизации, используя классические инструменты для воссоздания тембров народных. Яркими примерами служат: имитация звучания гуслей посредством фортепиано и арфы в арии Людмилы из оперы «Руслан и Людмила», передача мелодии рожка Леля через кларнет в арии Леля из «Снегурочки», а также воспроизведение гусельных переборов арфой и фортепиано, сопровождающих музыкальные темы Садко и Нежаты в опере «Садко» [11].

В то же время, в отличие от русского подхода, китайские композиторы избрали путь непосредственного включения народных инструментов в состав западного оркестра. Яркой иллюстрацией этого служит опера «Седая девушка», где наряду с европейским оркестровым аккомпанементом органично вплетаются тембры традиционных китайских инструментов. В оригинальной постановке оркестр состоял всего из 16 музыкантов, причем западные инструменты были представлены лишь скрипкой, альтом, виолончелью и мандолиной [12, с. 69]. Основу же музыкальной палитры составляли подлинные национальные инструменты: различные виды хуциней (баньху, цзинху, эрху), суонай, бамбуковая флейта дицзы, лютня саньсянь, а также ударные – барабаны баньгу и тангу, большой гонг дало и малые тарелки сяобо.

Конечно, различные народы, регионы и страны обладают уникальными техниками музыкальной композиции, которые проявляются через специфические ритмические структуры и свойственные им ладовые системы. Например, русская народная музыка демонстрирует высоко сложную и разнообразную ладовую картину. Её система основана на модальной организации, характеризуется богатством и вариативностью звукорядных структур, включая как древние пентатонные элементы, так и диатонику, построенную на тетрахордах [13, с. 2]. Особенno выделяются её сильная многоголосная традиция и разнообразие ладовых форм. В то же время китайская музыка основывается на системе национальных ладов, построенных на пентатонике (гун, шан, цзюэ, чжи, юй). Эта система, укорененная в чистых квинтовых соотношениях, отличается естественным и простым мелодизмом, избегающим резких тяготений полутонов и тритонов, что формирует ясный и гармоничный стиль [14, с. 4]. Эти уникальные ладовые системы служат мощным инструментом для композиторов в создании музыкальной национальной идентичности, выражении специфических народных эмоций и духа.

Следует особо отметить, что китайские композиторы сознательно интегрируют элементы китайского традиционного театра Сицюй в структуру классических музыкальных произведений, что становится важным средством усиления национального характера музыки и художественным выражением их культурной идентичности. Синтез национальной вокальной манеры с традиционными приёмами Сицюй формирует уникальное звуковое пространство, где особая композиционная система бандыянти служит не только структурной основой, но и тонким инструментом передачи эмоциональных нюансов и культурной аутентичности. Творческое переосмысление характерных аккомпаниационных приёмов в оперной форме обогащает развитие музыкальных тем, придаёт драматическому содержанию глубину и динамику, создавая органичный сплав традиционной эстетики и современного композиторского мышления. Этот художественный синтез демонстрирует, как наследие национальной культуры становится живым источником для профессионального творчества, укрепляя связь между классической музыкой и традиционными корнями. [15]

3. Национальный дух. Национальный дух также находит своё выражение в классической музыке. Он воплощается не во внешних, легко узнаваемых формах, таких как мелодия или сюжет, а в особенностях музыкального мышления, сформированного культурными представлениями и самим национальным духом. Как неотъемлемая часть национального сознания, он представляет собой глубокий признак, отличающий одну нацию от других в мире. Национальный дух формируется в процессе производственной и жизненной деятельности конкретного народа в определённых природных, социальных и исторических условиях, передаётся из поколения в поколение, возвышается и концентрируется в общие идеалы, ценностные ориентации, моральные стремления и культурные традиции, являясь концентрированным отражением общественного бытия данной нации [16, с. 128]. Хотя он служит отражением всей истории народа, он не остаётся застывшим, а постоянно развивается через преодоление и обновление, выступая как кровь и сердце существования нации, всегда находясь в движении и пульсации. В целом, национальный дух основывается на богатом историческом наследии и ориентирован на динамичную современную среду, определяя культурные качества, духовный характер, жизнеспособность, творческий потенциал и сплочённость народа.

Русский народ с момента своего формирования испытывал двойственное влияние восточной и западной культур, что в сочетании с природными условиями и социальными особенностями породило уникальную и сложную двойственность русского духа. Как

точно подметил философ Николай Бердяев, русский народ «есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей» [17, с. 29]. Эта поляризация проявляется в том, что Россия «может вызвать болезненную привязанность и разочаровать, она способна пробудить самую пламенную любовь и самую сильную ненависть» [там же]. С одной стороны, русским свойственны строгость в выражении чувств и склонность к меланхолии, с другой – необъятность территории и широта души, порожденная географическим простором, способствовали глубине мысли и внутренней свободе.

Русская классическая музыка стала художественным воплощением присущей национальному характеру двойственности, которая с особой глубиной раскрывается в творчестве Чайковского. Его музыка сочетает безграничную нежность с оттенком грусти, и даже в простых природных зарисовках часто ощущается лёгкая печаль. Ярким примером служит «Июнь. Баркарола» из фортепианного цикла «Времена года»: хотя её тема представляет собой безмятежное пение, в ней ощущается глубокая, невыразимая тоска.

Цикл «Времена года», созданный П. И. Чайковским в 1876 году по заказу петербургского журнала «Новелист», состоит из двенадцати пьес, каждая из которых связана с определённым месяцем и сопровождается стихотворением русских поэтов [18, с. 67]. Эти музыкальные произведения подобны жанровым картинам русской жизни – то изображая природу, то народные обычаи, они через насыщенный русский музыкальный стиль раскрывают характер нации, одновременно глубокой в своей печали и светлой в своём жизнеутверждении.

В творчестве Чайковского встречается и обратный художественный приём: из глубины скорбной темы внезапно пробивается луч света, словно указывая на прекрасное будущее и даря надежду. Например, во второй части Пятой симфонии, созданной в 1888 году, сквозь трагическое отчаяние прступает проблеск надежды перед лицом судьбы. Музыка словно переносит слушателя в бескрайние просторы природы с высоким небом и лёгкими облаками – что, возможно, и отражает свойственную русской душе грусть и внутреннюю широту.

Патриотизм также является важнейшим воплощением национального духа. Эта взаимосвязь особенно ярко проявилась в контексте войн XIX-XX веков, когда любовь к Родине и готовность к самопожертвованию стали не просто моральными ценностями, а практическим выражением глубинных основ национального самосознания. В такие исторические периоды патриотизм выступал как концентрированное выражение коллективной воли народа, объединяющей как унаследованные черты национального характера, так и осознанное гражданское чувство. Например:

Торжественная увертюра «1812 год» Чайковского, созданная в 1880 году, представляет собой монументальное музыкальное полотно, посвящённое победе России над наполеоновским нашествием. Композитор искусно сочетает в партитуре православные песнопения, народные мелодии и государственный гимн «Боже, Царя храни», создавая произведение, которое стало олицетворением национальной гордости. Симфония №7 «Ленинградская» Д. Д. Шостаковича, написанная в 1941 году в осаждённом городе, превратилась в мощный художественный памятник сопротивлению фашизму и несгибаемой стойкости советских людей.

В ходе исторического развития китайская нация сформировала богатое национальное сознание, включающее патриотизм, трудолюбие и приверженность миру, что на

протяжении длительного времени влияло на мировоззрение и жизненные ориентиры народа. В периоды национальных испытаний эти духовные ценности находили особое выражение в искусстве, породив уникальный пласт революционной культуры – музыкальные произведения «красной культуры» с доминирующей патриотической тематикой [19, с. 17]. Классические произведения периода Сопротивления японской агрессии, такие как «Марш добровольцев» Не Эра (1935), позднее ставший государственным гимном, кантата «Хуанхэ» (1939), а также песни «Вступай в армию» Сяо Юмэя и «На реке Цзялин» Хэ Лутина, черпали вдохновение в социальной реальности того времени – японском вторжении, оккупации территорий и мобилизации молодежи. Через язык музыки композиторы выражали глубокую озабоченность судьбой нации и стремление к национальной независимости.

Особое место в этом ряду занимают оперные произведения на революционную тему: «Буря на реке Янцзы» (1934), изображающая борьбу рабочих с японскими оккупантами на шанхайских причалах у реки Хуанпу. За ней последовали такие знаковые произведения, как «Седая девушка» (1945), «Красная гвардия на озере Хунху» (1958) и «Дочь партии» (1991) и т.д. Эти музыкальные произведения стали не только художественными документами эпохи, но и воплотили глубокую связь между национальным самосознанием и культурным творчеством.

На основе проведенного анализа можно заключить, что классическая музыка служит не только художественным отражением, но и активным участником формирования национальной идентичности. Через интеграцию фольклорных мотивов, использование языка народной музыки и воплощение национального духа русские и китайские композиторы создавали произведения, в которых этнические и гражданские компоненты идентичности пребывают в неразрывном диалектическом единстве.

Сравнительный анализ двух музыкальных традиций в рамках теории «двойной идентичности» не только подтверждает универсальность данного культурологического подхода, но и выявляет национальную специфику художественных решений. Таким образом, классическая музыка предстает как ценнейший источник для понимания сложных процессов становления и выражения национального самосознания в полигетнических государствах, открывая перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке музыковедения, культурологии и социологии.

Библиография

1. Erikson E. H. *Childhood and Society*. New York: W. W. Norton & Co., Inc., 1950. 397 pp.
2. Erikson E. H. *Identity: Youth and Crisis*. New York: Norton, 1968. 336 pp.
3. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144-162. EDN: PAVDFZ.
4. Петрова И. А. Культурно-национальная идентичность России: социально-философский анализ: дис. ... кан. философских наук: Моск. гос. обл. ун-т. Мытищи, 2018. 190 с.
5. Исаикин Д. М. К вопросу о праве народов на национальную идентичность // Социально-политические науки. 2012. № 3. С. 60-62.
6. Цинь Сянжун. Национальная идентичность китайских подростков в возрасте от 11 до 20 лет и ее развитие: дис. ... маг. психол. наук: Хуачжунский пед. ун-т. Ухань, 2005. 78 с.
7. Ши Хуэйин. Исследование психологии национальной идентичности и поведенческой адаптации национальных меньшинств в национальных районах Юго-Западного Китая: дис. ... кад. психол. наук: Юго-Западный ун-т. Чунцин, 2007. 150 с.

8. Гао Юнцю. О роли национально-психологической идентичности в социальной стабильности // Вестник Южно-Центрального университета национальностей (гуманитарные и общественные науки). 2005. № 5. С. 20-24.
9. Хэ Цзиньжуй, Янь Цзижун. От этнической идентичности к национальной // Вестник Центрального университета национальностей (философия и общественные науки). 2008. №. 3. С. 5-12.
10. Чжоу Чжиную. Анализ музыки и исполнения песни "Волны на озере Хунху" // Северная музыка. 2014. № 10. С. 43-44.
11. Лю Цзини. Народные инструменты в русской классической музыке // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31, № 1. С. 168-176.
12. Мэн Юань. Исследование оперы "Седая девушка": дис. ... канд. литературоведении. Китайский ун-т Жэньминь. Пекин, 2005. 176 с.
13. Старостина Т. А. Ладовая систематика русской народной песни // Гармония: Проблемы науки и методики. Ростов н/Д. 2002. Вып. 1. С. 85-105.
14. Ши Яо. Технические характеристики и приемы инструментов китайских пентатонных народных ладов // Энциклопедия Знаний. 2019. № 6. С. 4-7.
15. Чжоу Жуншэн. Использование элементов традиционного театра в китайской национальной опере // Вэньцуньюэкан. 2023. № 14. С. 70-72.
16. Ян Цзяо. Наследие и инновации национальной музыкальной культуры в истории развития национального духа // Вестник Хунаньского университета (общественные науки). 2016. Т. 30, № 5. С. 128-133.
17. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyaev/russkaja-ideja/ (дата обращения: 30.09.2025). EDN: QWTPLL.
18. Прибегина Г. А. Пётр Ильич Чайковский. М.: Музыка, 1990. 222 с.
19. Юань Линь. О роли красной музыкальной культуры в построении современной национальной идентичности: дис. ... маг. государственной администрации. Цзилиньский ун-т. Чанчунь, 2015. 41 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Формы проявления национальной идентичности в классической музыке с точки зрения культурологии», в которой проведено исследование потенциала музыкальных произведений как механизма формирования национального самосознания.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что классическая музыка предстает как ценнейший источник для понимания сложных процессов становления и выражения национального самосознания в полиглазничных государствах. Музыкальные произведения являются не только культурным наследием, но и активным участником формирования национальной идентичности. Через интеграцию фольклорных мотивов, использование языка народной музыки и воплощение национального духа русские и китайские композиторы создавали произведения, в которых этнические и гражданские компоненты идентичности пребывают в неразрывном диалектическом единстве.

Актуальность исследования обусловлена потребностью реконструкции культурной

идентичности в многонациональных государствах в современных международных реалиях.

Методологическую базу исследования составил комплексный подход, содержащий как общенаучные методы описания, анализа и синтеза, так и компаративный и социокультурный анализ. Теоретической основой исследования выступают труды таких классических и современных ученых как Н.А. Бердяев, Э. Эриксон, В. В. Кочетков, Д. М. Исайкин, Юань Линь, Ян Цзяо и др. Эмпирическим материалом послужили российские и китайские классические музыкальные произведения («Времена года», «1812 год» П.И. Чайковского, Симфония №7 «Ленинградская» Д. Д. Шостаковича, «Марш добровольцев» Не Эра, опера «Седая девушка»).

Цель данного исследования заключается в изучении потенциала классической музыки в процессе формирования национального сознания.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор приходит к заключению о достаточном объеме международного научного дискурса в области изучаемой проблематики. Им наблюдается единство мнений современных российских и китайских исследователей, формирующих концепцию двухуровневой идентичности: на базовом уровне находится этническая идентичность, тогда как высший уровень – общенациональная и государственная идентичность. Различие заключается в том, что в российском научном дискурсе национальная идентичность трактуется как солидарность с государством, коренящаяся в разделяемой общности территории, исторического пути, культуры, а также прав и обязанностей. Китайские культурологи ключевыми элементами выделяют чувство принадлежности, культурную самоидентификацию, опирающуюся на конфуцианские ценности (иерархия, уважение, образование, коллективизм), а также социально-политическую идентичность (признание законов, интерес к международному имиджу страны).

Автором раскрывается уникальная ценность музыкальная культура, которая служит одновременно и отражением, и источником формирования двойной идентичности. Автор проводит тезис, что классическая музыка, будучи продуктом духовной культуры, воплощает мировоззрение композитора, который в процессе творчества насыщает произведение элементами своей личной идентичности, будь то осознание собственной личности, принадлежности к определенному народу, культурным традициям или гражданской общности. Композитор, с позиции автора, становится не только творцом, но и носителем культуры, а его произведение – отражением многослойной идентичности, в которой переплетаются личные, этнические, культурные и гражданские элементы.

Проявления национальной идентичности в российской и китайской классической музыке автор разделяет на три основные категории: фольклорные мотивы, язык народной музыки, народный дух.

Сравнительный анализ музыкальных традиций России и Китая в рамках теории «двойной идентичности» позволили автору не только подтвердить универсальность данного культурологического подхода, но и выявить национальную специфику художественных решений.

Проведя исследование, автор представляет выводы по изученным материалам.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение роли объектов культурного наследия в процессе формирования национального самосознания представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 19 источников, в том числе иностранных, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Однако автору желательно привести оформление списка в соответствие с требованиями ГОСТа и редакции.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание исследуемой проблемы. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Дубовицкий В.В. Концепция образа в философии Платона и ее вариации в истории культуры // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.72725 EDN: NCGION URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72725

Концепция образа в философии Платона и ее вариации в истории культуры**Дубовицкий Вячеслав Владимирович**

кандидат философских наук

доцент; кафедра Гуманитарных наук; Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского

125009, Россия, г. Москва, ул. Большая Никитская, 13

✉ fenaur25@mail.ru[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.72725

EDN:

NCGION

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2024

Дата публикации:

17-10-2025

Аннотация: В данной статье рассматриваются, на наш взгляд, наиболее важные положения платоновской концепции образа, в которой философ тщательно разделяет образ (*eikon*) и псевдообраз (*phantasma*), что позволяет Платону выявить онтологический статус образа и тем самым связать его с целостностью мироздания. Платоновская концепция образа рассматривается в следующих аспектах: образ и псевдобраз; образ в соотношении с идеей и вещью; образ как живописное изображение; естественный (нерукотворный) образ; образ медиальный; образ геометрический. Проблема сходства, включающая в себя проблему причастности вещей идеям, осталась у Платона эксплицитно неразрешенной. В статье высказывается предположение о том, какое место может занимать учение Канта (который часто апеллировал к Платону) о трансцендентальных схемах воображения в понимании этой

проблемы. Рассматриваются некоторые вариации платоновской темы образа в последующей культуре: понимание образотворчества как онтологического процесса у Платона; «исследования визуального», отсылающие в теории образа к теме невидимого; тенденция деантропоморфизации в искусстве минимализма 20 века. Основным методологическим принципом исследования является герменевтический принцип «лучшего понимания», включающий в себя не только реконструкцию, но и конструирование смысла. Тема образа в философии Платона сегодня интересна и актуальна в контексте тех ее влияний, иногда опосредованных, которые испытала и вобрала в себя последующая эволюция мысли и культуры. В этой связи автор обращается к концепции образа у Платона, к учению Канта о трансцендентальных схемах воображения и другим перечисленным в предыдущей рубрике темам. Это позволяет включить платоновскую концепцию образа в последующие явно связанные с нею концепции (в частности, в современные «исследования визуального») и культурные практики (в частности, искусство минимализма 20 века) с целью их «лучшего понимания» (герменевтический принцип), а также «лучше понять» некоторые проблемные аспекты платоновской теории идей (в частности, проблему сходства вещи и идеи, связь теории идей Платона с геометрией).

Ключевые слова:

образ, псевдообраз, онтологический статус образа, сходство, трансцендентальная схема воображения, естественный образ, образ как медиум, исследования визуального, геометрический образ, минимализм

Онтологический статус образа. Проблема сходства и различия

С точки зрения своего онтологического статуса, образ (*eikon*) вторичен, он всегда есть подобие того, что является онтологически первым по отношению к нему: «... поскольку образ не в себе самом носит причину собственного рождения, но неизменно являет собою призрак чего-то иного, ему и должно родиться внутри чего-то иного, как бы прилепившись к сущности, или вообще не быть ничем» [\[1, с. 455, 52c\]](#). Еще один аспект онтологического статуса образа у Платона заключается в том, что в образе бытие и небытие вступают в связь, то есть благодаря образу небытие в некотором смысле существует. В «Софисте» речь идет о различных видах отображений, образов: отображения в воде и зеркале, картины и статуи. Что же является общим для столь различных типов образов? Ответ: «Чужеземец. Следовательно, то, что мы называем образом, не существуя действительно, все же действительно есть образ? Теэт. Кажется, небытие с бытием образовали подобного рода сплетение, очень причудливое» [\[2, с. 306, 240bc\]](#). Образ (*eikon*) представляет, репрезентирует отсутствующее (имеющее в данном контексте статус небытия), но при этом, что принципиально важно для Платона, подлинное, оригинальное, в пределе – идею, отсылая к нему, являет его. В этом сила и бытийный статус образа, его «достаточное основание».

Есть образы иного рода, без «достаточного основания», точнее, призраки (*phantasma*) в собственном смысле. Они лишь имитируют свое происхождение от некоего оригинала, в действительности не будучи таковыми. Платон говорит об этих псевдообразах, имея в виду, в частности, изобразительное искусство. Эти «призраки» также обладают своим специфическим онтологическим статусом: «...один [вид] изобразительного искусства должен быть творящим образы, а другой – призраки, если ложь действительно есть ложь

и представляет собой нечто принадлежащее по своей природе к существующему» [\[8, с. 343, 266e\]](#). Искусство творить образы «... состоит преимущественно в том, что кто-либо соответственно с длиною, шириной и глубиною образца, придавая затем еще всему подходящую окраску, создает подражательное произведение» [\[2, с. 299-300, 235de\]](#). Но те подражатели, которые создают нечто большое по размерам, часто создают, согласно Платону, лишь иллюзии: «Если бы они желали передать истинную соразмерность прекрасных вещей, то ты знаешь, что верх оказался бы меньших размеров, чем должно, низ же больших, так как первое видимо нами издали, второе вблизи... Не воплощают ли поэтому художники в своих произведениях, оставляя в стороне истинное, не действительные соотношения, но лишь те, которые им кажутся прекрасными?» [\[2, с. 300, 235e-235a\]](#). Платон имеет здесь в виду скульптуры больших размеров, которые создавались зачастую с расчетом на субъективную перспективу зрителя, что приводило к нарушению реальных пропорций изображенного тела. Платон тем самым отвергает те изображения, в которых учитываются особенности восприятия, а также специфическое видение художника. Поэтому и живопись трактуется Платоном в терминах фантазма, симулякра, - как искусство, опирающееся на aberrации зрения, на субъективное видение и поэтому не заслуживающее серьезного к себе отношения [\[1, с. 398, 602cd\]](#).

В своей критике определенных тенденций миметического искусства Платон имел в виду существовавшие в то время художественные практики. Например, иллюзионистскую живопись, представителями которой были Аполлодор, Зевксис, Паррасий. Эти художники использовали в своих произведениях светотень, перспективу и другие живописные средства. Эти «живописцы тени», как их называли, пренебрегали, согласно Платону, «сущностью», выражавшейся в структуре изображаемого объекта, - его мерой, соотношением частей и целого и т. д. - всем тем, чем не могли пренебречь мастера-ремесленники, а не подражатели. Согласно Платону, мир посредством живописи предстает как кажимость, действительная референтность мира вещей подменяется субъективным иллюзионизмом: «... ложе, если смотреть на него сбоку, или прямо, или еще с какой-нибудь стороны, отличается ли от самого себя? Или же здесь нет никакого различия, а оно лишь кажется иным, и то же самое происходит и с другими вещами?... Какую задачу ставит перед собой каждый раз живопись? Стремится ли она воспроизвести действительное бытие или только кажимость? Иначе говоря, живопись – это воспроизведение призраков или действительности?» [\[3, с. 393, 598ab\]](#). Ответ очевиден. Причем понятно, что живопись, согласно Платону, по самой своей природе не является способной к подлинному образотворчеству, понимаемому Платоном как порождение образа, отсылающего к идее, либо к материальной вещи, но обязательно при этом воспроизводящего их смысловые и структурные связи. Однако у Платона здесь еще нет того онтологического понимания перспективизма, которое мы находим, скажем, у Ницше, а еще раньше у Лейбница: «И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы перспективно умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады» [\[4, с. 422-423\]](#).

В своей теории идей Платон пытался решить в числе других проблем проблему сходства. Вещи могут быть сходными друг с другом (и вообще существовать) лишь постольку, поскольку они причастны определенной идее, которая не является их внутренней сущностью, но трансцендентна им. Вещи и образы также наделены сходством с соответствующими моделями, первообразами, оригиналами. Если под всеми этими

наименованиями подразумевается идея, то в чем достоверность этого сходства? Вероятно, в том, что вещь, а также образ (подлинный, то есть eikon) в самих себе структурно воспроизводят оригинал, то есть идею, которая является для них законом, необходимостью. Как, например, кровать, изготовленная плотником, взирающим на саму идею кровати, в отличие от изображения кровати, созданного живописцем, взирающим на изделие плотника (такое изображение воплощает всего лишь субъективную перспективу зрения). Правда, между вещами как индивидуализациями идей, с одной стороны, и простыми изображениями вещей, с другой, есть нечто общее, а именно то, что и кровать, сделанная плотником – не подлинно сущее, но, как и изображение кровати, – лишь «смутное подобие подлинника» [\[3, с. 391, 597а\]](#).

Но есть еще один важный критерий сходства. В сюжете об изготовлении кровати речь идет о том, что Бог – demiurge, творец кровати как сингулярности, то есть единственной в своем роде идеи кровати. Двух идей здесь не может быть, поскольку если бы Бог создал их две, «... все равно оказалось бы, что это одна, и именно та, вид которой имели бы они обе: это была бы та единственная кровать, кровать как таковая, а двух кроватей бы не было» [\[3, с. 392, 597с\]](#). Этот «вид» имеет отношение к сфере эмпирического – он проявляется и в кровати как изделии, и в изображении кровати, и все же он – нечто сверхэмпирическое, – как бы составленное из геометрических фигур, однако все же наглядное, как геометрические фигуры, будучи a priori возможными формами объектов опыта, все же обладают наглядностью. Такой вид кровати, исключая множество различий, сохраняет лишь некий геометрический гештальт. Кант писал о роли геометрии в античности и, в частности, у Платона как науки, предоставляющей принципы для решения множества различных проблем: «Платон, сам выдающийся знаток этой науки, приходил в восторг от подобного исконного свойства вещей, для обнаружения которого можно обойтись без всякого опыта, и от способности души черпать понимание гармонии вещей из их сверхчувственного принципа... этот восторг возносил его над эмпирическими понятиями к идеям, которые казались ему объяснимыми лишь при допущении их интеллектуальной общности с происхождением всех вещей» [\[5, с. 236\]](#). Кант также обратил внимание на то, что в основе наших чистых чувственных, а также эмпирических понятий лежат не образы, а схемы. Рассуждая вполне по-платоновски, Кант замечает, что никакой образ треугольника не может соответствовать понятию треугольника, «треугольнику вообще» – вне его видовых различий (остроугольный, тупоугольный и т. д.). Схема же чистого чувственного понятия, в частности треугольника, которая не может быть визуализирована, а может иметь только ментальное существование, согласно Канту, «... означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве» [\[6, с. 125\]](#). Схемы, согласно Канту, лежат также в основе эмпирических понятий: «Понятие о собаке означает правило, согласно которому мое воображение может нарисовать четвероногое животное в общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом, данным мне в опыте, или же каким бы то ни было возможным образом in concreto» [\[6, с. 125\]](#). Схема эмпирического понятия, включающая многообразное в представлениях, созерцаниях в соответствующее единство, не доходит до образа, поскольку является не обозримым представлением, а неким конструктивным принципом, данным в определенном смысле динамически, и вплотную подходит к геометрическим объектам – чистым объектам созерцания.

Очевидно, схема и есть то, в чем выявляется сходство вещи и идеи, а также образа вещи и самой вещи, образа вещи и самой идей (пусть даже это будет оспариваемое Платоном по своей ценности простое живописное изображение кровати). Взирая на некие геометрические образцы (образцы, присущие, по Канту, лишь человеческому

разуму), платоновский Демиург и создает идеи вещей. Очевидно, учение Канта о трансцендентальных схемах воображения способно обозначить тот неявный контекст (один из контекстов), в котором Платон пытался решить проблему сходства. Кантовская схема – понятие гносеологическое, но не стоит забывать, что и Платона интересовал не только Демиург с его идеями сам по себе, сколько человек, способный их постичь и посредством своего *techne* включить их в реальные жизненные связи.

Как указывал еще Аристотель, Платон не объяснил, в чем состоит *причастность* вещей идеям (эйдосам), предоставив исследовать это другим («Метафизика», 987b 10). Эта недосказанность открыла возможности для многих интерпретаций. Так, Жиль Делез предложил интерпретацию теории идей Платона, согласно которой Платоном движет, прежде всего, стремление различить «копии-иконы» и «симулякры-фантазмы» и, соответственно, отвергнуть претензии симуляков, оставив в мире репрезентации лишь копии-иконы. Симулякр у Платона, создавая лишь эффект сходства, ставит, согласно Длезу, под сомнение само отношение «модель-копия». Однако же данное отношение оказывается если не сомнительным, то во всяком случае нестабильным и по другой причине. Идея может оказаться лишь *возможностью*.

В «Теодице» Лейбница содержится притча о Сексте Тарквинии. В сложном сюжете этой притчи есть место, в котором отношение «модель-копия» существенно модифицируется. Афина говорит жрецу Теодору, что ее отец Юпитер, сравнивая при создании мира возможные миры, избирает лучший из возможных. Но для осуществления возможностей необходимы *достаточно определенные условия*: «А если условия не будут достаточно определены, то будет сколько угодно различных между собой миров, которые различным образом будут отвечать на один и тот же вопрос в стольких формах, как это будет возможно. [...]. Но если ты предположишь случай, от которого действительный мир отличается лишь в какой-то одной определенной вещи и ее последствиях, то этот определенный мир скажет тебе: все эти миры существуют вот здесь, т. е. в идеях» [\[7, с. 399\]](#). Идея предстает как *возможность*, то есть как бесконечное число возможностей. Мир есть не отражение идеи, а реализация возможностей. Теодору предстает великолепное зрелище всех этих бесконечных возможностей: «Дворцовые отделения возвышались наподобие пирамиды; они становились все более прекрасными по мере восхождения к верхней части и представляли все более прекрасные миры. В высочайшем отделении пирамида оканчивалась; отделение было прекраснейшим из всех, потому что пирамида хотя и имела начало, но нельзя было видеть ее окончания; она имела вершину, но вершину основания, и расширялась в бесконечность. И это, как объяснила богиня, потому, что среди бесчисленного множества возможных миров этот мир есть наилучший из всех, иначе бог не решился бы создать какой-либо мир» [\[7, с. 400\]](#). Возможность может осуществиться по-разному, в зависимости от определенных условий. Делез различал *возможное и виртуальное*: возможное и его осуществление находятся в зоне *сходства, подобия, виртуальное же, согласно Длезу, «... обозначает чистую множественность Идеи, в корне исключающую тождество как предварительное условие. [...]»* актуализация виртуального всегда происходит посредством различия, расхождения или дифференциации. Актуализация порывает с подобием как процессом, так же как и с тождеством в качестве принципа» [\[8, с. 260\]](#). Действительно, в предложенной Лейбницем схеме «*определенные условия*» выполняют функцию, переводящую возможное в виртуальное, если использовать терминологию Делеза. Идея перестает быть строго детерминирующим началом, а осуществленные возможности перестают быть копиями, включая в себя гетерогенность условий их реализации.

Естественная образность

Образ может быть как *рукотворным*, то есть произведенным посредством человеческого искусства, так и *нерукотворным*, произведенным посредством божественного искусства, то есть *естественным* (здесь «божественное» и «природное» как творящие силы могут считаться синонимами). В «Софисте» говорится о том, что, все, что создано божественным искусством, сопровождают отображения, также произведенные божественным искусством: «Чужеземец. ... [образы] во сне и все те [образы], которые днем называются естественными призраками: тени, когда с огнем смешивается тьма, затем двойные отображения, когда собственный свет [предмета] и чужой сливаются воедино на блестящих и гладких предметах и порождают отображение, которое производит ощущение, противоречащее прежней привычной видимости. Теэтет. Следовательно, здесь два произведения божественного творчества: сама вещь и образ, ее сопровождающий» [\[2, с. 342, 266c\]](#). (В контексте христианства тема естественных образов была развита применительно к образу Христа, в частности, Феодором Студитом).

Даже если естественные образы оказываются простой чувственной кажимостью, они все же занимают, согласно Платону, свое место в божественном (естественном) образотворчестве. Эти «изображения, противоречащие привычной видимости», могут оказаться настолько своеобразными, что феноменологически их даже можно понимать как чистую данность, без референции, как нечто спродуцированное и получившее самостоятельное существование. (Так, в феноменологическом смысле Гуссерль указывает «... на некоторые чувственные кажимости, такие, как стереоскопические феномены, которые все-таки можно воспринимать как «просто феномены», совсем как эстетические объекты, т. е. без всякой установки на существование, и одновременно все же так, как они суть сами, но не образы чего-то другого» [\[9, с. 455-456\]](#)). Однако для Платона такое образотворчество является чем-то, скорее, маргинальным. Результат подобного образотворчества – не эйконы, а, скорее, эффекты, впрочем, также имеющие свое законное место в порядке существования.

Что же касается собственно образотворчества, то оно в платонизме включено в порядок и иерархию сил. Предельно внятно говорит об этом Плотин, который развивает тему естественных образов. Истинный образ как таковой не может существовать без непосредственной энергии оригинала: так, если живописец пишет картину или даже свой собственный портрет, то здесь не оригинал производит свой образ, «... ибо и тут не тело живописца само по себе себя рисует и не форма, воспроизведенная в рисунке, сама себя в нем изображает; даже автопортрет гораздо правильнее считать продуктом соединения и расположения цветов, в котором сам живописец отсутствует, ибо тут вовсе не имеет места такое произведение образа своим оригиналом, какое бывает в зеркале, в воде, в тени, где образ, в строгом смысле слова, истекает от предшествующего оригинала и в отсутствие его существовать не может, а между тем именно таким, по нашему мнению, образом происходят низшие силы от высших» [\[10, с. 236\]](#). В данном случае существенную роль в образотворчестве играет не столько мимесис как таковой, сколько энергия оригинала, которая и производит его образы в различных средах. В этой связи интересно наблюдение В. Набокова в романе «Дар». Перед персонажем – забор бродячего цирка с различными искусственными изображениями зверей, сколоченный так, что части зверей перетасовались. Но, в отличие от этих искусственных изображений, тени вели себя по-другому: «... преувеличенные тени листьев (вблизи был фонарь) ложились на доски забора вполне осмысленно, по порядку, – это служило некоторым возмещением, тем более, что их-то никак нельзя было перенести в другое место, заодно с досками, разбив и спутав узор: их можно было перенести на нем только

целиком, вместе со всей ночью» [\[11, с. 159\]](#). Естественные образы не поддаются произвольной комбинации, они действительно репрезентируют реальность, не разбивая ее на части, не симулируя ее, а превращая в целостные картины благодаря оригиналам и естественным энергиям.

Возможно и такое возникновение естественных образов, когда «тело живописца само по себе себя рисует». Это, например, мимесис в природе, точнее, мимикрия, которая также может быть активным началом образотворчества. Набокова восхищает естественная образность в природе, выражая ее целесообразность, – когда «художник» не устранился, но его собственное тело являет этот образ: «... ничего нет более обворожительно-божественного в природе, чем ее вспыхивающий в неожиданных местах остроумный обман: так, лесной кузнечик... прыгнув и упав, сразу меняет положение тела, поворачивая его так, чтобы направление темных полосок на нем совпадало с направлением палых иголок (и теней иголок!). Но осторожно: люблю вспоминать, что писал мой отец: «При наблюдении происшествий в природе надобно остерегаться того, чтобы в процессе наблюдения, пускай наивнимательнейшего, наш рассудок, этот болтливый, вперед забегающий драгоман, не подсказал объяснения, незаметно начинаяющего влиять на самый ход наблюдения иискажающего его: так на истину ложится тень инструмента»» [\[11 с. 298-299\]](#). Не является ли мимикрия излишне изысканной для обмана врагов? Не может ли быть в самой природе «целесообразности без цели»? Все эти вопросы сами собой возникают при созерцании такого «остроумного обмана». При этом образы мимикрии не есть симулякры, призраки, ведь они, обманывая, все же отсылают к оригиналу, они действительно сходны (ведь определенное сходство является для них, как минимум, фактором выживания) с оригиналом, более того, известным образом происходят от оригинала как от того, чему и «хотят» подражать. Призрак же, *fantasma* по Платону – «то, что только кажется сходным, а на самом деле не таково» и не исходит из оригинала [\[2, с. 300, 236b\]](#). Более того, изысканность мимикрии, возможно, говоря о ее сверхфункциональности, выражается в том, что, существо сливаются со средой. И тогда естественное образотворчество создает целостную картину, в которой не только нет места симулярам, но и образы становятся частью среды как целостности.

Образ как медиум

Образ другого типа оказывается производной невидимого, умопостигаемого и должен отсылать к нему: «То же самое относится к произведениям ваяния и живописи: от них может падать тень, и возможны их отражения в воде, но сами они служат лишь образным выражением того, что можно видеть не иначе как мысленным взором» [\[3, с. 293, 510d – 511a\]](#). Образ может обладать медиальной функцией, задающей контекст тому, что сейчас называют «исследованиями визуального». Елена Петровская, говоря об «исследованиях визуального», заметила: «... когда мы сегодня пытаемся дать определение образу, мы должны иметь в виду, что визуальность... не исчерпывается тем, что мы видим. Точнее говоря, разговор о визуальности уводит нас в довольно сложную сферу разговора о невидимом» [\[12, с. 37\]](#). В «исследованиях визуального» даная тема оказывается универсальной.

В «Федре» говорится о припомнании душой своего астрального существования, «припомнании того, что там, на основании того, что здесь», вызывающем состояние благотворной мании [\[13, с. 159, 250a\]](#). Здесь нет фигуративного сходства, образ лишь отсылает к тому, что не может быть репрезентировано, анамнезис отсылает не к эмпирическому предмету, или конкретному чувству, когда-то пережитому, а к самим

архетипам, то есть к архетипическим структурам переживаний. Юнг, фундаментально обосновавший и развивший данную тему, подчеркивал: когда выявляется энграмма (так называет Юнг архетип, «осадок в памяти»), сознание редуцируется к доличностному уровню. Это переживание принадлежит человеку не как определенному индивиду, но, скорее, – человеку вообще в его родовых экзистенциальных возможностях. Очевидно, именно в этом смысле можно понимать загадочную последнюю ступень «лестницы красоты» (созерцание прекрасного самого по себе), о которой поведала мантинеянка Диотима Сократу в своем рассказе о мистерии любви: «Вот каким путем нужно идти в любви – самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх – от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это – прекрасное» [\[14, с. 121-122, 211c\]](#). Такому эрасту доведется «... увидеть прекрасное само по себе прозрачным, чистым, беспримесным, не обремененным человеческой плотью, красками и всяkim другим бренным вздором... увидеть его во всем его единообразии» [\[14, с. 122, 211e\]](#). Возвышение над частным, эмпирическим, в сферу абстракции, духа включает механизм редуцирования к архетипическому. Здесь образы постепенно отсылают к тому, что уже не имеет образа, что невидимо, нефигуративно. Согласно Платону, эротическое неистовство возникает вследствие пробуждения памяти о неземной, истинной красоте при взгляде на красоту здешнюю. Но именно земной красотой влечется душа человека. В этом хитросплетении эротических и духовных устремлений проницательный взгляд эраста прозревает в облике прекрасного юноши как медиума (изваяния) черты божества: «Между тем человек, только что посвященный в таинства, много созерцавший тогда все, что там было, при виде божественного лица, хорошо воспроизведя [ту] красоту или некую идею тела, сперва испытывает трепет, на него находит какой-то страх, вроде как было с ним и тогда; затем он смотрит на него с благоговением, как на бога, и, если бы не боялся прослыть совсем неистовым, он стал бы совершать жертвоприношения своему любимцу, словно кумиру или богу. А стоит тому на него взглянуть, как он сразу меняется, он как в лихорадке, его бросает в пот и в необычный жар» [\[13, с. 160, 251ab\]](#). Здесь сам облик юноши становится медиумом (о figurativном сходстве здесь нет и речи), в котором эраст узнает природу своего бога, которому следовала душа в астральных сферах. Здесь на фоне физически видимого сила визуального оживляет архетипические образы, точнее переживания, уже не имеющие в своей основе определенной фигурации.

Геометрические образы

Геометрическая модель космоса в «Тимее» представляет собой продукт математического (геометрического) воображения. Для Платона является принципиальным убеждение в том, что геометрия дает возможность созерцать бытие. Платон создает геометрические образы стихий, включающие в себя редукцию телесной глубины к совокупности плоскостей, выстраивающихся в правильные многогранники: «... огонь и земля, вода и воздух суть тела, а всякое тело имеет глубину. Между тем любая глубина по необходимости должна быть ограничена некоторыми поверхностями; притом всякая прямолинейная поверхность состоит из треугольников» [\[1, с. 457, 53c\]](#). «Земле мы, конечно, припишем вид куба, ведь из всех четырех родов неподвижна и пригодна к образованию тел именно земля, а потому ей необходимо иметь самые устойчивые основания» [\[1, с. 459, 55e\]](#). Вода приобретает образ икосаэдра, воздух – октаэдра, огонь –

тетраэдра: «Но из всех вышеназванных тел наиболее подвижно по природе своей и по необходимости то, у которого наименьшее число оснований, ибо оно со всех сторон имеет наиболее режущие грани и колющие углы, а к тому же оно и самое легкое, коль скоро в его состав входит наименьшее число исходных частей... Пусть же объемный образ пирамиды и будет, в согласии со справедливым рассуждением и с правдоподобием, первоначалом и семенем огня...» [\[1, с. 460, 56ab\]](#). Сложно однозначно утверждать, отождествляет ли Платон в определенном смысле физическое и геометрическое тело, но совершенно очевидно, что геометрический образ структурно и в данном случае динамически воспроизводит физическое тело («режущие», «колющие», «легкое» – данные характеристики можно отнести к тому, что можно было бы назвать «геометрической синестезией»).

В диалоге «Филеб» Платон в поисках чистого удовольствия приходит к идеи антропологических оснований абстрактного искусства. Прекрасным самим по себе, причем явленным взору, оказывается абстрактная красота очертаний, красок, звуков: Сократ говорит об удовольствиях, не смешанных со страданиями (то есть с теми или иными жизненными потребностями, предшествующими удовольствиям от их удовлетворения): «Это удовольствия, вызываемые красивыми, как говорят, красками, очертаниями, многими запахами, звуками... Под красотой очертаний я пытаюсь теперь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ или картин; нет, я имею в виду прямое и круглое, в том числе, значит, поверхности и тела, рождающиеся под токарным резцом и построенные с помощью линеек и угломеров...» [\[15, с. 58, 51bc\]](#). Действительно, форма, выявляющая некое жизненное содержание, будь она даже нарисованной или же существующей в ментальном образе, несовместима с тем, что Платон понимает под чистым удовольствием. Ведь удовольствие, получаемое от созерцания предметов, обладающих такими формами, является оборотной стороной страдания, поскольку это удовольствие, так или иначе, сополагается с жизненными инстинктами, вожделениями и устремлениями. Чистые же формы (в пределе – геометрические формы, а также цвета и, возможно, звуки как таковые) красивы и доставляют чистое удовольствие сами по себе, ведь они, как таковые, не входят в сферу потребности, влечения.

Эти идеи Платона были осуществлены в абстрактном искусстве и искусстве минимализма 20 века. Цвет, освобожденный от конкретных форм действительности, цвет как самостоятельная эстетическая ценность, а также прямые и ломаные линии, плоскости, геометрические формы, – во всем этом улавливалась абстрактная красота, существенным образом отличная от красоты живых существ, органических форм. Об абстракции как духовном потенциале изобразительного искусства размышляли Кандинский, Малевич. Практики и теоретики минимализма 60-х годов 20-го века Р. Моррис и Д. Джадд размышляли о том, каким образом можно создать визуальный объект, исключающий всякий пространственный иллюзионизм. Джадд считал, что любая живопись, даже модернистская, создает пространственную иллюзию: «Все, что находится на поверхности, имеет за собой пространство. Два цвета на одной поверхности почти всегда находятся на разной глубине» [\[Цит. по: 16 с. 29\]](#). Таким лишенным пространственной иллюзии каноническим визуальным объектом является в минимализме трехмерный пространственный объект геометрической формы. Эти объекты предохранены «... от перемен настроения, от перемен смысла, от нюансов и переливов, создающих ауру, от тревожных странностей всего того, что способно преображаться или попросту свидетельствует о работе времени» [\[16, с. 34-35\]](#). Классическим примером здесь может служить параллелепипед из фанеры Д. Джадда – простой видимый объект

геометрической формы, освобожденный от всех модальностей образного языка и от всего антропоморфного. Такие предельные минималистские объекты, как, например, «Параллелепипед» Джадда, не теряя ничего в своей минимальности, могут быть если не предметом искусства, включающего привычные антропологические механизмы, то, во всяком случае, - если сказать об этом в контексте платоновской мысли, - предметом дающего чистую радость эстетического созерцания. Для этого должен включиться механизм «чистого удовольствия», подробнейшим образом проанализированный Платоном в «Филебе».

Однако во всех геометрических фигурах есть некая целесообразность, которая делает фигуру пригодной для создания многих образов. Абстрактные, геометрические фигуры, не репрезентируя какую-либо реальность, дают возможность конструировать всевозможные фигуры реальности, причем фигуры не только абстрактные, - то есть, геометрические фигуры являются источниками фигуративности как таковой, не имеющей определенных границ. Минималист Роберт Моррис театрализировал геометрические объекты, например, таким образом: «Занавес поднимается. В центре сцены стоит колонна в восемь футов высотой, в два фута шириной, из фанеры, окрашенная в серый цвет. Больше на сцене ничего нет. В течение трех с половиной минут ничего не происходит, никто не входит и не выходит. Внезапно колонна падает. Проходит три с половиной минуты. Занавес опускается» [Цит. по: 16, с. 44]. Здесь возникает минимальная образность, а значит – «игра двусмысленностей и значений», как интерпретирует этот «перформанс» Ж. Диidi-Юберман, ведь стоящая колонна неминуемо оказывается «лицом к лицу» с лежащей: «... дело шло к устраниению всякого антропоморфизма: параллелепипед должен был видеться специфически, как то, что в нем *на виду*. Ни стоящим, ни лежащим – а просто-напросто параллелепипедным. Но мы видели, что «Колонны» Роберта Морриса – являющиеся, тем не менее, точными и специфическими параллелепипедами – вдруг открывают в себе соотносительную силу, заставляющую нас смотреть, как они стоят, падают, лежат и даже покоятся» [16, с. 45].

В контексте абстракции и минимализма, критики иллюзионизма и антропоморфизма обсуждает Платон тему иконографии богов. Представление о боге оказывается предельно простым: «Значит, бог – это нечто вполне простое и правдивое и на деле, и в слове; он и сам не изменяется и других не вводит в заблуждение ни на словах, ни посылая знамения – ни наяву, ни во сне» [3, с. 147, 382e]. Согласно Платону, мифопоэтическое творчествоискажает представления человека о божественной сфере. Когда поэтически воспеваются сражения титанов, гигантов, кентавров, - все это, принимаемое за чистую монету, формирует множество иллюзий в представлениях людей о божественном. Платон по сути говорит, что в представлениях людей о богах есть много иллюзорного, искусственного, чрезмерно художественного, что мешает пониманию религиозных истин. Мысля (в античной космологии геометрически правильные) небесные тела либо как образы богов, либо – как изваяния, созданные богами, Платон неожиданно говорит по сути об астральной общечеловеческой религии, о поклонении Космосу: «... небесным телам следует оказывать больший почет, чем другого рода божественным изваяниям. Ведь никогда не найдется более прекрасных и более общих для всего человечества изваяний, воздвигнутых в столь великолепных местах и отличающихся чистотой, величавостью и вообще жизненностью, именно таковы небесные тела» [17, с. 450, 984ab].

Библиография

1. Платон. «Тимей» // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 3. М., «Мысль», 1994. (Пер. с древнегреч. С.

- С. Аверинцева).
2. Платон. «Софист» // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 2. М., «Мысль», 1993. (Пер. с древнегреч. С. А. Ананьина).
 3. Платон. «Государство» // Собр. соч. Указ. изд. Т. 3. (Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова).
 4. Лейбниц Г. В. Монадология // Соч. в 4-х тт. Т. 1. М., «Мысль», 1982. (Пер. с фр. Е. Н. Боброва).
 5. Кант И. Критика способности суждения. М., «Искусство», 1994. (Пер. с нем.).
 6. Кант И. Критика чистого разума. М., «Мысль», 1994. (Пер. с нем. Н. Лосского).
 7. Лейбниц Г. В. Теодицея // Соч. в 4-х тт. Т. 4. М., «Мысль», 1989. (Пер. с фр. К. Истомина).
 8. Делез Жиль. Различие и повторение. С-Пб., «Петрополис», 1998. (Пер. с фр. Н. Б. Маньковской).
 9. Гуссерль Эдмунд. Логические исследования: Исследования по феноменологии и теории познания. // Собр. соч. Т. 3 (1). М., «Дом интеллектуальной книги», 2001. (Пер. с нем. В. И. Молчанова).
 10. Плотин. Эннеады. Киев, «Уцимм-Пресс», 1995. (Пер. с древнегреч. и англ.).
 11. Петровская Елена. Теория образа. М., Российский государственный гуманитарный университет, 2012.
 12. Платон. «Федр» // Собр. соч. Указ. изд. Т. 2. (Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова).
 13. Платон. «Пир» // Собр. соч. Указ изд. Т. 2. (Пер с древнегреч. С. К. Апта).
 14. Платон. «Филеб» // Указ.изд. Т. 3. (Пер. с древнегреч. Н. В. Самсонова).
 15. Диidi-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас. С.-Пб., 2001. (Пер. с фр. А. Шестакова).
 16. Платон. «Послезаконие» // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., «Мысль», 1994. (Пер. с древнегреч. А. Н. Егунова).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья является весьма компетентным комплексным исследованием роли образа в философии Платона. Значимость этой проблематики для понимания платонизма очевидна, отношения между подлинным бытием мыслимого мира и его разнообразными отражениями как в чувственном мире, так и в деятельности человека (ремесло и искусство) оказываются центральным пунктом, к которому было приковано как внимание самого философа (в том числе, в поздний период – критическое внимание), так и внимание последующей философии и культуры. Стоит напомнить известные слова Уайтхеда о европейской философии как «комментарии» к платоновскому учению, и станет понятно, насколько широким должен оказаться спектр последователей, интерпретаторов и критиков, у которых можно обнаружить «вариации» «концепции образа» Платона. Скажем, однако, и о недостатках статьи, поскольку их устранение способно значительно повысить уровень текста. В статье нет ни введения, ни заключения; возможно, представленный материал является частью какой-то более обширной работы, и нет ничего плохого в том, чтобы познакомить читателя первоначально с его «журナルным вариантом», но в этом случае необходимо всё же следовать привычным требованиям: читатель должен видеть постановку проблемы и

полученный результат. Далее, в списке литературы нет серьёзных публикаций о философии Платона (отечественная традиция антиковедения предоставляет в этом случае самые широкие возможности). Соответственно, и изложение учения Платона осуществляется вне связи с тем пониманием этой проблематики, которая уже сложилась в науке. «Индивидуальный комментарий» может выступать самой ценной частью исследования, но всё же хотя бы общее воспроизведение контекста обсуждения философии Платона давать необходимо. Наконец, самое существенное замечание состоит в следующем. Учение Платона об образе даёт столь широкие возможности для выбора материала, на котором можно было бы проследить его «вариации», что об этом нужно сообщить читателю уже в самом начале статьи (может быть, даже вынести это указание в подзаголовок). В противном случае название статьи оказывается значительно шире её реального содержания. Рецензент не считает, что приводимые автором примеры указывают на самые значительные интерпретации платоновской концепции образа, в этой связи некоторые ссылки и цитаты представляются неуместными, но автор вправе иметь на этот счёт собственное мнение; при этом, однако, его необходимо отчётливо артикулировать. (Например, фрагмент «Образ может обладать медиальной функцией, задающей контекст тому, что сейчас называют «исследованиями визуального». Елена Петровская, говоря об «исследованиях визуального», заметила: «... когда мы сегодня, и т.д.»» предстает неудачным уже потому, что история культуры полна куда более «авторитетных» свидетельств связи «видимого» и «невидимого».) Думается, что замечания могут быть учтены автором в рабочем порядке, статья в целом соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям, рекомендую принять её к печати.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Чекрыгин О.В., Надеина Д.А. Проблема датировки синоптических евангелий и ее влияние на реконструкцию образа исторического Иисуса // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76291 EDN: NNTBOG URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=76291

Проблема датировки синоптических евангелий и ее влияние на реконструкцию образа исторического Иисуса

Чекрыгин Олег Всеволодович

ORCID: 0009-0007-4393-1445

кандидат философских наук

независимый исследователь

115419, Россия, г. Москва, ул. Серпуховский вал, 24

ochek@bk.ru**Надеина Дарья Александровна**

ORCID: 0009-0006-6063-8171

независимый исследователь

115682, Россия, г. Москва, ул. Ореховый, 59

Bogoslovblog@gmail.com[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76291

EDN:

NNTBOG

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2025

Дата публикации:

23-10-2025

Аннотация: Статья посвящена критическому пересмотру источниковедческой базы в рамках проблемы «исторического Иисуса». Авторы ставят под сомнение устоявшуюся в академической библеистике хронологию новозаветных текстов, доказывая, что

традиционная датировка синоптических Евангелий (Матфея, Марка и Луки) серединой I века является необоснованной. В качестве ключевого аргумента выдвигается тезис о приоритете «Евангелия Господня» Маркиона (ок. 140 г.), которое рассматривается как первичный синоптический текст, в то время как канонические синоптики являются более поздними (вторая половина II в.) итенденциозно отредактированными компиляциями. Внутри христианской традиции авторы подвергают сомнению достоверность синоптических Евангелий, указывая на «молчание» апостола Павла, мужей апостольских и раннехристианских авторов, которые не демонстрируют знакомства с этими текстами в их канонической форме до конца II века. Авторами применяются как междисциплинарный подход, так и классический историко-критический. На основе анализа внебиблейских свидетельств (Иосиф Флавий, Тацит, мандейская литература) делается вывод об их крайне ограниченной ценности в силу позднего происхождения и зависимости от сложившихся нарративов. Кардинальный хронологический сдвиг датировки синоптических евангелий позволяет предложить новую иерархию источников. На первый план выходят Евангелие от Иоанна и, в особенности, Евангелие от Фомы, которое, по мнению авторов, содержит наиболее древний пласт речений (логий) Иисуса и может рассматриваться как претендент на роль гипотетического источника Q. Синоптики, в свою очередь, далее рассматриваются как вторичный источник сомнительной достоверности. Этот пересмотр ведет к радикальному переосмыслинию образа Иисуса: он предстает не как мессия в рамках иудаизма Второго Храма, а как антагонист библейской традиции, проповедник иного Бога – Отца Небесного. Таким образом, исследование предлагает полную ревизию научной парадигмы «поисков исторического Иисуса», ставя под вопрос устоявшийся консенсус о его иудейском контексте и центральности синоптической традиции.

Ключевые слова:

синоптические евангелия, датировка, Маркион Синопский, псевдоэпиграфы, источниковедение, аргумент молчания, мужи апостольские, Папий Иерапольский, реконструкция, Евангелие от Иоанна

Введение

Концепция «исторического Иисуса» представляет собой результат научной реконструкции его личности и биографии, основанной на методологии исторической науки и данных римских и иудейских источников.

Традиционная парадигма, все еще последуя Д.Ф. Штраусу (1835–1836)^[1], отдает приоритет синоптикам, датируемым серединой I в., над Евангелием от Иоанна (конец I – начало II вв.).

Множественность научных реконструкций свидетельствует, что лишь немногие факты об Иисусе установлены с уверенностью. Тем не менее, существует консенсус по ряду положений: приоритет синоптиков перед Евангелием от Иоанна; контекстуализация Иисуса в иудаизме Второго Храма; центральность проповеди о Царстве Божьем; репутация чудотворца; распятие приPontии Пилате. Дискуссия о принадлежности Иисуса к апокалиптическому иудаизму^[2] утратила былую активность, поскольку ученые расходятся в конкретике его эсхатологических ожиданий .

Между тем, современные исследования в области датировки древних источников

позволяют пересмотреть проблему «исторического Иисуса». Авторы данного исследования фокусируются на оценке достоверности источников сквозь призму их датировки. Цель настоящего исследования — проанализировать возможное влияние новых датировок на оценку достоверности источников и выявить последствия этого для научной парадигмы «поисков исторического Иисуса».

Обзор научной литературы

Зарождение «поиска» связано с деятельностью Германа Реймаруса [3] [4], а дальнейшее развитие — с исследованиями Э. Ренана [5][6] И. Вейса [7] и Альберта Швейцера [8].

С 1920-х гг. в немецкоязычной библеистике возобладали агностические подходы, акцентировавшие скучность достоверных сведений об Иисусе, что было обусловлено влиянием Р. Бультмана, полагавшего возможным установить лишь базовые факты (1926) [9]. Перелом наступил в 1953 г., когда ученики Бультмана разработали критерии установления достоверности преданий. Ранним образцом этого направления стала работа Г. Борнкама (1956), противопоставлявшая Иисуса иудаизму [10].

Новый рост интереса к «поиску исторического Иисуса» отмечается с середины 1980-х гг. Деятельность «Семинара по Иисусу» (Jesus Seminar, 1985–1998) в США привела к отказу от швейцеровской эсхатологической концепции и осмыслению Иисуса как контркультурного учителя, оспаривавшего социальные нормы [11]. С. Дейвис (1995) характеризовал его прежде всего как целителя и мистика [12]. Согласно М. Боргу, Иисус был многогранной личностью: мистиком, целителем и учителем-приточником, противопоставлявшим ритуальной чистоте сострадание; позднее ученый перешел к «партиципаторной» модели, где человек выступает соработником Бога в установлении Царства [13].

С 1980-х гг. развернулся «третий поиск исторического Иисуса», сместивший фокус на изучение исторической Галилеи. В отличие от предшествующих этапов, базировавшихся преимущественно на текстуальном анализе Писания и апокрифов, третий этап привлек данные истории и археологии Галилеи с тем, чтобы исследовать социальную и этнорелигиозную среду, в которой предположительно формировалась личность Иисуса [14].

К «поиску» подключились и церковные историки, использовавшие научную методологию для обоснования достоверности Евангелий. Наибольшую известность получили работы Н.Т. Райта [15], интерпретирующего Иисуса как Мессию и эсхатологического пророка, но трактующего эсхатологический язык метафорически. Резонансной стала также попытка Р. Бокема доказать, что Евангелия, включая Иоанново, основаны на свидетельствах очевидцев [16].

Однако, современные работы Рота [17], Клингхардта [18] и Винсента [19] позволяют предположить, что «Евангелие Господне» Маркиона (опубликовано ок. 140 г.) является пресиноптическим текстом, что, предположительно, может сдвинуть датировку синоптиков к середине – концу II в. Данное хронологическое смещение в случае его признания майнстримной наукой может повлиять на возможность пересмотра прежних реконструкций.

Исторические источники сведений об Иисусе

Корпус внебиблейских упоминаний об Иисусе в исторических источниках предельно ограничен и насчитывает всего лишь три ключевых свидетельства:

1. Единственное неоспариваемое упоминание у Иосифа Флавия (37–100 гг.) содержится в «Иудейских древностях» [\[20, кн.18:9:11\]](#): «Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями».

О том же Иакове сообщает Евсевий Памфил (IV в. н.э.) в «Истории церкви» [\[21\]](#) В первой главе второй книги он, ссылаясь на утраченные «Очерки» Климента Александрийского (150–215), пишет: «...избрали епископом Иерусалима Иакова Праведного... Этого "Праведного" упоминает и Павел: "Из апостолов я никого не видел, кроме Иакова, брата Господня"». В 23-й главе той же книги Евсевий, цитируя не сохранившиеся «Записки» Егезиппа (сер. II в.), приводит развернутое описание Иакова как аскета-назорея, пользовавшегося исключительным авторитетом в Иерусалиме и даже правом входа во Святая Святых.

Возникает историко-логический казус: сын галилейского плотника неожиданно предстает в столице как «брать Господень» и одновременно – как признанный фарисейский праведник, обладающий уникальными привилегиями в Храме. Возможным объяснением данного противоречия могла бы стать гипотеза о том, что Иаков иерусалимским фарисеем, провозгласившим себя братом Воскресшего с целью возглавления иудеохристианской секты в Иерусалиме. В этом случае, однако, пришлось бы признать, что апостолы, упоминаемые в Деяниях и посланиях Павла как пребывавшие в Иерусалиме, не являются теми самыми Петром и Иоанном, представленными в канонических евангелиях, поскольку настоящие апостолы, имевшие личные отношения с семьей Иисуса, не смогли бы признать в Иакове брата Господня. Таким образом, можно предположить, что Иаков «брать Господень» не имел реального отношения к историческому Иисусу, но использовал нарратив о Нем для консолидации новой иудейской мессианской общины.

2. Упоминание у Тацита в «Анналах» (116 г.) [\[22, кн. 15, гл. 44\]](#): «Христос (Иисус – прим. авт.), от которого произошло это имя (христиане – прим. авт), во время правления Тиберия подвергся жесточайшей казни от рук одного из наших прокураторов, Понтия Пилата, и самое пагубное суеверие, на какое-то время подавленное, снова вспыхнуло не только в Иудее, первом источнике зла, но даже в Риме...».

3. Фрагмент из мандейской «Книги Иоанна» [\[23, гл. 30\]](#), где содержится диалог между Иоанном Крестителем и Иисусом, обвиняемым в том, что он «лгал евреям», «обманул народ, священников», «нарушал субботу» и «трубил во всеуслышание». Иоанн Креститель здесь выступает как ревнитель иудаизма, что с точки зрения его преданности мандейской религии другого, нееврейского, божества Хайи Рабби (Великий Свет), выглядит не вполне убедительно. Последнее обвинение Иоанном Иисуса может как раз свидетельствовать об эзотерическом характере первоначального мандейского учения как ревниво охраняемого от посторонних тайнознания, разглашение которого – грех. В целом же, обвинения же в адрес Иисуса как нарушителя иудейского закона, вложенные в уста Иоанна, демонстрируют возможное влияние позднейшей иудейской полемической традиции, впоследствии инкорпорированной в мандейский текст.

Резюмируя анализ внебиблейских источников, следует констатировать их позднюю по отношению к евангельским событиям датировку, что исключает возможность опоры на

свидетельства очевидцев и позволяет говорить лишь о фиксации сложившихся к тому времени нарративов и слухов. Следовательно, их ценность как собственно исторических свидетельств об Иисусе является до известной степени условной.

Что же касается корпуса библейских источников (канонических и апокрифических), то авторы, опираясь на работы М. Винсента, М. Клингхардта и Д.Т. Рота, а также их предшественников (А. фон Гарнака и др.), считают возможным, что синоптические евангелия представляют собой поздние компиляции (не ранее 150 г.) «Евангелия Господня» Маркиона (140–144 гг.), то есть являются вторичными текстами, не обладающими самостоятельной достоверностью. Само «Евангелие Господне» также несет на себе заметные следы редакторских вкраплений в текст, восходя к мессианскому иудеохристианству. Более ранним по отношению к обозначенному выше сроку появления маркионова «Евагелия Господня» 140-м годом и, в силу этого, возможно, заслуживающим большего доверия, чем весь корпус синоптических евангелий, представляется Евангелие от Иоанна, хотя и в нем обнаруживаются следы более поздних интерполяций, контрастирующих с общей антииудейской направленностью текста. Наконец, Евангелие от Фомы, не включенное в канон и, предположительно, содержащее наиболее древний пласт логий, может рассматриваться как источник, в наибольшей степени приближенный к аутентичному учению исторического Иисуса.

Датировка источников

Классическая датировка канонических евангелий, доминирующая в современной библеистике, формулируется по стандартной схеме: «Время создания достоверно установить невозможно, но...», после чего следует апелляция к мнению «большинства ученых», склоняющихся к более или менее обоснованным предположениям. Литература по данному вопросу необозрима, и в качестве репрезентативного примера можно указать на фундаментальный труд Б. Мецгера «Канон Нового Завета»[\[24\]](#). Согласно этим консенсусным датировкам, Матфей относится к 50–60-м гг. I в., Марк — к 60–70-м, Лука — к 70–80-м, а Иоанн, позиционируемый как «наименее достоверный», — к 90–100 гг.

Характерна аргументация, приводимая в пользу сомнительности Евангелия от Иоанна. В работе Г. Ястребова «Кем был Иисус из Назарета»[\[25\]](#) утверждается, что текст евангелия внутренне противоречив: сочетает высокую философию и конфликт с иудаизмом. Автор предполагает, что община, стоявшая у истоков текста, была отлучена от синагоги после рационализации мистического опыта, а сами речи Иисуса представляют собой конгломерат слов исторического Иисуса и откровений Воскресшего, что делает их исторически неверифицируемыми. На этом основании делается вывод о предпочтительности исключения данного евангелия из исторической реконструкции.

Подобная аргументация заслуживает критического осмысления. Основной «недостаток» четвертого евангелия усматривается не в исторических или текстологических проблемах, а в его острой полемике с иудаизмом, что косвенно трактуется как признак недостоверности. Создается впечатление, что христианство априори рассматривается как часть иудейской традиции, а любая антииудейская риторика в устах Иисуса объявляется анахронизмом. Тезис о смешении речей «земного» и «воскресшего» Иисуса, при отсутствии признаваемой автором самой возможности такого различия, выглядит малоубедительным. Таким образом, под видом научной осторожности осуществляется идеологически мотивированное исключение ключевого источника, неудобного своей антииудейской направленностью.

Обратимся к обоснованиям ранней датировки синоптиков. Обширность вторичной

литературы контрастирует с скучостью первичных аргументов. Фундаментальным, по сути, считается единственный аргумент – свидетельства Папия Иерапольского (ок. 70-155 гг.) в двух цитатах, сохраненные Евсевием Кесарийским [21, кн. 3, гл. 39:14-17]. Папий упоминает Марка как переводчика Петра, записавшего воспоминания апостола бессистемно, и Матфея, составившего «беседы Иисуса по-еврейски».

Однако критический анализ этих цитат демонстрирует их недостаточность в качестве доказательства авторства канонических евангелий. Упоминаемый Марк фиксировал разрозненные предания, а не связное повествование. Сообщение же о «еврейском» оригинале Матфея противоречит данным текстологии, указывающим на греческий оригинал этого евангелия [26] (блаженный Иероним Стридонский утверждает, что ему довелось видеть оригинальное Евангелие от Матфея на древнееврейском языке, находившееся в Кесарийской библиотеке, собранной мучеником Памфилом [27]). Таким образом, «записи», о которых говорит Папий, вряд ли могут быть отождествлены с каноническими текстами [28, 29]. Прочие аргументы в пользу ранней датировки были убедительно опровергнуты в монографии М. Винсента [19]. Прямых документальных свидетельств существования синоптических евангелий до 140 г. не существует.

В то же время, согласно уже упомянутым выше современным исследованиям Рота [17] и Клингхардта [18] было восстановлено «Евангелие Господне» Маркиона, входившее в его первый Новый Завет наряду с корпусом десяти Посланий Павла. Начало этому в свое время положил еще А. фон Гарнак, но «Уайт, Гарнак и Нокс имели в своем распоряжении недостаточно легитимный объем оригинального маркионова текста для доказательства большинства своих выводов, которые были справедливо раскритикованы целой плеядой исследователей и к концу XX в. “сданы в архив” истории науки» [30]. Однако, в 2015 году два исследователя, Дитер Т. Рот и Маттиас Клингхардт, независимо друг от друга представили новые реконструкции текста Евангелия Маркиона. Рот создал детальную реконструкцию на греческом, оценив достоверность различных фрагментов, а Клингхардт, используя в том числе ранние латинские версии Евангелия от Луки, предложил собственную версию греческого оригинала, сопроводив её сравнительным анализом с каноническими евангелиями.

Выводы Клингхардта оказались революционными: он утверждает, что каноническое Евангелие от Луки является переработанной версией текста Маркиона. На этом основании он идентифицирует евангелие Маркиона как «пресиноптическое» (то есть созданное до других синоптических евангелий), датирует Евангелие от Луки II веком н.э. и ставит под сомнение существование гипотетического источника Q. Эти идеи были представлены и обсуждались в 2016 году на сессии Общества исследователей Нового Завета под названием «Евангелие Марсиона и Новый Завет: катализатор или последствия?» []

В 2017 году известный специалист по Тертуллиану П.А. Грамалья выпустил книгу с критическим разбором работы Клингхардта. Проведя лексический анализ, он также обнаружил в тексте Маркиона характерные для Луки языковые особенности. Однако, в попытке защитить независимость канона, Грамалья предложил «гипотезу двух изданий Луки». Согласно ей, Маркион использовал не более ранний самостоятельный текст, а первое издание Евангелия от Луки, в то время как римские епископы имели его вторую, доработанную версию [31].

Таким образом, масштабная работа Клингхардта в целом подтвердила точку зрения таких

учёных, как Дж. Нокс, считавших евангелие Маркиона первоисточником для синоптических. Спустя восемнадцать веков осуждения, репутация Маркиона в современной библеистике была восстановлена.

Принимая условно консенсусную датировку Евангелия от Иоанна рубежом I-II вв. и учитывая упомянутые новейшие исследования, предполагающие возможный сдвиг датировки синоптиков как предполагаемых компиляций «Евангелия Господня» Маркиона, датируемого около 140г., во вторую половину II в., мы сталкиваемся с напрашивающимся парадоксальным выводом: вполне вероятно, что не Иоанн заимствовал у синоптиков, а, напротив, синоптическая традиция, включая Маркиона, использовала материал иоаннова евангелия.

Особый интерес в этом контексте представляет Евангелие от Фомы, датировки которого характеризуются разбросом от 60 вплоть до 140 гг. Однако, авторы предпочитают предположение датировок более ранних, в пределах I века, чем поздних. Сама его форма (собрание логий) свидетельствует о примитивном, архаичном характере памятника, что является аргументом в пользу его древности. Утверждения о 50% схожести с синоптиками, в предположении принятия новой хронологии, указывают не на зависимость Фомы, а – наоборот – на его использование более поздними авторами. В этом случае упрощение и банализация ряда сложных логий от Фомы к синоптикам (ср., например, Лог. 52 у Фомы и Лк. 16:13) может также подтвердить этот тезис. Таким образом, Евангелие от Фомы в том числе может рассматриваться как реальный претендент на роль гипотетического источника Q.

Достоверность окологиблейских источников

Приходится констатировать, что весь корпус окологиблейских источников характеризуется низкой степенью достоверности в силу своей очевидной лингвистической вторичности. Исторический Иисус и его ученики были галилеянами, вероятно, неграмотными и говорившими на арамейском, в то время как евангелия созданы на литературном греческом языке, что исключает возможность их прямого авторства со стороны апостолов. Следовательно, тексты евангелий в лучшем случае представляют собой фиксацию устных преданий, записанных неизвестными компиляторами со слов неустановленных свидетелей.

В то же время сомнение в достоверности касается, прежде всего, описания событий, при устной передаче которых неизбежно возникают искажения, подобные эффекту «испорченного телефона»: нарративы подвергаются гиперболизации и мифологизации для усиления драматизма и значимости рассказчика. Тогда как речевые блоки, такие как притчи и монологи, в процессе передачи имеют тенденцию к упрощению и редукции сложных смыслов. Яркой иллюстрацией данной тенденции служит эволюция логий Иисуса: их изначально загадочный и многозначный характер в Евангелии от Фомы последовательно нивелируется в более поздних текстах, таких как Евангелие Маркиона, где они нередко низводятся до уровня расхожих дидактических максим.

Критика достоверности Евангелия от Иоанна со стороны академической библеистики, при всей ее глубокой научности, нередко маскирует зачастую предвзятое сомнение исследователей в его идеологической подоплеке, носящей порой вызывающий характер противопоставления самим Иисусом себя и своих воззрений традиционной библейской парадигме. Главным «недостатком» текста оказывается его радикальная антииудейская направленность, которая ставит под сомнение конвенциональную теорию об иудеохристианской «авраамической» преемственности, особенно активно

разрабатываемую в последнем столетии.

Благодаря синоптическому корпусу, очевидно, подвергшемуся последовательной редакторской правке, христианство было в значительной степени трансформировано в инструмент проповеди верований Еврейской Библии (Танаха). Это привело к парадоксальной ситуации, в которой центральные фигуры иудейского культа — библейские патриархи и пророки — зачастую известны пастве лучше, чем собственно учение Иисуса, а теоном Иегова, наделенный в текстах Ветхого Завета чертами, не характерными для проповеданного Иисусом царства любви, почитается как Бог-Отец. Более того, христологическая доктрина, увязывающая Иисуса как Сына Божьего с мессианскими ожиданиями иудаизма, создает непреодолимое логическое противоречие, представляя Его «Царем Иудейским» — титулом, для христиан изначально имевшим изdevательский характер в виде надписи Пилата на крестной табличке Иисуса.

Аналогичная ситуация складывается с Евангелием от Фомы, не включенным в канон и отнесенном церковной рецепцией к числу апокрифов. Анализ его содержания не обнаруживает в нем никаких сокровенных «тайн» или мистических ключей к бытию. Содержащиеся в тексте иносказания, с точки зрения авторов, являются зашифрованной реакцией на острые религиозно-политические дискуссии эпохи, обсуждение которых в открытой форме было сопряжено с риском. Последующая интерпретационная традиция, как гностическая, так и ортодоксальная, несмотря на все попытки, не смогла выявить в нем сколь-либо достоверно внятной и последовательной мистической системы, что свидетельствует об отсутствии таковой в исходном тексте. И потому признание этого текста аутентичным источником подлинных логий Иисуса представляется не только актуальным, но и весьма запоздалым с точки зрения ценности его возможного вклада в восстановление подлинного Учения Иисуса, по мнению некоторых ученых [28] частично утраченного Церковью за два тысячелетия ее преданности «авраамическому» иудеохристианству.

Что касается синоптических евангелий, то на сегодняшний день можно предполагать в общих чертах доказанным их вторичный и компилиативный характер. При условии принятия этой доктрины становится очевидным, что все три представляют собой поздние редакции «Евангелия Господня» Маркиона, подвергшиеся целенаправленной редакторской правке. Целью этой редактуры авторы считают интеграцию фигуры Иисуса в контекст иудейской мессианской традиции (через приписывание ему происхождения от Давида) и реинтерпретацию Его учения как проповеди иудаизма среди христиан из числа бывших язычников (Мф. 28:19).

Подведение итогов

Систематизируем установленные факты, касающиеся датировки синоптических евангелий.

1. *Молчание Павла.* В корпусе канонических павловых Посланий (14 текстов) отсутствуют какие-либо упоминания о существовании письменных евангелий. Встречающиеся в Посланиях имена Марка, Матфея и Луки никак не связаны с авторством синоптических евангелий, а сам термин «евангелие» употребляется исключительно в значении устной проповеди. Это молчание представляется значимым, учитывая хронологическое пересечение периодов предполагаемого создания евангелий (40–70-е гг.) и деятельности Павла (50–60-е гг.).

2 . *Молчание апостольских посланий.* В апостольских посланиях, включая те, что приписываются Иакову, Петру и Иоанну, нет ссылок на евангельские тексты или их

авторов. Упоминания о Марке (1 Пет. 5:13) носят бытовой, а не литературный характер и не идентифицируют его как евангелиста.

3. Молчание мужей апостольских. Мч. Иустин упоминает «евангелия» в первой из своих «Апологий» [32, 1:66:3] в следующем контексте: «Ибо апостолы в написанных ими сказаниях, которые называются Евангелиями...», но нужно понимать, что, во-первых, в греческом языке эллинистической эпохи (койне) термин εὐαγγέλιον означал «благая весть» [33]: εὖ «хороший» + ἀγέλος «посланник» + словообразовательный суффикс -ιον, то есть, буквально «хорошее послание», а вовсе не то религиозное значение, которое в наше время придается конкретным текстам Нового Завета; а во-вторых, Иустин Мученик писал свои «Апологии» в период 149-155 гг., когда уже на протяжении десятилетия общеизвестным являлось «Евангелие Господне» Маркиона, обнародованное в 140-м году. Имел ли ввиду Иустин под «сказаниями апостолов» именно это евангелие, доподлинно установить невозможно, но конкретного авторства упомянутого им εὐαγγέλιον он не приводит – тем более, что из апостолов единственным автором своего четвертого евангелия предположительно является Иоанн Богослов, входивший в число «двенадцати», но никак не маловестные Марк, Матфей и Лука.

4 . Проблематичность свидетельства Папия. Упоминания Папием (в передаче Евсевия) Марка и Матфея, очевидно, не могут служить доказательством авторства канонических текстов. Упомянутые им записи (бессистемные воспоминания Марка, «беседы» Матфея на еврейском) принципиально отличаются от литературно оформленных синоптических евангелий. Лука в этом контексте не упоминается вовсе.

5 . Отсутствие прямых цитат. Анализ текстов мужей апостольских не обнаруживает дословных цитат из синоптических евангелий. В исследовании Койсина [34] систематизированы случаи предполагаемых заимствований: Игнатий Богоносец демонстрирует 7 текстуальных параллелей без указания источников; Климент Римский – 5 аналогичных случаев; Псевдо-Варнава – 5 параллелей (при этом само послание признано псевдоэпиграфом с вероятной датировкой V веком); Поликарп Смирнский – 10 случаев, однако его послание создавалось после 140 года, в период активной антимаркионитской полемики, когда текст Евангелия Маркиона уже получил распространение. Таким образом, совокупный корпус релевантных текстовых соответствий сводится к 12 неатрибутированным параллелям у двух авторов, лишенным как прямых отсылок к евангельским текстам, так и точной текстуальной идентичности. Наблюдаемые совпадения правомерно интерпретировать как отражение общих мест устной традиции, что создает основания для гипотезы об обратном заимствовании: именно редакторы канонических синоптических евангелий могли использовать раннехристианские писания в качестве одного из источников при формировании своих текстов, а не наоборот, как это принято считать «большинством ученых».

6 . Приоритет Евангелия Маркиона. Первым исторически засвидетельствованным синоптическим текстом, согласно приведенным выше доводам, можно считать «Евангелие Господне» Маркиона (ок. 140 г.). В пользу этой версии первичности маркионова текста также свидетельствует отсутствие упреков в адрес Маркиона за «урезание», казалось бы, уже общеизвестного евангелия от Луки на протяжении целых сорока лет от его представления Маркионов в 140-м году вплоть до последней четверти II века.

7 . Хронологический разрыв. Сведения о канонических синоптических евангелиях и их авторах появляются лишь около 180 г. (Мураториев канон, Ириней Лионский).

Сорокалетний разрыв между появлением текста Маркиона и первыми упоминаниями других синоптиков ставит под обоснованное сомнение их существование в более ранний период.

Окончательный вывод.

Совокупность представленных данных позволяет предполагать, что синоптические евангелия в их канонической форме не существовали до середины II века. В таком случае «Евангелие Господне» Маркиона предстает первым зафиксированным текстом этого типа. Канонические же евангелия от Матфея, Марка и Луки в свете этого допущения представляют собой более поздние псевдоэпиграфические редакции, созданные в рамках полемики с маркионизмом и поименованные известными личностями для придания им авторитета «от апостолов». Данный хронологический сдвиг (со второй половины I на вторую половину II века) может кардинально изменить источниковедческую базу «поисков исторического Иисуса», переведя синоптиков в статус более поздних компиляций, и выводя на первый план такие тексты, как Евангелие от Иоанна и Евангелие от Фомы, в которых Иисус более представлен как антагонист библейского иудаизма и проповедник другого, не библейского, Бога, Отца Небесного.

Библиография

1. Strauss D. F. Das Leben Jesu : kritisch bearbeitet. – Tübingen : C. F. Osiander, 1835–1836.
2. Bauckham R. Jesus and the eyewitnesses : the Gospels as eyewitness testimony / R. Bauckham. – Grand Rapids, MI : William B. Eerdmans, 2006.
3. Reimarus H. S. Apologie oder Schutzschrift für die vernünftigen Verehrer Gottes. 1 / Hermann Samuel Reimarus ; hrsg. von G. Alexander. – Frankfurt am Main : Insel-Verlag, 1972.
4. Reimarus H. S. Reimarus, fragments / H. S. Reimarus ; transl. by C. H. Talbert. – Philadelphia : Fortress, 1970.
5. Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). Рец. на: Джеймс Д. Данн. Новый взгляд на Иисуса: Что упустил поиск исторического Иисуса. – М.: Библейско-богословский институт святого апостола Андрея, 2009. Архивировано 1 ноября 2014 года. // Богослов.ру, 14.01.2010.
6. Игумен Иннокентий (Павлов). От Ренана до Данна. Рец. на Джеймс Данн. Новый взгляд на Иисуса. Что упустил поиск исторического Иисуса. – М.: ББИ, 2009. – 207 с.
7. Weiss J. Die Predigt Jesu vom Reiche Gottes / J. Weiss. – Goettingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1892.
8. Schweitzer A. Von Reimarus zu Wrede : eine Geschichte der Leben-Jesu-Forschung / A. Schweitzer. – Tübingen : Mohr-Siebeck, 1906.
9. Bultmann R. K. Jesus / R. Bultmann. – Berlin : Deutsche Bibliothek, 1926. – (Unsterblichen ; Bd. 1).
10. Bornkamm G. Jesus von Nazareth / G. Bornkamm. – Stuttgart : Kohlhammer, 1956.
11. Funk R. W. The five gospels : the search for the authentic words of Jesus / R. W. Funk, R. W. Hoover, J. Seminar. – New York : Scribner, 1993.
12. Davies S. L. Jesus the healer : possession, trance, and the origins of Christianity / S. L. Davies. – New York : Continuum, 1995.
13. Borg M. Jesus : uncovering the life, teachings, and relevance of a religious revolutionary / M. Borg. – San Francisco, CA : HarperSanFrancisco, 2006.
14. Неклюдов, К. В. Археология Галилеи и "третий поиск исторического Иисуса". В сб.: Современная библеистика и Предание Церкви: Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви. – М., 2017. – С. 199-214.
15. Wright N. T. Jesus and the victory of God / N. T. Wright. – London : Society for

- Promoting Christian Knowledge, 1996.
16. Borg M. The apocalyptic Jesus: a debate / M. Borg, D. C. Allison, J. D. Crossan, S. J. Patterson ; ed. by R. J. Miller. – Santa Rosa, CA : Polebridge Press, 2001.
 17. Roth D. The Text of Marcion's Gospel. – Leiden, 2015. – P. 7-45.
 18. Klinghardt M. Das älteste Evangelium und die Entstehung der kanonischen Evangelien. Bd. I-II. – Tübingen, 2015.
 19. Vinzent M. Marcion and the Dating of the Synoptic Gospels // King's College, London.
 20. Иосиф Флавий. Иудейские древности. / Пер. Г. Г. Генкеля. – СПб., 1900. – В 2 т. Т. 1. 717 стр. Т. 2. 420 стр. – Переизд.: с пред. и прим. В. А. Федосика и Г. И. Довгяло. – Минск, Беларусь, 1994. – Т. 1. 560 стр. Т. 2. 608 стр.
 21. Церковная история / Евсевий Кесарийский; Ввод. ст., коммент. И.В. Кривушкина. – Научное издание. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2013. – 544 с.
 22. Тацит Публий Корнелий. Анналы. – М.: Родина, 2023. – 448 с.
 23. Хаберл, Чарльз; МакГрат, Джеймс. Мандейская книга Иоанна: критическое издание, перевод и комментарий. – Berlin: De Gruyter, 2020. – ISBN 978-3-11-048651-3. – OCLC 1129155601.
 24. Мецгер, Брюс М. Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. – Издательский дом: ББИ, 2008. – 332 с.
 25. Ястребов Г. Г. Кем был Иисус из Назарета?. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с. – EDN: QUPPHL.
 26. Десницкий А. С., Степанцов С. А., протоиерей Леонид Грилихес, Виноградов А. Ю., Ткаченко А. А. Евангелие. Часть II // Православная энциклопедия. – М., 2007.
 27. Подвижники: Избранные жизнеописания и труды. – Самара: Изд. дом "Агни", 1998-. – Т. 2. – 1999. – 319, [1] с., [18] л. цв. ил. / Св. Иероним Стридонский. О знаменитых мужах. – С. 176-226.
 28. Евлампиев И.И. Неискаженное христианство и его первоисточники // Соловьевские исследования. Выпуск 4(52), 2016.
 29. Хазарзар Р. Сын Человеческий. – М., 2004. – С. 19-21, 25-27.
 30. Рычков А. Л. Гностическое христианство в истории европейской философии: от Маркиона до наших дней // Соловьевские исследования. Выпуск 2(57), 2018.
 31. Gospel and the New Testament: Catalyst or Consequence? // New Testament Studies. 2017. Vol. 63 (2).
 32. Св. Иустин-философ и мученик: Творения / [Пер. предисл. А.И. Сидорова]. – Репринт. изд. – Москва : Паломник : Благовест, 1995. – 484 с. (Библиотека отцов и учителей церкви) / Отдел I. – С. 1-124.
 33. Woodhead, Linda. Christianity: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2004. – ISBN 978-0199687749.
 34. Койсин В. "Евангельские цитаты в раннехристианских посланиях: опыт статистического исследования" / Электронный ресурс. URL: https://lib.rmvuz.ru/bigzal/koissin_yevangelskiye-tsitaty-v-rannekhristianskikh-poslaniyakh (дата последнего обращения 16.10.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Пещаницкая Е.В. Мультисенсорная семантизация цвета в контексте формирования комфортной городской среды // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76340 EDN: GZGTBH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76340

Мультисенсорная семантизация цвета в контексте формирования комфортной городской среды

Пещаницкая Елена Владимировна

аспирант; кафедра социологии и философии; Смоленский государственный университет
научный сотрудник Лаборатории цвета; Смоленский государственный университет

214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ ScarletReindeer@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.10.76340

EDN:

GZGTBH

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2025

Дата публикации:

28-10-2025

Аннотация: Целью исследования является анализ и систематизация значений цвета, возникающих в контексте кросс-модальных соответствий при мультисенсорном восприятии, с обоснованием потенциала данных значений с позиций мультисенсорного урбанизма. Объектом его выступает поле кросс-модальных взаимосвязей с участием цвета и его семантики; предметом – механизмы и закономерности формирования значения цвета в связи с его ролью в мультисенсорном восприятии. Рассматриваемый тип восприятия понимается как единство биологических и социокультурных факторов, а основанный на нем подход к проектированию городской среды – как путь к восстановлению связи между человеком и городом. Особое место отводится принципам человекоцентрическости, интрамодальной и кросс-модальной сенсорной гармонии как основополагающим для повышения комфортности общественных пространств.

Применяются такие методы теоретического исследования, как анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, обобщение, элементы семиотического метода. Для анализа смысловой структуры неконвенциональных значений, показанных на примере синестезии, используются данные собственной базы синестетических цветоименований, которые были выявлены в высказываниях синестетов в открытых Интернет-источниках (полный объем – 110 цветоименований). Выявлена особая, биосоциальная, категория «мультисенсорных» значений цвета, выполнен комплексный анализ их специфики, сформирована классификация, оценены возможности их практического применения с акцентом на социально значимые цели. Установлено, что значения могут формироваться на основании индивидуального, группового или общекультурного опыта на соответствующих уровнях. Выделены основные типы значений: социокультурно обусловленные, биологически обусловленные, неконвенциональные. Границы уровней и типов значений не непроницаемы – в частности, за счет механизмов метафоризации. Подчеркивается двойственная роль пространственно-временного измерения, выступающего одновременно «контекстом» мультисенсорных переживаний и их элементом. Сделаны следующие выводы: максимизация положительного воздействия городской среды обеспечивается сочетанием принципов мультисенсорной гармонии с пересечением цветовых значений различного порядка; неконвенциональные значения следует учитывать при проектировании пространств, где повышена вероятность пребывания представителей нейроотличного населения (так как последним свойственна повышенная физическая и эмоциональная чувствительность к цвету и специфические реакции). Концепция мультисенсорной семантики цвета позволяет разработать систему цветового кодирования, способствующую передаче идей и понятий через цветовое поле города и трактовке его как «мультисенсорного текста».

Ключевые слова:

городская среда, комфортность, цвет, цветовосприятие, семантика цвета, семантизация, сенсорный урбанизм, биосоциальный феномен, кросс-модальная гармония, мультисенсорность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00407-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00407/> в Смоленском государственном университете.

Предпосылки обращения к мультисенсорному урбанизму

В настоящее время важной проблемой в России и в мире является формирование комфортной, гармоничной городской среды. Прежде всего, данный вопрос относится к концепцией устойчивого развития (не случайно в качестве альтернативных терминов используются «гармоничное развитие, сбалансированное развитие»); так, в перечне Целей в области устойчивого развития (ЦУР) ООН цель под номером 11 связана именно с формированием устойчивых городов и населенных пунктов, а часть цели под номером 9 – с созданием прочной инфраструктуры (источник – страница «Цели в области устойчивого развития» официального сайта Организации Объединенных Наций: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 12.08.2025)).

Непосредственно в России, как известно, в рамках национального проекта

«Инфраструктура для жизни» реализуется федеральный проект «Формирование комфортной городской среды»; аналогичные проекты действуют и на уровне регионов (источник – официальная веб-страница федерального проекта «Формирование комфортной городской среды»: <https://gorodsreda.ru/> (дата обращения: 12.08.2025)).

В этом контексте ключевым стало понятие человекомерности, т. е. степени ориентированности окружающего пространства на комфортное самочувствие человека – как в физическом, так и в социальном смысле. Иными словами, концепция человекомерности – это концепция «мира для человека». Стоит отметить, что коллективную монографию, включающую в себя всестороннюю интерпретацию данного феномена, Институт философии РАН издал еще в 2002 году [\[1, с. 75\]](#) – это означает, что идея человекомерности давно и прочно закрепилась в науке (в частности, российской), имеет обширное академическое обоснование. Таким образом, важно, чтобы городское пространство было технически и эстетически выверено, но и ощущалось для жителей с разными социальными характеристиками как «свое» пространство, как свой дом, удобный и понятный. Для этого, в свою очередь, необходимо восстановить нарушенную связь между человеком и городом.

На разрыв этой связи ученые указывают уже довольно долгое время, многократно и в разных контекстах. В качестве причин данной проблемы выделяют, например, постоянный рост числа участников социальных действий, протекающих в городском пространстве, быстрые темп и ритм жизни, а также информационную перегрузку, причем последняя включает в себя, в том числе, перегрузку сенсорную (например, визуальный шум). Все это приводит к тому, что современный мир оказывается нечеловекомерным и, чтобы справиться с чрезмерным напряжением, компенсировать его, горожане практически снимают с себя ответственность за функционирование и развитие городской среды и отказываются вмешиваться в эти процессы. Происходящие в городе события зачастую воспринимаются ими как относящиеся не к ним лично, а к неопределенному коллективному адресату. Отстраненность рядовых жителей от принятия важных решений (например, выбора цвета крупных объектов инфраструктуры) как бы становится частью неформальных правил повседневной городской жизни. Более того, как правило, горожане даже не задумываются о том, кто и как делает выбор за них, не понимают, в чьи руки передают свои полномочия [\[2, с. 246\]](#). Хотя формы и механизмы участия населения в решении вопросов градостроительства и предусмотрены законодательно (в т. ч. публичные слушания, общественные обсуждения), пользуется ими лишь малая часть активных горожан. В результате взаимодействие людей с городом и города с людьми – не в последнюю очередь, взаимодействие сенсорное – оказывается поверхностным; непосредственный контакт человека и городской среды не складывается, и спонтанные реакции на свойства пространства оказываются невозможны. Подобные условия препятствуют не только полноценному изучению, познанию города, но и его «принятию», «приспособляемости» к жизни в нем.

Выходом из сложившейся ситуации представляется обращение к такому перспективному направлению городских исследований как сенсорная урбанистика. Характеризуя человекомерность центра города, Е. Ю. Леонтьева подчеркивает: «мы имеем в виду прежде всего физическую, пространственно-временную комфортность пребывания в нем как следствие того, что именно здесь человек оказывается способен объять (взглядом, слухом) окружающий его топос» [\[1, с. 77\]](#) (чего лишает горожан поверхность их контакта с городом). Представляется, что именно обращение к сенсорному восприятию позволит вернуть этому контакту непосредственность, сделать городское пространство «объятнее» для человека, так как в этом случае последний способен «познакомиться» с

городом значительно быстрее и на более глубоком уровне – не только и не столько посредством постепенного рационального осмыслиения, сколько через немедленно возникающие чувственные ощущения. Упоминание Е. Ю. Леонтьевой сразу двух видов сенсорного восприятия не случайно. Действительно, городская среда воспринимается человеком одновременно с помощью нескольких органов чувств; помимо наиболее очевидных визуальных ощущений (например, цвета, формы, движения или поляризации света), в этом участвуют обоняние, слух, осязание, кинестетика, чувство тяжести, порой вкус, и, возможно, даже воздействие электрических и магнитных полей. Более того, имеются свидетельства и об «обратном» воздействии данной связи, а именно о наличии в основе взаимосвязей между органами чувств социокультурных факторов. Так, высказана гипотеза о социокультурной специфике воздействия на другие сенсорные модальности человеческого восприятия (слуховую, тактильную, обонятельную, вибрационную и др.) цветовой информации [3, с. 122]. Как следствие, необходимым становится, во-первых, подходить к формированию городской среды с точки зрения не просто сенсорности, а мультисенсорности; во-вторых, – помимо собственно сенсорной урбанистики, привлечь к этому процессу в целом социальную нейронауку – новую, бурно развивающуюся научную область на пересечении когнитивной нейронауки, культурной антропологии, социальной и кросс-культурной психологии; кроме того, тесное соприкосновение рассматриваемого круга проблем с социальными процессами и действиями требует привлечения и социологического знания.

Понятие гармонии в контексте мультисенсорности

Следствием обращения к мультисенсорному урбанизму является то, что при проектировании городской среды и (или) для обеспечения ее комфортности необходимо подбирать и распределять в ней сенсорные стимулы таким образом, чтобы избегать негативных эффектов и перегрузок либо компенсировать их, а лучше – оказывать положительное воздействие на людей. Таким образом, важное значение приобретает понятие мультисенсорной (межмодальной, кросс-модальной) гармонии, обозначающее такое взаимодействие между сенсорными стимулами разных модальностей (например, звук и цвет), при котором они дополняют друг друга, хорошо сочетаются и, следовательно, легче обрабатываются когнитивно [4, с. 1] [5, с. 6]. При этом существует и «интрамодальная» гармония, характеризующая согласованность стимулов внутри одной и той же модальности (например, хорошо известная цветовая гармония [6] [7]). Стоит отметить, что имеющиеся представления о гармонии в контексте сенсорного восприятия, на которые потенциально можно опираться при проектировании среды, имеют и социокультурное воплощение. Они детерминируют принципы сенсорного порядка (который может быть определен, например, как «нормативные аспекты социального порядка, связанные с сенсорным опытом представителей социальной группы» [8, с. 13]) и, соответственно, выражаются в формирующихся на основании его неформальных норм (например, неформальные нормы городской колористики [2, с. 244]); иными словами они становятся, по сути, биосоциальными.

Исходя из понятия мультисенсорной гармонии, можно прийти к выводу, что сочетание воздействий стимулов, соответствующих разным модальностям, приведет к возникновению синергетического эффекта. При этом важно, что цель формирования такой гармонии заключается в достижении оптимальной пропорции, баланса между сенсорными стимулами различного характера, а не в простом уравнивании доли всех модальностей, что само по себе невозможно, так как доля их в сенсорном восприятии не

одинакова по определению. Так, доминирующей является визуальная модальность: около 80% информации об окружающей действительности мозг человека получает именно при помощи зрения [9, с. 34]. В свою очередь, важнейшей характеристикой окружающей действительности, соотносящейся с данной модальностью, является **цвет**.

Исходя из этого, **целью** настоящего исследования стал анализ и систематизация значений цвета, возникающих в контексте кросс-модальных соответствий при мультисенсорном восприятии, с обоснованием потенциала данных значений с позиций мультисенсорного урбанизма. **Объектом** его выступило поле кросс-модальных взаимосвязей с участием цвета и его семантики; **предметом** – механизмы и закономерности формирования значения цвета в связи с его ролью в мультисенсорном восприятии (прежде всего – релевантные для классификации).

В настоящей работе применяются такие традиционные для теоретического исследования **методы**, как анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, обобщение. Имеют место и элементы семиотического метода – цвет рассматривается как знак, а система кросс-модальных соответствий (в частности, графемно-цветовых) – как потенциальная система кодирования. Для анализа семантической структуры неконвенциональных мультисенсорных значений цвета, показанных на примере синестезии, используются данные из собственной базы синестетических цветоименований, которые были выявлены в высказываниях синестетов в открытых Интернет-источниках (записи в блогах, ответы в сообществах и т. п.) (полный объем – 110 цветоименований). Под цветоименованием при этом понималось слово или словосочетание, описывающее один цвет, поставленный в соответствие одному стимулу другой модальности. Фиксации подлежали как «обычные» цветоименования, так и отражающие посредством лексико-грамматических и стилистических средств свойственные синестезии особенности сенсорного восприятия и его вербализации; однако в рамках данной работы освещается именно вторая группа цветоименований. Этот факт, а также краткость анализа можно считать своего рода ограничением, допущенным в связи с необходимостью осветить довольно широкий круг аспектов в рамках одной работы и в пределах поставленной цели; более подробный, комплексный анализ специфики синестетических цветоименований заслуживает, на наш взгляд, отдельного исследования.

анонимный пользователь (м, 17 лет)	
белый	характеристика буквы
зеленый	
мерцающе-рыжий	
объемный фиолетовый	характеристика буквы
желтый	
богато-зеленый	
рыжий	характеристика цифры
серый	
фундаментального синего цвета	
склизкие желтые	характеристика человека
Стабильные зеленые	
вибрирующего	
фиолетового	характеристика человека
серый	характеристика человека
анонимный пользователь (ж, возраст неизвестен)	
цвет нежно- оранжевого закатного солнца, немного холодного и очень мягкого, приятного для усталых глаз	характеристика музыки
древесно-коричневым, практически пастельным цветом	
нежно серым цветом, приглушенным, но очень притягательным, уютным	
серебристо-синим, цветом яркой, лунной, глубокой ночи	характеристика музыки
анонимный пользователь (ж, возраст неизвестен)	
зеленое поле с белыми ромашками	характеристика имени
как флаг Германии	характеристика имени
коричнево-оранжевое полотно	характеристика имени

Рис. 1. Фрагмент базы данных синестетических цветонаименований, собранных из открытых источников сети Интернет

Механизм формирования и типология значений цвета в мультисенсорном контексте

Вполне логично, что для задействования цвета в формировании мультисенсорной гармонии необходимо понимать, как он взаимодействует с другими видами ощущений и какие значения при этом приобретает – причем как в биологическом (с точки зрения собственного сенсорного восприятия), так и в социальном смысле (так как речь идет о городской среде – т. е. о пространстве социокультурных взаимодействий). В то же время стоит учитывать, что эти значения могут приписываться цвету на разных уровнях: индивидуально, на уровне социальных групп разной величины, на общекультурном и даже межкультурном уровнях. Однако важно принимать во внимание следующее: «межуровневая» общность значения, присваиваемого цвету, возникает только тогда, когда имеет место общность связанного с этим цветом опыта: когда его восприятие и, соответственно, атрибуция значения происходят в одинаковом контексте [10, с. 13]. Например, у всех социумов, во все исторические эпохи красный цвет, прежде всего, воспринимался как «цвет огня и крови» (так как это мощные, универсальные референты в природе) [11, с. 24]; в то же время, например, в западной цветовой символике синий – спокойный, миролюбивый, ненавязчивый, почти нейтральный [12, с. 162], а в Восточной Азии – считается «цветом зла» [13, с. 32]. Кроме того, при непосредственной реализации приписываемого значения оно может модулироваться в контексте конкретной ситуации. Так, здание, окрашенное в яркий, насыщенный цвет (а насыщенность по умолчанию

считается характеристикой, способствующей привлечению внимания), может как выделяться, так и не выделяться «на фоне» окружающего пространства в зависимости от того, какой цвет имеют все остальные постройки; яркая вывеска магазина будет привлекать внимание потенциальных клиентов в случае, когда подобных «ориентиров» на улице немного, а если таковыми заполнена вся улица, возникнет сенсорная перегрузка, приводящая к отторжению. Таким образом, основаниями для приписывания цвету значения могут выступать: индивидуальный, групповой или даже общекультурный опыт в сочетании; ситуативный контекст восприятия цвета; физиологические механизмы, связанные с восприятием цвета и реакцией на него.

Представляется целесообразным выделить следующие тесно взаимосвязанные типы значений, которые может приобретать цвет либо отдельная его характеристика (тон, насыщенность, светлота):

- значения, связанные с атрибуцией цветам концептов, идей (условно их можно обозначить как «социокультурно обусловленные»). Пример: пурпурный связывается с величием, властью, роскошью и духовностью [\[14, с. 172\]](#);
- значения, связанные с физиологическими реакциями на те или иные цвета («биологически обусловленные»). Пример: оранжевый цвет – тонизирующий, улучшает пищеварение [\[14, с. 173\]](#);
- значения, связанные с особенностями сенсорного восприятия и социального поведения («особые», «неконвенциональные»). Пример: мужчина с синестезией описывает желтый цвет как «горький» (пример из нашей собственной базы данных).

При этом границы между группами не являются закрытыми; нередко одно и то же соотношение «цвет – значение» может быть отнесено более чем к одной из них. Так, зеленый цвет является успокаивающим, «оздоравливающим» с физиологической точки зрения, т.к. снижает артериальное давление и расширяет капилляры, успокаивает невралгию и снимает мигрень [\[14\]](#), и в то же время значения «здоровье», «покой», «свежесть» закрепились на уровне культуры в современных западных обществах [\[15, с. 166\]](#). Некоторые авторы, однако, воспринимают категории биологического и социального в контексте мультисенсорности как дихотомические, считая, что если роль в формировании значения играет одна из них, то вторая фактически исключена. Например, К. Мирт, М. Панделере и В. М. Патрик считают, что выявленная ими закономерность – склонность людей, испытывающих жажду, считать глянцевые поверхности особенно привлекательными и, соответственно, обусловленность такого их восприятия естественной потребностью человека в воде – исключает более раннее предположение, что привлекательность таких поверхностей связана с их восприятием как конвенциально красивых и ассоциирующихся с роскошью [\[16, с. 204\]](#). Нам же представляется, что эти факторы не являются взаимоисключающими, и в зависимости от ситуации (текущих физиологических потребностей человека, его представлений и ожиданий, связанных с предметами роскоши и их совпадения или несовпадения с конкретным объектом действительности и т. п.) один из них просто выходит на первый план по сравнению с другим. Можно даже предположить, что второй фактор явился в известной степени следствием первого; возможно, глянцевые поверхности стали считаться красивыми вследствие своего рода метафорического переноса, связавшего потребность организма в воде и привлекательность предметов роскоши посредством общего визуального признака.

Социально обусловленные значения

Связь биологических механизмов (а именно когнитивных процессов) и социальных процессов, физических характеристик и концептов, проявляется в соотнесении цветов с пространственно-временными параметрами. Например, ярко, насыщенно окрашенные предметы кажутся больше по размеру, чем менее яркие [17]. Н. Коленда объясняет это тем, что первые притягивают больше внимания, чем последние, и объем этого внимания ставится в соответствие физическому объему [10, с. 16]. В то же время можно предположить и другое объяснение: бледные оттенки могут вызывать ассоциации с растворением, исчезновением, пустотой (в подтверждение чего впоследствии свидетельствует сам автор, проводя параллель «белый цвет – пустота» в контексте его ассоциации со «свободным пространством, оставляющим простор для движения» [10, с. 22]). В той же работе представлен и другой пример, показывающий, что меньшая насыщенность цвета ассоциируется с большей удаленностью события во времени, и наоборот. Автор описывает эксперимент, где участникам предлагалось раскрасить изображение вечеринки, и в том случае, когда при выполнении задания они полагали, что вечеринка произойдет через 5 лет, они проявляли особую склонность к использованию ахроматических цветов [10, с. 18] [18, с. 720]. Можно предположить, что концептуально будущее представляется более «размытым», неясным, чем настоящее, и это ощущение было передано испытуемыми через насыщенность. Схожие отношения связывают данную характеристику и с взаимным расположением объектов в пространстве: более темные и менее насыщенные поверхности воспринимаются удаленными по сравнению с поверхностями, окрашенными более ярко и менее насыщенно. В данном случае «связующим звеном» между цветом и положением в пространстве выступает неосознаваемый визуальный опыт, формируемый на основе взаимодействия с открытым ландшафтом, где из-за атмосферного рассеивания цвета далеко расположенных объектов кажутся менее насыщенными. Отсюда же происходит и эффект оптического «приближения» объекта посредством теплых цветов и «отдаления» посредством цветов холодных [19, с. 23].

Приведенные примеры дают понять, что основанием для связи между биологическим и социальным при атрибуции значения цвету становится своего рода метафоризация (иногда – с элементом метонимического переноса). При этом она происходит в известной степени подсознательно, посредством самих чувственных ощущений, а не их осмыслиения. Перенос семантических аспектов сенсорного и мультисенсорного восприятия из волевой сферы на чувственный уровень не является чем-то необычным. Например, эксперимент, проведенный Р. Дж. Уордом и его коллегами, где участникам предлагалось окрасить квадрат на экране монитора в нейтральный серый цвет, одновременно ощущая тот или иной запах, обнаружил, что тон подобранный испытуемыми цвета в каждом случае смешался к оттенку, соответствующему цвету объекта, запах которого предъявлялся при выполнении задания (например, если участники эксперимента окрашивали квадрат, чувствуя запах вишни или кофе, происходило смещение к красно-коричневому). Такие результаты авторы связали с «семантикой» запахов, т. е. узнаванием их испытуемыми; понимая, какому объекту действительности соответствует запах, участники эксперимента «вспоминали» цвет этого объекта и «примешивали» его оттенок к искому цвету квадрата. При этом, в силу специфики условий эксперимента (в задании для испытуемых указания на запахи не было, как и не требовалось их идентифицировать), был сделан вывод о том, что

семантизация произошла подсознательно, на чувственном уровне, а не на уровне принятия решений. Далее авторы приходят к следующему тезису: ожидания, мысли и убеждения человека могут влиять на восприятие им окружающего мира, а «визуальная память» – на восприятие именно цвета. Это еще раз подчеркивает роль опыта в атрибуции цветом значений [\[5, с. 3–6\]](#).

Также из приведенных примеров видно, что мультисенсорное восприятие в известной степени имеет пространственно-временное измерение и протекает в тесной связи с пространственно-временным континуумом. Причем эту связь можно интерпретировать двумя способами: с одной стороны, мультисенсорные переживания протекают «внутри» континуума, он выступает «контекстом» для них; с другой стороны, он сам может становиться частью этих переживаний и участвовать в их возникновении. При этом, учитывая упомянутое выше определение человекомерности, можно сказать, что, в свете проблемы формирования комфортной среды, пространственно-временное измерение мультисенсорных переживаний предстает как система координат, а человек и его потребности – как ее точка отсчета. В связи с этим характеристики, связанные с положением в пространстве самого человека или каких-либо объектов действительности, иногда рассматриваются как отдельная модальность в соответствии с потребностями конкретного исследования либо по социокультурным причинам. Например, Р. Дж. Уорд, С. М. Вергер, и А. Маршалл в исследовании, посвященном выявлению ольфакторных кроссмодальных соответствий (т. е. выявлению соответствий между запахами и сенсорными стимулами, связанными с другими органами чувств), указывают: «кроссмодальные соответствия [выявляются] между десятью обонятельными стимулами и различными модальностями (геометрическая форма, гладкость текстуры, привлекательность [букв. «приятность»], высота звука, цвет, музыкальный жанр и эмоциональная реакция)» [\[20, с. 11\]](#). К. Л. Гёртс, описывая социокультурные практики народности Анло, населяющей юго-восток Ганы (Западная Африка), следует принятому в данной культуре выделению в качестве самостоятельной модальности ощущения равновесия. Дело в том, что равновесие является ключевым концептом культуры Анло как в прямом, так и в переносном смысле: так, проявление у младенца способности удерживать равновесие воспринимается как решающий момент, определяющий его человеческую природу и развитие, а во взрослом возрасте положение тела в пространстве «отражает» морально-нравственное состояние человека; иными словами, физический баланс ставится в соответствие с духовным [\[21\]](#). Таким образом, механизмы взаимосвязи биологического и социокультурного аспектов сенсорного восприятия вновь оказываются построены по метафорическому принципу. Соответственно, группа значений, связанная с атрибуцией цвету идей, концептов может быть уточнена за счет разделения этих идей на связанные с физическими, «материальными» свойствами и состояниями объектов действительности (включая пространственные характеристики) и связанные с их нематериальными параметрами.

В плане связи собственно цвета и характеристик пространства также может происходить своего рода метафоризация, связывающая две категории: например, как описывалось в одном из предыдущих примеров, менее насыщенные цвета – и, в особенности ахроматическая цветовая гамма, – вызывают ощущение удаленности во времени и в пространстве; это значение, однако, может и далее развиваться и метафоризироваться: сугубо «физическая удаленность» превращается в «недоступность, недосягаемость» вообще – и, наконец, в «роскошь». Поэтому многие бренды класса люкс оформляют рекламу в ахроматических цветах [\[10, с. 19\]](#). Еще один пример метафоризации, а также взаимодействия чувственного и социального опыта в контексте семантизации цвета,

заключается в следующем. Известно, что белый и черный цвета связываются с днем и ночью (вследствие чего можно считать эти цвета в некотором смысле имеющими «временное» измерение). Соответственно, белый цвет ассоциируется с дневным светом и воспринимается как «освещдающий», способствующий видимости, в то время как черный становится в соответствие с темнотой и приобретает значение «скрывающего», затрудняющего видимость. Далее эта метафора продолжается еще более интересным образом – цвет становится в соответствие социальному поведению [10, с. 23]. В целом, когда человек ощущает, что его активность находится «на виду», он стремится к совершению социально одобряемых действий (например, находясь рядом с изображением глаз, благотворители увеличивают сумму пожертвований: подсознательно им кажется, что это пожертвование увидят другие [22, с. 413]). То же влияние оказывают уровень освещения и цвет: так, участники эксперимента, проведенного П. Банерджи, П. Чаттерджи и Дж. Синха, были склонны воспринимать комнату более светлой, размышляя о совершенных ими в прошлом хороших поступках; хорошо освещенная комната метафорически «делала» эти поступки «заметными» для других [23, с. 408]. Напротив, темные цвета, недостаток освещения, может располагать к порицаемому поведению, так как человек подсознательно начинает считать, что находится «в темноте», и его поступок «не увидят». Так, спортивные команды, члены которых носят черную форму, получают больше штрафов [24, с. 82].

Примечательно, что между цветом и пространственными характеристиками есть и обратная закономерность влияния: на восприятие цвета влияют площадь и форма объекта, расстояние до него, его положение относительно глаз, интенсивность освещения, остальные цвета в поле зрения и даже визуальные переживания, предшествовавшие данному – объект, увиденный двадцать минут назад, может повлиять на зрительное восприятие объекта, наблюдавшего сейчас. Действительно, как уже отмечалось, восприятие цвета определяют память и знание о том, какого цвета тот или иной предмет «на самом деле» – или, по выражению Х. Россотти, «визуальный жизненный опыт» [25, с. 229].

Биологически обусловленные значения

Возвращаясь к значениям цветов, связанным с их физиологическим воздействием, можно привести также следующие примеры.

Красный цвет воздействует на альфа-ритм мозга, который связан с состоянием расслабленного бодрствования. Также он усиливает громкость звуков и снижает барьер холодовой боли, повышает систолическое давление, частоту дыхания и интенсивность моргания [26, с. 147]. В целом теплые цвета повышают продуктивность и улучшают концентрацию [14, с. 123].

Также установлено, что и цвет, и температура освещения (подчеркнем, что обе характеристики можно считать связанными через общую модельность – визуальную) способны влиять на тепловой комфорт и воспринимаемую человеком температуру окружающей среды таким образом, что последняя может не соответствовать реальной. Оказывается, что применение в оформлении помещения теплых цветов, а также теплого света может снизить затраты на отопление [27].

Цвет способен влиять и на восприятие вкуса: так, установлено, что четыре основных

вида вкусов (сладкий, кислый, горький и соленый) ставятся в ассоциативное соответствие с определенными цветами (красным, зеленым, черным и белым), причем в эксперименте, где предлагалось установить такие соответствия между этими вкусами и предложенными цветами, выбор участников оказывался более последовательным и неизменным, когда стимулы были организованы в виде пар цветов вида «один цвет на фоне другого» (например, розовому на белом фоне снова и снова приписывался сладкий вкус) [\[28, с. 13\]](#).

Обычная повседневная еда окрашивается таким образом, ее цвет соответствовал идеальному образу этого продукта. В случае нарушения сформировавшихся на основании жизненного опыта «сенсорных (точнее, мультисенсорных) ожиданий» относительно цвета данного вида еды нарушается и восприятие вкуса: зеленый апельсиновый сок выглядит непривычно и воспринимается слишком кислым, необычные красные грибы кажутся подозрительными, а продукты синего цвета – и вовсе несъедобными. Однако «неестественные» цвета допустимы и даже важны в производстве еды для удовольствия (сладости, коктейли и т. п.). Такие продукты кажутся наиболее вкусными и привлекательными именно тогда, когда они окрашены в насыщенные цвета, не встречающиеся у обычной еды – яркие синий, фиолетовый, желто-зеленый и даже черный [\[29, с. 106\]](#). Однако взаимосвязь цвета и вкуса касается не только продуктов питания, но и химических веществ, взятых отдельно от еды. Так, в ходе исследования, результаты которого опубликовали в 2023 году Н. Нанджундаппа, Б. Умадеви, Р. Джаясимха и К. Теннарасу, было установлено, что раствор сахарозы, окрашенный в фиолетовый или синий цвет, воспринимался испытуемыми как более сладкий по сравнению с таким же раствором красного или желтого цвета [\[30, с. 1945\]](#). Таким образом, можно прийти к выводу, что взаимосвязь цвета и вкуса имеет под собой физиологические основания, а не только лишь обусловленные социокультурным опытом ассоциативные.

На цветовые ассоциации собственно городского жителя способен влиять игнорируемый фоновый шум, делая их менее сложными и разнообразными и трансформируя цветовые образы понятий. Возможная причина этого – так называемый «перенос ощущений»: то, что человек чувствует в связи с фоновыми звуками, может повлиять на его отношение к прочим сенсорным переживаниям – реакции, относящиеся к шуму, переносятся на суждения о других ощущениях и понятиях. Примечателен тот факт, что существует и обратная зависимость: устойчивая связь наблюдается и между различными характеристиками цвета (яркостью, тоном, насыщенностью) и параметрами звука (громкостью, высотой тона, вибрацией). Так, цвет значительно влияет на восприятие не связанной с объектами громкости, воздействует на оценку степени вызываемого шумом раздражения и способен изменить визуальные и слуховые предпочтения [\[31, с. 31\]](#). Следовательно, можно уравновешивать неизбежный в городском пространстве шум введением в звуковое поле положительно воздействующих на человека стимулов, противопоставлять его отрицательным эффектам соответствующие благоприятные эффекты, связанные с другими модальностями – например, использовать цветовые сочетания, улучшающие концентрацию внимания и т. п. Имеются и подобные «интрамодальные» зависимости: так, у людей с подтвержденной эпилепсией красный вызывает явно аномальные фотоконвульсивные реакции ЭЭГ, которые неожиданно усиливаются при закрытых глазах, однако их можно полностью избежать, если вместе с красным стимулом использовать синий [\[26, с. 147\]](#). Соответственно, логично будет предположить, что подобным образом можно «уравновешивать» и цветовое поле того или иного общественного пространства.

Предыдущий пример подводит наши рассуждения к тому, чтобы отдельно рассмотреть третью группу значений, присваиваемых цветам – значений, связанных с особенностями сенсорного (мультисенсорного) восприятия и социального поведения отдельных групп населения.

Неконвенциональные значения

Неконвенциональные значения цветов имеют под собой специфические основания (нередко необъяснимые логически и потому несводимые к двум другим группам значений) и могут сильно отличаться от конвенциональных. Последнее, впрочем, не вызывает удивления, так как цвет в рассматриваемом контексте выступает как знак, связь между «формой» и значением которого, как и у любого знака вообще, в известной степени условна. Такие значения находятся на пересечении индивидуального и надиндивидуального по следующим причинам: с одной стороны, порождающие их состояния являются достаточно редкими, а связанные сенсорные (в т.ч. мультисенсорные) переживания сильно индивидуализированы; с другой стороны реакции сильно варьируются по признаку распространенности от уникальных до почти типичных, и, кроме того, сами типы этих реакций (например, по парам связанных модальностей) являются общими для множества их обладателей.

Одним из наиболее примечательных явлений такого рода как синестезия. Это редкий (средняя оценка распространенности – 4% [\[32\]](#)) феномен, сочетающий в себе черты биологического (а именно нейрофизиологического), психологического и социального: с одной стороны, это особенность сенсорного восприятия, позволяющая при стимулировании одного органа чувств автоматически испытывать и ощущение, присущее другому органу чувств; с другой стороны, это способ познания окружающей, в том числе социальной, действительности, особая стратегия взаимодействия с ней. Самый распространенный вид синестезии – графемно-цветовая, т. е. синестезия восприятия в цвете букв и цифр, встречающаяся у 1% населения и составляющая 65% от всех случаев синестезии [\[33, с. 149\]](#). Важно отметить, что, кроме естественной синестезии, существует и синестезия искусственная, которую можно «вызывать» посредством тренировки ассоциативного мышления, в т.ч. на основе социокультурных ассоциаций (языковые единицы, объекты действительности) [\[34, с. 25\]](#). Как следствие, можно говорить о такой категории, связанной с ассоциативными и эйдетическими или визуальными свойствами восприятия, псевдосинестезия, или «когнитивная», синестезия. Им обозначаются художественные или литературные ассоциации либо сочетания духовных и интеллектуальных идей и ощущений. Например, так называемая «когнитивная хроматическая синестезия» – это восприятие цвета, переживаемое через познание в контексте культуры [\[35, с. 39\]](#).

Одним из главных вопросов в отношении синестезии является справедливость утверждения о том, что синестетические переживания потенциально доступны каждому и являются либо могут являться универсальными. Дискуссии по этому поводу привели к возникновению такой концепции, как «континuum синестетических проявлений»: градация реакций от «сильных» (нетипичных, уникальных) до «слабых», универсальных проявлений, характерных для каждого человека [\[34, с. 31\]](#). Сформировать такой континuum позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, сами истинные синестеты сообщают о сходных межчувственных соответствиях, некоторые из которых совпадают даже с представлениями не-синестетов: например, считается, что у большинства

обладателей графемно-цветовой синестезии букве «А» соответствует красный цвет, что совпадает с общекультурными представлениями; с общепринятыми ассоциативными закономерностями схож и ряд других концептуальных переживаний (легкий – светлый, горький – темный и т. д. [\[34\]](#) [\[36\]](#)). Во-вторых, для формирования синестетических реакций необходимо взаимодействие с культурно-специфическими явлениями, важнейшими социальными конструктами (например, такими, как язык и коммуникация). В-третьих, существуют схожие с синестезией феномены, наблюдающиеся и у несинестетов (например, феномен звукового символизма, одним из проявлений которого является установление в человеческом сознании взаимосвязи между фонетическим обликом слова и свойствами обозначаемого им объекта действительности (например, геометрической формой [\[37, с. 22\]](#)). Таким образом, синестезию в известной степени можно считать «высшим проявлением» мультисенсорности.

Стоит отметить и связь между синестезией и аутизмом: так, часть исследователей полагает, что у аутичных людей вероятность развития синестетического восприятия повышена [\[34, с. 35\]](#). Интересным фактом, также свидетельствующим о близости двух этих состояний, является некоторое сходство в цветовых предпочтениях между синестетами и аутичными людьми: в эксперименте с составлением гармоничных цветовых сочетаний последние продемонстрировали склонность выбирать желто-зеленые оттенки, что совпадает с двумя из трех самых «популярных» цветовых соответствий к графемам у синестетов. Также отмечается, что у лиц с расстройствами аутистического спектра в связи с цветом формируются кроссмодальные ассоциации; также аутизм может приводить к неравномерности восприятия оттенков (в т.ч. гиперчувствительности), вызывать экстремальные аффективные реакции на цвет вплоть до одержимости, отвращения и фобий [\[38, с. 502\]](#); при этом реакции повышенной чувствительности к цвету, вплоть до физиологических реакций, встречаются и у синестетов.

Возвращаясь непосредственно к вопросу атрибуции цветам значений, подчеркнем, что неконвенциональность связей различных оттенков как с физическими ощущениями, так и с идеями и понятиями, проявляется уже на этапе использования цветоименований. В частности, для синестетических ощущений это связано с тем, что они трудно вербализуемы – восприятие каждого синестета уникально, и подходящее слово/словосочетание либо аналогия с объектом действительности может отсутствовать, поэтому возникает необходимость в поиске новых способов выражения значений, например, посредством развернутых описаний, насыщенных метафорами и сравнениями. Например, в нашей базе данных из 110 синестетических цветоименований, которые были выявлены в высказываниях синестетов, размещенных в открытых Интернет-источниках, присутствуют такие позиции, как: «цвета аква-ауры», «такого цвета, как зеленая оливка в ноябрьском ручье», «сладковато-синий», «мучительного невнятного цвета овсяной каши», «фундаментального синего цвета», «стабильные зеленые», «серебристо-синим, цветом яркой, лунной, глубокой ночи», «красный, как танец танго, и сладкий», «голубое облако». Помимо уже отмеченных стилистических особенностей, в ряде приведенных примеров ярко проявляются лежащие в их основе мультисенсорные связи в виде указания на другие модальности («сладковато»/«сладкий»), пространственно-временные характеристики («цвета... ночи»), эмоциональное состояние («мучительный»).

Выводы и перспективы прикладного применения результатов

Итак, поле значений, приписываемых цветам в контексте мультисенсорности, представляет собой сочетания биологических и социокультурных факторов, типичных механизмов сенсорного восприятия и индивидуальных особенностей. В конструировании этих значений играют важную роль метафоризация и метонимический перенос, а в качестве оснований для этого выступают собственно сенсорный, социальный и культурный (в том числе общекультурный) опыт, а также формируемые на его основе представления и ожидания; более того, варьироваться в силу культурно-специфических факторов могут даже сами принципы выделения модальностей.

Важную роль играет и пространственно-временной аспект, с одной стороны, создавая контекст для мультисенсорных переживаний с и связанных процессов семантизации, и, с другой стороны, принимая и в тех, и в других непосредственное участие. В контексте формирования комфортной городской среды «точкой отсчета» в данной «системе координат» должен являться человек, его удобство и потребности. Для этого при проектировании пространства необходимо в максимально возможной степени соблюдать принципы мультисенсорной гармонии и сенсорного порядка, сочетать стимулы как внутри одной модальности, так и между ними таким образом, чтобы за счет синергии воздействий на разные органы чувств потенциальные отрицательные эффекты могли быть компенсированы, а положительные – усилены. Следовательно, должны учитываться и сочетаться между собой также и значения, которые приобретают в свете мультисенсорных связей цвета – важнейшая составляющая визуальных переживаний.

При этом представляется, что наибольшего эффекта можно достичь при пересечении значений различного порядка. Например, красный цвет, оказывающий возбуждающее воздействие на организм (в частности, повышает кровяное давление) и потому связываемый с теплом, усиливает и социальную привлекательность (т.к., по данным исследований, физическое и социальное ощущения «теплоты» регулируются мозгом по одному и тому же принципу) [39, с. 2276]. Поэтому красный цвет может быть полезен в таких социальных контекстах, как оформление пространств для проведения конференций, светских мероприятий. Говоря о лицах с особенностями сенсорного восприятия и учете специфических для них реакций, справедливо будет отметить, что, хотя предвидеть их появление в том или ином пространстве и, тем более, спрогнозировать все индивидуальные реакции не представляется реальным, однако возможно учитывать наиболее общие тенденции в тех местах, где их пребывание наиболее вероятно. Так, как уже отмечалось, и синестеты, и лица с аутизмом склонны предпочитать оттенки желтого и зеленого; в таком случае, использование при оформлении объектов городской среды, с которыми часто взаимодействуют такие люди, желто-зеленых тонов, синестетически «сочетающихся» между собой, резонирующих с их собственным видением мира и в то же время имеющих «позитивные» общепринятые значения, позволит вызывать у них приятные ощущения, располагать к вхождению в социальные взаимодействия и облегчать последние. При этом особое место в характеристике как синестезии, так и аутизма занимает существенная связь и того, и другого состояния с творческими проявлениями или особой одаренностью в ряде областей [40, с. 325], что означает, что приведенная рекомендация относится к оформлению креативных пространств. В целом практическое применение нашей концепции – проектирование того или иного участка городской среды с опорой на предварительно выявленные семантические универсалии восприятия цвета в мультисенсорном контексте – дает возможность разработки системы цветового кодирования, позволяющей передавать через цветовое поле пространства описывающие его идеи, концепции или даже иные невизуальные переживания. Так утверждение, что

город можно читать как текст [41, с. 31], становится практически буквальным и приобретает новое, межчувственное измерение.

Таким образом, в ходе исследования нами впервые выявлена особая, биосоциальноподобусловленная, категория «мультисенсорных» значений цвета, выполнен комплексный анализ их специфики, сформирована многоаспектная классификация и дана оценка возможности их практического применения с акцентом на социально значимые цели. Представляется, что полученные результаты могут быть востребованы в деятельности культурологов, представителей сферы культуры и искусства, специалистов в области урбанистики и регионального развития, туризма, а также использоваться субъектами социального проектирования.

Библиография

1. Леонтьева Е. Ю. Сенсорная урбанистика: введение в предметное поле // Социология города. 2023. № 3. С. 71-84. doi: 10.35211/19943520_2023_3_71.
2. Грибер Ю. А. Экспериментальное исследование неформальных норм городской колористики // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 12 (68). С. 245-260.
3. Грибер Ю. А. Человек и цвет: колористика культурного ландшафта // Человек. 2024. Т. 35, № 6. С. 108-123. doi: 10.31857/S0236200724060078.
4. Spence C., Di Stefano N. Crossmodal harmony: looking for the meaning of harmony beyond hearing // i-Perception. 2022. № 13. Р. 1-40. doi: 10.1177/20416695211073817.
5. Ward R.J., Ashraf M., Wuergler S., Marshall A. Odors modulate color appearance // Frontiers in Psychology. 2023. № 14. Р. 1-8. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1175703.
6. Griber Y. A. The "Geometry" of Matyushin's Color Triads: Mapping Color Combinations from the Reference Book of Color in CIELAB // Arts. 2022. № 11(6): 125. doi: 10.3390/arts11060125.
7. Griber Y. A., Samoilova T., Al-Rasheed A.S., Bogushevskaya V., Cordero-Jahr E., Delov A., Gouaich Y., Manteith J., Mefoh P., Odetti J. V., Politi G., Sivova T. "Playing" with Color: How Similar Is the "Geometry" of Color Harmony in the CIELAB Color Space across Countries? // Arts. 2024. № 13(2): 53. doi: 10.3390/arts13020053.
8. Шишова Е. С. Запахи и сенсорное упорядочивание пространства новых жилых районов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 10-30. doi: 10.19181/inter.2020.12.3.1.
9. Man D., Olchawa R. The Possibilities of Using BCI Technology in Biomedical Engineering // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. № 1. Р. 30-37. doi:10.1007/978-3-319-75025-5_4.
10. Kolenda N. Color Psychology: What Each Color Means (and Why) // NICK KOLENDA psychology + marketing. URL: <https://www.kolenda.io/guides/color> (дата обращения: 11.08.2025).
11. Пастуро М. Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 160 с.
12. Пастуро М. Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 144 с.
13. Schmitt B. H. Language and visual imagery: Issues of corporate identity in East Asia // The Columbia Journal of World Business. 1995. № 30(4). Р. 28-36.
14. Галчинова Т. А. Влияние цвета на эмоциональное состояние человека // Инновационная наука. 2020. № 5. С. 172-175.
15. Пастуро М. Зеленый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 168 с.
16. Meert K., Pandelaere M., Patrick V. Taking a Shine to It: How the Preference for Glossy stems from an Innate Need for Water // Journal of Consumer Psychology. 2014. № 24. Р.

- 195-206.
17. Hagtvedt H., Brasel S. A. Color saturation increases perceived product size // *Journal of Consumer Research*. 2017. № 44(2). P. 396-413.
 18. Lee H., Fujita K., Deng X., Unnava H. R. The role of temporal distance on the color of future-directed imagery: A construal-level perspective // *Journal of Consumer Research*. 2017. № 43(5). P. 707-725.
 19. Грибер Ю. А. Метакогнитивные механизмы цветовой коммуникации // Современная зарубежная психология. 2025. № 14(3). С. 20-29. doi: 10.17759/jmfp.2025140302.
 20. Ward R. J., Wuenger S. M., Marshall A. Smelling Sensations: Olfactory Crossmodal Correspondences // *Journal of Perceptual Imaging*. 2022. № 5(11). P. 1-12.
 21. Geurts K. L. Culture and the Senses: Bodily Ways of Knowing in an African Community. Oakland, CA: University of California Press, 2003. 293 p.
 22. Bateson M., Nettle D., Roberts G. Cues of being watched enhance cooperation in a real world setting // *Biology letters*. 2006. № 2(3). P. 412-414.
 23. Banerjee P., Chatterjee P., Sinha J. Is it light or dark? Recalling moral behavior changes perception of brightness // *Psychological Science*. 2012. № 23(4). P. 407-409.
 24. Frank M. G., Gilovich T. The dark side of self-and social perception: Black uniforms and aggression in professional sports // *Journal of personality and social psychology*. 1988. № 54(1). P. 74-85.
 25. Rossotti H. Colour: Why the World Isn't Grey. Princeton: Princeton University Press, 1985. 239 p.
 26. Грибер Ю. А. Цвет изнутри: новый вектор исследования городской колористики // Проект Байкал. 2022. № 71. С. 144-149. doi: 10.51461/projectbaikal.71.1956.
 27. Мухитов Р. К., Гордеева А. Э. Нейроархитектура: архитектура, влияющая на чувства людей // Известия КазГАСУ. 2022. № 2 (60). С. 59-71. doi: 10.52409/20731523_2022_2_59.
 28. Spence C. Using single colours and colour pairs to communicate basic tastes // *i-Perception*. 2016. № 7(4). P. 1-15.
 29. Грибер Ю. А., Лавренова О. А. Когнитивная культурология цвета: научные основы колористики культурного ландшафта. Монография. М.: Согласие, 2024. 188 с.
 30. Nanjundappa N., Umadevi B., Jayasimha R., Thennarasu K. The influence of color on taste perception // *National Journal of Physiology, Pharmacy and Pharmacology*. 2023. № 13(9). P. 1945-1951. doi:10.5455/njppp.2023.13.020832023160222023.
 31. Грибер Ю.А., Нанкевич А.А. Влияние шума на цветовые ассоциации горожан // Психолог. 2022. № 6. С. 29-39. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.6.39243 EDN: OZQVZC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39243
 32. Сидоров-Дорсо А. В. Синестезия – что это? К определению // Сайт российского синестетического общества. URL: <http://www.synesthesia.ru/whatis.html> (дата обращения: 07.11.2023).
 33. Сидоров-Дорсо А. В. Современные исследования синестезии естественного развития (аналитический обзор) // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 147-155.
 34. Сидоров-Дорсо А. В., Дэй Ш. О синестезии [Электронный ресурс] // Синестезия: межсенсорные аспекты познавательной деятельности в науке и искусстве. Материалы II Международной конференции Международной ассоциации синестетов, деятелей искусства и науки (IASAS) / Отв. ред. А.В. Сидоров-Дорсо. М.: Издательство МГППУ, 2021. С. 19-71.
 35. Санц Х. К., Шиндлер В. М. Цветовой дизайн среды и синестезия в контексте гастрономии // Цвет в пространстве города: сборник статей зарубежных авторов / под ред. Ю. А. Грибер. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. С. 37-46.
 36. Asano M. Consistency of synesthetic association varies with grapheme familiarity: A

- longitudinal study of grapheme-color synesthesia // Consciousness and Cognition. 2021. № 89: 103090. doi: 10.1016/j.concog.2021.103090.
37. Бойцова Ю. А. Синестезия как возможная основа творчества // Наука и инновации. 2014. № 142. С. 20-23.
38. Грибер Ю. А., Элькинд Г. В., Цыганкова К. Ю. Стратегии построения гармоничных цветовых сочетаний студентами художественных специальностей с расстройствами аутистического спектра // Перспективы науки и образования. 2024. № 5 (71). С. 498-518. doi: 10.32744/pse.2024.5.29.
39. Inagaki T. K., Eisenberger N. I. Shared neural mechanisms underlying social warmth and physical warmth // Psychological science. 2013. № 24(11). Р. 2272-2280.
40. Хасанова М. С. Творчество как проявление аутизма и социальные барьеры инклюзии // Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья: опыт, проблемы, инновации: материалы XIII всероссийской научно-практической конференции: в 3-х частях, Тамбов, 14-15 ноября 2019 года. Часть I. Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2019. С. 323-327.
41. Казаков К. В. Город как текст: структурно-семиотический взгляд // XXV юбилейные Царскосельские чтения: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2021 года / под общ. ред. С.Г. Еремеева. Т. II. СПб: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 31-36.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи являются «механизмы и закономерности формирования значения цвета в связи с его ролью в мультисенсорном восприятии», которые могут быть существенны для классификации.

Методология исследования базируется на научных методах исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, обобщение). При подготовке работы автор рецензируемой работы опирался и на элементы семиотического метода, где цвет интерпретируется как знак, а «система кросс-модальных соответствий (в частности, графемно-цветовых) — как потенциальная система кодирования». Для анализа смысловой организации нестандартных мультисенсорных ассоциаций, связанных с цветом, автор рецензируемой статьи использовал различные мультисенсорные ассоциации. Для изучения смысловой организации нестандартных мультисенсорных ассоциаций, связанных с цветом, автор (авторы) рецензируемой работы использовали коллекцию терминов, которые описывают цветовые ощущения. Эта коллекция собрана автором (авторами) в сети Интернет (из блогов, тематических сообществ, форумов и т.д.) и насчитывает 110 наименований цветов. Эта коллекция сформирована на основе анализа высказываний людей с синестезией, обнаруженных в различных интернет-ресурсах — блогах, тематических сообществах и так далее. Сбор этой коллекции из 110 наименований, обозначающих цвет, показывает, какой труд вложен в исследуемую тему авторами статьи.

Актуальность темы обусловлена тем, что значительная часть людей в мире живет в городах. Формирование комфортной городской среды остается и является важной

проблемой, и она связана с концепцией устойчивого развития. В статье отмечается, что в нашей стране формированию комфортной городской среды уделяется большое внимание и «в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» реализуется федеральный проект «Формирование комфортной городской среды». В некоторых регионах страны такие проекты воплощены в жизни, в других выполняются, города преображаются. Ключевым понятием в формировании комфортной городской среды, отмечается в статье, является «человекомерность, т.е. степень ориентированности окружающего пространства на комфортное самочувствие человека — как в физическом, так и в социальном смысле». В статье уделяется внимание позиции ученых, которые отмечают разрыв между человеком и городом из-за роста числа людей, скученности, убыстрения темпа жизни, информационной перегрузки и т.д. В статье правильно сделан упор на тот факт, что горожане отстраняются от принятия решений, влияющих на городскую среду. Автор (авторы) статьи подчеркивают, что одно из направлений в урбанистике, а именно сенсорная урбанистика, рассматривается в настоящее время как перспективное направление исследований для улучшения человекомерности городской среды. И для формирования комфортной городской среды, пишут авторы статьи, важно привлекать сенсорную урбанистику, социальную нейронауку и социологические знания.

Научная новизна темы определяется постановкой проблемы.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык ясный и четкий. Содержание терминов раскрывается посредством четкого определения. Структура работы направлена на достижение цели статьи и логически выстроена. Структура работы состоит из следующих частей: предпосылки обращения к мультисенсорному урбанизму; понятие гармонии в контексте мультисенсорности; механизм формирования и типология значений цвета в мультисенсорном контексте; социально обусловленные значения; биологически обусловленные значения; неконвенциональные значения; выводы и перспективы прикладного применения результатов. Название частей соответствует их содержанию. Текст иллюстрирован одним рисунком.

Библиография. Библиография работы содержит 41 источник на русском и английском языках. Источники грамотно использованы. Текст статьи читается с интересом.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации и проделанной работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Выводы статьи логичны и значимы. В работе «впервые выявлена особая, биосоциально обусловленная категория «мультисенсорных» значений цвета, выполнен комплексный анализ их специфики, сформирована многоаспектная классификация и дана оценка возможности их практического применения с акцентом на социально значимые цели».

Статья будет востребована не только культурологами, социологами и всеми, кто интересуется формированием комфортной городской среды. Статья написана на актуальную тему и имеет признаки научной новизны. Статья рекомендуется к печати.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Воронова Н.И., Никифорова А.А. Уровневая матрица культурных кодов как типологическая модель культуры // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76295 EDN: IVIHXW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76295

Уровневая матрица культурных кодов как типологическая модель культуры

Воронова Наталья Игоревна

ORCID: 0000-0003-0728-757X

кандидат философских наук

доцент кафедры философии, истории, политологии и права; Государственный социально-гуманитарный университет

140411, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30

✉ voronova-ni@mail.ru

Никифорова Анастасия Александровна

ORCID: 0000-0002-8410-9446

кандидат философских наук

доцент; кафедра эстетики и этики; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48

✉ zuru-s@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.10.76295

EDN:

IVIHXW

Дата направления статьи в редакцию:

16-10-2025

Дата публикации:

30-10-2025

Аннотация: В статье изложен подход к построению оригинальной типологии культуры,

основанной на анализе форм культурной идентичности, которая рассматривается как механизм кодирования, воспроизведения и трансформации культурного опыта на различных уровнях социального взаимодействия. Объектом исследования выступают разнообразные типологии культуры, предметом – критерии их построения. Цель исследования – предложить типологию культуры, основанную на концепции уровней культурной идентичности, рассматриваемой как ключевой механизм кодирования и трансформации культурных смыслов. Предполагается, что уровневая матрица культурных кодов станет теоретико-аналитический инструментом, способным служить как диагностической моделью, так и методологической основой для прикладных исследований. Её применение актуально в условиях ускоренной культурной трансформации современного общества, характеризующегося множественностью, конфликтностью и дигитализацией культурных форм. Методологической базой данного подхода является критический анализ классических типологий культуры, в ходе которого были выявлены их ограничения, связанные с редукционизмом, статичностью и игнорированием динамических процессов. Разработанная уровневая матрица культурных кодов включает шесть типов культуры – мономорфную, полиморфную, гибридную, фрагментарную, транскультурную и метакультуру, – каждый из которых отражает особенности функционирования идентичности на соответствующем социальном уровне. Данная модель позволяет не только описывать и классифицировать разнообразные культурные феномены, но и анализировать их взаимодействие и трансформацию в современных условиях глобализации, цифровизации и миграционных процессов. Показано, что уровневый подход позволяет преодолеть бинарные противопоставления и более адекватно описывать современные культурные процессы, характеризующиеся сложностью, вариативностью и медиатизированной природой. В результате исследования осуществлена формулировка теоретических оснований для выделения уровней культурной идентичности; разработаны уровни матрицы культурных кодов; проведен анализ применения типологии в различных прикладных областях. Предложенная типология может быть использована в межкультурных исследованиях, культурной политике и социальной практике, а также в преподавании основ гуманитарного исследования.

Ключевые слова:

типология культуры, культурная идентичность, уровневый подход, трансформация культуры, межкультурная коммуникация, методология гуманитарного исследования, культурный код, социальное взаимодействие, глобализация, субкультура

В последние десятилетия гуманитарные науки сталкиваются с необходимостью переосмысления традиционных подходов к пониманию и классификации культуры в условиях глобализации, миграционных процессов, ускоренной медиатизации и усиления культурной гибридности [1]. Классические типологии, ориентированные на статичные, часто бинарные признаки (например, "традиционная – современная", "национальная – глобальная", "центр – периферия"), всё чаще оказываются недостаточными для адекватного описания сложных и многоуровневых культурных явлений, характерных для современного социума. Одной из ключевых проблем является отсутствие механизма, способного отражать внутреннюю динамику и множественность идентичностей, возникающих на разных уровнях социокультурного взаимодействия [2]. Это актуализирует поиск новых моделей типологизации культуры, опирающихся на концепцию культурной идентичности как процесса кодирования и транслирования

культурных смыслов на индивидуальном, групповом и глобальном уровнях. Варианты таких типологизаций представлены в ряде отечественных [3,4] и зарубежных исследований [5,6].

Современная культурная среда характеризуется высокой степенью сложности, текучести и множественности культурных кодов [7, 8], что требует перехода от статичных и бинарных моделей типологизации к более гибким и процессуальным системам анализа. В данном исследовании разработана типология, основанная на принципе *уровневой структурированности культурной идентичности*. Центральным понятием предлагаемой модели выступает *культурный код*, понимаемый как совокупность символических, поведенческих и коммуникативных паттернов, при помощи которых индивид или сообщество конституируют, актуализируют и транслируют свою идентичность в социокультурном пространстве. Выделяются шесть типов культур, каждый из которых определяется доминирующим уровнем кодирования и характером взаимодействия между субъектами внутри культурной системы.

Основной целью настоящего исследования является разработка и обоснование новой типологии культуры — уровневой матрицы культурных кодов, которая позволит интегрировать существующие подходы, учитывать мультиуровневую природу культурной идентичности и обеспечить более глубокое понимание механизмов формирования, воспроизведения и трансформации культурных систем в современном мире. Научная новизна исследования заключается в формулировании оригинального критерия типологизации культуры — уровней культурной идентичности [9] — и разработке на его основе многоуровневой матрицы культурных кодов, охватывающей широкий спектр культурных форм и отражающей их динамическую природу.

Классические модели, как правило, ориентированы на статичные признаки культуры, интерпретируя её как систему устойчивых норм, ценностей и артефактов, свойственных определённой социальной группе, региону или историческому этапу (Тейлор, 1871; Парсонс, 1951; Хофстеде, 1980). Один из ключевых ограничивающих факторов этих подходов заключается в их неизбежной редукционистской природе: культура оказывается сведена к совокупности элементов, чётко соотнесённых с национальностью, религией, уровнем экономического развития или цивилизационной принадлежностью.

Традиционные типологии культуры формировались на основе нескольких фундаментальных подходов, каждый из которых предлагал свою парадигму интерпретации и классификации культурных явлений. Научная литература по типологии культуры охватывает широкий спектр подходов. С точки зрения семиотического подхода Ю.М. Лотмана культура рассматривается как система знаков и кодов, функционирующих в рамках определённых семиотических пространств. Этот подход позволяет глубже понять внутреннюю структуру культуры и её знаковую природу. Однако он может ограничивать анализ культурных феноменов, сводя их к знаковым системам и игнорируя материальные и социальные аспекты.

Другим ограничением выступает слабо выраженная динамическая составляющая. Типологии, предложенные в рамках структуралистского и функционалистского подходов, в значительной степени опираются на идею стабильности культурных форм. Между тем, современная культура всё чаще демонстрирует черты фрагментарности, нестабильности и постоянной трансформации. Это особенно заметно в условиях глобализации, цифровизации и ускоряющейся межкультурной мобильности, когда традиционные границы между культурами размываются, а новые формы идентичности возникают вне

контекста этнической, национальной или религиозной принадлежности.

Среди наиболее влиятельных и широко используемых в гуманитарных науках выделяют **этнографический, цивилизационный и аксиологический** подходы. Краткое рассмотрение этих моделей позволит выявить их теоретические основания, а также оценить преимущества и ограничения.

Этнографический подход, заложенный в работах Ф. Боаса, подчеркивает необходимость глубокого эмпирического изучения культуры как системы традиций, обычаяев и символов, характерных для конкретного этноса. Сторонники данного подхода считают культуру уникальной для каждого народа и выступают против универсальных теорий, что приводит к трудностям в формулировке обобщающих принципов. К. Леви-Стросс, развивая структурно-аналитический взгляд, предложил рассматривать культуру как систему глубинных структур, которые проявляются в мифах и ритуалах. Несмотря на вклад в понимание универсальных паттернов, методология Леви-Стrossа критикуется за абстрактность и недостаточную эмпирическую проверяемость, а также за игнорирование исторической динамики и социального контекста. Таким образом, этнографический подход обладает высокой эмпирической насыщенностью и вниманием к культурной специфике, но ограничен в построении системных и динамических моделей культуры.

Цивилизационный подход обладает силой масштабного исторического анализа и интеграции культуры в глобальном контексте, но его ограничивает тенденция к статичным типологиям и недооценке межкультурной динамики. К примеру, А.Тайнби предложил концепцию циклов роста и упадка цивилизаций, рассматривая культуру как один из ключевых элементов цивилизационного процесса и акцентируя внимание на внутренних и внешних вызовах, влияющих на их развитие. Концепция О.Шпенглера, трактующая цивилизацию как биологический организм с жизненным циклом, подверглась критике современниками за детерминизм, пессимизм и игнорирование творческих возможностей культурных сообществ. А позиция С.Хантингтона, сосредоточенная на современных конфликтах, связанных с культурными и религиозными различиями, вызвала значительные дебаты и критику за чрезмерное упрощение и игнорирование внутренних разновидностей цивилизаций.

Аксиологический подход Г. Хофтеде описывает модель культурных ценностей, выделяя такие измерения, как дистанция власти, индивидуализм и колLECTивизм, избегание неопределенности и др. Этот подход позволил количественно сравнивать культуры и применять результаты в практиках международного менеджмента. Однако и этот подход подвергается критике за редукционизм, поскольку сведение культуры к набору сложноизмеримых ценностей игнорирует ее более глубокие символические, институциональные и исторические компоненты. Критики также указывают на возможные методологические ограничения, связанные с опросами и наличием культурных стереотипов. Не универсальны и работы К. Левинаса, которые расширяют понимание культуры как сферы экзистенциальных отношений, но почти не применимы для эмпирического анализа.

Проведенный краткий обзор демонстрирует, что в совокупности классические подходы обеспечивают важные теоретические основания и дают разностороннее понимание культуры. Этнографический — ценен своей глубиной и уникальностью эмпирики, цивилизационный — интегративностью и историческим масштабом, а аксиологический — методологической строгостью и применимостью к межкультурной коммуникации. Тем не менее, у всех них имеются существенные ограничения: этнографический — ограничен локальным фокусом и трудностями обобщения, цивилизационный — склонен к

детерминизму и статичности, а аксиологический — к редукционизму и методологическим рискам. Кроме того, ни один из них в достаточной мере не учитывает сложность многоуровневой и динамичной природы современных культурных идентичностей. Это подчёркивает необходимость формирования новой, более гибкой и интегративной типологии культуры, способной учесть мультиуровневость культурных кодов и их трансформационные процессы, что и реализуется в предлагаемой модели уровневой матрицы культурных кодов.

Кроме того, *интеракционные и коммуникативные аспекты культуры* в классических типологиях зачастую отодвигаются на периферию. Их внимание сосредоточено на содержательных аспектах культуры (символах, ритуалах, традициях), в то время как механизмы, с помощью которых культурные коды усваиваются, адаптируются или конфликтуют во взаимодействии, остаются недостаточно проработанными. Некоторые современные исследования предлагают рассматривать культуру как сеть взаимосвязанных культурных черт: сетевой подход позволяет учитывать сложность и взаимозависимость культурных элементов, однако требует значительных вычислительных ресурсов и неоднозначен при интерпретации результатов. Часть современных моделей культуры стремятся к универсальности, игнорируя локальные особенности и контекст. Современная теория культуры нуждается в разработке гибких и контекстуально чувствительных моделей, способных учитывать разнообразие культурных практик и ценностей: реальность предъявляет новые требования к типологическим моделям, настаивая на более *процессуальной и уровневой интерпретации культуры*. Появляется необходимость в переосмыслении самого основания типологизации — от статичных формальных признаков к многоуровневому анализу механизмов культурной идентичности и её кодирования.

Проведенное исследование базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем культурологию, антропологию, социологию и семиотику. В основу положены труды Ф. Боаса, А. Тайнби, Г. Хофтеде, Ю. М. Лотмана и др., а также современные теории культурной идентичности и межкультурной коммуникации [10, 11]. Новизна методологии заключается в синтезе этих подходов в рамках концепции многоуровневой типологии. В качестве ключевого критерия типологии выбран уровень культурной идентичности, который рассматривается как иерархия смысловых и поведенческих кодов, включающая:

- *Макроуровень* — глобальные цивилизационные и аксиологические системы;
- *Мезоуровень* — национальные и региональные культурные сообщества;
- *Микроуровень* — локальные, субкультурные и индивидуальные культурные практики.

Каждый уровень анализируется с точки зрения его специфических кодов, механизмов воспроизведения и трансформации, а также взаимодействия с другими уровнями. Для проверки практической применимости модели использованы следующие источники: тексты (медиа-материалы, литературные произведения, художественные образы); социологические и этнографические исследования миграционных сообществ; анализ субкультурных практик.

Предлагаемый авторами подход к типологизации культуры исходит из ключевого допущения: культура функционирует не только как совокупность символических форм, но прежде всего как механизм порождения и поддержки идентичности на разных уровнях социального взаимодействия. В качестве нового основания типологии вводится уровневая организация культурной идентичности, позволяющая анализировать культуру не как замкнутую систему, а как динамическое поле кодов, распространяющихся,

транслируемых и преобразуемых в процессе коммуникативного взаимодействия между субъектами различного масштаба — от индивидуального до глобального.

Под уровнем понимается *форма организации культурной идентичности*, определяемая типом субъектности (индивиду, группа, общество, цифровое сообщество и т. д.) и доминирующим механизмом кодирования культурного опыта. Такой подход даёт возможность классифицировать культуру не только по содержанию, но и по *характеру функционирования и воспроизведения культурных кодов*: через традицию, трансляцию, гибридизацию, рефлексию и медиацию.

В отличие от традиционных типологий, где доминируют фиксированные признаки (этничность, язык, религия), данная — ориентирована на процессы формирования идентичности и демонстрирует, каким образом субъект осваивает, конструирует и выражает свою принадлежность к той или иной культуре. Такой фокус позволяет включить в аналитическое поле не только устойчивые и институционализированные формы культуры, но и возникающие новые. Это способствует преодолению бинарности многих существующих классификаций (локальная/глобальная, традиционная/современная, массовая/элитарная) и позволяет выстраивать более комплексное видение культуры, где существуют различные формы организации, отличающиеся не столько содержанием, сколько механизмами самоопределения и взаимодействия.

Важным критерием построения классификации является способ организации культурной идентичности на уровне взаимодействия субъектов (индивиду ↔ группа ↔ общество ↔ глобальное сообщество). Типология культуры в зависимости от критерия уровневой структурности и механизмов кодирования идентичности представлена в таблице 1. В ней наглядно показаны связи культурных форм с механизмами коммуникации и социальной самоорганизации. Типология, основанная на уровнях культурной идентичности, открывает возможности для более точного и актуального анализа социокультурных процессов. Это делает ее продуктивным инструментом как для теоретического анализа, так и для прикладных исследований в области межкультурной коммуникации, культурной политики, социологии культуры и медиакоммуникаций.

Таблица 1

Тип культуры	Основание классификации	Механизм формирования идентичности	Примеры
1. Мономорфная	Гомогенное культурное пространство	Традиция, повторяемость, этническая передача	Племенные культуры, традиционные общины
2. Полиморфная	Сосуществование разных кодов без конфликта	Плюрализм, толерантность, локализация	Современные мегаполисы, креольные культуры
3. Гибридная	Слияние разных кодов с образованием нового	Трансформация, межкультурный обмен	Латиноамериканские субкультуры, корейская поп-культура
4. Фрагментарная	Разрыв между частями	Ресентимент, символическое	Постколониальные общества, маргинальные

	культурного поля	сопротивление	группы
5. Трансмедийная	Преодоление локальной идентичности	Медиатизация, мобильность, цифровизация	Глобальные онлайн-сообщества, цифровые нации
6. Метапозиционная	Рефлексия над культурой как системой	Мета-рефлексия, постмодерн, деконструкция	Художественные и философские движения, культурный активизм

Рассмотрим предлагаемую типологию «уровневой матрицы культурных кодов» подробнее.

Первый тип — *мономорфная культура* (от греч. *μόνος* — «один» и *μορφή* — «форма»). Она формируется в условиях гомогенного социокультурного пространства, где доминирует единый этнонациональный, религиозный или традиционный код. Такой тип воплощает архетипическую, «дорефлексивную» форму культуры (по терминологии К.Кассирера) — миметическую, опирающуюся на повторение и наследование, когда преобладает коллективная и малогрупповая идентичность. В данной системе любые отклонения воспринимаются как девиации или культурные угрозы. Ярким примером может служить племенная, патриархальная или изолированная сельская культура, а также националистически ориентированные режимы, стремящиеся к культурной унификации (например, политика «культурной революции» в Китае 1960-х годов). *Ключевыми характеристиками* данного типа культуры являются:

- Доминирующий уровень: локально-групповой;
- Механизм идентичности: традиция, повторение, обряд;
- Степень гибкости: минимальная;
- Тolerантность к инаковости: низкая.

Второй тип — *полиморфная культура* (от греч. *πολύς* — «много» и *μορφή* — «форма»), характеризуется многообразием существующих культурных кодов в пределах одного социума без стремления к их слиянию или подавлению. Здесь идентичность формируется на принципах культурного плюрализма, терпимости и выборочной аффилиации. Субъект может «собирать» идентичность из разных элементов. Такая культура типична для мультикультурных городов, транснациональных пространств и мигрантских диаспор. *Ключевые характеристики* данного типа:

- Доминирующий уровень: групповой и межгрупповой;
- Механизм идентичности: сосуществование, толерантность;
- Степень гибкости: высокая;
- Тolerантность к инаковости: высокая.

Третьим типом является *гибридная культура* (от лат. *hybrida* — «смесь, помесь»), возникающая в условиях активного межкультурного взаимодействия, в результате которого формируются новые синтетические коды, соединяющие элементы различных культурных традиций. Этот тип культуры является продуктом культурного обмена и символического смешения, характерного, например, для постколониальных обществ, для индивидуальных идентичностей мигрантов второго поколения, формирующих «двойное» или «гибридное» культурное самосознание. Его *ключевые характеристики*:

- Доминирующий уровень: индивидуально-групповой;
- Механизм идентичности: синтез, смешение, заимствование;
- Степень гибкости: очень высокая;
- Толерантность к инаковости: адаптивная.

Гибридная культура отличается от мономорфной и полиморфной тем, что она не сохраняет и не существует с уже существующими культурными кодами, а трансформирует их, смешивая элементы различных традиций, создавая новые, синтетические формы идентичности, которые не сводятся к изначальным. Это культура перехода, заимствования и символической переработки.

Четвертый тип — *фрагментарная культура* (от лат. *fragmentum* — «обломок», «осколок»). Название подчеркивает структурную дезинтеграцию — здесь нет общего поля смыслов, культура разорвана, и идентичность формируется через символическую борьбу и сепарацию. Данный тип культуры характеризуется *отсутствием целостного культурного кода*, наличием множества разрозненных, часто конфликтующих идентичностей, формирование которых здесь происходит через *сопротивление, ресентимент и символическую изоляцию*, что проявляется, например, в маргинальных субкультурах, протестных движениях или постправматических сообществах. Например, группы, пережившие травму (ветераны войн, беженцы), формирующие свои культурные коды на основе утраты, изоляции или пережитого насилия; субкультуры "глубинного интернета" (*deep web*), где пользователи сознательно отделяют себя от «основной» сети, создавая собственные символы, нормы и мн. др. Ключевыми характеристиками данного типа являются:

- Доминирующий уровень: индивидуальный или субгрупповой;
- Механизм идентичности: разрыв, дезинтеграция, символический протест;
- Степень гибкости: асимметричная;
- Толерантность к инаковости: выборочная, основана на границах "мы — они".

Фрагментарная культура отличается тем, что она не создает целостной идентичности ни через традицию, ни через плюралистическое сосуществование, ни через синтез. Напротив, она возникает в условиях разрыва, утраты культурной целостности и конфликта кодов, где идентичность формируется через протест, ресентимент и символическое противостояние.

Трансмедийная культура (от лат. *trans* — «через», «по ту сторону» и *media* — «средства коммуникации») — пятый тип — развивается в условиях глобального взаимодействия и цифровизации, когда культурные коды преодолевают национальные, территориальные и языковые барьеры. Это сетевая культура, не имеющая центра, существующая по «ризомному» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари) принципу. В данном типе культуры идентичность формируется, перекодируется и транслируется через множество медиаканалов, платформ и форматов, создавая распределённую, нелинейную и полисемантическую структуру культурных кодов. Трансмедийная культура соотносится с идеями: Ж.-Ф. Лиотара о постмодерне как фрагментарном «нarrативном поле», где отсутствует единый мета-нarrатив; Г. Дебора («Общество спектакля») — как культуры, организованной вокруг визуальных и перформативных образов; Г. Кастельса, описывающего «сетевое общество», в котором информация и идентичность циркулируют вне традиционных

границ; Г. Дженкинса (понятие *transmedia storytelling*) — о культуре, где нарративы и смыслы циркулируют между платформами, каждый раз дополняя и модифицируя образ субъекта.

В такой культуре идентичность носит перформативный, ситуативный и контекстуально-адаптивный характер, обусловленный логикой цифровых платформ, алгоритмов и пользовательских практик. Например, так строится идентичность инфлюенсеров в Telegram, Вконтакте, Discord, TikTok, YouTube, Instagram: на медиаплатформах человек транслирует «себя» во множестве форматов — сторис, видео, тексты, образы; фансообществ (манга-фэндомы, Мир Metro 2033 (по книгам Дмитрия Глуховского), мультиплатформенное комьюнити по мобильному шутеру Standoff, Marvel и мн.др.); они создают свою субкультуру, язык, символику через кросс-платформенный опыт (фанфики, арт, мемы, видео, косплей); форумы и платформы типа Reddit, Discord, Twitch: пользователи строят идентичность через никнеймы, аватары, мем-коды и т.п.; виртуальные фестивали или концерты в Fortnite / Minecraft, отличающиеся интерактивностью, нелинейностью действий без географических границ и др. Такая идентичность децентрализована, не привязана к "реальному миру", постоянно адаптируется и перетолковывается в цифровом взаимодействии.

Трансмедийная культура реализует себя в условиях сетевой взаимосвязи, глобальной медиатизации и высокой степени символической мобильности. Идентичность в таких условиях строится на принципах мобильности, сетевого взаимодействия и цифровой аффилиации. Ключевые характеристики:

- Доминирующий уровень: сетевой / цифровой;
- Механизм идентичности: трансляция, перформативность, цифровое присутствие;
- Степень гибкости: экстремально высокая;
- Тolerантность к инаковости: прагматическая, среда-инклузивная.

Трансмедийная культура отличается от предшествующих типов тем, что она выходит за пределы локальных, этнических или групповых идентичностей и функционирует в условиях глобальной цифровой медиасреды, где идентичность не наследуется, не существует, не смешивается и не разрывается, а перформативно конструируется через сетевое взаимодействие, медиатизацию и цифровую мобильность. В отличие от первых четырёх типов, которые всё ещё зависят от физических, этнических, исторических или социальных рамок, трансмедийная культура опирается на технологическую медиатизацию и сетевую логику, создавая деконтекстуализированные, распределённые и многослойные идентичности, существующие в режиме постоянной трансляции и адаптации.

Шестой тип — *метапозиционная культура* (от греч. *meta* — «за», «после» и лат. *positio* — «позиция», «расположение») представляет собой рефлексивный уровень культуры, на котором субъект осознаёт и анализирует культурные коды, выходя за пределы конкретных традиций или сообществ, деконструируя и переосмысливая культурные практики и смыслы.

Метапозиционная культура соотносится с идеями: критической теории культуры как рефлексивной практики, обнаруживающей идеологические структуры повседневности (Т. Адорно и Ю. Хабермас); симулякра и размывания границ между реальностью и её символическим представлением (Ж. Бодрийяр); концепта «диспозитива» и анализа

власти/знания как структур, формирующих субъекта (М. Фуко); деконструкции смыслов, скрытых в текстах и культуре (Ж. Деррида).

Такая культура обладает высокой концептуальной гибкостью, допускает множественность интерпретаций, основана на саморефлексии, иронии, анализе кода как кода, когда культура становится объектом собственного анализа. Метапозиционная культура проявляется в деятельности интеллектуальных сообществ, художников, философов, культурных критиков, например, в таких философских и культурно-критических проектах, как «Арзамас» (образовательный проект, объясняющий культурные и исторические смыслы); «Культура Занудства» — канал, где разбирают культурные тренды через призму философии и теории; «PostCriticism» (анализ поп-культуры через идеи Бодрийяра, Деррида, Фуко и др.); образовательный медиапроект «ПостНаука», ориентированный на осознанное, интердисциплинарное понимание мира, идентичность участников формируется в рефлексивной позиции наблюдателя / аналитика / исследователя и мн. др. Способствуют формированию метапозиционной культурной идентичности и медиапроекты «Вышка на пальцах», «Топос», «Сигма» и др., а также многочисленные художественные направления/движения, такие как: Концептуализм (русский и западный), когда художники анализируют саму природу искусства, его структуру, язык, институции; Ситуативизм / Перформанс / Акционизм; Медиаарт. Метапозиционная идентичность в художественной культуре формируется в тех направлениях, где искусство осмысляет само себя, анализирует механизмы культуры, критикует социальные структуры, и где субъект осознаёт искусство не как самовыражение, а как рефлексивный акт [12].

В отличие от мономорфной культуры, где идентичность передаётся по модели повторения и традиции, перформативная культура предполагает спонтанную генерацию идентичности в действии. В отличие от гибридной культуры, она не столько смешивает коды, сколько использует их ситуативно, ориентируясь на контекст. Идентичность здесь формируется через рефлексию, метапозицию и символическую деконструкцию. Ее ключевыми характеристиками являются:

- Доминирующий уровень: индивидуально-концептуальный;
- Механизм идентичности: рефлексия, критика, метасмысл;
- Степень гибкости: концептуальная;
- Толерантность к инаковости: тотальная (с элементами релятивизма).

Результаты рассмотрения всех типов культуры можно представить в обобщенном виде в таблице 2.

Таблица 2

Тип культуры	Уровень кодирования	Механизм идентичности	Степень гибкости	Толерантность
Мономорфная	Локально-групповой	Традиция, обряд, повторение	Низкая	Низкая
Полиморфная	Межгрупповой	Сосуществование, плюрализм	Высокая	Высокая
Гибридная	Индивидуально-Смешение	Смешение	Очень	Алаптивная

Идентичность	Гибридизация, стиль	Сообщение,	Степень	Идентификация
	групповой	синтез, заимствование	высокая	
Фрагментарная	Индивидуально-субгрупповой	Разрыв, сопротивление	Асимметричная	Выборочная
Трансмедийная	Сетевой медиа-платформенный	/ Цифровая трансляция, мобильность	Экстремально высокая	Прагматическая
Метапозиционная	Индивидуально-концептуальный	Рефлексия, деконструкция	Концептуальная	Тотальная

Разработанная типология отражает многоуровневую, нелинейную и процессуальную природу современной культуры, учитывающую как локальные, так и глобальные формы самоидентификации. В отличие от традиционных классификаций, ориентированных на фиксированные признаки, модель уровневой матрицы позволяет анализировать культуру как систему взаимодействующих и перекодируемых идентичностей, реагирующих на вызовы времени: миграцию, медиа, гибридизацию и культурную фрагментацию. Основанная на концепции уровневой матрицы культурных кодов, типология предоставляет эффективный аналитический инструмент для изучения современных социокультурных феноменов. Практическая ценность модели проявляется в её способности системно описывать сложные культурные явления, выявляя доминирующие уровни культурной идентичности и механизм взаимодействия различных культурных кодов.

В первую очередь, применение типологии актуально для анализа медийных культурных пространств, где развивается трансмедийная и метапозиционная идентичность. Например, глобальные цифровые платформы (YouTube, TikTok) формируют сообщества, чьи участники принадлежат к транскультурному типу, осваивая и трансформируя культурные коды в режиме реального времени [13, 14]. Модель позволяет выявить, каким образом цифровая трансляция и сетевые взаимодействия способствуют формированию новых культурных форм, преодолевающих традиционные границы.

Во-вторых, в условиях массовой миграции наблюдается сложное взаимодействие мономорфных, полиморфных и гибридных культурных систем. Типология даёт возможность структурировать анализ миграционных процессов, объясняя, как мигранты сохраняют традиционные культурные коды (мономорфный уровень), одновременно участвуя в поликультурном пространстве и создавая гибридные культурные формы [15]. К примеру, "основные формы гибридной идентичности проявляются в идентичности национальных меньшинств, мигрантов и мигрантских диаспор, идентичности в социальных сетях и виртуальных комьюнити в виде смешения культур онлайн и онлайн" [16, с.23]

Третьим примером служит исследование субкультурных [17] и маргинальных групп, которые, согласно типологии, соответствуют фрагментарному культурному типу. В данном случае идентичность формируется через символическую изоляцию и протест, что позволяет понять социально-психологическую динамику таких сообществ и их отношение к доминирующей культуре [18]. В современных урбанистических исследованиях типология может служить инструментом для выявления механизмов социального отчуждения и формирования альтернативных культурных смыслов [19].

Типология уровневой матрицы культурных кодов имеет широкие перспективы применения в различных практических сферах, в первую очередь в области межкультурной коммуникации, социальной политики и образования. В сфере межкультурной коммуникации модель способствует разработке более точных стратегий взаимодействия с представителями различных культурных типов [20]. К примеру, в международном бизнесе и дипломатии понимание уровней культурной идентичности помогает минимизировать риски конфликтов, обусловленных неправильной интерпретацией культурных кодов. Практики транснациональных компаний могут использовать типологию для адаптации корпоративных культур под многообразие сотрудников, повышая эффективность коммуникации и командной работы, учитывая, в том числе, и лингвистические особенности членов команды [21]. В социальной политике типология открывает новые возможности для выработки интеграционных программ, ориентированных на особенности конкретных культурных групп. Применение модели позволяет дифференцировать подходы к мигрантам, национальным меньшинствам и маргинализированным сообществам с учётом их культурного типа, что способствует более успешной адаптации и снижению социальных конфликтов.

В образовательной сфере типология может быть использована для формирования курсов межкультурной компетентности, способствующих развитию у студентов навыков распознавания и уважения различных уровней культурной идентичности [22]. Это особенно важно в современных многонациональных университетских средах и программах дистанционного обучения [23].

Прикладной потенциал данной типологии выражается в ее применимости при анализе: культурной политики (выстраивание стратегий культурной инклюзии); медиакоммуникаций (выявление целевых кодов); адаптационных процессов мигрантов; разработке курсов по культурной грамотности / soft skills. Сравнительный анализ типов культур по предлагаемым параметрам позволяет исследователю диагностировать культурную среду, выявить доминирующие уровни идентичности и оценить потенциал для диалога, конфликта, трансформации [24, 25]. В частности, она позволяет проводить сегментный анализ мигрантских сообществ, классифицируя их культурную динамику, прогнозировать социальные риски, проектировать меры культурной адаптации и стратегии национальной политики, формировать инклюзивную культурную среду. К примеру, полиморфная идентичность характерна для устойчивых диаспор, стремящихся к сохранению многообразия; гибридная — наблюдается у представителей второго поколения, интегрирующих культурные коды стран происхождения и приёма; фрагментарные формы возникают при опыте социальной травмы, исключения или дискrimинации. В условиях интернационализации образования и роста культурного разнообразия в аудиториях, типология может быть использована как инструмент анализа культурных ожиданий и моделей поведения обучающихся. Например: студенты с мономорфным культурным опытом демонстрируют склонность к авторитарной модели обучения, ориентации на устойчивые нормы; студенты из гибридных или транскультурных контекстов лучше адаптируются к неиерархическим формам взаимодействия, используют цифровые идентичности в обучении; преподаватель может применять уровневый подход к идентичности в межкультурной коммуникации, адаптируя педагогические стили общения, методы и содержание обучения [26].

Трансмедийная и метапозиционная модели особенно актуальны для анализа цифровых сред. Например: пользователь TikTok может одновременно функционировать в разных культурных кодах (языковом, визуальном, меметическом); цифровые перформансы

(видеоблоги, стримы) — форма культурной идентичности, подчинённая логике алгоритмической видимости, а не традиционного признания; метакультурные практики (рефлексивные обзоры, критика мемов, культурные деконструкции) создают пространство осмысления цифровой культуры как среды воспроизведения смыслов [27].

Определенный потенциал модель «уровневой матрицы культурных кодов» имеет и для междисциплинарных исследований, поскольку интегрирует подходы из философии культуры, социологии, антропологии, психологии, аксиологии и медиа-теории. Её можно использовать в таких направлениях, как: антропология постглобального мира (для исследования трансграничных и постнациональных форм идентичности); для анализа метауровней культурного сознания и роли субъектности; в цифровой гуманитаристике (для интерпретации культурных практик в условиях цифровой перформативности и алгоритмизации) [28], разработке методологии исторических исследований [29] и др.

Предложенная уровневая матрица культурных кодов расширяет теоретический инструментарий культурологических исследований и демонстрирует высокую практическую значимость для анализа современных социокультурных явлений и разработки прикладных решений в межкультурной коммуникации, социальной интеграции и образовании. Типология служит методологической основой для дальнейших научных исследований, в том числе для количественного и качественного анализа культурных трансформаций в условиях постмодерна и цифровой эпохи. Систематизация культурных кодов по уровням даёт возможность разрабатывать новые диагностические инструменты и модели прогнозирования культурных процессов. Ее универсальность и гибкость обеспечивают широкий спектр возможностей для междисциплинарных исследований и прикладных проектов, что делает данный подход актуальным и востребованным в современных гуманитарных науках.

Библиография

1. Stockhammer, P. W. (Ed.). *Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach*. Berlin; Heidelberg: Springer, 2012. DOI: [//doi.org/10.1007/978-3-642-21846-0](https://doi.org/10.1007/978-3-642-21846-0).
2. Воронова, Н. И. Эволюция социально-исторического самосознания субъекта в контексте современности: новая модель "эффективного человека" или "фиктивная эффективность" [Текст] // Философия и методология истории : Сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции, Коломна, 27-28 ноября 2015 года. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. С. 234-247. EDN: SVXCQG.
3. Тен, Ю. П., Приходько, Л. В. Анализ типологии культур на основе междисциплинарного подхода // Обсерватория культуры. 2020. № 17(4). С. 340-350. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2020-17-4-340-350>. EDN: ISNNWU.
4. Флиер, А. Я. Культура как социально-регулятивная система и ее историческая типология // Культура культуры. 2014. № 2(2). С. 19-43.
5. Raymond, C. M., Anderson, C. B., Athayde, S., Vatn, A., Amin, A., Arias-Arevalo, P., Christie, M., et al. An inclusive values typology for navigating transformations toward a just and sustainable future. Current Opinion in Environmental Sustainability. 2023. Vol. 64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2023.101301>.
6. Jelen, J., Šantryckova, M., Komarek, M. Typology of historical cultural landscapes based on their cultural elements. Geografie. 2021. Vol. 126(3). С. 243-261. DOI: <https://doi.org/10.37040/geografie2021126030243>. EDN: FVCTEH.
7. Аванесова, Г. А., Купцова, И. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы

- филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 47. С. 28-37. EDN: TPSWAZ.
8. Толстая, С. М. К понятию культурных кодов // АБ-60 : Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина / Европейский университет в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Европейский университет в Санкт-Петербурге", 2007. С. 23-31. EDN: TYLOIN.
9. Кессиди, Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 76-79. EDN: ONWESN.
10. Фомина, М. Н., Борисенко, О. А. Размыщение о транскультурном пространстве как рефлексия глобализирующейся культуры // Концепт: философия, религия, культура. 2018. № 1(5). С. 105-113. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-1-5-105-113>. EDN: LBUXJZ.
11. Шипулин, В. О. Динамика российской коллективной идентичности: информационно-коммуникативный контекст // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 2(27). С. 25. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2\(27\).25](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2(27).25). EDN: KGIVJY.
12. Летягин, Л. Н., Шоломова, Т. В. Эстетическая легитимация социального действия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3(28). С. 66-69. EDN: WGEMIR.
13. Kholova, M. B. The influence of cultural codes on society. American Journal of Philological Sciences. 2024. Vol. 4(03). С. 82-90. DOI: <https://doi.org/10.37547/ajps/Volume04Issue03-15>. EDN: EKMUKG.
14. Corner, J. Codes and cultural analysis. Media, Culture & Society. 1980. Vol. 2(1). С. 73-86. DOI: <https://doi.org/10.1177/016344378000200107>. EDN: JOJTPD.
15. Ячин, С. Е. Метакультура-место творчества личности на границе культурных сред // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12, № 1(53-54). С. 108-116. EDN: NDZLGB.
16. Волков, Ю. Г., Курбатов, В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 2. С. 15-23. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>. EDN: HVDEAS.
17. Bennett, A., Kahn-Harris, K. After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture. New York: Palgrave Macmillan, 2004. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-230-21467-5>.
18. Флиер, А. Я. История культуры как смена доминантных типов идентичности // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14, № 1(69-70). С. 109-120.
19. Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Минск: Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный университет, 2024. 508 с.
20. Aririguzoh, S. Communication competencies, culture and SDGs: effective processes to cross-cultural communication. Humanities and Social Sciences Communications. 2022. Vol. 9(96). DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01109-4>. EDN: QVQLLI.
21. Khasawneh, N., Khasawneh, S., Khasawneh, M. The Potential Of AI In Facilitating Cross-Cultural communication through translation. Journal of Namibian Studies. 2023. Vol. 37. С. 107-130.
22. Социальная онтология и философия образования : коллективная монография. Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2022. 246 с.
23. Игнатьев, Д. Ю., Летягин, Л. Н. Телеология университета как идеал научного познания // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1, № 3(33). С. 77-86. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2017-3.1-77-86>. EDN: ZFTMVH.
24. Тен, Ю. П., Приходько, Л. В. Cultures Typology Analysis Based on the Interdisciplinary Approach // Observatory of Culture. 2020. Vol. 17(4). С. 340-350. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2020-17-4-340-350>. EDN: ISNNWU.

25. Ионесов, В. И. Модели трансформации культуры: типология переходного процесса : специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии. Санкт-Петербург, 2012. 372 с. EDN: SUJNMH.
26. Воронова Н.И., Михайлов Д.В., Никифорова А.А. Методические аспекты преподавания методологии гуманитарного исследования на примере структурного и синергетического анализа // Педагогика и просвещение. 2024. № 3. С. 57-74. DOI: 10.7256/2454-0676.2024.3.71712 EDN: IEBAWM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71712
27. Прокудин, Д. Е., Соколов, Е. Г. "Цифровая культура" vs "аналоговая культура" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 4. С. 83-91. EDN: RMWRKB.
28. Owusu, E., Jones, L. A., Kwaku, A. Cross-Cultural Communication Strategies in the Digital Era: A Bibliometric Analysis. Virtual Economics. 2023. No 2. C. 55-71. DOI: [https://doi.org/10.34021/ve.2023.06.02\(4\)](https://doi.org/10.34021/ve.2023.06.02(4)). EDN: TDKRFS.
29. Давыдов, В. А. Методологические особенности реконструкции исторического прошлого // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2022. № 4(48). С. 14-20. EDN: XFTOUT.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Ли Ч., Иванова Ю.В. Адаптация философско-художественной традиции Се-и к сетевому культурному пространству в условиях диалога массовой и элитарной культуры // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76413 EDN: HWSPMQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76413

Адаптация философско-художественной традиции Се-и к сетевому культурному пространству в условиях диалога массовой и элитарной культуры

Ли Чжои

ORCID: 0009-0001-8869-788X

аспирант; факультет культуры и искусств; Забайкальский государственный университет

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, д. 125

✉ 2953583122@qq.com

Иванова Юлия Валентиновна

ORCID: 0000-0002-0434-5175

доктор философских наук

профессор; факультет культуры и искусств; Забайкальский государственный университет

672000, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, д. 125

✉ dimfin@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76413

EDN:

HWSPMQ

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: В статье рассматривается адаптация философско-художественной традиции Се-и (写意) к сетевому культурному пространству в условиях взаимодействия массовой и

элитарной культуры. Анализируется современное состояние эстетики Се-и в контексте трансформации культурных практик под влиянием цифровых медиа и платформ пользовательского контента. Предметом исследования является взаимодействие традиционной китайской эстетики и новых форм визуальной и медиаэстетической культуры, проявляющихся в изменении художественного выражения, восприятия и способов культурного потребления в условиях медиатизации и алгоритмической логики платформ Douyin, Xiaohongshu и других сетевых пространств. Особое внимание уделяется тому, каким образом традиционные категории китайской эстетики переосмысяются и воспроизводятся в цифровой среде, приобретая новые смыслы, функции и форматы. Цель работы – выявление механизмов адаптации философско-художественной традиции Се-и к сетевому культурному пространству в условиях взаимодействия массовой и элитарной культуры. Методологическую основу исследования составляют междисциплинарные подходы современной философии культуры, эстетики и медиаисследований, а также феноменологическая и даосская онтология художественного опыта. Комплексный культурологический анализ сочетается с философской герменевтикой и сравнительным методом, что позволяет рассмотреть эстетику Се-и как систему смыслов, переходящую из традиционного искусства в цифровую коммуникацию. Научная новизна заключается в разработке концепции «двойственной эстетики Се-и» как модели философско-медиакультурной адаптации традиционной эстетики к цифровому пространству. Показано, что взаимодействие «повседневного» и «концептуального» Се-и формирует новую онтологию искусства – онтологию процесса, в которой смысл возникает в сетевом движении между субъектом, медиа и аудиторией. Уточняется, что данная онтология проявляется в формах медиатизации искусства, где традиционные категории духовного опыта трансформируются в режим «ауры взаимодействия» и сетевого соучастия, а диалог массового и элитарного эстетических кодов обеспечивает обновление и устойчивость культурной системы. Сделан вывод, что современная эстетика Се-и представляет собой модель культурной преемственности и философской адаптации духовного наследия китайской цивилизации к эпохе цифровых медиа.

Ключевые слова:

естетика Се-и, китайская эстетика, философия искусства, массовая культура, элитарная культура, цифровые медиа, медиаэстетика, культурная дифференциация, медиатизация, онтология искусства

Введение

Традиционная китайская живопись Се-и (写意) представляет собой одно из важнейших направлений национальной художественной традиции гохуа (国画) и занимает особое место в истории китайского изобразительного искусства. Её основу составляет принцип свободного письма тушью и водяными красками на бумаге или шёлке, где изображение создаётся линией, пятном и ритмом пустоты (留白, the rhythm of void – композиционных пауз, «воздуха» в картине), образующих пространство дыхания и движения. Мастер Се-и стремится не к детальной проработке формы, а к передаче внутреннего состояния изображаемого, его «духа» шен (神) и жизненной энергии ци (气). Живопись этого стиля строится на тонком взаимодействии силы и мягкости, концентрации и спонтанности: от давления кисти, её скорости и угла касания зависит пластическая экспрессия и эмоциональная насыщенность композиции.

Целью исследования является теоретико-культурологический анализ трансформации эстетики Се-и в условиях существования массовых и элитарных форм культуры, а также выявление механизмов её адаптации к цифровой медийной среде, формируемой платформами пользовательского контента.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: выявить эстетические основания и культурную природу Се-и; проанализировать взаимодействие массовой и элитарной культуры в структуре современного культурного пространства; исследовать трансформацию эстетического восприятия в условиях платформенной культуры; определить формы взаимодействия массовой и элитарной эстетики в современном культурном пространстве.

Методологическую основу исследования составляют междисциплинарные методы философии культуры, эстетики и медиаисследований. Применяется комплекс культурологического, сравнительно-исторического и герменевтического анализа для интерпретации феноменов традиционной эстетики в современном медиапространстве; используются элементы визуально-семиотического анализа медиаконтента, что позволяет выявить специфику медиатизации и трансформации эстетических кодов Се-и в цифровой культуре [1].

I. Эстетические основания и культурная природа Се-и

Се-и объединяет три классических искусства – живопись, поэзию и каллиграфию, – которые в традиционной культуре Китая образуют единое пространство духовного самовыражения. Картина Се-и, как правило, включает не только изображение, но и поэтический текст, написанный каллиграфическим почерком, а также печати автора, создающие аутентичный синтез визуального и словесного. Эта традиция определяет китайское понимание живописи как формы медитативного общения человека с природой и как способа духовного самопознания (Рис. 1).

Рис. 1. Один из авторов статьи Ли Чжои работает над картиной в стиле Се-и

Категория «Се-и» (写意) – одна из центральных в классической китайской эстетике. Она

отражает идеал духовного постижения смысла за пределами формы и созерцания Дао через очищенное сознание.

В системе классической китайской эстетики категория «красоты» не занимает центрального положения. Её роль гораздо менее значима, чем в западной эстетической традиции, где именно «красота» служит ядром эстетического опыта. История китайской эстетики опирается не на понятие красоты как таковой, а на ряд иных категорий – «исян» (意象, образ-идея), «ицзин» (意境, художественная атмосфера), «циюнь» (气韵, духовный ритм, дыхание жизни) и «Се-и» (写意, передача смысла через образ), каждая из которых отражает особый способ постижения гармонии между внутренним и внешним, между природой, человеком и духом. Эти понятия тесно связаны с философией даосизма и конфуцианства и выражают целостное мировосприятие, где искусство понимается как форма духовного самосовершенствования.

Эстетика Се-и представляет собой не просто технику или художественный стиль, а целостную систему мировоззрения, в которой художественное выражение становится способом постижения Дао. Её цель заключается не в подражании внешнему виду предметов, а в передаче внутреннего состояния художника, его настроения и отношения к миру. Через лаконичные, обобщённые и нередко символические формы Се-и стремится выразить духовное содержание, сделать видимым то, что невозможно передать словами. Это не столько «живопись по впечатлению», сколько эстетическая практика, соединяющая мысль, эмоцию и дыхание жизни в едином акте творчества [\[2\]](#).

С философской точки зрения Се-и воплощает даосскую модель онтологического единства человека и мира. Здесь эстетическое и онтологическое неразделимы: процесс творчества становится способом со-бытия с природой и постижения её внутреннего ритма (ци). В этом смысле Се-и можно интерпретировать как китайский аналог феноменологической установки Э. Гуссерля – стремления к «возвращению к самим вещам», к чистому опыту восприятия, не опосредованному рациональной категоризацией [\[3\]](#). Такая интерпретация углубляет понимание того, почему в эстетике Се-и духовное переживание первично по отношению к форме, а художественный акт тождествен процессу самопостижения субъекта.

Переходя от онтологического к этическому измерению эстетики Се-и, важно отметить её роль в формировании субъекта через творчество. Истоки этой концепции можно проследить в процессе интеграции философской мысли и художественной практики традиционной интеллектуальной элиты, что придает ей ярко выраженный элитарный характер. Се-и в период традиционной живописи ученых, также называемая живописью ученых-чиновников (士大夫), представляла собой форму художественной деятельности, присущую высшим слоям общества ученых-чиновников. Она выходила за рамки простого воспроизведения внешних форм объектов, ставя во главу угла выражение внутреннего вдохновения. Ее главной целью было воплощение в живописи принципов каллиграфии – через лаконичные и свободные мазки передавать внутренний характер творца, его философские размышления и эстетические устремления. Китайский художник Чжу Да (朱耷), творивший на рубеже эпох Мин и Цин, является эталоном данного направления. Созданные им образы цветов, птиц, рыб и камней отличаются предельной лаконичностью и причудливостью форм – например, рыбы и птицы с перевёрнутыми глазами, что стало художественным воплощением отчуждённости, скорби и непокорности бывшего подданного павшей империи Мин. Используя минималистичные мазки, он довёл изображение до уровня высоких символов, поднимая свои работы над простым воспроизведением натуры и превращая их в потрясающую воображение лирическую

философию.

Эстетика Се-и может быть интерпретирована как разновидность «практики себя» в смысле М. Фуко [4] – духовного упражнения, направленного на внутреннюю трансформацию субъекта. В этом контексте художник не столько создаёт произведение, сколько формирует самого себя через акт творения. Такое понимание искусства как формы саморазвития сближает китайскую традицию с античной философией аскезы и современными теориями субъективации. Здесь эстетическое и этическое оказываются неразделимыми: искусство становится способом удержания внутренней гармонии в условиях внешней медийной фрагментации.

Таким образом, несмотря на существенную теоретическую базу по классической эстетике Се-и и возрастающий интерес к её цифровым трансформациям, в научной литературе заметен дефицит комплексных культурологических исследований, рассматривающих Се-и как динамическую систему смыслов, развивающуюся в условиях медийной среды и платформенного культурного производства. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, предложив культурологический анализ двойственной эстетики Се-и в контексте цифровизации, что определяет его научную новизну и актуальность.

II. Взаимодействие массовой и элитарной культуры в структуре современного культурного пространства

Современная культура, пройдя длительный путь становления, оформилась как многоуровневая система, наглядно демонстрирующая богатое разнообразие форм культурного выражения. В ней сосуществуют высокая культура, отличающаяся сложностью и утонченностью, и массовая культура, ориентированная на широкие слои общества. Каждая из них обладает собственными особенностями и функциями, вместе формируя сложный и динамичный ландшафт современной цивилизации. Структура культуры постоянно развивается, эволюционирующую под воздействием социальных изменений, технологических инноваций и межкультурных взаимодействий.

Массовая и элитарная культура, являясь двумя важнейшими формами культурного выражения, находятся в отношениях как противостояния, так и взаимного влияния. Массовая культура возникла в процессе индустриализации и урбанизации как форма, обращённая к повседневным потребностям общества. Укоренённая в жизненном опыте большинства людей, она характеризуется доступностью, развлекательностью и коммерческой направленностью [5]. Популярная музыка, коммерческое кино, массовая литература, изобразительное искусство и цифровой контент – все эти проявления удовлетворяют духовные потребности широкой аудитории посредством простоты формы и эмоциональной насыщенности. Благодаря современным медиатехнологиям массовая культура разрушает сословные барьеры традиционной культурной иерархии, превращая культурное потребление из привилегии меньшинства в повседневную практику большинства. Она отражает эмоциональный опыт, ценностные ориентиры и коллективные ожидания общества, выступая индикатором общественных настроений и эстетических предпочтений эпохи.

Элитарная, или высокая культура, в отличие от массовой, формируется и поддерживается социальными группами, обладающими высоким уровнем образования, развитым эстетическим восприятием и значительным культурным капиталом. Её принято рассматривать как концентрированное выражение духовного потенциала цивилизации. Элитарная культура акцентирует оригинальность, глубину мысли и утонченность формы. Классическая музыка, философская литература, авангардное искусство и академические

исследования представляют собой её типичные проявления. Элитарная культура направлена на осмысление бытия и поиск смыслов, выходящих за рамки утилитарного и повседневного. Её восприятие требует от реципиента интеллектуальной подготовки и способности к глубокому эстетическому переживанию (Рис. 2).

Рис. 2. Слева – работа классика Се-и Чжу Да (Zhū Dā 1626–1705), «Сливовые ветви, бамбук и две птицы»; справа – изображение из социальной сети Xiaohongshu, аккаунт @Слушающий дзэн под сливой (@梅下听禅)

Источники изображений:

<http://www.ashoucang.com/data/attachment/portal/202111/23/090707ogtu5j5fgj7dudyd.jpg>
и <https://xhslink.com/m/3WpXVb7qWzx>

Массовая культура привносит демократизацию, доступность и эмоциональную вовлеченность, в то время как элитарная сохраняет глубину, преемственность и критическое мышление. Их взаимодействие отражает фундаментальные процессы внутри культуры – от расширения аудитории до переосмыслиния ценностей. Несмотря на противоположные принципы, между ними существует зона пересечения: элементы высокой культуры проникают в массовую, теряя часть глубины, но обретая популярность; массовая же культура, вбирая элитарные образы, обновляет язык и формы культурного выражения. Современное общество, находясь в состоянии постоянной медийной циркуляции, делает возможным взаимное влияние этих сфер, создавая сложную сеть эстетических обменов, где границы между высоким и популярным становятся всё более подвижными.

Различие между этими двумя направлениями отражает более широкий культурный конфликт между демократизацией эстетики и барьерами культурного капитала. Массовая культура делает Се-и частью повседневности, приближая его к зрителю и тем самым расширяя аудиторию. Однако при этом происходит утрата смысловой глубины, когда духовная традиция подменяется эстетической поверхностностью. Элитарная культура, напротив, сохраняет глубину и критическое измерение, но рискует остаться в рамках

узкого профессионального круга. Современная эстетика Се-и существует в поле напряжения между доступностью и глубиной, между эмоциональным откликом и философской рефлексией, между скоростью восприятия и медленностью созерцания.

Диалектика массового и элитарного может быть интерпретирована в рамках философии культуры как форма современного «движения смысла» (П. Рикёр) [6] и перераспределения культурного капитала (П. Бурдье) [7]. Современная эпоха, характеризуемая децентрализацией культурных авторитетов, ставит под вопрос устойчивость противопоставления «высокого» и «низкого» в культуре. Поэтому важно рассматривать массовую и элитарную культуру не как антагонистические, а как взаимодополняющие модусы смыслопорождения: первая обеспечивает горизонтальную циркуляцию знаков и эмоций, вторая – вертикальную глубину и институциональную рефлексию. Их взаимодействие создаёт многослойную ткань культуры, где эстетика становится способом интеграции различных уровней общественного сознания.

III. Трансформация эстетического восприятия в условиях платформенной культуры

С наступлением информационной эпохи и появлением платформ пользовательского контента произошла коммуникационная революция, радикально изменившая систему культурного производства и потребления.

Термин «платформы пользовательского контента» (английское *user-generated content platforms*, китайское 自媒体平台 zìméiti媒体平 píngtái) обозначает цифровые площадки, позволяющие пользователям самостоятельно создавать, публиковать и распространять контент без участия традиционных издательских структур.

В контексте китайской культурной среды к платформам пользовательского контента относят:

- Douyin (抖音) – платформа коротких видео, аналог TikTok, ориентированная на визуальную экспрессию и массовое взаимодействие;
- Xiaohongshu (小红书, Little Red Book) – социальная сеть, где пользователи публикуют тексты, фотографии и обзоры, соединяя элементы личного дневника, блога и маркетплейса;
- Bilibili (哔哩哔哩) – видеоплатформа с сильной компонентой фанатских сообществ и субкультурной эстетики;
- WeChat Official Accounts (微信公众号) и Weibo (微博) – инструменты авторской публикации и распространения аналитических или художественных текстов;
- Zhihu (知乎) и Toutiao (今日头条) – платформы, на которых пользователи распространяют статьи и мнения в полуофициальном или экспертом формате.

Эти платформы образуют феномен «медиа демократизации»: каждый пользователь становится потенциальным создателем, а границы между автором, критиком и аудиторией размываются. В результате возникает особый тип культурного производства – «платформенная эстетика», где художественная и массовая логика переплетаются. Эти процессы свидетельствуют о глубинной перестройке механизмов культурного взаимодействия в цифровую эпоху. Если ранее медиасреда лишь транслировала художественные смыслы, то теперь она становится их активным соавтором.

Под влиянием технологий платформ пользовательского контента в современной культуре формируется всё более отчетливое разделение двух типов эстетического восприятия, связанных с массовой и элитарной культурами. В связи с этим происходит глубокая трансформация художественной традиции Се-и, ее разделение на «повседневное Се-и» и «концептуальное Се-и». Эти культурные формы, опирающиеся на разные ценностные ориентиры и механизмы функционирования, создают параллельные, нередко обособленные эстетические парадигмы, между которыми идет напряжённый диалог.

Платформы вроде Douyin, Xiaohongshu и Bilibili развиваются в рамках логики трафика и экономики внимания. Эта логика соответствует общим тенденциям формирования эстетики в цифровых средах Азии, описанных в современных медиа-исследованиях [18]. В такой системе приоритет принадлежит скорости распространения контента и вовлечённости аудитории, а не его глубине. Алгоритмы рекомендаций ориентированы на материалы, способные мгновенно привлечь внимание зрителя и вызвать эмоциональную реакцию, что способствует распространению кратких, ярких и фрагментарных форм выражения. Эта эстетика строится на принципе сиюминутного визуального впечатления: использование насыщенных цветов, динамичных ритмов и эффектных визуальных переходов призвано вызвать у зрителя быстрый эмоциональный отклик.

Такое художественное выражение можно рассматривать как свойство экономики впечатлений и форму эмоционального потребления, при которой эстетическое перестаёт быть самоцелью и превращается в средство быстрой психологической саморегуляции. Развлекательность, уютная атмосфера или ироничность пародийных жанров выполняют функцию временного «исцеления» эмоциональной усталости, обеспечивая эффект внутреннего успокоения и восстановления душевного равновесия. Подобный механизм характерен для так называемого «исцеляющего жанра» (например, хилинг-романы, *healing novels*), который в массовой культуре выступает формой мягкой психотерапии, направленной на снятие стресса и возвращение чувства гармонии. Творчество блогера по имени Вэнь Фухуа Мэй (文富画梅) на платформе Xiaohongshu является ярким примером «спектаклизации» традиционного искусства через «концептуальную живопись Се-и». Суть его стиля заключается не просто в демонстрации результата рисования, а в создании зрелищной сцены «творчества», сочетающего музыку в старинном стиле с увлекательным процессом рисования. Здесь Се-и из интроспективной философской практики транскодируется в экстернализированное, потребляемое культурное представление и эмоциональный опыт.

Одновременно с этим цифровые сообщества, основанные на узнаваемых визуальных мотивах и ярлыках – таких, как «трудяга», «энтузиаст» или «творческий человек» – формируют чувство принадлежности, объединяя пользователей вокруг схожих эстетических кодов. Ключевые понятия массовой эстетики – «красиво», «забавно», «уютно» – становятся категориями повседневного опыта, превращая эстетическое восприятие в привычную форму потребления.

Если рассматривать этот процесс с позиций эстетической теории В. Беньямина [19], можно говорить о «новом опыте восприятия», в котором исчезает аура произведения искусства. Эстетика цифровой эпохи, основанная на воспроизводимости, разрушает дистанцию между созерцателем и объектом, превращая произведение в событие мгновенного опыта. Однако именно в этом исчезновении ауры возникает новое качество – «аура взаимодействия», где ценность определяется не уникальностью формы, а интенсивностью участия. Такая форма опыта по-новому структурирует категорию прекрасного, смещая её в сферу повседневного и массового. Блогер Bilibili «Бай Цяо

Тун»(百窍通), демонстрируя онлайн виртуальную художественную выставку, предлагает новую парадигму для современного распространения искусства Се-и на уровне «выставочного механизма». Используя технологии цифрового моделирования для создания иммерсивного виртуального выставочного зала, он переносит избранные произведения Се-и со стен мало доступных широкой публике музеев в открытое виртуальное пространство, полностью стирая границы физического времени и пространства. Эта форма не только демократизирует доступ к художественным ресурсам, позволяя зрителям по всему миру в любое время «войти» в выставочный зал, но и превращает сам процесс просмотра в высоко интерактивный эстетический опыт «блуждания» через тщательно продуманную визуализацию света и тени, динамические экскурсии и фоновое звуковое сопровождение.

Для искусства Се-и это означает переосмысление традиционного идеала созерцательности в сторону эстетики соучастия. Углубляя анализ феномена «ауры взаимодействия», можно заметить, что цифровая среда влияет на само понятие эстетического вкуса и критерии художественной ценности. Медиаэстетика XXI века формирует особую структуру восприятия, в которой категория «вкуса» перестаёт быть показателем индивидуального выбора и превращается в функцию алгоритмической среды. Эстетическое суждение становится результатом цифрового отбора, зависящего от логики платформ и механизмов рекомендаций. С точки зрения П. Бурдье^[7], это означает не исчезновение культурного капитала, а его перераспределение в сетевой форме – через лайки, просмотры и цифровые репутации, благодаря чему эстетическое восприятие перестаёт быть актом индивидуального суждения и превращается в коллективную форму культурного действия. Показателен пример алгоритма рекомендаций платформы WeChat: после просмотра пользователем контента, связанного с живописью Се-и, в ленте новостей в большом количестве начинают появляться статьи и публикации, посвящённые искусству Се-и. Материалы, помеченные тэгами типа «китайская эстетика», быстро набирают десятки тысяч лайков, вызывая волну подражаний. В этом процессе индивидуальный эстетический выбор пользователя в значительной степени подменяется трендами, формируемыми алгоритмом, а оценка вкуса, основанная на традиционной «художественной атмосфере» (ицзин) Се-и, трансформируется в коллективное признание, измеряемое данными о лайках, сохранениях и репостах, и накопление цифрового капитала.

При этом радикально меняется структура культурного производства, коммуникация из вертикальной превращается в сетевую. Это явление можно рассматривать через призму постструктуральной мысли и концепции Ж. Делёза^[10] о «ризомной структуре культуры», где потоки информации текут во всех направлениях, разрушая традиционные иерархии. В условиях сетевой культуры художественное высказывание утрачивает фиксированного автора и становится результатом коллективного или алгоритмически управляемого творчества. Для анализа эстетики Се-и подобный подход принципиально важен: он позволяет рассматривать цифровую интерпретацию традиции не как упрощение, а как трансформацию способа бытия эстетического смысла в среде «распределённого авторства».

Для эстетики Се-и платформы пользовательского контента имеют двойственное значение. С одной стороны, они способствуют популяризации традиционной культуры, делая её доступной широким слоям общества. С другой – порождают феномен «повседневного Се-и»: поверхностную презентацию глубокой эстетической традиции, сведённую к визуальному эффекту и эмоциональной реакции. В этом смысле традиция Се-и переживает фрагментацию культурного контекста: «повседневному Се-и»,

ориентированному на эмоциональный отклик и визуальную экспрессию в цифровых медиа, противостоит «концептуальное Се-и», сохраняющее приверженность академической системе и стремление к философской глубине. Анализ различий и взаимосвязей между этими направлениями позволяет понять закономерности трансформации эстетики Се-и в контексте современного культурного пространства, а также обозначить теоретические рамки её дальнейшего развития.

Современная культурология рассматривает цифровые медиа как новую среду формирования эстетического опыта, в которой произведение искусства существует не столько как объект, сколько как процесс взаимодействия между символическими системами. В этой связи актуальны концепции «медииной среды» (Ф. Киттлер, М. Маклюэн) [11, 12] и «культурной семиосферы» (Ю. М. Лотман) [13], которые позволяют описать движение смыслов между традиционным и современным, сакральным и повседневным. Эстетика Се-и, помещённая в цифровой контекст, становится моделью культурной трансляции, демонстрируя, как локальная философская категория может адаптироваться к глобальному медиапространству, сохраняя при этом собственную духовную глубину.

Проблематика эстетики Се-и обладает значительным корпусом исследований в китайской и международной гуманитаристике, однако степень её изученности в контексте цифровой культуры остаётся ограниченной и требует дальнейшего осмысления. Традиционно исследователи сосредотачиваются на философско-эстетических основаниях Се-и, анализируя её как культурный код китайской художественной мысли. В работах Пэн Фэна [14] и Лю Гэна [15] подчёркивается специфика Се-и как уникальной эстетической категории, выражающей модель духовного созерцания, единства человека и природы, а также онтологическое измерение художественного опыта в китайской культуре. В западном синологическом дискурсе Се-и изучается преимущественно через призму сравнительной эстетики и философии искусства, с акцентом на понятиях *yì*, *qìyún*, *liubai* (意, 气, 留白) и их несводимости к западным эстетическим концептам.

В последние годы наблюдается рост научного интереса к медиатизации традиционных художественных форм, однако большинство исследований сосредоточено на феномене цифрового искусства в целом, не затрагивая глубоко трансформацию именно эстетики Се-и. Современные работы, посвящённые цифровизации художественных практик Китая [5, 14, 15], анализируют влияние новых медиа и ИИ на арт-индустрию, визуальную коммуникацию, а также изменяющиеся механизмы культурной презентации и восприятия искусства. Кроме того, в исследованиях Wang & Alli [16] обозначена тенденция интеграции элементов традиционной тушевой живописи в цифровой визуальный дизайн, что указывает на формирование нового эстетического синтеза в сфере креативных индустрий.

Популярный блогер Douyin «@Мо Сюаньцзы Чань Хуа»(@墨轩子禅画) создает контент в стиле Се-и, гармонично сочетая традиции живописи Се-и с современной стремительной эстетикой, привлекая зрителей лаконичной и захватывающей игрой туши. Он имеет 1,247 миллиона подписчиков на платформе Douyin. В своих видео блогер использует медитативную живопись тушью, музыку в старинном стиле и динамические фильтры, создавая визуальные шаблоны, которые выглядят простыми, но обладают эстетической привлекательностью. Содержание его «Се-и» трансформировалось от философского стремления к «одухотворенной гармонии» до визуальной демонстрации «эффектных техник» (Рис. 3). Комментарии пользователей, такие как «завидую людям с умелыми руками», подчеркивают практическую ценность этого контента как культурного капитала.

Этот пример ярко иллюстрирует, как «повседневное Се-и» под влиянием алгоритмов платформы достигает культурного распространения через эмоциональный отклик и стандартизированное производство, однако расплатой становится замещение философской глубины «атмосферностью». Такой контент становится символом эстетики быстрого и поверхностного потребления в массовой культуре.

Рис. 3. @Мо Сюаньцзы Чань Хуа (@墨轩子禅画), китайская платформа Douyin

Источник изображения: <https://v.douyin.com/z2fFCrg7KtI/>

С точки зрения теоретических подходов медиакультуры, этот процесс можно рассматривать через призму идей М. Маклюэна, В. Беньямина и П. Бурдье [12, 9, 7]. В духе Маклюэна цифровая среда Douyin и Xiaohongshu выступает не просто каналом передачи информации, а новой медиасредой, формирующей саму структуру восприятия: «медиа становится посланием». В терминах Беньямина здесь проявляется эффект утраты ауры, когда подлинность художественного переживания заменяется его бесконечной воспроизводимостью и циркуляцией знаков. Этот процесс не уничтожает эстетическое измерение, а переводит его в модус «ауры взаимодействия» – коллективного соучастия и мгновенного обмена эмоциями. В логике Бурдье культурный капитал традиции перераспределяется в алгоритмической среде: лайки, репосты и просмотры становятся новой валютой символического признания. Таким образом, медиатизация эстетики Се-и отражает не деградацию традиции, а её адаптацию к новой форме культурного капитала и сетевого символического обмена.

Активное заимствование образов и мотивов из элитарного искусства (таких как классическую живопись, традиционные ремёсла, символика и формы высокой культуры) демонстрирует значительную адаптивность массовой эстетики: она перерабатывает их в формат, удобный для быстрого восприятия и тиражирования. В результате происходит процесс десакрализации эстетических символов: они становятся визуальными шаблонами, понятными широкой аудитории. Так формируется своеобразная эстетика ускоренного потребления, где произведение искусства воспринимается как мгновенный эмоциональный импульс, а не результат медитативного созерцания. Блогер Xiaohongshu «Учимся живописи гохуа с учителем Даньдань» (跟着丹丹老师学国画) доводит до предела «Tutorial-изацию» и «символизацию» традиционной живописи Се-и. Сложные техники Се-и сводятся к сериям простых стандартизованных узоров и поэтапных инструкций, таких как «одна черта – ветка, пять точек – цветы сливы», что делает их чрезвычайно легкими для понимания. Такой подход, несомненно, значительно снижает порог входления, позволяя начинающей аудитории легко освоить основы и получить чувство удовлетворения, тем самым способствуя популяризации искусства Се-и на массовом уровне.

В противовес этому элитарная культура в эпоху цифровизации выполняет функцию

сохранения верности культурной природе искусства. Её функционирование поддерживается академическими институтами, профессиональными сообществами, музеями, галереями и биеннале, которые сохраняют ориентир на автономию искусства и глубину художественного содержания. Здесь господствует логика не трафика, а теоретической обоснованности, где ценность определяется не популярностью, а концептуальной сложностью и внутренней целостностью произведения. В отличие от популярных интернет-блогеров, Китайская национальная художественная академия(中国国家画院), как авторитетное государственное учреждение, представляет элитарную культуру в стиле Се-и. Она проводит исследования в области культуры и искусства, уделяя особое внимание исторической преемственности, техническому мастерству и глубине философской рефлексии, а также углублённому изучению связи выставочных работ с традицией классической живописи учёных, их новаторству в контексте современного искусства и лежащим в их основе философским размышлением.

Эстетические стандарты элитарной культуры формируются на базе профессиональных знаний и философской рефлексии. Её цель заключается не в предоставлении немедленного чувственного удовольствия, а в развитии художественного языка, в исследовании границ восприятия и возможностей критического осмысления мира. Эта сфера искусства требует высокого уровня культурной компетенции и постепенно выстраивает собственную систему ценностей через академические дискуссии и концептуальные тексты.

В эпоху платформ пользовательского контента две формы культуры, элитарная и массовая, определяют соответствующие эстетические ориентации. Массовая и элитарная эстетика сосуществуют и взаимодействуют, формируя сложную систему современного художественного пространства. Несмотря на различие в целях и средствах, обе эти формы определяют многомерность современного эстетического опыта, создавая напряжённое, но плодотворное взаимодействие.

IV. Взаимодействие массовой и элитарной эстетики в современном культурном пространстве

Сфера распространения современного искусства представляет собой динамическую систему, в которой элитарный эстетический вкус, определяемый элитарной культурой, и массовый эстетический вкус, формируемый массовой культурой, не существуют изолированно, а постоянно взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие принимает различные формы – конфликт, ассимиляцию, диалог и симбиоз, – создавая сложную культурную экосистему, внутри которой формируются новые эстетические смыслы и механизмы восприятия искусства.

Первое проявление этого взаимодействия – конфликт и разграничение. Бурдье рассматривал эстетический вкус как маркер социальной дифференциации. По его мысли, вкус не является результатом свободного выбора, а формируется под влиянием социального происхождения, уровня образования и культурной среды. Эстетические предпочтения становятся способом выражения принадлежности к определённому классу или культурной группе. Эта мысль применима и к современному восприятию искусства Се-и: представители интеллектуальной элиты нередко критикуют «поверхностность» и «китчевость» массовых форм, стремясь тем самым сохранить статус своего культурного капитала. В свою очередь, массовая аудитория воспринимает сложные инсталляции и концептуальные произведения как оторванные от реальности и неясные, что порождает взаимное отчуждение. В результате возникает скрытое напряжение – тихая борьба за культурную власть, где каждая сторона отстаивает собственное понимание

художественной ценности.

Однако наряду с конфликтом существует и процесс взаимного проникновения. Массовая культура обладает высокой адаптивностью и способностью к ассимиляции. Она охотно заимствует элементы элитарного искусства, переводя их в язык повседневности. Так, мотивы традиционной китайской живописи, каллиграфии и философские символы даосизма всё чаще используются в дизайне, рекламе, визуальных медиа и цифровых продуктах. Это способствует расширению влияния эстетики Се-и и её проникновению в массовое сознание. Пусть подобная трансляция и упрощает оригинальные смыслы, она выполняет важную культурную функцию – делает искусство ближе и понятнее широкому кругу людей. В этом проявляется способность массовой культуры не только упрощать, но и распространять ценности, создавая новые формы восприятия традиции. Современный стиль «нового китайского» интерьера является ярким примером ассимиляции элитарного искусства массовой культурой. Декоративные элементы в стиле Се-и, используемые для оформления стен и текстиля, а также популярные на платформах коротких видео «чайные столы в стиле дзен», несмотря на утрату этими продуктами части духовной глубины оригиналов, успешно трансформировали «утончённый вкус учёных-интеллектуалов» в покупаемый образ жизни. Это позволило элитарной эстетике достичь массового распространения через коммерческие каналы(Рис. 4).

Рис. 4. Weibo, автор: @Вдохновение в мебельной эстетике (家具美学灵感库), декор интерьера в стиле новой китайской классики

Источник изображений: <https://m.weibo.cn/status/5212550908086421>

С другой стороны, элитарная культура, стремясь к сохранению глубины и автономии, вынуждена учитывать изменения в структуре аудитории и новые медиаформаты. Современные художники, кураторы и теоретики искусства осваивают цифровое пространство, участвуют в онлайн-выставках, создают интерактивные формы представления работ. Подобные тенденции соотносятся с общим развитием цифрового искусства в Китае, где медиапрактики становятся частью городской и культурной символики [17]. Происходит своеобразная «медиатизация» элитарной эстетики: формы остаются сложными и концептуальными, но каналы их распространения становятся более демократичными. Элитарная культура частично перенимает механизмы массовой коммуникации, чтобы сохранить своё присутствие в современном культурном пространстве. В результате взаимодействия элитарных и массовых форм художественной коммуникации возникает новая логика обращения с образом и смыслом – медиатизация искусства.

Процесс медиатизации можно рассматривать как проявление более широкой культурной тенденции – перехода от «искусства представления» к «искусству коммуникации» (по Б.

Грайсу) [18]. В условиях цифровой среды произведение искусства утрачивает статус завершённого объекта и становится узлом сети, местом встречи потоков информации и интерпретаций. Такая трансформация приводит к появлению феномена «циркулирующего произведения», которое существует в множестве форм и презентаций. Для эстетики Се-и это означает, что понятие «выражения» расширяется до категории «коммуникативной текучести»: дух и форма уже не противопоставлены, а взаимно определяют друг друга в процессе цифрового обмена.

Этот процесс затрагивает не только способы распространения искусства, но и само понимание памяти и традиции в цифровую эпоху. Медиатизация искусства не только изменяет формы коммуникации, но и создаёт новые режимы культурной памяти. По мысли А. Ассмана [19], медиа становятся хранилищем и посредником культурного опыта, переводя память из сферы устного и материального в цифровую. Для эстетики Се-и это открывает возможность существования в «гибридной памяти» – когда традиция не исчезает, а кодируется в новых визуальных структурах, сохраняя свою духовную энергию в сетевой форме. Таким образом, медиатизация может рассматриваться не как утрата подлинности, а как новая форма культурной преемственности, которая требует внимания исследователей [20].

В этом сложном процессе обмена и взаимодействия рождается новая конфигурация художественной коммуникации. Массовая культура утрачивает часть поверхности, когда обращается к наследию традиционного искусства, а элитарная культура приобретает актуальность, осваивая новые технологии и формы диалога с аудиторией. Их взаимодействие можно рассматривать как диалектический процесс, в котором конфликт становится источником развития, а симбиоз – условием устойчивости культурной системы.

В контексте эстетики Се-и это взаимодействие особенно заметно. Массовое переосмысление традиционных образов делает возможным их включение в современный визуальный дискурс, а элитарное – обеспечивает сохранение их духовной глубины и философской направленности. Между этими полюсами формируется пространство культурного обмена, где традиция и современность, философия и эмоция, созерцание и коммуникация сосуществуют, образуя новые формы эстетического опыта [21-23].

Эта диалектическая связь не только способствует распространению искусства Се-и, но и гарантирует его жизнеспособность. Благодаря присутствию в разных культурных слоях – от массовых платформ до академических институтов – Се-и сохраняет способность к обновлению, не теряя при этом связи с духовными корнями. Напряжение между массовым и элитарным не разрушает, а, напротив, оживляет художественную традицию, превращая её в пространство постоянного диалога и переосмысления.

Современная эстетика Се-и существует как процесс взаимодействия противоположных тенденций: демократизации и сохранения глубины, эмоциональной непосредственности и философской рефлексии, повседневного восприятия и интеллектуального анализа. Это взаимодействие позволяет искусству преодолевать границы времени и социальных различий, превращая его в живой организм культуры, открытый как для массового зрителя, так и для мыслящего исследователя.

Заключение

Проведённое исследование позволило комплексно проанализировать эстетическую природу Се-и в условиях сосуществования массовой и элитарной культурных логик и

трансформации художественного опыта под влиянием платформенной цифровой среды.

Во-первых, выявлены эстетические основания и культурная природа Се-и, укоренённые в философских традициях даосизма и конфуцианства. Се-и предстала не только как художественная техника, но и как мировоззренческая система, в которой ключевыми являются категории исян, ицзин, ционь, и (意象, 意境, 气韵, 意). Их функция состоит в выражении духовного содержания и постижении гармонии между человеком, природой и Дао, что определяет первоначально элитарный характер традиции.

Во-вторых, проанализировано динамичное и противоречивое взаимодействие массовой и элитарной культуры в современном культурном пространстве. Показано, что массовая культура способствует расширению аудитории Се-и, делая её частью повседневных эстетических практик, тогда как элитарная культура сохраняет глубину философской рефлексии и культурную преемственность. Между этими полюсами формируется диалектическое пространство, где конфликт, взаимное заимствование и символический обмен становятся механизмами поддержания жизнеспособности традиции.

В-третьих, исследована трансформация эстетического восприятия в условиях платформенной культуры. Логика трафика и алгоритмическая система Douyin и Xiaohongshu способствуют формированию новых эстетических режимов – эмоциональной мимолётности, клинового созерцания и «ауры взаимодействия». Эстетический вкус утрачивает индивидуальность и становится продуктом цифрового отбора, что ведёт к перераспределению культурного капитала в сетевых формах.

В-четвёртых, определены формы взаимодействия массовой и элитарной эстетики в современном культурном пространстве. Их синергия проявляется в медиатизации искусства, включении традиционных образов в популярную визуальную культуру и одновременном сохранении элитарными практиками пространства критического осмыслиения. В результате возникает гибридная модель культурной преемственности, в которой традиция адаптируется к новым медийным форматам, не утрачивая духовно-онтологического ядра.

Таким образом, современная эстетика Се-и формируется как поле напряжённого, но продуктивного диалога между двумя эстетическими режимами – массовым и элитарным. Эта двойственность обеспечивает не разрушение, а обновление традиции, делая Се-и актуальной формой культурного опыта в глобальной визуальной среде. Се-и выступает моделью гармонизации духовного наследия и цифровой культуры, демонстрируя потенциал традиционной эстетики к адаптации без потери смысловой глубины.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке стратегий популяризации традиционной эстетики Се-и в цифровой среде и культурной политике. Выявленные механизмы взаимодействия массовой и элитарной эстетики могут быть применены в музеиных и образовательных проектах, в работе кураторов и арт-менеджеров, а также в сфере креативных индустрий при создании медиаконтента и формата представления культурного наследия в условиях платформенной культуры.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением анализом цифровых художественных практик Се-и, изучением роли искусственного интеллекта в трансформации визуального языка традиции и выявлением новых форм культурной памяти в условиях медиатизированного искусства.

Библиография

1. Duester, E.; Zhang, R. Digital and AI Transformation in the Contemporary Art Industry in China // Arts & Communication. 2024.
2. 刘耕 [Лю Гэн]. 作为中国特有美学概念的“写意” [Се-и как специфически китайская эстетическая концепция] // 艺术设计研究 [Art and Design Studies]. 2021. № 1. С. 104-107. DOI: CNKI:SUN:SHIZ.0.2021-01-017.
3. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2011.
4. Фуко, М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. EDN: QWQSXJ.
5. 曲雪 [Цюй Сюэ]. 新媒体时代精英文化与大众文化共生问题探究 [Исследование симбиоза элитарной и массовой культур в эпоху новых медиа] // 新闻研究导刊 [Journal of News Research]. 2018. 9(04). С. 84-86. DOI: CNKI:SUN:XWDK.0.2018-04-049.
6. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia, 2008.
7. Бурдье, П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60-74. EDN: OYUVRD.
8. Kim, Y. Aesthetics of New Technological Humanities // Technology and Culture. 2023. Vol. 64(2).
9. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Избранные эссе. М.: Ad Marginem Пресс, 2013. С. 23-54.
10. Делёз, Ж.; Гваттари, Ф. Ризома // Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Ad Marginem, 2007. С. 7-42.
11. Киттлер, Ф. Грамматология медиа. М.: Академический проект, 2009.
12. Маклюэн, М. Понимание медиа. М.: ACT, 2018. 480 с.
13. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
14. 彭锋 [Пэн Фэн]. 写意美学与写意艺术 [Эстетика Се-и и искусство Се-и] // 美术观察 [Fine Arts Observation]. 2024. № 12. С. 13-16. DOI: CNKI:SUN:MSGC.0.2024-12-008.
15. Zhang, Ying. From Brush to Pixel: The Transformation of Xieyi Aesthetics in Chinese Digital Art // Journal of Visual Art Practice. 2023. Vol. 22(4). Pp. 312-328. DOI: 10.1080/14702029.2023.2265471.
16. Wang, Wenyu; Alli, H. The Significant Development of Chinese Traditional Ink Painting as a New Concept in Visual Communication Design // Online Journal of Art and Design. 2024. Vol. 12(3).
17. Бечер, А. The Digital Illusion: Chinese New-Media Artists Exploring the Phenomenology of Space // British Journal of Chinese Studies. 2021. № 11. С. 114-134. DOI: 10.51661/bjocs.v11i0.72. EDN: FUYEPO.
18. Грайс, Б. Обновление как эстетическая категория. М.: Ad Marginem, 2015.
19. Ассман, А. Пространства памяти. Формы и трансформации культурной памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
20. Wang, Y. X. ASEAN Students' Perceptions of Contemporary Chinese Visual Culture // SAGE Open. 2025. Vol. 15(2).
21. Ли Ч. Наследие Се-и в контексте вызовов четвертой технологической революции // Культура и искусство. 2024. № 9. С. 105-120. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.9.71445 EDN: CFNWPT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71445
22. Ли Ч. Философско-методологические основания искусства Се-и: теория тройственной природы знака // Манускрипт. 2025. Том 18. Выпуск 3. С. 1156-1165. <https://doi.org/10.30853/mns20250165>. EDN: JUPBYS
23. Яковлева Н.Ф., Иванова Ю.В. Традиционная китайская живопись и ее роль в культуре Китая. Чита: ЗабГУ, 2015. 221 с. ISBN 978-5-9293-1347-9.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи является, как можно предположить из текста, изменение концепции традиционной китайской живописи Се-и в современном медиапространстве, а конкретнее – трансформация эстетики Се-и в связи с использованием данного вида живописи на платформах пользовательского контента.

Предмет исследования обладает несомненной новизной и его изучение позволит расширить исследовательское поле, как искусствоведческих работ, так и работ в сфере медиакоммуникаций.

Однако обращает на себя внимание проблематичная для российского научного дискурса формулировка, используемая в перечислении характеристик живописи Се-и: «Её основу составляет принцип свободного письма тушью и водяными красками на бумаге или шёлке, где изображение создаётся линией, пятном и ритмом пустоты, образующих пространство дыхания и движения». Словосочетание «ритм пустоты» для российского научного языка требует пояснения, использования кавычек. Необходимо объяснение – это термин соотносится с термином из боевых искусств или имеет в китайской живописи особенное значение...

Возникает вопрос и к формулировке цели исследования. В статье цель звучит следующим образом: «Целью исследования является теоретико-культурологический анализ трансформации эстетики Се-и в условиях сосуществования массовых и элитарных форм культуры, а также выявление механизмов её адаптации к цифровой медийной среде, формируемой платформами пользовательского контента.» Во-первых, в данной формулировке содержится две цели. Одна – «теоретико-культурологический анализ», вторая – «выявление механизмов». Цель должна быть одна в исследовании. Во-вторых, цель в какой-то степени противоречит названию статьи – «Философская реконструкция традиции Се-и...», а в цели указан «теоретико-культурологический анализ...». Философская реконструкция и культурологический анализ – совершенно разные исследовательские подходы. И здесь нужно менять либо цель, либо название. Кроме того, вызывает сомнение формулировка «теоретико-культурологический», анализ все-таки должен быть культурологическим.

И так как в методологии исследования указываются «междисциплинарные методы философии культуры, эстетики», а философия культуры и эстетика являются философскими науками, то логичнее переформулировать цель.

Так же в методологии указывается на применение «визуально-семиотического анализа медиаконтента и кейс-стади (на примере публикаций на Douyin и Xiaohongshu)». Но весь последующий текст посвящен теоретическим рассуждениям – о соотношении массовой культуры и элитарной, трансформации восприятия информации в связи с изменениями коммуникаций, о классической традиции Се-и и принципах современного применения этого вида живописи. Но отсутствуют данные о проведенных эмпирических исследованиях. В статье не указываются те элементы методики case-study, которые применялись – сколько было собрано кейсов, план-схема анализа кейсов и т.д. Базовые элементы методики не приведены в статье и соответственно нет выводов по кейсам. Есть только общие рассуждения. И для визуально-семиотического анализа медиаконтента – не указано – сколько работ, выполненных в технике Се-и, было проанализировано.

Исходя из текста, возникает вопрос об эмпирической базе исследования, практический материал исследования остается загадкой для читателя. Какой именно материал был

проанализирован, чтобы сделать все эти выводы не уточняется. Иллюстрации в статье не проясняют ситуацию. В статье предлагается для сравнения две иллюстрации, которые вносят еще больше путаницы. Одна из иллюстраций – работа автора XVII века, а вторая – сгенерирована искусственным интеллектом. Так что же исследовалось в статье – работы, созданные современными авторами и размещенные на платформах, или результат деятельности искусственного интеллекта? Если сравниваются классические образцы и продукты деятельности искусственного интеллекта – это вообще совершенно другое исследование с иной целью и задачами. Предлагаю заменить иллюстрации, расширить их и пояснить в тексте статьи – на каком материале проводилось исследование. Если собирались кейсты – точно описать процедуры методики *case-study*, которые использовались.

Актуальность исследования высокая – т.к. процесс трансформации традиционных и классических видов искусств в условиях новых форм коммуникаций касается очень многих практик. Выводы статьи могут быть интересны и актуальны в применении к многим традиционным техникам и направлениям искусства.

Научная новизна достаточно высокая.

Стиль статьи соответствует требованиям, предъявляемым к научным текстам. Однако есть и недостатки, которые необходимо исправить:

1. текст требует вычитки корректора – встречается несогласованность падежных окончаний;
2. в тексте встречаются словосочетания, которые требуют пояснения. Например «алгоритмическая среда» – существует понятие «алгоритм», хотелось бы пояснения – что такое алгоритмическая среда, т.к. общеупотребительно это словосочетание не используется;
3. вызывает сомнение предложение: «В противовес этому элитарная культура в эпоху цифровизации выполняет функцию «сдерживающего поля» и «хранителя границ»». Закавыченные словосочетания – это термины других авторов? Тогда почему нет сносок? Это определения авторов статьи? Тогда поясните, что это может означать.

Структура статьи достаточно логична.

Вызывает критику хаотичное использование научной терминологии в статье. Как синонимы используются понятия «культурное поле» и «культурное пространство». Но существуют определенные теоретические традиции применения этих терминов и не понятно, как интерпретируются данные понятия в статье. На протяжении практически всей статьи использовались понятия «массовая культура» и «элитарная культура», но в пятом разделе вдруг речь идет о массовой эстетике и элитарной эстетике. Но понятия «культура» и «эстетика» не тождественны.

В статье утверждается: «...Се-и можно интерпретировать как китайский аналог феноменологической установки Э. Гуссерля – стремления к «возвращению к самим вещам», к чистому опыту восприятия, не опосредованному рациональной категоризацией». Соответственно возникает вопрос – насколько уместно идеи и принципы классического китайского искусства Си-е объяснять с помощью исключительно европейской философской концепции. Либо необходимо пояснить авторскую позицию по данному вопросу. Все-таки феноменология – это явление, сформулированное в недрах европейской культуры и ее появление было вызвано событиями именно европейской истории в период, который никак не соотносится с периодом классического расцвета Се-и.

Это же замечание касается соотнесения эстетики Се-и с концепцией М. Фуко: «Эстетика Се-и может быть интерпретирована как разновидность «практики себя» в смысле М. Фуко [16] – духовного упражнения, направленного на внутреннюю трансформацию субъекта. ». Нужно пояснение – каким образом глубоко европеизированная практика

«заботы о себе», характерная для достаточно ограниченной социальной группы в европейской истории – а именно группы интеллектуалов – соотносится с эстетикой Се-и. Следовательно, содержание работы требует корректировки и пояснений.

Список литературы оформлен некорректно. Не понятен принцип расположения источников – здесь не соблюдается ни алфавитный порядок, ни порядок цитирования в тексте. Оформление списка не соответствует ГОСТу. Обращаю внимание – п. 9 и п. 18в списке – это одна и та же работа, только в п. 9 указан автор статьи, а в п. 18 указано только название этой статьи. С правилами оформления списка литературы можно ознакомиться на сайте издательства в разделе для авторов.

В целом статья может быть интересная исследователям разных областей – искусствоведения, культурологии, социологии коммуникаций. В статье представлены научные выводы, обладающие новизной, корректно и грамотно представлены точки зрения авторитетных авторов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемый текст «Адаптация философско-художественной традиции Се-и к сетевому культурному пространству в условиях диалога массовой и элитарной культуры» представляет собой междисциплинарное исследование на пересечении культурологического и философского дискурсов. Предметом исследования является трансформация эстетики Се-и в условиях сосуществования массовых и элитарных форм культуры т.е. адаптация одного из компонентов традиционной китайской культуры к цифровой медийной среде в эпоху глобализации и цифровизации; таким образом рассматриваемый в работе круг вопросов может расцениваться как частный случай общемировых тенденций, в этом состоит актуальность работы. В связи с поставленной целью автор формирует достаточно логичный перечень задач: «выявить эстетические основания и культурную природу Се-и; проанализировать взаимодействие массовой и элитарной культуры в структуре современного культурного пространства; исследовать трансформацию эстетического восприятия в условиях платформенной культуры; определить формы взаимодействия массовой и элитарной эстетики в современном культурном пространстве». В теоретическом аспекте автор опирается на классические тексты Маклюэна, Лотмана и др., в практическом аспекте автор исследует контент цифровых платформ Douyin и Xiaohongshu, Bilibili, WeChat и др. Здесь мы видим определенного рода проблему т.к. обращение автора к содержанию данных платформ (в авторском изложении именно там происходит адаптация традиции Се-и к сетевому пространству) практически лишено конкретики, и читатель не может понять о каком именно контенте, воплощающем традиции Се-и, идет речь – это концептуальное визуальное решение самих платформ, творчество отдельных блогеров или нечто иное? На всем протяжении текста мы получаем всего один конкретный пример – «Популярный блогер Douyin «@Mo Сюаньцзы Чань Хуа»(@墨轩子禅画) создает контент в стиле Се-и. Он имеет 1,247 миллиона подписчиков на платформе. В своих видео блогер использует медитативную живопись тушью, музыку в древнем стиле и динамические фильтры,

создавая визуальные шаблоны, которые выглядят простыми, но обладают эстетической привлекательностью». Это при том что автором в качестве объекта исследования заявлены пять цифровых платформ с сотнями миллионов пользователей. Единственная визуальная иллюстрация текста атрибутирована «изображение из социальной сети *Xiaohongshu*, продукт нейросети». Нейросети и цифровые платформы – это разные вещи, в каком качестве в социальной сети использовано данное конкретное изображение – фон, открытка, тематический сегмент и т.д. – совершенно непонятно, как невозможно и определение масштаба применения подобного рода изображений. Авторский нарратив в основном остается вне конкретики: «Современные художники, кураторы и теоретики искусства осваивают цифровое пространство, участвуют в онлайн-выставках, создают интерактивные формы представления работ». Эта отвлеченностя вполне допустима в рамках общего философского-эстетического подхода к проблеме трансформации традиционной культуры, но если автор заявляет, что «используются элементы визуально-семиотического анализа медиаконтента и кейс-стади (на примере публикаций на *Douyin* и *Xiaohongshu*), что позволяет выявить специфику медиатизации и трансформации эстетических кодов Се-и в цифровой культуре», то мы должны отметить практически полное отсутствие именно анализа медиаконтента, соответственно итоговое заявление автора «Логика трафика и алгоритмическая система *Douyin* и *Xiaohongshu* способствуют формированию новых эстетических режимов – эмоциональной мимолетности, клипового созерцания и «ауры взаимодействия» не подтверждено фактическим материалом. Таким образом мы наблюдаем явный перекос в работе в сторону теоретической части и минимализацию исследования цифрового контента, что может быть исправлено либо увеличением непосредственного исследования содержания медиаплатформ, либо коррекцией целей и задач работы. Текст требует доработки.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил статью «Адаптация философско-художественной традиции Се-и к сетевому культурному пространству в условиях диалога массовой и элитарной культуры», в которой проведено исследование процесса влияния информационных и компьютерных технологий на традиционное искусство Китая.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что китайское искусство Се-и является важной частью традиционной культуры Китая и обладает глубоким теоретическим значением, так как не только представляет собой художественную форму, но и является философской системой, укорененной в конфуцианской, даосской и буддийской философиях, подчеркивающей духовное содержание ее образов. В статье автор рассматривает, как традиционное искусство Се-и может сохранить свои культурные особенности и в то же время получить новый импульс для развития, используя современные технологии для глобального распространения и становления важным носителем культуры, обогащая современное общество духовными и культурными ценностями.

Актуальность исследования определяется важностью сохранения традиционной культуры

в условиях ускоряющегося темпа интеграции новых технологий и духовной составляющей общества.

Методологическую базу исследования составил комплексный подход, содержащий как общенаучные методы описания, анализа и синтеза, так и комплекс культурологического, сравнительно-исторического и герменевтического анализа для интерпретации феноменов традиционной эстетики в современном медиапространстве; используются элементы визуально-семиотического анализа медиаконтента, что позволяет выявить специфику медиатизации и трансформации эстетических кодов Се-и в цифровой культуре. Теоретической основой выступают труды таких классических и современных исследователей как э. Гуссерль, М. Фуко, Ю.М. Лотман, Ли Ч, Цюй Сюэ, Яковлева Н.Ф., Иванова Ю.В. и др. Эмпирической базой исследования послужили образцы произведений китайской живописи в стиле Се-и.

Целью исследования является теоретико-культурологический анализ трансформации эстетики Се-и в условиях существования массовых и элитарных форм культуры, а также выявление механизмов её адаптации к цифровой медийной среде, формируемой платформами пользовательского контента. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: выявить эстетические основания и культурную природу Се-и; проанализировать взаимодействие массовой и элитарной культуры в структуре современного культурного пространства; исследовать трансформацию эстетического восприятия в условиях платформенной культуры; определить формы взаимодействия массовой и элитарной эстетики в современном культурном пространстве.

В результате анализа степени научной проработанности проблематики автор приходит к заключению, что несмотря на существенную теоретическую базу по классической эстетике Се-и и возрастающий интерес к её цифровым трансформациям, в научной литературе заметен дефицит комплексных культурологических исследований, рассматривающих Се-и как динамическую систему смыслов, развивающуюся в условиях медийной среды и платформенного культурного производства. Научная новизна настоящего исследования и заключается в проведенном автором культурологическом анализе двойственной эстетики Се-и в контексте цифровизации. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке стратегий популяризации традиционной эстетики Се-и в цифровой среде и культурной политике. Выявленные механизмы взаимодействия массовой и элитарной эстетики могут быть применены в музеиных и образовательных проектах, в работе кураторов и арт-менеджеров, а также в сфере креативных индустрий при создании медиаконтента и форматов представления культурного наследия в условиях платформенной культуры.

Автором проведен комплексный анализ эстетической природы Се-и в условиях существования массовой и элитарной культурных логик и трансформации художественного опыта под влиянием платформенной цифровой среды. На основе данного анализа выявлены эстетические основания и культурная природа Се-и, укоренённые в философских традициях даосизма и конфуцианства. Се-и предстает не только как художественная техника, но и как мировоззренческая система.

Автором проанализировано динамичное и противоречивое взаимодействие массовой и элитарной культуры в современном культурном пространстве. Показано, что массовая культура способствует расширению аудитории Се-и, делая её частью повседневных эстетических практик, тогда как элитарная культура сохраняет глубину философской рефлексии и культурную преемственность. Между этими полюсами формируется диалектическое пространство, где конфликт, взаимное заимствование и символический обмен становятся механизмами поддержания жизнеспособности традиции. исследована трансформация эстетического восприятия в условиях платформенной культуры.

Проведя исследование, автор представляет выводы по изученным материалам. Перспективы дальнейших исследований автор видит в углубленном анализе цифровых художественных практик Се-и, изучением роли искусственного интеллекта в трансформации визуального языка традиции и выявлением новых форм культурной памяти в условиях медиатизированного искусства.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение процесса и потенциала интеграции и взаимовлияния уникальной культуры определенного народа и современных технологий представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 23 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике ввиду актуальности изучаемой проблематики и обширного научного дискурса. Однако автору необходимо оформить библиографию исследования в соответствии с требованиями ГОСТа и редакции. Текст статьи выдержан в научном стиле и дополнен иллюстративным материалом.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Корецкая М.А. К дискуссии о коллективном субъекте научного знания // Философия и культура. 2025. № 10.
DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76541 EDN: JYRDMR URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=76541

К дискуссии о коллективном субъекте научного знания**Корецкая Марина Александровна**

ORCID: 0000-0002-6910-8744

доктор философских наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра философии и биоэтики; Самарский государственный медицинский университет

443100, Россия, Самарская обл., г. Самара, Октябрьский р-н, ул. Ново-Садовая, д. 2, кв. 47

[✉ listarh@list.ru](mailto:listarh@list.ru)[Статья из рубрики "Философия науки"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76541

EDN:

JYRDMR

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: В статье предлагается аналитический обзор подходов к концептуализации коллективного субъекта научного знания как в отечественных, так и зарубежных исследованиях. В классической гносеологии проблема субъекта познания формулировалась по преимуществу в терминах соотношения эмпирического и трансцендентального, а не индивидуального и коллективного. Эффект, вносимый коллективным характером научной деятельности, становится предметом изысканий в контексте кризиса трансцендентализма и все возрастающего интереса к социальному измерению науки. Отечественная гносеология с начала 80-х до конца 90-х годов эксплицитно ставит эту проблему в рамках диалектики личного и социального в научной деятельности, критически дистанцируясь от конструктивистского подхода, превалирующего в зарубежной социологии науки, и представленного такими именами, как Л. Флек и Б. Латур. Методом исследования является генеалогическая деконструкция

интеллектуальной истории, которая фокусируется не на линейной преемственности, а на смысловых смещениях и разрывах. Исследование позволило прийти к следующим выводам. В рамках трансценденталистской парадигмы субъектность *ego cogito* не является ни индивидуальной, ни коллективной, а общению ученых в «незримом колледже» не приписывается никакая собственная плотность вплоть до Р. Мертона, чей этический кодекс ученого мыслится как остающийся неизменным вне зависимости от динамики социальной ситуации. В критическом реализме К. Поппера возникает тезис о том, что способы обращения с объективированным знанием носят коллективный характер, однако «третий мир» (сфера научного знания) утрачивает субъектные характеристики. Диалектика индивидуального и коллективного субъектов познания представлена в работах В.А. Лекторского и Н.М. Смирновой, где совместность научной деятельности понимается как производная от совместного характера человеческой практики вообще. Конструктивистский подход к проблеме берет начало у Л. Флека, предложившего концепты мыслительных коллективов, воспроизводящих определенные стили мышления, которые определяют то, о чем нельзя мыслить иначе. Далее эта идея развивается в социологии науки такими авторами как С. Вулгар и Б. Латур. И, наконец, мы видим сложившуюся традицию социологии и антропологии академических сообществ, которая исследует коллективное измерение субъекта научного знания, отталкиваясь от эмпирического описания моделей коммуникации, ритуалов академической среды и стратегий успеха.

Ключевые слова:

коллективный субъект, коллективное знание, наука, мыслительный коллектив, стиль мышления, научная коммуникация, практика, критический реализм, диалектика, конструктивизм

Введение

Понятие субъекта научного познания очевидным образом относится к базовым гносеологическим категориям и в этом качестве может показаться расхожим и самопонятным. Конечно, под субъектом познания классическая гносеология понимает не столько человеческого индивида, занятого познавательной деятельностью, сколько универсальную форму самосознания, лежащую в основе когнитивных актов рациональности, направленных на постижение объективных сторон мира. Классическое понятие субъекта научного познания является результатом работы всей трансценденталистской традиции, которую вслед за Декартом продолжают Кант и Гегель, и именно в кантовской концепции трансцендентального субъекта можно видеть окончательную кристаллизацию представлений об инвариантном когнитивном ядре, которое присутствует в каждом человеке как носителе рациональных способностей вне зависимости от эпохи и культуры. В силу действия этих предпосылок в классической философии познания проблема субъекта познания формулировалась по преимуществу в терминах соотношения эмпирического и трансцендентального, а не индивидуального и коллективного. Проблема индивидуального и коллективного субъекта начинает обсуждаться в контексте кризиса трансценденталистской традиции, пересмотра базовых категорий и концепций классической философии вообще, отказа от метафизических объяснительных конструкций и все более растущего интереса к науке как процессу, имеющему социальное измерение. Отечественная гносеология с начала 80-х до конца 90-х годов эксплицитно ставит эту проблему в рамках диалектики личного и социального

в научной деятельности, критически дистанцируясь от конструктивистского подхода, превалирующего в зарубежной социологии науки.

В статье предлагается аналитический обзор подходов к концептуализации коллективного субъекта научного знания как в отечественных, так и зарубежных исследованиях. Описывая историю концептуализации коллективного субъекта науки, в методологическом отношении мы будем придерживаться принципов генеалогии, разработанных М. Фуко в качестве продолжения Ницшеанской концепции исторического анализа. [20] Генеалогический подход в этом смысле предполагает деконструкцию интеллектуальной истории, которая фокусируется не на линейной преемственности и постепенной развертке того, что было заложено в идею изначально, а на случайностях, разрывах и борьбе сил, чтобы выявить, как возникли современные практики, институты и представления о субъекте.

Трансцендентальный идеал субъектности: от Декарта до Мертона

Субъектность *ego cogito* в строгом смысле слова не является ни индивидуальной, ни коллективной, хотя она есть одновременно бытийный фундамент и форма научного мышления для любого мыслящего индивида. В картезианской картине мира все люди как носители рациональности в своей основе мыслят одинаково (поэтому Декарт и заявляет, что имел смелость судить по себе о других). Этот постулат делает достижимой достоверность научного знания и внушает оптимизм касательно того, что научные истины способны служить объединяющим фундаментом для всех, вне зависимости от того, кто является католиком, а кто гугенотом. А именно таков, – здесь можно согласиться с В.П. Визгиным [4, С. 208-209], – запрос в условиях тяжелейшего культурного кризиса, порожденного реалиями религиозных войн между католиками и протестантами. *Ego cogito* не предполагает проблемы интерсубъективности или значимости/непостижимости инстанции Другого (ее роль в актах сознания откроет только Гегель в «Феноменологии духа» и затем развернет Гуссерль). Эмпирический индивид, занятый научным познанием, не в состоянии удерживаться в ясности и четкости актов *cogito* постоянно, он отвлекается, ошибается, доверяется предрассудкам, и, в конце концов, умирает. И поэтому он нуждается, с одной стороны, в поддержке Бога как идеального перманентно мыслящего субъекта, который может гарантировать и тождество моего Я с самим собой, и постоянство пространства знания, где по крайней мере математические истины остаются неизменными для всех и всегда (М. Мамардашвили называет это пространством однородного непрерывного опыта классического идеала рациональности и системно описывает его ключевые характеристики [10, С. 3-18.]). А с другой стороны, важна коммуникация с другими учеными для взаимного поддержания в поле бодрствующей рациональности. Однако эта коммуникация, как и научная деятельность в целом, в тот период еще слабо институциализирована. Естественные науки покидают слишком привязанные к схоластическим порядкам университеты и перемещаются на спонсируемые влиятельными меценатами (не в последнюю очередь королями) площадки, из которых впоследствии сформируются научные общества и академии наук. Личная переписка в рамках условного «незримого колледжа» выполняет функции, которые впоследствии и уже совсем на другом уровне будут выполнять публикации в научных журналах. Но пока еще дело выглядит так, что ученые, индивидуально занимающиеся наукой, образуют научное сообщество, хотя в принципе «в мире, который состоял бы из Бога, *res extensa* и одинокого я, а именно медитирующего философа, согласно Декарту, не было бы никакого существенного недостатка» [11, С. 135].

Эта картезианская модель лежит в основании представлений о том, что, входя в

пространство лаборатории, эмпирический субъект оставляет все частное и индивидуальное (включая семейные драмы, идеологические пристрастия и нездоровые амбиции) за ее дверями, методично снимая с себя те же оболочки «Я», что и Декарт в своих текстах. Он калибрует с помощью многочисленных приборов свое чувственное восприятие, делая его данные настолько объективными, насколько это возможно, чтобы любой мог их воспроизвести при сходных условиях. Как пишут Н. Грякалов и А. Положенцев, «теоретический человек», будучи «субъектом-с-прибором» представляет собой «существо, обладающее странной, ангелической телесностью» [\[5, С. 127.\]](#).

Эта ориентация в научной деятельности на трансцендентальный идеал делает возможным провозглашающий ценностную нейтральность науки этический кодекс ученого, который мы, в итоге, видим эксплицитно сформулированным в трудах Р. Мертона. Мerton в этом смысле фигура неоднозначная: с одной стороны, он отец-основатель социологии науки как дисциплины, которая в дальнейшем будет тематизировать научное знание именно как социальный феномен. С другой стороны, в его трудах, в особенности связанных с описанием этической стороны научной деятельности, по-прежнему царит кантианский трансцендентализм, что более поздние социологи науки (Латур, например) будут подвергать критике. Под этосом науки Мертон предлагал понимать ««эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей» [\[32, С. 268–269\]](#)», которые остаются неизменными вне зависимости от изменений социальной ситуации. К ключевым императивам Мертона относит коммунизм (*communism*), универсализм (*universalism*), незаинтересованность (*disinterestedness*) и организованный скептицизм (*organized skepticism*). Коммунизм (или коммунитаризм) предполагает, что научное познание должно пониматься как общее дело, в которое каждый вносит свой посильный вклад и, соответственно, знание должно иметь принципиально открытый публичный экзотерический характер и подлежать ничем не ограничиваемому обмену. Принципы универсальности и незаинтересованности продолжают ту же логику. Конечно, Мертона можно понять в том духе, что «знание производится не индивидами, а сообществом, ибо отдельный ученый зависит от интеллектуального наследства дисциплинарного сообщества» [\[6, С.127\]](#). Но по крайней мере индивидуальное и коллективное здесь легко конвертируются друг в друга. Тем более, что сам ученый в качестве такового превращается в своего рода частичного человека: в рамках своей научной деятельности он должен считать себя лишь функцией трансцендентального ума, за пределами которой «в жизни» остается много чего эмоционально и ценностно окрашенного [\[4, С. 197–198\]](#). Таким образом, никакой собственной специфики у коллективного взаимодействия в рамках познавательной деятельности в этой логике не предполагается. Социальная плотность научного коллектива, которая может создавать свои собственные когнитивные эффекты в зависимости от социальных обстоятельств, здесь (вплоть до Мертона) не тематизируется.

«Третий мир» в критическом реализме К. Поппера

Тем не менее уход философии науки с позиций трансцендентализма становится все более заметным. Череда социальных потрясений XX века и связанное с ними разочарование во многих установках просвещенческого рационализма привели к тому, что尼цшеанский тезис о «смерти Бога» в качестве одной из интерпретаций оказался связан с задачей преодоления веры в трансцендентального субъекта как нетленного и незаинтересованного носителя научной рациональности. Немаловажным фактором становится и то, что наука в XX веке все в большей степени заявляет о себе как о

производительной и социальной силе. О ней все чаще говорят как о «большой науке», которая организована по принципу массового производства, требует разделения труда и возрастающей профессионализации научной деятельности, и кроме того, предполагает прямое влияние на познавательный процесс гражданской и общественной позиции ученых.

У таких авторов как К. Поппер и особенно Л. Флек, обнаруживается тематизация принципиальной важности различия индивидуального и коллективного субъекта науки. О роли Поппера в исследовании этой проблематики пишет, в частности В. А. Лекторский, в книге которого «Субъект. Объект. Познание» (опубликована в 1980 году) мы и видим ставшую классической постановку проблемы индивидуального и коллективного субъекта: «Если знание, неотделимое от индивидуального субъекта, непосредственно выступает как обращенное к нему лично, то объективированное знание явным образом включает адресованность всем субъектам, занимающимся изучением данных проблем. Иными словами, способы обращения с объективированным знанием носят непосредственно коллективный характер. Поэтому исследование научного знания и связанного с ним познания невозможно без анализа систем коммуникации, функционирующих в особого рода коллективах – научных сообществах. К такому выводу все больше склоняется современное научоведение» [\[9, С. 275\]](#). В контексте этой проблемы В.А. Лекторский предлагает понимать концепцию трех миров К. Поппера [\[13, С. 108–123\]](#), в которой под первым миром имеется в виду реальность физических предметов, под вторым миром – мир индивидуальных состояний сознания, а под третьим – мир коллективного знания, существующего в виде теоретических систем, проблем и проблемных ситуаций, критических аргументов, состояний дискуссии [\[13, С. 109–110\]](#). Различие второго и третьего (то есть индивидуального и коллективного) миров не может быть редуцировано: в определенной степени третий мир автономен от индивидуального измерения актов познания и, хотя он является продуктом человеческой деятельности, но обладает такой же плотностью и объективностью собственной реальности, как и физический мир. Эта концепция соответствует принципам критического реализма, которые отстаивал Поппер, и соответственно, ее границы вполне могут быть поняты исходя из тех ограничений, которые реалистическая установка накладывает на исследование проблематики познания и его социальных форм. В частности, Поппер оказывается вынужден настаивать на том, что третий мир как мир объективного знания вообще не имеет субъектного характера: «Знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает: оно есть знание без субъекта знания» [\[13, С. 111.\]](#).

Коллективный субъект познания в диалектической парадигме отечественной гносеологии

В. А. Лекторский полемизирует с попперовским проектом «эпистемологии без субъекта», указывая на то, что познание совершается реальными людьми, действующими в конкретных обстоятельствах. «Социально-исторический характер познавательного процесса, его коллективность выражаются не только в том, что этот процесс осуществляется множеством взаимодействующих между собой индивидов. Само это взаимодействие предполагает существование особых, специфических законов коллективного процесса развития знания, законов, отличных от тех, которые характеризуют индивидуальное познание. Таким образом, носителем коллективного познавательного процесса не является индивидуальный субъект, так же, как и простая совокупность последних. Этим носителем можно считать коллективного субъекта, понимая под ним социальную систему, несводимую к конгломерату составляющих ее

людей» [9, С. 280]. Далее В. А. Лекторский пишет о парадигмах научного знания, разделяемых теми или иными сообществами, что, в свою очередь, оказывает воздействие на познавательную деятельность индивидов, которые всегда включены в тот или иной коллектив. Несмотря на вполне очевидную параллель с терминологией Т. Куна и Л. Флека, В. А. Лекторский опирается в этом контексте не на них, а на Гегеля (с его темой признания со стороны Другого, звучащей в «Феноменологии духа» и динамикой самосознания как движущим элементом истории Мирового Духа) и Маркса (который снимает гегелевский идеализм с помощью материалистически трактуемой диалектики). Причина такого выбора очевидна, она заключается в намерении отстаивать в качестве методологической базы философии познания ту трактовку диалектического материализма, которая сложилась в отечественной традиции.

В той же методологической и мировоззренческой оптике написан Н.М. Смирновой раздел «Соотношение индивидуального и социального в процессе формирования и распространения нового знания» во втором томе фундаментального четырехтомника «Теория познания», главными редакторами которого выступили В.А. Лекторский и Т.И. Ойзерман [17, С. 200-212]. Социальный характер научного знания здесь также трактуется в том смысле, что знание принадлежит коллективу, и эта совместность понимается как производная от совместного характера человеческой практики, то есть вполне в марксистском ключе. Научное открытие предлагается понимать как индивидуальный прорыв за рамки устоявшейся коллективной практики, однако на втором шаге любое знание обязательно будет включено в коллективную практическую деятельность и овеществлено, превращено в некую форму техники, чтобы стать интерсубъективным фоном для последующего научного прорыва. Сочетание этих двух факторов познания должно объяснить, почему ученому «предъявляются прямо-таки взаимоисключающие требования: оригинальность мысли и общепонятность, ясность результата; способность создавать «безумные идеи»... и безуказанныно рационально представлять их; смело порывать с традицией, не поддаваясь догматизму, и сохранять преемственность с достижениями науки» [17, С. 212.1]. Заметим, что набор этих требований вполне коррелирует с амбивалентными требованиями научной этики по Мertonу. Главный же вывод раздела заключается в том, что ученый предстает как «единство противоположностей – индивидуального и социального, личного и имперсонального, единичного и общего» [17, С. 212.1]. Иными словами, результаты полностью отвечают логике диалектического метода и остаются актуальными в той же степени, что и он.

Конструктивистский подход к проблеме: мыслительные коллективы Л. Флека и акторно-сетевая концепция Б. Латура

Далее мы посмотрим на конструктивистскую линию социологии науки, в которой тема индивидуального и коллективного субъекта также может быть обнаружена. Книга Людвига Флека «Возникновение и развитие научного факта» [18] была впервые опубликована на немецком языке в 1935 году, но заслуженное внимание пришло к ней после того, как Т. Кун упомянул ее в качестве одного из важных для себя источников в предисловии к «Структуре научных революций» (1960). После этого Л. Флек, которого прежде считали выдающимся микробиологом, получает признание также и как основоположник современной социологии науки и социальной эпистемологии [35]. В книге рассматривается конкретный кейс: реакция Вассермана и ее роль в диагностировании сифилиса. Но этот пример используется для того, чтобы предложить концепцию социальной обусловленности любого научного факта. Л. Флек говорит о том, что объяснить процесс познания, исходя из простого непосредственного отношения

субъекта к объекту, невозможно. Не является научное познание и индивидуализированным процессом, протекающим в конкретном отдельно взятом сознании, поскольку в этом процессе решающую роль играет уже существующий запас знаний, который значимо превышает возможности индивида. Соответственно, познание надо понимать как вид социальной активности [21], и решающую роль в этом процессе играют именно коллективные субъекты. Л. Флек ссылается здесь на О. Конта и в особенности на Э. Дюркгейма, который настаивал на «сверхиндивидуальном и объективном характере идей, вырабатываемых коллективом» [18, С. 70]. В качестве предшественников и союзников упоминаются также Л. Леви-Брюль, В. Ерусалем и Л. Гумплович. У последнего автора Л. Флек берет на вооружение критику представлений о том, что мыслит всегда некая персона. «То, что мыслит в человеке – это не он сам, а его социальная среда» [18, С. 71]. Для обозначения этого феномена Л. Флек предлагает понятие «мыслительные коллективы». «Если определить «мыслительный коллектив» как сообщество людей, взаимно обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие, то он станет в наших глазах единицей развития какой-либо сферы мышления, определенного уровня знания и культуры. Это и есть то, что мы называем стилем мышления» [18, С. 66]. Стиль мышления предполагает готовность к избирательному восприятию и направленному действию. Именно стиль мышления определяет общие проблемы, которыми занимается коллектив, общие суждения, принимаемые за очевидные, набор методов, которые считаются релевантными, литературные стили, приемлемые для актуальной жанровой структуры текста. Для индивида стиль мышления является принудительным, он задает то, о чем нельзя мыслить иначе, если ученого нет желания и готовности обнаружить себя на маргинальных позициях.

Мыслительный коллектив не сводится к простой сумме индивидов, в него входящих: эффект хорошо слаженной коллективной работы нельзя раздробить на индивидуальные вклады. Это в каком-то смысле тезис, методологически близкий к структурализму – отношения в структуре обладают приоритетом над элементами. Л. Флек говорит о социальной обусловленности и коллективности научной деятельности, по крайней мере, в двух смыслах. С формальной стороны мы видим различные аспекты, связанные с институциализацией. В научных коллективах есть четкая организация, предполагающая разделение труда; коллективы существуют в рамках тех или иных учреждений; обмен идеями происходит с помощью публикаций в научных журналах, конференций и конгрессов; наконец, коллективы относят себя к тем или иным школам и традициям и пребывают в полемике с другими школами и традициями. С содержательной стороны любое открытие возможно только в пределах актуального интеллектуального поля, предполагающего определенные мыслительные оптики, терминологический аппарат, культурный фон и прочие явления контекстуального характера. Это, собственно, и есть «стиль мышления». Зависимость научной деятельности от социальных процессов выражается в том, что сделать открытие вне связи с актуальным стилем мышления просто невозможно. Например, Флек показывает на конкретном историческом материале, что пока господствовал дискурс о «греховных болезнях», медицинское знание не имело даже оснований проводить четкие различия между сифилисом и гонореей, ведь причина этих недугов в данной оптике виделась одна: «греховное наслаждение». К общему интеллектуальному полю также подключались астрологическое учение о влиянии звезд, спекулятивная металлотерапия (под влиянием которой в лечении сифилитических высыпаний использовалась ртуть) и многие другие коллективные представления. В рамках такого стиля мышления изобретение серологических тестов для диагностики заболевания было просто невозможно. И их появление будет предполагать комплексное

изменение всего объема коллективного стиля мышления, и в свою очередь приведет к конструированию сифилиса как заболевания, вызываемого бактериями вида *Treponema pallidum*. В этом смысле научный факт возникает в процессе социального конструирования, субъектом которого является мыслительный коллектив.

Л. Флек обращает внимание на событийный характер научной коммуникации, в ее процессе знание постоянно трансформируется, причем траектории этой трансформации заранее просчитать нельзя. Публично высказанная каким-либо автором мысль может пройти круг обсуждений в других сообществах и вернуться к тому, кто ее озвучил первым с существенными дополнениями и иначе сформулированной. Уже в этом смысле атрибуции авторского вклада могут быть весьма относительны. Автор открытия – часто лишь знаменосец группы. Хотя, конечно, такого рода атрибуция для функционирования научных текстов тоже важна. Этот момент у Флека остается мало раскрытым и его проще пояснить, отсылаясь к идеям М. Фуко, сформулированным им в докладе «Что такое автор?» [19]. Фуко в рамках полемики с тезисом о пресловутой «смерти автора» Р. Барта [11] замечает, что имя автора в своем функционировании не вполне совпадает с собственным именем индивида, но служит задаче классификации текстов, которые культура считает значимыми. С помощью атрибуции мы помещаем текст в важную для его понимания ячейку культурного архива. Имя собственное, функционирующее как имя автора, позволяет нам произвести эту интеллектуальную операцию. Кроме того, для научного текста имя автора обозначает также предъявленную публично инстанцию вмнения: такой-то индивид, относящийся к такой-то традиции и школе, несет личную репутационную ответственность за все то, что написано в этом тексте.

Однако вернемся к Флеку. Проблема, с которой сталкивается предложенная им концепция, заключается в том, что само по себе понятие мыслительного коллектива достаточно неопределенно, им могут обозначаться самые разные социальные феномены. Сам Флек отмечает различие между случайно и временно образованными мыслительными коллективами (два физика, которые впервые друг друга видят, беседуют на конференции) и коллективами, включенными в некую конкретную исследовательскую деятельность (коллеги, работающие в одной лаборатории над неким проектом). Способы выстраивания и поддержания социальных связей, и, соответственно, линии научной коммуникации в этих примерах будут различаться. В одних случаях достаточно слабых связей, нерегулярной коммуникации, в других будет требоваться постоянное выполнение совместных действий, затрагивающее повседневность. Не говоря уже о том, что каждый индивид включен в значительное количество самых разных мыслительных коллективов, которые отчасти накладываются друг на друга, а отчасти нет. То есть перед нами сложная, многоуровневая структура, в которой можно выделить экзотерические и эзотерические круги, внутриколлективные и межколлективные типы коммуникации, экспертный и научно-популярный уровни знания. К тому же фактически Флек использует два концепта: «мыслительный коллектив» и «мыслительное сообщество» (последнее характеризуется более тесными и постоянными связями, чем мыслительный коллектив), однако четкого разграничения и систематизации всех этих концептов он не дает, и проблема выглядит скорее поставленной, чем решенной.

С конца 70-х годов идея социального конструирования научных фактов становится для социологии науки парадигмальной. В качестве примера можно вспомнить, прежде всего, сильную программу социологии знания Д. Блура [21], работы Г. Коллинза [23],[24] и Т. Пинча [33]. Появляется множество социологических и антропологических исследований научной лаборатории как институции, работающей на стыке науки и технологии и особенно выпукло презентирующей производство знания как социальный процесс.

Здесь можно упомянуть таких исследователей как М. Линч [29], [31], [30] или К. Кнорр-Цетина [27], [28]. Однако наиболее провокативными и влиятельными, безусловно, являются тексты Б. Латура и С. Вулгара [17], [18], в которых исследования лабораторной жизни становятся концептуальной базой для будущей акторно-сетевой теории. Проблема соотношения коллективного и индивидуального субъекта не является для этих авторов центральной, в фокусе их внимания другие вопросы, связанные, в частности, с тем, как происходит перевод «вещей» в «тексты» (продуктом лаборатории являются именно научные статьи), как организована коммуникация ученых внутри и вне лаборатории, как осуществляется управление необходимыми для исследования ресурсами. В результате всех этих процессов и происходит конструирование научных фактов, а сами эти процессы не только имеют социальный характер, но и позволяют проблематизировать социальное. Как обращает внимание В. Вахштайн, концепция Латура радикальна в том смысле, что он предлагает социальное не рассматривать как некую заданную субстанциальную среду, в которой производится множество феноменов включая научное знание. Социальное в его логике само оказывается эпифеноменом сетевого взаимодействия различных акторов. В качестве акторов могут выступать не только люди, но и вещи или природные реалии, если они производят действия, влияющие на ситуацию. Акторами лабораторной жизни являются не только сотрудники лаборатории, но также и аппаратура, которой доверяются многие функции, лабораторные животные и даже вещества. Более того, поскольку, как показывает Латур в своем описании феномена лаборатории Луи Пастера [7], граница внешнего и внутреннего относительна, акторами оказываются и коллективы лабораторий-конкурентов, и журналисты, которые занимаются популяризацией открытий, и чиновники из министерств, и, например, фермеры, приобретающие или отказывающиеся приобретать разработанные в лаборатории вакцины, и скот на фермах, который либо выживает, либо нет, и бацилла сибирской язвы, которую либо удается, либо не удается держать под контролем. Исследовательская оптика, предложенная Латуром, с одной стороны, показывает коллективный характер действий, без которых научное производство фактов невозможно. С другой стороны, она позволяет оценить, насколько важны индивидуальные стратегии в процессе сетевого захвата ресурсов, необходимых для научной деятельности. Вот, например, весьма красноречивое описание такой стратегии: «Пастер с самого начала своей карьеры ученого был экспертом по завоеванию интересов различных групп и по убеждению их представителей в том, что их интересы были неотделимы от его собственных. Обычно он достигал этого слияния интересов, используя стандартную лабораторную практику. В случае с сибирской язвой он делает то же самое только в большем масштабе, ибо теперь он привлекает внимание групп, являющихся выразителями более широких социальных движений (ветеринарной науки, гигиены, а в перспективе – и медицины) и затрагивает вполне животрепещущие проблемы. После проведения вакцинаций внутри лаборатории Пастер организует открытый эксперимент в более крупном масштабе» [7, С.10]. Парадокс при этом заключается в том, что в статусе актора изобретательный Пастер выступает наравне с «коварными» микробами. В каком-то смысле здесь происходит возвращение к той практике присвоения статуса субъектности, которая имела место в средневековой схоластике (вещи могли пониматься как субъекты в той же мере, что и люди, поскольку субъект – это тот, кто говорит или то, о чем говорится). Ключевым фактором этого сходства через века является семиотика, что совсем не случайно, учитывая, что Латур как исследователь начинает с использования семиотических методов А. Греймаса, в актантной схеме которого нарративные роли могут исполнять люди, места, предметы или абстрактные понятия. Однако для социологии науки в целом предложенный Латуром

методологический поворот представляется слишком радикальным, поскольку он размывает сами основы веры в первичность социального, о чем и говорит В. Вахштайн, комментируя объектную ориентированность концепции Латура [3].

Социология академического мира: модели научной коммуникации, индивидуальные и коллективные стратегии успеха

Менее радикальные исследования сосредотачиваются, например, на проблеме ответственности в современной ситуации, когда субъектом производства знания как правило является коллектив исследователей [22], [34]. Или на изучении специфики научной коммуникации, а также индивидуальных и коллективных стратегий достижения учеными успеха. Научная коммуникация, включающая в себя пространства распределения внимания, процедуры присвоения академических статусов, борьбу за признание описывается с помощью различных метафорических моделей, которые рассматривает, в частности М. Соколов [14].

Наиболее влиятельной можно считать метафорическую модель рынка, что, в общем, не удивительно, учитывая торжество парадигмы *homo economicus* в гуманитарном знании и неоспоримость того факта, что в информационном обществе наука является ведущей производительной силой. В рамках этой метафоры научные идеи могут рассматриваться как специфический товар; между различными научными коллективами выстраиваются отношения конкуренции; при этом ученые вступают в коммуникацию, чтобы получить от других ученых факты, которые нужны для производства новых фактов; эти приобретения оплачиваются публичным признанием, которое рассматривается как символический капитал; признание инвестируется получателем в операции, привлекающие новое признание; а символический капитал так или иначе конвертируется в деньги. Рыночная метафора научной коммуникации присутствует у Р. Мертона, П. Бурдье, Б. Латура, Г. Франка и ряда других авторов. Ее сильной стороной является то, что она интуитивно очевидна, позволяет объяснить многие проблемы научной коммуникации в терминах коллизий спроса и предложения, опирается на право интеллектуальной собственности при объяснении процесса конвертации научных достижений в статус и успешно пользуется эвристическим потенциалом концепта экономики внимания [26]. Однако у этой метафорической модели есть некоторые проблемы. Во-первых, ключевой для научной жизни феномен борьбы за признание для экономической логики, скорее, континтуитивен и чужероден, его приходится истолковывать в терминах борьбы за символический капитал. Проблемой является и декларация коммунитаризма как принципа свободного обмена информацией (что мы видим в мертоновской научной этике). В этом смысле более релевантной выглядит экономика дара, для которой, как показал М. Мосс, принципиально важны три обязанности: давать, получать, возмещать [12, С. 152-156.] (что вполне применимо к этике цитирования), а щедрость даров объясняется как раз борьбой за престиж. И третий момент: рыночная метафора не объясняет такой занятный феномен, как игнорирование научными коллективами друг друга, которое тоже происходит по некоторой логике и правилам, и, соответственно, требует осмысления.

Другой (куда менее популярной) метафорической моделью будет модель войны [25]. В качестве прототипов здесь могут выступать как интеллектуальный милитаризм Гераклита, так и тема смертельной схватки за престиж в диалектике господина и раба Г.В.Ф. Гегеля и А. Кожева. В этом нарративе теории и их индивидуальные или коллективные авторы будут уподобляться армиям, а полемика с ее обменом аргументами будет почти

буквально пониматься как сражение за некие интеллектуальные территории. Здесь будут работать метафоры борьбы, насилия и принуждения, взятия в заложники (так, например, трактуется практика цитирования в том смысле, что тот ученый, чьи труды цитируются, вынужденным образом по факту выступает на стороне цитирующего). Однако метафоры эти, конечно, слишком прямолинейны, чтобы описывать все стороны научной коммуникации. Ситуации пылкой полемики и битвы за приоритет и ресурсы между научными коллективами очевидным образом существуют, но есть также и множество других далеко не столь воинственных форм коммуникации.

М. Соколов в ряде своих работ, опираясь на Э. Гоффмана и Н. Элиаса, предлагает для анализа научной коммуникации метафорическую модель рынка дополнить моделью светского общества, занятого обменом визитами. Индивид, позиционирующий себя в качестве ученого, в своей деятельности движим по крайней мере, двумя мотивами. Первый из них сродни веберианскому религиозному мотиву и предполагает мучительное вопрошение о том, действительно ли я избран и удостоен спасения (действительно ли то, что я делаю – настоящая наука) [\[15, С. 14\]](#)? Второй мотив – мотив сохранения лица. Он предполагает, что заниматься надлежит теми проблемами, которые мыслительный коллектив (во флексовском смысле) считает актуальными, и, чтобы ни у кого не возникло вопросов к компетентности ученого, ему надлежит быть в курсе всего важного в своей области. Однако современная наука производит гигантское количество информации, следить в глобальном масштабе за всеми новостями даже в своей области невозможно, поэтому встает вопрос о критериях важности. «Основным способом определения важности будет *прагматическое принятие* учеными критерия релевантности, согласно которому релевантным является то, что считают таковым другие члены их аудитории, способные применить санкции за незнание» [\[14, С. 18\]](#). Прагматическим образом складываются круги взаимного восхваления и взаимного игнорирования, в том смысле, что коммуникативное поле структурируется как своего рода сцена, пространство публичного внимания, и те, кто включен в этот круг, повернуты лицом друг к другу и спиной ко всем остальным. Это внимание «к своим» выражается в демонстрируемой осведомленности о том, кто чем занят и во взаимных визитах (поездках на конференции, цитировании и т.п.). Признанию соответствуют публично считываемые сигналы, свидетельствующие, что внимание некоторому объектуделено. «Статусы распределяются двумя способами – во-первых, обращая внимание на кого-то, индивид помечает этот источник как «важный» или «релевантный». Во-вторых, он тем самым подтверждает компетенции всех тех, кто до того пометил его как «важный» или «релевантный», и ставит под сомнение квалификацию тех, кто его проигнорировал» [\[14, С. 24\]](#). Индивид одними и теми же действиями производит свой интерактивный статус (то есть подтверждает, что способен выделять и удерживать во внимании то, что следует) и контрибутивный статус других (то есть их способность сделать такой вклад, который будет заслуживать признания). Статус ученого оценивается по критериям светской жизни: чрезвычайно важно, кто к кому вхож, кто кого в каком контексте упомянул и т.п. При этом отношения имеют иерархический характер: тот, кого цитируют все, в гораздо большей степени свободен в выборе тех, кого он может безнаказанно игнорировать.

М. Соколов полагает, что формирование конкретных ландшафтов сцен-кругов внимания зависит от культурных, инфраструктурных, структурных и исторических факторов. Культурный контекст связан с критериями релевантности. Инфраструктурные факторы важны в силу того, что именно они определяют алгоритмы поиска новостей (условно говоря, пользуется ли коллектив библиотечными картотеками или инструментами Гугла, – это повлияет на результаты поиска). Структурные факторы связаны с инстанциями

контроля качества и наказания (это может быть ВАК, редакции именитых журналов, общества и ассоциации). Исторические факторы связаны с такими процессами, как изоляция аудиторий по неким социально-политическим причинам. В результате воздействия этих факторов, как утверждают М. Соколов и К. Титаев [16, С. 239-275], в постсоветской России сложились два типа структурирования научной публичности, выбор между которыми во многом определяет индивидуальные карьерные стратегии ученых. Первая из них делает ставку на внимание к глобальным научным центрам и международным стандартам, опирается на зарубежную литературу и предполагает обретение высокого статуса, прежде всего, за счет переводческой и просветительской деятельности, знакомящей местную публику с новостями мировых научных столиц. Вторая ориентирована на национальные традиции и специфичность локальных проблем, обращается к домашней аудитории на ее языке и претендует на самостоятельность и оригинальность. «Самое важное, однако, состоит в том, что каждая из них считает себя вправе игнорировать другую как источник новостей – или в силу предполагаемой отсталости, или в силу оторванности от корней и сомнительной релевантности» [14, С. 26].

Заключение

Представленный обзор позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего, сама проблематизация коллективной субъектности научного знания оказывается возможна и востребована только в контексте кризиса классической трансценденталистской парадигмы, видевшей в субъекте универсальную форму мышления, которая актуализируется одним и тем же способом и в мышлении индивида, и в познавательной деятельности научного сообщества. Собственная плотность коллектива (коллективов), производящего науку, оказывается в фокусе внимания эпистемологических изысканий только в контексте кризиса трансцендентализма и начавшегося впоследствии смещения от чистой философии науки к тому типу рефлексии о природе научного знания, которая опирается на эмпирический базис, смещаясь в сторону социологии и антропологии академической жизни. В случае отечественной гносеологической традиции этот уклон еще не столь очевиден, поскольку диалектическая парадигма в силу своей спекулятивности (в гегелевском смысле) компенсирует марксистский приоритет практики. Конструктивистская парадигма делает все более очевидной тенденцию к тому, чтобы видеть в научном познании социальный процесс, а потому коллективный характер научной деятельности, привязанный к эпохе, социальной ситуации, традициям и ритуалам академической среды, становится все более эвристически насыщенным предметом изысканий.

Библиография

1. Барт Р. Смерть автора. // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. С. 384-391.
2. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5-6. С. 162-185. EDN: TOYTBN.
3. Вахштайн В. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. Т. 27, № 1, 2017. С. 41-84.
4. Визгин В.П. Границы новоевропейской науки: модерн / постмодерн // Границы науки. – М.: ИФ РАН, 2000. – С. 192-227.
5. Грекалов Н., Положенцев А. Сны бытия. Очерки по антропологии науки. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, университетская книга, 2019. 416 с.
6. Лазар М.Г. Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении //

- Социология науки и технологий. 2010. Т. 1, № 4. С. 124-139. С. 127. EDN: ONLOHP.
7. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. № 5-6 (3-5), 2002. С. 1-32.
8. Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. № 6-7, 2012. С. 178-234. EDN: RNIFHJ.
9. Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М.: Наука, 1980. 358 с.
10. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994. 89 с.
11. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
12. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М.: "Восточная литература", РАН, 1996. С. 134-285.
13. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
14. Соколов М. Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 3. С. 9-42. DOI: 10.17323/1728-192X2021-3-9-42. EDN: PFDBGT.
15. Соколов М. М. Социология как чудо: процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. Т. 27, № 3, 2015. С. 13-57. EDN: UMUMCX.
16. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239-275. EDN: SWNIWB.
17. Теория познания в 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания. / АН СССР, Институт философии; под ред. В.А. Лекторского и Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1991. 478 с.
18. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
19. Фуко М. Что такое автор? Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. С. 7-46.
20. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. – Мн.: Изд. ООО "Красико-принт", 1996. С. 74-97.
21. Címbora G. Ludwik Fleck: Philosopher of Scientific Practice // Journal for General Philosophy of Science. 2025. DOI: 10.1007/s10838-024-09713-5.
22. Uygun Tunç D. The subject of knowledge in collaborative science // Synthese. 2023. Vol. 201. P. 88. DOI: 10.1007/s11229-023-04080-y. EDN: MKNGKH.
23. Collins H.M. The TEA Set: Tacit Knowledge and Scientific Networks // Science Studies. 1974. Vol. 4. No. 2.
24. Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. № 32(2).
25. Cozzens S. What do Citations Count? The Rhetoric-First Model // Scientometrics. 1989. Vol. 15. No. 5-6. С. 437-447.
26. Franck G. The Scientific Economy of Attention: A Novel Approach to the Collective Rationality of Science // Scientometrics. 2002. Vol. 55. № 1. С. 3-26. EDN: BCAFV.
27. Knorr K. The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford: Pergamon, 1981.
28. Knorr-Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1999.

29. Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
30. Lynch M. Laboratory Space and the Technological Complex: An Investigation of Topical Complex // Science in Context. 1991. № 4.
31. Lynch M. Sacrifice and Transformation of the Animal Body into Scientific Object: Laboratory Culture and Ritual Practice in the Neurosciences // Social Studies of Science. 1988. № 18.
32. Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. N.Y.: Free Press, 1973.
33. Pinch T. Confronting Nature: The Sociology of Solar Neutrino Detection. Springer, 1986.
34. Politi V. The Collective Responsibilities of Science: Toward a Normative Framework // Philosophy of Science. 2025. Vol. 92. № 1. C. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.1017/psa.2024.28>.
35. Sciortino L. The Emergence of Objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // Studies in History and Philosophy of Science. 2021. Vol. 88. C. 128-137. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Болотникова Е.Н. В поисках Я: преодолевая границы психоанализа, субъектности и идентичности // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76518 EDN: KDFRMN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76518

В поисках Я: преодолевая границы психоанализа, субъектности и идентичности**Болотникова Елена Николаевна**

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии и биоэтики; Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный медицинский университет" Министерства здравоохранения Российской Федерации

443124, Россия, Самарская обл., г. Самара, Промышленный р-н, ул. 22 Партизанского, д. 225

[✉ e.n.bolotnikova@samsmu.ru](mailto:e.n.bolotnikova@samsmu.ru)[Статья из рубрики "Самосознание и идентификация"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76518

EDN:

KDFRMN

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: Исследование раскрывает проблему самоопределения индивида в рамках междисциплинарного подхода. Целью выступает критический анализ существующих в гуманитарном дискурсе XX века концепций в решении проблемы Я. Предметом является понятие "субъективность", составляющее фокус внимания в субъект-ориентированной философии, в концепции идентичности и ее многочисленных вариантах, а также имеющей существенное значение в концепции психоанализа. Гипотеза исследования заключается в том, что названные подходы обладают рядом недостатков. Автор показывает как и почему эти подходы не позволяют индивиду прийти к продуктивному ответу на вопрос "Кто Я". Индивидуальная рефлексия, самоопределение современника существенно и как вектор теоретических размышлений, и как жизненная практика.

Поиск ориентиров в решении проблемы Я разворачивается по направлению философских идей М.Хайдеггера и М.Фуко в перспективе концепции заботы. Методология исследования включает в себя сравнительно-исторический подход и критический анализ проблемы субъекта, проведенный на материалах как западноевропейской философской традиции, так и в исследованиях современных российских философов. Основными выводами исследования можно считать установленную недостаточность ресурсов теории психоанализа, классической субъект-ориентированной философской мысли и концепции идентичности для решения проблемы самоопределения индивида. Научная новизна работы заключается в утверждении, что подход М.Фуко к самоопределению личности релевантен современному состоянию рефлексивного дискурса. Структура "заботы о себе", сформулированная М.Фуко, позволяет любому индивиду содержательно охарактеризовать себя, сохраняет динамический характер рефлексии. Автор разделяет позицию М.Хайдеггера, показавшего, что забота о себе не есть самозамыкание индивида в эгоизме, а возможно расширение трактовки "Я". Всякая забота о себе может быть понята как забота о мире, включающая экзистенциальный ресурс вовлеченности, мужество, волю, цели и практики.

Ключевые слова:

субъект, Я, экзистенция, множественность, индивид, забота, идентичность, психоанализ, личность, структура

Проблема Я имеет множество локализаций в рамках теоретического дискурса. Это и языкоzнание [1], и психология [2], и философия. Особую проекцию эта проблема получает в связи с развитием AL, нейросетей, медицинских технологий протезирования, имплантации, в целом, с развитием техники, когда по-новому звучат вопросы о том, кто мыслит, кто действует, кто/что изменяется. Не меньшее влияние на разбор и решение проблемы Я оказывает социальная практика, в которой существует современный индивид, особенно в связи с опытом пандемии COVID-19, распространением технологий биовласти, состоянием массовой культуры и распространением медиа, а также текущих геополитических процессов, приводящих к актуализации вопросов самоопределения индивида. Таким образом, проблема Я и ее решение оказывается в фокусе внимания наук, описывающих общество в целом, то есть в поле интересов социологии, экономики, политических наук, юриспруденции, менеджмента [3] etc...

Однако, не только теоретический дискурс увлечен поисками Я. В XX и XXIв. это становится задачей для каждого рефлектирующего индивида, который получил невиданную ранее свободу в праве ее поставить и искать решение. Эманципация от жестких социальных рамок, высокая скорость динамики социальных изменений помешают индивидуальные поиски в калейдоскоп возможных решений и ответов. После объявленной Ф.Ницше «Смерти Бога», после вопроса Т.Адорно «Можно ли после Освенцима жить дальше?», после размышлений Х.Арендт о «банальности зла» индивид оказался в ситуации, когда образцовых и универсальных ответов не существует. Ситуация с поисками Я напоминает старую французскую поговорку «clair comme la bouteille a l'encre» – ясно как чернильница. Вместе с тем, собственная определенность как условие психической стабильности, личностной состоятельности, смысложизненной ориентировки по-прежнему является необходимой базой существования индивида как человека.

На наш взгляд, специфические характеристики современному процессу поиска Я придают три обстоятельства: трансформация трактовки времени, трансформация понимания пространства и изменения в оптике в Идения символического содержания бытия. Трансформация времени означает изменения в его динамике и оценке. Цифровизация социальных процессов сжимает длительность до мгновения и ориентирует на ценность настоящего, девиз которого «лови момент». Традиционно различающееся в образах двух греческих богов время – Хроноса (длящееся) и время Кайроса (событийное) [4, с.95], соотносятся в наши дни иначе, чем в прежние эпохи: «главное место принадлежит уже не хроносу, а кайросу, не процессу, а событию» [5, с.1]. Одновременно происходит обезличивание прошлого, сливающегося в неразличимые потоки исторических казусов в единстве с их противоречивыми интерпретациями, всегда доступными в виртуальных энциклопедиях. Вместе с этим, происходит отказ от обращенности в будущее, вера в которое утрачена вместе с верой в метанarrации (Ж.Бодрийяр) в эпоху постмодерна, и за которое больше никто не готов нести ответственность («смерть субъекта» + «смерть автора»). Футурологи отмечают: «Как никогда болезненно встали вопросы о том, что такое будущее, откуда оно берется и куда уходит, из чего оно состоит, где его начало и где конец, можем ли мы им управлять, куда оно потом девается и зачем оно вообще нужно, кто его «воспитывает», несет за него ответственность и как нам его реорганизовать, приручить, одомашнить, сделать питомцем, другом» [6, с.19]. М.Хайдеггер еще в 1962 году отметил, что «единство трех измерений времени покоятся на игре каждого в пользу другого» [7, с.400]. Так рождается «невыносимая легкость бытия», сосредоточенная в мгновении настоящего, возвращающаяся ценность мига.

Трансформация пространства означает его одновременное гиперрасширение и гиперлокализацию. То, что «все временные и пространственные дали сжимаются» мы стали отчетливо замечать благодаря М.Хайдеггеру [8, с.316]. А негеографическую интерпретацию пространства нам оставил М.Фуко в работе «Другие пространства» [9]. Психологическая топология пути, расчерченная М.К.Мамардашили, выводит на «жизненное пространство» К.Левина и множит координатные сети, в которых существует индивид. Пространство существования современника сжимается до «здесь и сейчас», до кончика иглы. На ней когда-то, возможно, помещались ангелы, а сегодня в этой точке разворачиваются игры, и благодаря интернету от любой точки можно протянуть нити к любой другой географической точке, так пространство превращается в киберпространство. Не просто удвоение, а скорее умножение пространств индивидуального бытия существенно осложняет поиск определенности Я.

Символическое содержание бытия индивида в современном мире все менее связано с диктатом языка и «языковых игр» (Л.Витгенштейн), а все более раскрывается как поток визуальных образов, где человеческое едва различимо среди множественных вариантов нечеловеческого. Тренды развития нейросетей очевидно это подтверждают, ориентируя на освоение, присвоение и оттачивание совсем другого алфавита.

Гипотеза исследования заключается в том, что поиск константных стратегий понимания человека, которые бы давали ему «твердую почву» в самопонимании, в ответе на вопрос «КТО Я» на данный момент ведется не слишком успешно. Ряд ведущих направлений гуманитарного дискурса XX в., в частности, психоанализ, теория субъектности, концепция идентичности и концепция заботы рассматриваются в этой перспективе. Мы предполагаем, что среди этих направлений наибольшей практической применимостью обладает концепция заботы. Предложения, которые поступали от философов,

психологов, антропологов в XX веке могут составить объемный компедиум, но так и не позволяют остановится на том, что понимаемо и принимаемо индивидом. Дело не только в теоретических трудностях, не только в соревновании наук за приоритет в определении, но и в том, чтобы найденные ответы на вопрос об индивиде находили отклик, соответствовали интенции самих индивидов, которые, как и всегда, заняты повседневными заботами, практиками поиска лучшей жизни.

Мы будем рассматривать проблему Я в формулировке, которая берет свое начало в текстах С.Кьеркегора. В середине XIXв. он определил постметафизическую перспективу вопроса о человеке и таким образом может быть признан для нас современником. Его формулировка проблемы Я выглядит так: «человеческое "я" есть отношение к самому себе» [\[10, с.4\]](#). Но это не замкнутый круг эгоизма и не торжество чистой рефлексии. Этот тезис, помещенный в контекст работ Кьеркегора, во-первых, преломляется в ключевых словах: экзистенция, страх, отчаяние, вера, надежда, наслаждение, долг. Во-вторых, проходит испытание методом «косвенного сообщения», которое «становится произведением искусства; оно существует в двойной рефлексии, причем первой формой такого сообщения будет осознание некой специальной тонкости: субъективных индивидов необходимо самым благочестивым образом удерживать порознь друг от друга, так чтобы они не слипались вместе в некой объективности» [\[11, с.94\]](#). В-третьих, помещается в экзистенциальное измерение и связан с трактовкой рождения «я» в аспекте его интерсубъективности, то есть возможности самоопределения в бытийной связи с другим. Несмотря на глубокую религиозность Кьеркегора, в качестве Другого для него выступает не только Абсолют. Другой для датского философа это в том числе конкретный, реально существующий и чувствующий, поступающий и иронизирующий, находящийся в аналогичном процессе экзистенциального становления индивид, одним словом, потенциально каждый другой. Собственно, само «я» индивида появляется в процессе его экзистирования, осуществляющегося в выходе в мир и бытии с другими и предстает как «выбор себя»: «...решись только на выбор, и ты сам увидишь, что это единственное средство сделать жизнь действительно прекрасной, единственное средство спасти себя и свою душу, обрести весь мир и пользоваться его благами без злоупотребления» [\[12, с.226\]](#). Очевидно, что линия размышлений Кьеркегора вполне состоятельна как фундамент для рассмотрения объявленной темы а также как предтече коммуникативной парадигмы, этого главного интеллектуального достижения современной эпохи «децентрированного субъекта» [\[13\]](#).

Признано, что вопрос о поиске человеком самого себя содержится в философии со времен Античности, с тех пор, как Диоген прогуливался по Афинам. Однако, постановка вопроса Кьеркегора имеет существенные отличия от античного анекдота. Во-первых, Кьеркегор помещает человека в мир, фиксирует его онтологически и онтически, определяя место существования человека, во-вторых, предполагает наличие Другого и коммуникативного события рождения человека, в-третьих, речь идет о выборе, а следовательно, о свободе человека в определении себя. В этом смысле философские идеи Кьеркегора выступают как фундамент для размышлений, которые в XX веке представляли М.Хайдеггер, Н.А.Бердяев, Ж.П.Сартр, Э. Фромм, Ю.Хабермас, М.Фуко и др.

Исторически сложилось, что первым авторитетным претендентом в решении проблемы Я в XXв. можно считать психоаналитическую теорию. Ее основные тезисы и множественные варианты хорошо известны, так же как и их критика. Общий посыл заключается в том, что индивид это, в первую очередь, сложно устроенные отношения структурированной психики и тела: «Мы создали себе представление о связной организации душевных

процессов в одной личности и обозначаем как я этой личности... Понятие представление указывает не только на идеальный, в известном смысле иллюзорный характер я, но представление указывает еще и на вынесенный вовне, проекционный характер я. Для зрения, пишет Фрейд, тело воспринимается как другой объект» [\[14, с.150\]](#). Любые философские аргументы, предлагающие иной взгляд на человеческое «я» З.Фрейдом иронично отвергаются. Одним из оснований такого отношения служит предположение, что самих философов неплохо было бы положить на психоаналитическую кушетку и тогда их теории приобретут совершенной иные вид и значение, ибо: «...психоанализ может вскрыть и субъективную индивидуальную мотивацию философских учений, которые якобы (выделено мной – Е.Б.) появились в результате беспрестанной логической работы...» [\[15, с.19\]](#).

Столетие психоаналитических исследований не изменило главного – расшифровка бессознательного в структуре психики чрезвычайно сложна, но это обуславливает принципиальную возможность управления «Я». А сам индивид, отправленный психоаналитиком в глубины бессознательного, в поисках желания и его объектов, несмотря на то, что «Машины желания могут функционировать, лишь ломаясь» [\[16, с.22\]](#) блуждая между "вытесненным", "сублимированным", "предсознательным" и др. и застревая в терапии неопределенной длительности так и остается без твердой почвы под ногами.

Критика психоанализа, проведенная Ж.Делезом, на наш взгляд, справедлива. Он указывает на «осемействливание» и проблему насилия со стороны аналитика занятого перераспределением желания между различными полюсами Эдипова треугольника [\[17, с.188\]](#). Крупнейший российский специалист в области философии и психоанализа Н.Савченкова пишет: «Казалось бы, эдипов треугольник геометрически прост. Однако он оказывается, своего рода, Зоной, где линейная событийность (идентификация, соперничество, вытеснение) меняет свой характер и порождает загадочные эффекты. В поздних работах Фрейд все чаще говорит о неизвестности тех или иных процессов, о собственном непонимании» [\[18, с.14\]](#). В советах врачам при ведении психоаналитического лечения, подготовленных Фрейдом в 1912г. обращает на себя внимание два аспекта. Первое – сам психоаналитик не должен пренебрегать анализом своей личности и когда-либо прекращать его, а всегда может надеяться найти для себя что-то новое при взгляде как бы со стороны. Второе – «разрешение "перенесения", это главная задача лечения...врач непроизвольно попадает в положение, когда он должен указать цель для освободившихся стремлений...стремление всегда применять аналитическое лечение к сублимированию инстинктов, хотя и похвально, но не во всех случаях может быть рекомендовано» [\[19, с.144-145\]](#). Это указывает на бесконечность психоаналитического лечения и на властное отношение, с неизбежностью возникающее в процессе взаимодействия психоаналитика и анализанта. "Я" индивида в оптике психоанализа оказывается предметом совместного поиска, где процесс выглядит более значимым, чем результат.

Увлеченностя чрезвычайно сложной психоаналитической теорией, ставшей мэйнстримом ХХв. и продолжающееся очарование идеями психоанализа, особенно в популярных изложениях в веке XXI, на наш взгляд, не закрывает потребности в индивидуальном самоопределении, в том числе и по описанным выше причинам.

Субъектный подход к индивиду стал определяющим в философии со времен Декарта и его установки «ergo cogito» [\[20\]](#). Работа сознания, выражаясь в сомнении и критике

(добавлено Кантом), удостоверяет не только и не столько существование мира в целом, сколько самого индивида и на этом основании сознательная мыслительная деятельность оказывается определяющей «Я». Парадокс состоит в том, что многочисленные вопросы: об источниках мыслительной деятельности, о структуре мышления, о соотношении мышления и реального мира, собственно о реальном мире и месте и роли индивида в нем находят в субъектно-ориентированной философии общий вектор ответа, замыкая весь мир в субъекте, его способностях, возможностях, опыте, желаниях, намерениях, интересе и проч. В результате, секуляризованный вариант философии субъекта приводит к абсолютизации мышления и попыткам управления и природной, и социальной реальностью под руководством разума.

Выход к миру за границы мыслящего субъекта попытался произвести К.Маркс, требуя «изменить мир» деятельно, в практике. Трудно охарактеризовать итоги такого подхода как удовлетворительные. Особенно, если обратить внимание на социальные практики, фундированные этим подходом и реализованные в XXв. Закономерным финалом нововременной трактовки индивида как субъекта и субъектной версии решения проблемы Я является ее отмена, зафиксированная в тезисе М.Фуко о «смерти человека». Сам автор этого некогда провокационного тезиса критически отмечал: «Моя ошибка не в том, что я говорил, что человека не существует, но в том, что я воображал, что будет настолько легко его ниспровергнуть» [\[17, с.191\]](#).

Трансформация классического субъектного подхода к анализу Я осуществлялась в XXв. в нескольких философских направлениях: экзистенциализм, феноменология, синергетика, акторно-сетевая теория и др. В условиях прогресса технологий, социальных практик, перевода их в цифровой режим, замена субъекта на актора/актанта по той причине что под этим именем можно понимать и институты, и структуры, и нечеловеческое, не ведет к прогрессу в антропологическом знании, а предстает еще одним взглядом на проблему Я как бы со стороны, вводом новых переменных в искомое уравнение суть дела самоопределения пока не решается. Нам видится, что неопределенность и непрогнозируемость «точек бифуркации» в синергетической парадигме служит как еще один «шлагбаум» на пути к Я. При всех известных достоинствах и сильных сторонах этих теорий, их сложный рисунок не выводит индивида к продуктивному решению обозначенной проблемы, которое может быть использовано в практике.

Серьезную попытку решения проблемы Я представляет собой теория идентичности Э.Эрикsona. Идентичность трактуется им как переживание индивидом самотождественности и непрерывности картины мира, которая разделена с другими людьми, а именно: «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности», являющее результатом процесса «одновременного отражения и наблюдения [себя и других]... постоянной дифференциации [идентификаций]... в постоянном изменении и развитии [личности]» [\[21, с.28,32\]](#). Автор концепции объявляет о необходимости «понятий, которые пролили бы свет на взаимодополнительность (курсив Эрикsona) синтеза «эго» и социальной организации» [там же, с.62]. Ответом на этот запрос можно считать предложение И. Гоффмана, выделяющего три вида идентичности: эго-идентичность, социальная и личная.

В этой связи обратим внимание на позицию современного социолога Р.Брубейкера: «слово «идентичность»... обычно означает слишком много (когда понимается в сильном смысле) или слишком мало (когда понимается в слабом смысле) или вообще ничего не означает (из-за его полнейшей неопределенности)» [\[22, с.61\]](#). Российские

психологи В.А.Емелин и А.Ш.Тхостов понимают идентичность в сильном смысле, отстаивая конструктивистский подход: «Идентичность следует понимать как интуитивную «точку сборки», в которой человек находит некий баланс сосуществования с внешним миром» [2, с.41], одновременно раскрывая идентичность как феноменологическое переживание в дилемме «Я» и «не-Я» [там же, с.44]. Детализация и критика этого подхода осуществлена как российскими исследователями [23; 24; 25], так и многими зарубежными авторами, такими как Дж.Марсиа, А.Тэшфел, Дж.Тернер, Ш.Страйкер. и др. приводят к заключению о том, что идентичность – это когнитивный феномен, в котором смешиваются социальные роли и личностные черты.

Философскую критику идентичности дают Л.Альюссер в работе «Идеологии и идеологические аппараты государства» и М.Фуко в серии интервью «Интеллектуалы и власть». Именно через идентичность аппараты власти привязывают индивида к социальному классу, наделяют его определенными законами истины, и подкрепляют все это соответствующими практиками самосознания и самопознания. Вот как об этом пишет в частности М.Фуко: «Существует два смысла слова «субъект»: субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость, и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию. В обоих случаях это слово имеет ввиду форму власти, которая порабощает и угнетает» [26, с.168]. Как справедливо отмечает К.Свасьян, идентичностей множество и они организованы по принципу лабиринта [27]. Обратим внимание на характеристику социальной реальности как «текучей» (З.Бауман). Привязка к конкретному сообществу, к профессии, к виду труда или способу проведения досуга, к национальной, религиозной, культурной, географической локализации, к варварству или цивилизации и производная от этого социальная роль, а далее идентичность предстают крайне подвижными, изменчивыми феноменами. Скорость социальных трансформаций настолько высока, что это не позволяет индивиду обрести устойчивое представление о самом себе, которое соответствовало бы действительности.

Особенно актуальной в условиях цифровой эпохи можно считать небольшую работу Дж.Агамбена «Идентичность без личности». Начиная с отсылки к Гегелевскому сюжету «господина и раба» Агамбен отмечает, что признание индивида другими является неотъемлемой частью состоятельности личности. Технический прогресс привел к тому, что «Впервые в истории человечества идентичность перестала быть функцией социальной "личности", показателем ее общественного признания и превратилась в набор биологических данных, не имеющих ничего общего с собственно признанием» [28, с.84]. Ни собственный труд индивида по определению себя через способности, достижения, коммуникацию, любого рода деятельность, ни признание со стороны других в качестве действующего тем или иным способом индивида для идентификации больше не нужны, поскольку достаточно биометрических данных. Система государственной власти удовлетворяется этим типом идентификации, а сам индивид получает удовлетворение от признания машин и его тем больше, чем меньше остается у индивида связи с реальной действительностью, с лицом, с подлинным. Диагноз Агамбена: «новая идентичность без личности противопоставляет иллюзию не единства, а бесконечного множества масок» [там же, с.88]. И в этих условиях развивающаяся "экономика желаний" и приходящая ей на смену "экономика эмоций" как бы не замечают проблему "Я". Они сводят индивида к функции потребителя, производителя, соучастника и элемента "человеческого капитала".

На наш взгляд, множественность идентичностей одного индивида может быть

рассмотрена в рамках оппозиции, заданной Э.Фроммом: иметь или быть. Социальная реальность, предоставляя бесчисленное количество вариантов обладания, побуждает нас к выбору "иметь". Модус "быть" переводит бытие индивида в регистр осмысленного, вопрошающего по-настоящему живого существования, только в нем есть возможность следовать Кьеркегоровской интенции «возможности быть самим собой». Таким образом, множественность идентичностей Я проблему не решает, а только придает этой старой философской задаче более современный вид, а индивиду, как и прежде, предстоит самому искать выход из лабиринта идентичностей.

Таким образом, попытки психоаналитической риторики, субъект-ориентированной философии и психологии идентичности продуктивно решить проблему нельзя назвать в полной мере успешными.

М.Бланшо в 1969 году отметил, что «оригинальность новых наук о человеке состоит в том, что в них человек ищет себя как отсутствующего», тогда как в действительности индивид существует, добавим мы. И это существование не мыслимо, а практически, где в деятельности реализуется единство мыслимого и чувственного, психического и телесного, единичного и общего. На наш взгляд, идея позднего Фуко о заботе дает надежный ориентир в ответе на вопрос «КТО Я». Суть этой идеи заключается в том, что любая забота, проявляемая индивидом, это всегда забота о себе. Как верно и обратное: всякая забота о себе может быть понята и как забота о мире. Истоки этого размышления просматриваются в диалоге Платона «Алкивиад», где Сократ настаивает на том, что прежде чем заботиться о других и управлять ими, нужно ответить на вопрос о том, что такое забота о себе. М.Хайдеггер обращается к заботе в тексте «Бытие и время» и утверждает, что забота – это исходная составляющая человеческого бытия-в-мире, при этом высказывание «забота о себе» не имеет никакого смысла, оно тавтологично [29, с.209-264]. И далее в работе «Письмо о гуманизме» спрашивает: «На что же еще направлена «забота», как не на возвращение человека его существу?» [30, с.195]. Фуко придает заботе о себе статус фундаментального положения, утверждая, что забота – это общее название для технологий себя, которые формируют решение проблемы Я.

Содержательно и структурно забота, по Фуко, состоит из четырех компонентов: этическая субстанция, модус подчинения, аскетические практики и телос [31, с.144-145]. Это подвижная структура, наполняемая в каждый конкретный момент времени каждым индивидом собственными выборами и действиями. Эти акты свершаются не в чистом *cogito*, не на психоаналитической кушетке, но в социальном пространстве, вбирая в себя все освоенное и присвоенное индивидом в мире и одновременно создавая индивида, оформляя его бытие-для-себя и бытие-для-другого. Определение индивида через заботу о себе дает константы в самопонимании для самого индивида и одновременно очерчивает пространство движения, изменения, длящегося на протяжении всей жизни процесса формирования Я. Такой подход объединяет эмансиацию и подчинение, индивидуальный и социальный режим существования индивида, отражает эмоциональное, психическое, телесное становление Я собой, приоритет между которыми устанавливается волей самого Я и утверждается теми практиками, которые Я реализует в конкретный момент времени. Предложение Фуко в решении проблемы Я преодолевает ограниченность психоаналитической теории, содержательно отвечает на претензии психологии на первенство в определении человека, открывает простор философской рефлексии в этой теме. Забота о себе не цель и не средство, но выходящая за эти оппозиции текучая современность индивидуального бытия, осуществляемая с тем мужеством быть собой [32; 33], которое доступно конкретному Я.

Библиография

1. Лю Гаочэнь, Маркасова Е.В. Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 701-716. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716. EDN: QIKOEI.
2. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Идентичность и символический хронотоп. – М.: Канон+ РООИ "Реабилитация", 2020. – 304 с.
3. Идентичность: Личность, общество, политика / Под ред. чл.-корр. РАН И.С. Семененко. Энциклопедическое издание. – М.: "Весь мир", 2017. – 992 с.
4. Конев В.А. Не "ВО" время, а "ИЗ" времени // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4 (9). С. 94-98. EDN: PLTPOF.
5. Олейников А. Современность несовременного // Логос. 2021. Т. 31. № 4. С. 1-5.
6. Федоров А. Производство будущего. Мир "двойного двоеточия". – СПб.: ИЦ "Гуманитарная Академия", 2023. – 496 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие / Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 391-407.
8. Хайдеггер М. Вещь / Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 316-327.
9. Фуко М. Другие пространства / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. – М.: Практис, 2006. – Ч. 3. С. 191-205.
10. Исаева Н., Исаев С. Серен Кьеркегор: Лестница в небо – виртуальный проект / В кн.: Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к "Философским крохам". – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 680 с.
11. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к "Философским крохам". – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 680 с. EDN: QWLJAL.
12. Кьеркегор С. Насаждение и долг. – Ростов н/Д: Изд-во "Феникс", 1998. – 416 с.
13. Щитцова Т. *Memento nasci*: сообщество и генеративный опыт (Студии по экзистенциальной антропологии). – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО "Вариант", 2006. – 384 с.
14. Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида. – СПб.: Алетейя, 2021. – 256 с.
15. Фрейд З. Избранное. – Ростов-на-Дону: "Феникс", 1998. – С. 5-42.
16. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
17. Фуко М. Мишель Фуко. Ответы философа / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Практис, 2002. – С. 172-193.
18. Савченкова Н. Психодиагностика и теория любви / Фрейд З. Собрание сочинений в 26 т. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат Эдипова комплекса. – Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2015. – 280 с. – С. 3-16.
19. Фрейд З. Советы врачам при ведении психоаналитического лечения // Психоаналитический вестник. 1991. № 1. С. 140-145.
20. Шипунова О.Д. Перспективы исследования субъективности в современной философии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 1 (191). С. 254-260. EDN: SCHNIH.
21. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Издательская группа "Прогресс", 1996. – 344 с.
22. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
23. Коньков Д.С. Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 79-84. DOI:

- 10.17223/15617793/409/12. EDN: WKOAWB.
24. Хенкин С.М. Ракурсы идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2018. 4 (61). С. 269-276. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-269-276. EDN: VLJPEZ.
25. Буланов С.М. Исторический анализ предпосылок формирования современного представления об идентичности субъекта // Философия и общество. 2024. № 1. С. 28-45. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.02. EDN: IJOWJW.
26. Фуко М. Субъект и власть / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. – М.: Практис, 2006. – Ч. 3. С. 161-191.
27. Свасьян К. Человек в лабиринте идентичностей. – М.: Evidentis, 2009. – 192 с.
28. Агамбен Дж. Идентичность без личности / Нагота. – М.: ООО "Издательство "Грюндриsse", 2014. – 204 с. – С. 79-91.
29. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: "Фолио", 2003. – 503 с.
30. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 192-221.
31. Фуко М. О генеалогии этики. Обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 135-159. EDN: TJLKDR.
32. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
33. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году. – СПб.: Наука, 2014. – 358 с. EDN: UULEEF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Чимитова И.З. Репрезентация межэтнического согласия массовыми коммуникациями Бурятии // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.75748 EDN: JNKXIH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75748

Репрезентация межэтнического согласия массовыми коммуникациями Бурятии

Чимитова Ирина Зоригтоевна

кандидат социологических наук

доцент; кафедра "Кадастры и право"; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова"

670024, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

[✉ rindaol@mail.ru](mailto:rindaol@mail.ru)[Статья из рубрики "Муки коммуникации"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.75748

EDN:

JNKXIH

Дата направления статьи в редакцию:

03-09-2025

Аннотация: Объектом исследования является деятельность средств массовой информации (СМИ) Республики Бурятия, которые в современных условиях одновременно выступают и в роли средств массовой коммуникации (СМК), выполняющих, наряду с прочими, информативную и коммуникативную функции, удовлетворяя такие экзистенциальные потребности человека, как потребность в информации и общении, давая аудитории возможность высказывания, обмена мнениями. Предмет исследования – деятельность СМИ региона по информированию аудитории о благоприятном состоянии межэтнического взаимодействия в республике и репрезентации модели традиционных отношений межэтнического доверия, дружбы и согласия, что способствует сохранению такой модели в дальнейшем. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить характер репрезентации в СМИ Республики Бурятия устойчивости межэтнического согласия, выражении идеи необходимости сохранения такого и впредь. Автор уделяет достаточное внимание таким понятиям, как «коммуникация», «согласие», останавливается на чертах современных СМК, их функциях, специфике

рассматриваемого полиэтнического региона. В процессе работы над статьей использовался системный подход, принципы достоверности и объективности, диалектический метод, применялись структурно-функциональный, логический, исторический методы, а также анализ, синтез, индукция и дедукция и другие общенаучные методы. Основными выводами проведенного исследования является утверждение о том, что СМИ региона по-прежнему стремятся к объективному отражению добрососедства, дружбы и согласия между представителями разных народов, которые выступают устойчивыми моделями межэтнического общения. Как показывают материалы СМИ, эти модели позитивно воспринимаются и многими представителями недавно живущих в Бурятии этносов. В настоящее время СМИ успешно осуществляют репрезентацию доминирующих и традиционных для Бурятии моделей согласия между народами. Новизна исследования проявляется и в постановке проблемы, и в том, что в ней достаточно убедительно показано, что в настоящее время СМИ республики более активно, чем прежде, выполняют коммуникативную функцию, обеспечивая оперативный обмен мнениями разных коммуникаторов, своевременную обратную связь с аудиторией, будучи площадкой массовых дебатов. Автор также обосновывает специфику данного региона, в котором полиэтничность давно не служит признаком разнородности, нуждающейся в каком-либо «сглаживании» для преодоления «чуждости», поскольку его жителей объединяет живое чувство братства, родственности друг к другу.

Ключевые слова:

коммуникация, межэтническое согласие, средства массовой информации, традиционно полиэтнический регион, Бурятия, модель коммуникации, коммуникативная функция, аудитория, этнокультурный, репрезентация

Одной из основополагающих человеческих потребностей является потребность индивида в общении с другими людьми.

Социально-гуманитарные науки прошлого и нынешнего столетий активнее, чем прежде, изучают сущность коммуникации, усматривая в ней фундаментальный феномен бытия человека, универсальный способ связи между людьми, отмечая, что коммуникации являются атрибутом жизнедеятельности общества (теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, системная теория Н. Лумана и др.). Так, по утверждению Н. Лумана, «понятие коммуникации становится решающим фактором для определения понятия общества ... Общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций ...» [\[1, с. 21, 34\]](#).

Коммуникативные потребности сопряжены со стремлением человека к освоению мира, к уподоблению себя с другими людьми и с ощущением им «глубоких корней, гарантирующих прочность и безопасность бытия» [\[2, с. 10-11\]](#).

Справедливо подчеркивается «чрезвычайно глубокий жизненный, экзистенциальный смысл» коммуникации [\[3, с. 305\]](#). Общество же выступает как итог коммуникации «услышанных» и «понятых» другими людей [\[4, с. 40-41\]](#).

По утверждению В. А. Лекторского, для современной философии характерно такое, новое понимание общеизвестного постулата Декарта: «я существую не потому что мыслю, сознаю, а потому что отвечаю на обращенный ко мне призыв другого человека»

[\[5, с. 109–110\]](#).

Бесспорно, что, по сравнению с эпохой Декарта, количественные и качественные параметры прогресса современных коммуникаций, особенно с распространением интернета, неизмеримо возросли, как и их значимость в развитии человека и общества. Основная часть аудитории средств массовой коммуникации сейчас распределена между телевидением и интернетом. Последний предпочитают работающие, молодежь и образованные пользователи среднего возрастай. Что касается поселенческих параметров, то среди горожан регулярных пользователей интернета уже несколько лет назад было не менее 70 % [\[6, с. 75\]](#).

Интернет расширил возможности и скорость доступа к разнообразному контенту, стал площадкой дебатов, открытого и свободного выражения мнений, творческой самореализации, в том числе и в статусе активного коммуникатора.

Однако вполне очевидна и первостепенность мыслительной деятельности людей, ибо вне осмысленности все аспекты их бытия и сознания, включая общение, лишаются рациональности и чреваты возможностями превращения их в объекты манипулирования.

В современном медийном пространстве Бурятии присутствует, хоть и незначительно, маргинальный сегмент интернет-ресурсов, создаваемый за пределами региона и страны, такие как признанный в России экстремистским «Свободная Бурятия». Их контент часто строится на радикальной этнизации социально-экономических проблем, предлагая упрощённые и конфронтационные трактовки сложных вопросов межэтнического взаимодействия. Подобные проекты, чьи создатели действуют из-за рубежа, не стремятся к конструктивному диалогу, а культивируют дискурс «внутреннего инородца», тем самым целенаправленно дестабилизируя обстановку в традиционно полигетническом регионе.

В противовес этому, официальные республиканские интернет-СМИ, такие как «Тивиком», «Ариг Ус», «АТВ» и др. последовательно реализуют позитивную редакционную политику, направленную на консолидацию общества. Их онлайн-платформы и страницы в соцсетях систематически транслируют модель устойчивого межэтнического согласия, представляя её как исторически сложившуюся и непреходящую ценность для всех жителей республики. Через новостные репортажи, тематические статьи и мультимедийные проекты эти ресурсы информируют аудиторию о реальных практиках межкультурного диалога, повседневного добрососедства и совместного решения общих проблем, выполняя таким образом важную интегративную и миротворческую функцию.

Важным аспектом анализа является дифференциация контента в зависимости от типа интернет-площадки. На платформах с высоким уровнем анонимности пользователей (например, анонимные форумы, некоторые разделы социальных сетей) наблюдается значительный рост резкости высказываний на межэтническую тематику, вплоть до откровенно ксенофобных комментариев и призывов, попадающих под классификацию разжигания межнациональной розни. Напротив, на ресурсах с прозрачной модерационной политикой, требующих идентификации (например, официальные сайты СМИ или платформы с системой комментирования через социальные сети и верификацией личности), дискурс характеризуется значительно большей сдержанностью, вежливостью и демонстрирует поддержку традиционных ценностей межэтнического согласия. Данная корреляция позволяет выдвинуть два взаимодополняющих тезиса. Во-первых, она свидетельствует о сдерживающем эффекте правового поля, когда пользователи осознают риски административного или уголовного преследования за

противоправные высказывания. Во-вторых, столь явный контраст указывает на высокую вероятность целенаправленной деятельности деструктивных сил, использующих анонимность для искусственного нагнетания напряженности и розни извне, что согласуется с ранее отмеченной тактикой маргинальных зарубежных ресурсов.

Составная часть средств массовой коммуникации (СМК) – средства массовой информации (СМИ), в той или иной мере выступающие, как будет показано ниже, также и в роли средств массовой коммуникации, выполняющих коммуникативную функцию, выступая площадкой для достаточно широкого обмена мнениями различных субъектов по затрагивающим большинство аудитории проблемам.

Средства массовой информации являются одним из ведущих социальных институтов современного общества, в число функций которых входят не только информирование, но и обеспечение взаимодействия субъектов ради достижения интересов общества в целом, социализирующая, общекультурная, воспитательная, ценностно-ориентирующая, аксиологическая и другие важнейшие социальные функции, неотъемлемой составляющей которых является гуманное отношение к другому человеку, в том числе к представителю другого этноса, носителю иной культуры и т. д.

Одним из элементов коммуникативного пространства РФ являются региональные средства массовой информации, в число которых входят СМИ Республики Бурятия.

Регионы такой огромной страны, как Россия, наряду с чертами сходства, обычно между географическими соседями, различаются по многим параметрам, через которые закономерно преломляются общероссийские процессы, приобретая региональную специфику. К числу этих параметров относится полиэтничность. В процессе расширения империи некоторые центральные земли оставались по преимуществу моноэтническими, в состав населения других вливались новые народы, отношения с которыми у местных были разными. Иногда они контактировали в основном только в пределах необходимости, установив определенную дистанцию, позволяющую сохранять баланс. Впоследствии, при развале СССР, именно эти территории отделились от России, породив конфликты и осложнив судьбы миллионов людей. Однако на остальном пространстве страны постепенно сложилось конструктивное межэтническое взаимодействие. Среди таких территорий можно выделить те, где это взаимодействие превратилось в единство, братство народов, и в их число входит Республика Бурятия.

Особенностью окраины страны, где в наши дни располагается данный субъект РФ, является то, что стремление к закреплению в составе России у аборигенов региона проявилось уже к концу 1650-х-началу 1660-х [7, с. 45], и предпосылки этого выбора анализируются в трудах Л. Р. Павлинской, О. В. Бураевой, А. Д. Карнышева и др.

Позитивную роль в зарождении и укреплении межэтнического согласия сыграли взвешенная политика центральной власти, потребность контактирующих народов в обмене опытом выживания и успешного хозяйствования в суровом климате, в условиях слабой заселенности огромного малоосвоенного края, высокий уровень их взаимной адаптации, сходство базовых норм, ценностей, в том числе готовности принять этнического Другого как равного, общечеловеческих по своей сути, наличие смешанных браков и пр. Такая модель взаимодействия закреплялась как стереотип, становилась традиционной.

В отличие от авторов, трактующих полиэтничность как условие и источник развития нашей страны, а также отмечающих обогащающий характер постоянного общения

составляющих ее народов [8, с. 17], встречается и иное понимание. Н. Б. Ефимочкина и Л. В. Масленникова, определяя российское общество как разнородное, в частности полиэтническое, усматривают в средствах массовой культуры и коммуникации актор трансформации сознания людей, в какой-то степени «сглаживающий» разнородности [9, с. 26].

Не касаясь иных видов разнородности, отметим, что особенностью республики является то, что ее полиэтичность традиционно не внушает каких-либо опасений. Напротив – она воспринимается как естественно присущее населению региона, прежде всего, наиболее большим по численности этническим группам, бурятам и русским, объединяющее их живое чувство единства, осознание общности родной для каждого из них земли, судьбы, зачастую и их родственности друг другу, издавна воспринимающих один народ как братский для другого.

Не был исключением и советский период. Вопреки утверждению Г. Альтшуля о том, что СМИ на протяжении всей своей истории были слепыми летописцами чужих деяний [10], журналистам Бурятской АССР, несмотря на подконтрольность СМИ власти, не приходилось идеализировать состояние межэтнических отношений. При этом они выражали и собственную позицию.

Более благоприятны условия для реализации принципа объективности и других профессиональных стандартов в постсоветское время. Присущее большинству уроженцев Бурятии чувство единства и ныне проявляется во многом, и такой пример приводится в статье Б. Дабайна о героически погибшем на СВО земляке офицере Афанасьеве, награжденном тремя орденами Мужества и двумя медалями «За отвагу». «Иван русский, но он «Бурят», – рассказывает его боевой товарищ М. – Ваня очень гордился тем, что он родом из Бурятии, с особой теплотой относился к родному краю. Для него было огромной честью носить такой позывной, который он нес с гордостью» [11, с. 11].

Достаточно распространенными моделями межэтнических отношений здесь стали отношения согласия, которые стали частью образа жизни, традицией массового поведения, коренящегося в сходстве или общности целей, мотивов, норм, ценностей, в распространенности смешанных браков и т. д.

Еще одним из множества подобных, медицинской фигурой и внутри, и вне региона стал актер Бурятского драматического театра Вячеслав Кузьмин, свободно владеющий бурятским языком и в знак уважения к отчиму называющий себя Цыреном Батоцыреновым.

В литературе отмечаются основания согласия между субъектами. По верному мнению Ю. Хабермаса, согласие «всегда поконится на общих убеждениях» [12, с. 200]. Отношения согласия справедливо определяются Л. М. Дробижевой как не только готовность субъектов принять других и взаимодействовать с ними, но и как наличие у тех и других общих или сходных основных целей и представлений [13, с. 93].

СМИ Республики Бурятия, наряду с международной и общероссийской тематикой, правомерно уделяют внимание освещению истории и современного состояния региона. Особенность реакции аудитории на региональный контент заключается в том, что он «воспринимается более внимательно и оценивается более объективно в силу знакомства аудитории с местными реалиями» [14, с. 121].

Вызывает неизменный интерес также информации об Иркутской области, Забайкальском

крае, Монголии с которыми граничит Республика Бурятия, о Республике Саха (Якутия), севере КНР, где есть довольно многочисленные бурятские диаспоры, о Республике Калмыкия, в которой, как и в Бурятии, титульное население исповедует буддизм. Примером долговременного сотрудничества местного телеканала «Тивиком» с коллегами из отечественных и зарубежных телекомпаний является совместная новостная программа «Середина Земли» «Тивикома» телестудий Иркутской области, Забайкальского края, республик Калмыкия и Саха, Монголии и Китая.

В коммуникативном пространстве России Бурятия сейчас, как и в 2015-2016 гг., тесно связана с нашей страной, не отгорожена и от остального мира. Освещая очередное проведение глобального ёхора, в котором участвуют жители республики разных национальностей, журналисты показывают видео из других городов и стран, в которых тоже проводятся эти красочные ехорные действия, объединяющие выходцев из Бурятии с землей их предков [\[15, с. 268\]](#).

Включенность Бурятии в жизнь и судьбу Отечества проявляется также в материалах о связях, устанавливаемых различными диаспорами с их исторической родиной.

Как и в середине прошлого десятилетия [\[15, с. 268\]](#), в текущем десятилетии печатные СМИ Бурятии сохранили тренд на объективность, состоящую в отражении добрососедских отношениях между представителями всех народов, живущих здесь, без какой-либо идеологизации этой темы.

Объективность проявляется и в одинаковом отношении СМИ к своей аудитории, независимо от этнической принадлежности людей и их групп. Такое отношение фиксируется, по крайней мере, с советского периода. Проведенный Э. Д. Дагбаевым анализ республиканских газет 1986, 1991, 1992 и 1994 гг. свидетельствует об обращенности к аудитории самого разнообразного этнического происхождения [\[16, с. 78-79\]](#).

Вполне объяснимое в традиционно полигэтническом регионе, где уже долгое время большинство населения составляют русские и буряты, обращенность коммуникатора преимущественно к реципиентам одной из этих этнических общностей никогда не сопровождалась какими бы то ни было выпадами в адрес той или иной из этих частей населения республики, «что обусловлено терпимостью национального самосознания всех национальных групп, проживающих в регионе». При этом этническое происхождения автора материала тоже не связывается с «обязательной приверженностью ...интересам своей национальной группы» [\[16, с. 79-80\]](#).

Отмеченные выше качества являются атрибутивными, и в полной мере свойственны и современным печатным и электронным СМИ республики.

Откликаясь на запрос аудитории, автор колонки газеты «Бурятия» в числе прочих делает предметом обсуждения тему буддизма. Читатель узнает, что и буддизм, и культура бурятского народа вызывают интерес и положительное отношение у жителей региона, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Рассказывается и о многогранной работе Буддийской традиционной Сангхи России и лично ее иерарха по развитию традиционной экономики бурят, по поддержке их родного языка, о востребованности знаний, умений, опыта лам-целителей, астрологов и т. д. не только у местного населения, но и в других городах и весях [\[17, с. 4\]](#).

Эту функцию выполняет программа телеканала «Тивиком» «Буддийская среда». Данные

темы находятся в фокусе внимания и других СМИ.

Наряду с информацией о проводимых мероприятиях, выражением мнения различных акторов (активисты и работники национально-культурных и других общественных организаций, учебных заведений, библиотек, центров народного творчества и т. д., общественных деятелей, представителей научной и творческой интеллигенции и пр.) рассказывается о представителях и коренных, и относительно недавно живущих в Бурятии народов (армянах, эвенках, азербайджанцах, немцах, поляках и др.). Каждому из них дается возможность высказаться.

В последние годы несколько вырос миграционный поток из стран ближнего зарубежья в Республику Бурятия, несмотря на ее значительную удаленность от этих государств. В связи с этим более широко, чем прежде, освещается тема трудовой и учебной миграции. Аудитория узнает и о нерешенных проблемах, стоящих перед властями в миграционной сфере, и о работе с приезжими государственных и общественных организаций, и о деятельности соответствующих диаспор, и о традиционных мусульманских праздниках и т. п. Так, автор публикации в газете «Номер один» пишет о необходимости соблюдения приезжими законодательства нашей страны, подчеркивает возможность преодоления стоящих перед ними трудностей, характеризует гостеприимство местного населения [\[18, С. 6\]](#).

СМИ республики часто дает слово и лидерам мигрантских сообществ, и рядовым их членам. Например, студентка медицинского института местного университета, родом из Кыргыстана, так говорит о Бурятии: «В этом году с семьей отправилась на родину, и через неделю просилась обратно в Бурятию. Мне так нравится здесь, что не хочется никуда» [\[19, С. 9\]](#).

Рассказывается и о все более частых случаях переселения в республику из дальнего зарубежья: европейских государств, Китая, Сингапура, Южной Америки, Африки и др. Так, мотивом переезда сингапурской семьи, специалистов банковского дела и ИТ-технологий, послужило совпадение взглядов на семью и воспитание детей переселенцев с ценностями российского общества. Публикацию заключает вывод о «растущей привлекательности региона для жизни и работы» [\[20, С. 19\]](#).

Желание жить и работать в Бурятии после окончания учебы, а также выучить бурятский язык выразил будущий врач из Конго. В отличие от некоторых африканских студентов, выбравших после первого года обучения Новосибирск (и позже выразивших намерение вернуться в Улан-Удэ), Эммануэль остался учиться в столице республики, и оценивает среду своего пребывания так: «В Бурятии я уже практически местный. Никаких проблем нет, за 3 года здесь мне никто не угрожал, все спокойно, здесь добное отношение и не чувствуешь себя иностранцем» [\[21, С. 5\]](#).

О повышении профессионализма журналистов свидетельствует популярность подавляющего большинства материалов у аудитории, проявляемая ею активность при проведении опросов по различным актуальным темам. Тем самым многие СМИ успешно выполняют коммуникативную функцию, выступая в статусе средств массовой коммуникации.

Подтверждением высокого профессионального уровня творчества региональной журналистики является тот факт, что журнал для детей и подростков «Ушкан» стал призером Всероссийского конкурса детских и молодежных СМИ РФ «СМИ миротворец-2024» за лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных

отношений.

Таким образом, СМИ Бурятии, объективно освещая дружеский и добрососедский характер межэтнических отношений в регионе, демонстрируя единство основных народов, русских и бурят, их позитивное восприятие представителей других этнических групп, осуществляют презентацию такой модели межэтнических отношений, как доверие, дружба и согласие, выступая одним из важнейших факторов ее сохранения и развития.

Библиография

1. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. С.-Петербург: ТОО ТК "Петрополис", 1994. С. 25-42.
2. Гуревич П. С. Видный мыслитель XX столетия // Фромм Э. Душа человека: Перевод. М.: Республика, 1992. (Мыслители ХХ века). С. 5-12.
3. Барулин В. С. Основы социально-философской антропологии. М.: ИКЦ Академкнига, 2002. 455 с.
4. Капитонов Э. А. Социология ХХ века. Ростов-на-Дону: Издательство "Феникс", 1996. 512 с.
5. Лекторский В. А. Гуманизм как идеал и как реальность // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 103-114.
6. Назаров М. М. Телевидение в конвергентной медиасреде: аудиторные тренды // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 69-78. DOI: 10.31857/S013216250014208-1 EDN: МНРРНН
7. Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII-середине XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 207 с. EDN: TZASKR
8. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 551 с.
9. Ефимочкина Н. Б., Масленникова Л. В. Феномен коммуникации как актор новой парадигмы управления // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 12. С. 21-30. EDN: SIVZDY
10. Altshull J.H. Agents of Power: the role of the new media in human affairs. New York and London: Longman, 1984.
11. Дабаин Б. Позывной "Бурят": вечный воин // Бурятия. 2025. 16 июля.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 173-286.
13. Дробижева Л. М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. 2012. № 4. С. 91-110. EDN: PEBAVD
14. Чимитова И. З. Средства массовой информации как фактор воздействия на уровень межэтнической толерантности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. 2011. Вып. 14. С. 117-122. EDN: OMSGDB
15. Чимитова И. З. Проблемы межнациональных отношений: миссия печатных СМИ Бурятии // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире: материалы XI Международной научной конференции: в 2 т. / отв. ред. И. И. Осинский. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. Т. 2. С. 267-272. EDN: WKSDVZ
16. Дагбаев Э. Д. Пресса и национально-политический процесс региона (опыт политологического и социологического анализа). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 127 с.
17. Махачкеев А. "Тихая" буддизация // Бурятия. 2020. 24 июня. С. 4; Махачкеев А. Тихая буддизация-2 // Бурятия. 2020. 1 июля.
18. Жамбалова Е. Принципы доброго соседства // Номер один. 2024. 24 апреля.
19. Родионова Р. Мусульманская весна на бурятских улицах // "Московский комсомолец"

в Бурятии. 2019. 27 марта-3 апреля.

20. Данилов С. Сингапурская семья выбрала Бурятию для жизни в России // "Московский комсомолец" в Бурятии. 2025. 23-29 апреля.
21. Дашижапова С. Лучший город Земли для Эммануэля // "Московский комсомолец" в Бурятии. 2025. 16-22 июля.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

1. В современных условиях СМИ оказывают значительное влияние на ценностные установки и ориентации наших соотечественников. Они проводят в них достаточное количество времени. Так, по данным Mediascope за первое полугодие 2025 года, в среднем каждый россиянин ежедневно тратит до 9 часов на взаимодействие с двумя крупнейшими медиасредами – ТВ и интернетом. Автор исследования ставит целью дать характеристику влияния республиканских СМИ на сохранение межэтнического согласия, при этом, результаты приискания показывают, что в труде хорошо представлена скорее репрезентация в СМИ по данной теме, чем именно их влияние на данный феномен. Для оценки анализа влияния, если это не затруднит автора, было бы оптимальным провести ряд дополнительных исследований, на что будет акцентировано в нижеследующих пунктах рецензии.

2. Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. При хорошей проработке теоретической интерпретации, в публикации отсутствует чётко прописанное исследовательское решение (подходы, методы сбора и анализа информации и т.д.), его спецификация и особенности применительно к ресурсам СМИ. В то же время, текст статьи может быть немного (на 2-3 абзаца) дополнен семиотическим и семантическим анализом контента, генерируемого пользователями (посты, комментарии по избранной теме).

3. В начале своего сочинения автор, к сожалению, не прописывает чёткой актуальности данного исследования, в тексте присутствует лишь указание на полиэтничность региона, что стоит рассматривать как своеобразную «эмблему печати», чем осознанный голос. Думается, что автору стоит более подробно (на 1 абзац) показать востребованность данного произведения для отечественной науки.

4. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы и в привлечении оригинальных источников исследования.

5. Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 18 различных источников и исследований. При этом, по возможности, текст статьи можно дополнить небольшим кратким анализом иностранной литературы по данной теме. Библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

6. Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто

интересуется как философскими исследованиями СМИ, в целом, так и тем, кому интересна культура Бурятии.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В публикации показаны смысловые переходы между частями текста и линиями повествования.

7. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, а также широкого и подробного анализа литературы, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

8. Главным выводом статьи указывается «СМИ Бурятии, объективно освещая дружеский и добрососедский характер межэтнических отношений в регионе, демонстрируя единство основных народов, русских и бурят, их позитивное восприятие представителей других этнических групп, выступают одним из важнейших факторов сохранения здесь традиционного согласия между народами». Однако, думается, данный вывод может получить дополнительную ценность (если это не затруднит автора), если будет показано, например, действительное согласие или некоторые разнотечения между основными задачами контент-плана подразделений медиахолдингов и организаций СМИ и теми смысловыми модулями, которые транслируются цифровыми авторами в социальных медиа, мессенджерах, на различных форумах и других площадках.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет высокий читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в специализированных курсах лекций, так и в качестве доклада для PR служб различных организаций и учреждений.

К статье есть малые замечания: так, в тексте имеются опечатки (написано «Интернете» в 7 абзаце сверху. «Таким образом» в последнем абзаце и другие).

По результатам экспертизы установлено, что статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Философия и культура» с некоторыми доработками.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – презентация межэтнического согласия массовыми коммуникациями Бурятии. Методологической базой исследования является метаанализ как интеграция, обобщение и философское осмысление изучаемого феномена, дескриптивный анализ интернет-контента СМИ, освещающих различные аспекты межэтнического взаимодействия в Республике Бурятия, а также принципы междисциплинарности. Актуальность исследования обусловлена тем, что, как справедливо отмечает автор, коммуникативные потребности сопряжены со стремлением человека к освоению мира, к уподоблению себя с другими людьми и с ощущением им «глубоких корней, гарантирующих прочность и безопасность бытия».

Научная новизна исследования состоит в расширении представлений об особенностях презентации межэтнического согласия современными массовыми коммуникациями.

Общая структура работы представлена следующими разделами: введение, результаты исследования и их обсуждение, заключение, библиография, включающая в себя 21

источник, из них 1 на английском языке. Содержание статьи в целом отражает ее структуру. Статья написана грамотным научным языком. В основной части работы представлены результаты метаанализа различных социально-философских концепций, характеризующих предмет исследования. Вместе с тем достаточно грамотно анализируются и содержательно интерпретируются эмпирические данные, характеризующие объект исследования. В частности, автор анализирует контент официальных республиканских интернет-СМИ, таких как «Тивиком», «Ариг Ус», «АТВ». Особенno ценным является то, что фиксируется тенденция информирования данными интернет-СМИ аудитории о реальных практиках межкультурного диалога, повседневного добрососедства и совместного решения общих проблем, выполняя таким образом важную интегративную и миротворческую функцию. Подводя итоги исследования, автор логично заключает, что СМИ Бурятии осуществляют презентацию такой модели межэтнических отношений, как доверие, дружба и согласие, выступая одним из важнейших факторов ее сохранения и развития. Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе. Вместе с тем они представляют интерес для журналистов, общественных и молодёжных лидеров; а также политиков, экспертов, аналитиков. В качестве недостатков данной работы следует отметить, что текст статьи не имеет подзаголовков, отражающих его структуру. Например, данный текст можно структурировать таким образом: «Введение», «Результаты и их обсуждение», «Заключение». Вместе с тем во введении автору рекомендуется четко охарактеризовать актуальность исследования, описать степень научной разработанности проблемы, методологию исследования и его источниковую базу, так как в тексте работы автор апеллирует к источникам: «Тивиком», «Ариг Ус», «АТВ» и другим, но не называет и не характеризует их в соответствующем разделе введения. Также предлагается расширить имеющиеся выводы, отразив в них каким образом решены задачи исследования. Вместе с тем рекомендуется содержательно охарактеризовать понятие «модель межэтнических отношений», так как автор неоднократно его называет, но не раскрывает данное понятие. Следует также отметить, что в тексте присутствует опечатка: «Таким образом, СМИ Бурятии...».

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Саяпин В.О. От Иммануила Канта к Жильберу Симондону: схемы оперативного воображения // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.75578 EDN: JOQRDR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75578

От Иммануила Канта к Жильберу Симондону: схемы оперативного воображения

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

[✉ vlad2015@yandex.ru](mailto:vlad2015@yandex.ru)[Статья из рубрики "Философия техники"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.75578

EDN:

JOQRDR

Дата направления статьи в редакцию:

19-08-2025

Аннотация: Переосмысление схемы у Жильбера Симондона знаменует радикальный разрыв с кантовской традицией. Если для Канта схематизм чистого рассудка выступал априорным механизмом подчинения чувственного многообразия категориям разума, обеспечивая возможность познания, но оставаясь замкнутым в трансцендентальной сфере субъекта, то Симондон совершает онтологический поворот. Его «оперативные схемы» коренятся не в структурах сознания, а в самой динамике материального мира и прежде всего в технике. Схемы – это имманентные паттерны развития «технических линий», кристаллизующиеся в процессе изобретения через «производящее воображение». Новизна Симондона заключается в отказе от примата разума над опытом: схема возникает не до опыта как его условие, а из практического, оперативного соучастия мысли с вещами, из усилия по разрешению конкретных технических проблем. Воображение здесь – не репродукция или комбинаторика, а сила, укорененная в действии и материальности, порождающая новые формы бытия техники.

Исследование базируется на последовательном применении взаимодополняющих методов, адекватных динамической несубстанциальной онтологии Симондона: генетико-критический метод, технико-онтологический анализ, операциональная герменевтика и сравнительно-топологический подход. В этом случае раскрывается не только имманентность схем техническим линиям, но и выявляется разрыв Симондона с кантовским трансцендентализмом. Данная методология позволяет избежать реификации схем, раскрывая их как живые инструменты процессуальной реальности, что соответствует ключевой «максиме» Симондона, а именно познавать: значит следовать за индивидуацией бытия. Актуальность симондианской концепции «оперативных схем» сегодня трудно переоценить. В эпоху алгоритмов, интерфейсов и самообучающихся систем она предлагает мощный инструмент для понимания того, как технические объекты сами генерируют схемы, которые опосредуют наше мышление и действие. Цифровые платформы, искусственные нейронные сети, «умные» среды – все это воплощает «динамические схемы». Более того, этот подход актуален как эпистемологический сдвиг: он преодолевает разрыв между теорией и практикой, разумом и материей. Оперативные схемы утверждают онтологию отношения и действия, где знание и изобретение возникают не из созерцания, а из вовлеченного взаимодействия с миром. Это делает философию Симондона незаменимой для осмыслиения совместной эволюции человека и его искусственной среды.

Ключевые слова:

Симондон, Кант, Бергсон, индивидуация, трансдукция, доиндивидуальное, метастабильность, динамическая схема, техническая схема, воображение

Введение

Понятие «схемы» занимает стратегически важное, но концептуально напряженное положение на пересечении философии техники и теории познания. С одной стороны, Иммануил Кант (1724–1804) в своей трансцендентальной философии возвел схему (схематизм) в статус фундаментального оператора познания, таинственного посредника, обеспечивающего применимость априорных категорий рассудка к чувственному многообразию опыта. С другой стороны, спустя более полутора веков Жильбер Симондон (1924–1989) в своем новаторском анализе генезиса технических объектов постулировал схему как центральный механизм самого акта технического изобретения. Это концептуальное сближение одного термина в столь разных контекстах, а именно в структурировании познавательного опыта и конституировании технической инновации. В этом случае такое сближение термина ставит важный вопрос: Что общего и что принципиально различается в природе и функции схемы в этих двух фундаментальных для человека сферах? То есть краткая постановка проблемы сводится к тому, что схема предстает ключом как к пониманию априорных структур познания (Кант), так и к динамике конкретного технического творчества (Симондон).

Несмотря на формальное сходство термина, Симондон осуществляет глубокий разрыв с кантовской парадигмой в трактовке схемы. Для Канта схематизм – это прежде всего процедура подчинения чувственного опыта заранее данным категориальным структурам рассудка, обеспечивающая возможность объективного знания. Схема действует «сверху вниз», налагая форму разума на материю ощущений. Симондон же радикально

инвертирует эту перспективу. В его концепции технического изобретения схема возникает не как инструмент подведения под всеобщее, а как динамический процесс открытости мысли миру через конкретное действие и взаимодействие с материальной реальностью. Схема у Симондона – это не предзданная форма, а рождающаяся в самом акте изобретения оперативная структура, медиатор между замыслом и материей, позволяющий технической мысли «схватывать» и преобразовывать реальность в новом объекте. В результате симондонианская схема – это не мост от априорного к эмпирическому, а путь от проблемной ситуации и материальных сопротивлений к новому синтезу, от имманентного мира к его техническому преобразованию.

Целью данной статьи является реконструкция оригинальной концепции схемы у Симондона в специфическом контексте технического изобретения и связанного с ним «производящего воображения» с акцентом на демонстрации ее принципиального отличия от кантовского схематизма. Ключевым для понимания этого различия является анализ тех интеллектуальных источников, которые сформировали подход Симондона и которые резко контрастируют с трансцендентализмом Канта. В частности, статья исходит из тезиса, что симондонианская концепция схемы была существенно обогащена и переосмыслена под влиянием французской традиции эмпирической психологии конца XIX – начала XX веков. Динамику психических образов, привычек и моторного действия исследовали в своих философских изысканиях А. Бине (1857–1911), Т. Рибо (1839–1911), Ф. Польян (1856–1911) и И. Тэн (1826–1893). Кроме того, на концепцию схемы оказало глубокое воздействие бергсонианство с его философией длительности, творческой эволюции и интуиции как метода. Через призму этих влияний станет очевидно, что симондонианская схема – это не априорный познавательный механизм, а имманентный процессуальный и материально укорененный оператор технического творчества, переосмысливающий само воображение как производительную силу изобретательства, действующую в мире.

Кантовский схематизм и его пределы для понимания изобретения

Учение о схематизме чистых рассудочных понятий, изложенное в работе немецкого философа И. Канта «Критика чистого разума» (1781)^[1] занимает центральное, но недооцененное место в его философской системе. Как подчеркивается в тексте этой работы, анализ этого учения способен разрешить фундаментальный спор между двумя основными интерпретациями Канта: психологически-феноменалистической (видящей в ней синтез логики, психологии и метафизики) и трансцендентально-логической (сводящей философию Канта к анализу предпосылок точной науки). В этом случае кантовский схематизм, будучи завершением трансцендентальной дедукции категорий^[1, с.176–182], выполняет функцию трансцендентального посредника, обеспечивая применение чистых рассудочных категорий к чувственным созерцаниям. Как подчеркивает Кант, схема – это «продукт воображения», но не эмпирического, а априорного, действующего по строгим правилам рассудка^[1, с.176].

Именно здесь, в описании схем как продуктов чистого априорного воображения проявляется неустранимый психологический элемент («сокровенное в недрах человеческой души искусство»), ставящий под сомнение чисто логические интерпретации. Этот механизм гарантирует всеобщность и необходимость знания, но жертвует креативным потенциалом. Схема лишь подводит многообразие опыта под готовые категории (причина, субстанция и т.д.), не создавая новых концептуальных структур. Как отмечает исследователь Беатрис Лонгенесс (род. 1950), схематизм у Канта

– это «инструмент подведения под правило», а не генерации нового правила [2, р. 116]. Для технического изобретения, требующего разрыва с существующими категориями, такой подход оказывается недостаточным: он не объясняет возникновение принципиально новых структур (например, парового двигателя) не сводимых к априорным схемам.

Отсюда следует, что эта ограниченность коренится в самой структуре кантовской гносеологии, основанной на радикальном дуализме двух гетерогенных элементов. Во-первых, в чувственности, которая пассивно воспринимает иррациональный материал ощущений через формы пространства и времени. Во-вторых, в рассудке, активно синтезирующего этот материал посредством априорных категорий. Проблема согласования этих элементов решается через схематизм, где схемы выступают трансцендальными медиаторами. Они суть временные определения, порождаемые продуктивным воображением. Иными словами, чистые понятия рассудка (категории) слишком абстрактны, чтобы напрямую описывать ощущения. Поэтому Кант вводит схемы или, по-другому, правила временной организации опыта (например, последовательность событий для причинности). Только через эти временные схемы категории обретают связь с реальностью [1, с. 180-181]. Так, схема субстанции, определяемая как устойчивость во времени (постоянство как временной коррелят) непосредственно воспроизводится в основоположении категории субстанции. То есть: «...то устойчивое, в отношении к которому единственно могут быть определены все отношения явлений во времени, есть субстанция в явлении, т.е. реальное [содержание] явления, всегда остающееся одним и тем же, как субстрат всякого изменения. Так как субстанция (*diese*) поэтому не может меняться в существовании, то количество ее в природе не может ни увеличиваться, ни уменьшаться» [1, с. 206]. Аналогично схема причинности, как подчиненная правилу временная последовательность, неотличима от содержания основоположения причинности: «Все изменения совершаются по закону связи причины и действия» [1, с. 210]. Однако этот медиативный статус обнажает ключевое ограничение для философии техники: схематизм работает как односторонний процесс «применения» категорий к пассивному чувственному материалу, игнорируя материальное взаимодействие. В техническом изобретении, как позже покажет Симондон, материя активна: она оказывает сопротивление, вносит непредвиденные эффекты (трение, деформации), требующие коррекции замысла. При этом кантовская схема не имеет механизма обратной связи с реальностью, так как ее функция исчерпывается обеспечением возможности опыта.

Поэтому, как утверждает Мартин Хайдеггер (1889–1976), кантовское воображение конструирует предметы, но «глухо» к конкретности бытия сущего [3]. Кант сводит познание к субъективному конструированию (предметность как продукт воображения), игнорируя герменевтическое измерение: способность человека прислушиваться к миру, где сущее раскрывает себя в своей историчности и телесности. Для Хайдеггера это фундаментальная ограниченность новоевропейской метафизики. Например, согласно логике Канта, наше сознание не просто пассивно регистрирует яблоко. Оно активно синтезирует отдельные сенсорные данные (ощущения цвета, формы, вкуса) в единый устойчивый объект (яблоко), используя врожденные мыслительные формы. А именно такие категории, как единство для объединения признаков и реальность для придания статуса существующего предмета. Однако для Хайдеггера такое яблоко – абстракция, где его бытие включает неповторимость спелости, связь с яблоней, временем года, человеческим миром: то, что ускользает от кантовского схематизма.

Эта фундаментальная ограниченность схематизма, а именно неспособность описать изобретение как практическую борьбу с материей, где неудачи становятся источником инноваций, коренится в его имманентной апории: фактическом отождествлении содержания категорий и их схем, что приводит к логической неразличимости этих элементов в системе трансцендентальной философии. Это структурное смешение приводит к тому, что функциональные определения схем дублируются в формулировках самих категориальных принципов. Подобное дублирование, как отмечается в тексте, свидетельствует о том, что Кант часто смешивает определения схемы с определениями категорий, стирая границу между априорной формой рассудка и ее временным медиатором. Указанное отождествление является прямым следствием формалистического концептуализма Канта, коренящегося в отрицании интеллектуальной интуиции. Поскольку категории лишены собственного содержания вне чувственности, а схемы сводятся к временным модификациям, трансцендентальные определения утрачивают опериональную автономию. Это порождает двойной логический круг: категории обосновывают объективность научного знания (естествознания), но само их значение подтверждается исключительно через применимость в науке. Результатом становится методологический тупик, где схематизм, предназначенный для преодоления дуализма чувственности и рассудка, парадоксально обнажает его непреодолимость. В отличие от процессуальной модели технического изобретения (Симондон), где схема адаптируется через рекурсивную коррекцию^[4] в диалоге с материей, кантовский формализм исключает историчность и контингентность^[5], фиксируя познание в системе априорных условий, лишенных механизма внутреннего развития.

Таким образом, кантовский схематизм, обеспечивая универсальные основания познания, оказывается слишком статичным, априорным и замкнутым на субъекте, чтобы объяснить техническое изобретение как диалог с контингентной материей и процесс исторического становления. Его преодоление требует как у Симондона, переосмыслиния схемы как оператора открытости миру. Эту задачу, например, берет на себя философ Бернар Стиглер (1952–2020)^[7, р.65-123], который стремится радикально переопределить понятие «схематизма» воображения у Канта, который, как было отмечено, однозначно ставит схему выше конкретного мысленного образа. Этот приоритет схемы над образом демонстрируется как в случае математических понятий (например, треугольника), так и в случае эмпирических концептов (например, собаки). В эмпирическом случае схема выступает в роли априорной монограммы чистого воображения, благодаря которой и только в соответствии с которой становятся возможными сами образы^[1, с.178-179]. Именно эту априорную, статичную и субъектоцентричную модель Стиглер не только подвергает критике, но и трансформации в контексте техники и становления.

Это выявление «технической схемы» представляется ключевым для понимания изобретательского процесса как порождения подлинной новизны. Оно позволяет избежать двойного затруднения: сведения изобретения либо к произволу субъективного сознания, либо к слепой игре контингентности. Однако возникают фундаментальные вопросы. Каков механизм реализации изобретательской способности? Как возможно создание нового, если вслед за Стиглером мы утверждаем, что сама эта способность формируется извне предшествующей ей технической реальностью? Хотя концепция Стиглера задает плодотворное направление мысли, ее эвристический потенциал ограничен избирательностью анализа. Фокусируясь преимущественно на кинематографе как «временном объекте», философ развивает свою критику через призму голливудской модели, унаследованную от Теодора Адорно (1903–1969) и Макс Хоркхаймера (1895–1973). Это заставляет его трактовать взаимосвязь ментального образа и технического

артефакта прежде всего сквозь призму темпоральности. Стиглер, безусловно, углубляет критику Франкфуртской школы: он признает их прозрение об «индустриальном схематизме», но справедливо указывает, что Адорно и Хоркхаймер ошибочно свели его к манипуляции сознанием, упустив конституирующую роль третичных ретенций [7, p.74]. Именно промышленное производство, по логике Стиглера, порождает новый тип таких удержаний, подчиненный рыночной рациональности. Тем не менее, опираясь на феноменологию Гуссерля времени и акцентируя экзистенциальную укорененность схематизма (формирующего субъекта из наличного), Стиглер остается в границах кантовской постановки вопроса. Его анализ воспроизводит традиционный примат временной синхронизации над пространственной организацией в осмыслиении коэволюции становящегося сознания и артефактов, через которые оно структурирует само себя.

Мы предлагаем развить иную концепцию практической схемы, опираясь на логику мысли Симондона. Если влияние Симондона на Стиглера в вопросе изобретательства действительно существенно, то сама постановка проблемы должна выйти за пределы традиционного схематизма воображения. По нашему прочтению, Симондон в различных аспектах своего творчества [8,9,10] артикулирует принципиально иную модель «схематизма». Ее оригинальность заключается в неразрывной связи с генезисом изобретения и в раскрытии типологии модальностей существования схемы как способа индивидуализирующего познания-действия. Суть не в простом утверждении одновременного возникновения схемы и образа, но в понимании специфической динамики их взаимосвязи. Именно вовлекаясь в эту динамику, индивид осуществляет свою когнитивно-практическую индивидуализацию, становясь познающим субъектом через действие и действующим субъектом благодаря познанию. Техническое изобретение у Симондона, таким образом, предстает не как акт субъективной воли, но как результат сложных отношений соучастия, взаимного приспособления и вовлеченностя между изобретателем и окружающими его техническими объектами. Схема в этом контексте первично есть не ментальный конструкт, а операция, осуществляемая внутри материальных вещей и посредством них. Наша ассоциированная среда обитания, следовательно, образует генеративное поле уже действующих прообразов (схем), которые могут быть реинтегрированы для порождения новых эффектов. Воображение же раскрывается как способность внимания к имманентным схемам объектов. Воображение – это не просто способность к инновациям или порождению презентаций. Помимо ощущений, это также способность распознавать в объектах определенные латентные паттерны. Эти паттерны не утилитарны, не сводимы к непосредственной чувственности или чистой геометрии, не принадлежат ни исключительно материи, ни исключительно форме, но обитают в этом промежуточном измерении схем [8, p.73-74].

Симондон радикально переосмысливает статус воображения: оно утрачивает положение автономной внутренней способности субъекта, превращаясь в практику, распределенную в материальном мире. Воображение обретает трансдуктивный характер, выступая как «особая форма восприимчивости» [8, p.74]: его конфигурация возникает из вещей, точнее, из операционных режимов, реализуемых материальными объектами. В этом случае необходимо переосмыслить концепцию Симондона через призму практики дизайнера. Эта изобретательская способность проявляется единообразно в любой проектной деятельности, будь то конструирование книжной полки в домашних условиях или разработка инновационных транспортных систем в конструкторском бюро. Следует отметить, что уже у Канта вопрос о схематизме был вопросом дизайна. Причем схема

изначально была методом, способом «конструирования» объектов. Поэтому наша цель – не превратить дизайн в деятельность разума, а показать его как практику, активирующую изобретательные способности через взаимодействие со схемами, имманентными вещами. В связи с этим центральный вопрос формулируется так: как возможна практика изобретения? Каким образом объяснить процесс генезиса нового, сохранив его специфику, а именно симондонианской схемы мы предварительно рассмотрим возможное влияние эмпирической психологии рубежа XIX–XX веков на формирование его концепции.

Эмпирическая психология и Бергсон о воображении и усилии

Итак, в своей работе «Воображение и изобретение»^[9] Симондон развивает теорию продуктивного воображения, которое отсылает к кантовскому различению двух типов воображения. Во-первых, к репродуктивному (эмпирическому) воображению, которое функционирует как способность воссоздавать прошлые интуиции через ассоциативные связи. Во-вторых, к продуктивному (трансцендентальному) воображению. Оно создает априорные условия синтеза представлений. При этом, как мы знаем, Кант всегда подчеркивал примат продуктивного воображения: именно оно задает правила, предотвращающие произвольность ассоциаций. Симондон же радикально смещает фокус, выводя проблему продуктивного воображения за пределы трансцендентальной парадигмы. Его подход опирается на традицию эмпирической психологии конца XIX века, где философы и психологи (А. Бине, Т. Рибо, Ф. Польян и А. Бергсон) разрешали апории, унаследованные от ассоциализма И.Тэна^[11].

Указанные авторы помещают проблему изобретательства в эпицентр психологической теории воображения, отстаивая его принципиальное единство вне зависимости от сферы проявления, будь то искусство или техника. Такой подход сознательно отвергает дихотомию «художник или инженер», утверждая, что творческий акт поддается осмыслению в рамках единой концепции воображения^[12]. Данное направление эмпирической психологии формируется как прямой ответ на ассоциализм Тэна, трактовавшего ментальные образы исключительно как фрагменты прежних ощущений^[11,р.16]. Согласно Тэну, воображение генерирует новое лишь через комбинаторику существующих образов. Эта теория содержит три фундаментальных ограничения. Во-первых, поскольку это механистическая теория воображения, ассоциационизм не может объяснить создание действительно новых образов, всегда основанных на возрождении. Во-вторых, ассоциационизм подчиняет воображение разуму посредством чистых логических законов ассоциаций, тем самым не позволяя себе уловить его специфику. В-третьих, он постулирует определенный упадок образов, которые изменяются только композиционно, нейтрализуя динамическое измерение воображения. Вот почему психология, стремясь преодолеть ограничения ассоциализма Тэна, развивает представление о воображении как о динамическом процессе. Теодюль Рибо в «Очерках о творческом воображении» утверждает, что его основу составляет «принцип единства», не подчиненный разуму, но имеющий интеллектуальную и эмоциональную природу^[13,р.66]. Поль Сурью (1852–1926) в «Теории изобретений»^[12,р.4] также отрицает, что изобретение – продукт аналитической мысли или реализация готовой идеи. Одновременно акцентировалась роль усилия, практического интеллекта и внимания (Вюрцбургская школа, А. Бине)^[14,р.81], что подготовило почву для оперативного подхода, фокусирующегося на самом действии мышления и изобретения. Кроме того, именно в этом русле Анри Бергсон (1859–1941) разрабатывает ключевую для Симондона концепцию «динамической схемы».

В своей статье 1902 года «Интеллектуальные усилия»^[15] Бергсон вводит понятие «динамической схемы» для объяснения творческого воображения, которое не укладывается в рамки ассоциационизма с его статичным представлением о психических процессах. Бергсон исследует высшую форму интеллектуального усилия, связанную с актом изобретения в искусстве или технике. Эта уникальная для его творчества концепция, а именно «концептуальный гапакс» (от др.-греч. $\square\pi\alpha\xi\lambda\epsilon\gamma\mu\epsilon\nu\omega\nu$ – «только раз названное»), который появляется только в этой работе для решения конкретной проблемы изобретательского воображения. Проиллюстрировать ее Бергсон помогает на примере шахматиста, ведущего несколько партий. Оспаривая взгляд Тэна, что игрок оперирует серией фиксированных «снимков» позиций, Бергсон, развивая мысль Бине, утверждает: в сознании сохраняется не статичный образ, а динамическая схема всей игры. Эта схема фиксирует не внешний вид фигур, а их функциональные возможности («силу», «масштаб», «ценность») и, главное, отношения между этими силами. Игрок мысленно реконструирует ход игры, опираясь на понимание этих динамических взаимосвязей.

Согласно Бергсону, динамическая схема принципиально отлична от статичного образа. Ее сущность заключается не в содержании отдельных элементов, а в совокупности отношений между ними^[15, р. 161]. Это комплекс временных отношений, предшествующий их пространственной актуализации и конкретизации в виде чувственных образов. Именно в этом качестве схема выступает как порождающее начало для самих образов. Данное представление содержит не столько готовые образы, сколько указание на то, как их следует собрать воедино, направление для их синтеза. Схема – это не результат обединения или фрагментации образов (что, не объяснило бы ее способность к полному восстановлению) и не просто абстрактное резюме их значения. В примере с шахматистом, опирающимся на усилие воспоминания, схема воплощает понимание функциональных сил (типа «косой силы» слона) и динамических связей (союзных или враждебных) между ними, позволяющее реконструировать ход партии, а не хранить фотографические снимки позиций.

Поэтому Бергсон придает «динамической схеме» ключевое значение в акте изобретения, определяя последнее как преобразование схемы в изображение^[15, р. 174]. Этот процесс преобразования наглядно иллюстрируется примером инженера, конструирующего машину. Исходным пунктом является динамическая интуиция желаемой технической операции, сама по себе еще не воплощенная, но функционально целостная. Эта интуиция, оформленная как схема (например, принцип преобразования энергии или передачи движения) поляризует творческое действие изобретателя. Задача заключается в трансформации этой имманентной операциональной схемы в экстериоризированные образы: чертежи, макеты, прототипы. Критически важно, что этот процесс носит итеративный и диалогический характер: возникающие материальные образы (прототип) сами оказывают обратное воздействие на исходную схему, выявляя ее ограничения или потенциал, что ведет к ее модификации. Эта модифицированная схема, в свою очередь, направляет создание новых конфигураций оборудования.

В результате изобретение у Бергсона предстает как цикл взаимопревращений между динамической схемой (имманентный операциональный план) и ее пространственно-образными актуализациями, продолжающийся до достижения функционально удовлетворительного результата. Например, бергсоновский процесс преобразования «динамической схемы» в образы наглядно иллюстрируется примером разработчика, создающего приложение (программное обеспечение) для планирования туристических походов: исходной динамической схемой служит имманентная интуиция функции,

возможность планирования маршрута простым жестом рисования на карте с автоматическим расчетом параметров, которая поляризует творческое действие. Эта схема последовательно экстериоризируется в образы: сначала как мысленные презентации взаимодействия пользователя, затем как эскизы интерфейса и, наконец, как интерактивный прототип в Figma (облачная платформа для дизайна интерфейсов и прототипирования), позволяющий имитировать рисование маршрута. Критически материальные образы прототипа оказывают обратное воздействие на схему, выявляя ее имплицитные ограничения (неопределенность интерпретации «жеста», отсутствие данных о местности и точках интереса), что ведет к модификации исходной схемы. А именно: уточнению концепции «простого жеста» (включение «умной» интерпретации и калибровки под тип похода) и интеграции новых элементов (использование картографических программных интерфейсов (API)). Эта модифицированная схема направляет создание новых конфигураций образов: переработанных эскизов с настройками, обновленного прототипа с кнопкой анализа и кода для работы с API. Итеративный цикл «схема → образ (прототип/код) → обратная связь → модификация схемы → новый образ» продолжается (например, при решении вопроса визуализации снаряжения), пока не будет достигнута функционально удовлетворительная реализация или, по-другому, рабочее приложение, воплощающее и конкретизирующее исходную интуицию через непрерывный диалог имманентного операционного плана и его пространственно-материальных актуализаций.

Таким образом, под «динамической схемой» Бергсон понимает имманентный, синтетический и направляющий импульс самого интеллектуального усилия. Это не объект мысли, а ее динамическая организация, не статичная структура, а вектор становления. Она объясняет творчество не как перекомбинацию старого (статистика ассоциаций), а как порождение нового через направленную активность ума, синтезирующую опыт для решения конкретной задачи в мире. Именно эта концепция стала ключевой для Симондона и его теории индивидуации. Однако хотя Бергсон и определяет изобретение как циклическое преобразование «динамической схемы» в образ и обратно (процесс, в котором и конструируется машина, и развивается сама схема)[\[15, p.175\]](#), такое понимание схемы остается, по мнению Жан-Поля Сартра (1905–1980), неясным ментальным принципом.

Так, в своих ранних работах по феноменологии воображения («Воображение», 1936[\[16\]](#), «Воображаемое», 1940[\[17\]](#)) Сартр решительно оспаривает способность понятия «схема» адекватно выразить операцию воображения, критикуя как бергсоновский подход, так и традицию эмпирической психологии. Он осуждает «непрозрачность» бергсоновской концепции, отмечая, что ее автор не приложил особых усилий, чтобы четко описать схему. Сартр подчеркивает крайнюю неопределенность в трактовке природы схемы у Бергсона: она предстает то как принцип единства, полностью наполненный чувственной материей, то как «очень бедный образ, скелет», то как «оригинальное изображение», сводящее идеальные отношения к пространственным соотношениям. Однако важно отметить эволюцию позиции Сартра: от яростной критики в 1936 году он приходит к частичному включению понятия схемы в свою мысль к 1940 году, после перечитывания Бергсона, ограничив, впрочем, ее роль лишь «простым символическим эффектом».

Фундамент критики Сартром «динамической схемы» лежит в его феноменологической теории воображения. Он утверждает, что Бергсон и представители эмпирической психологии (Рибо, Бине и др.) впадают в одну и ту же роковую ошибку: они постоянно смешивают образ-объект (репрезентируемое содержание) и образ-сознание (интенциональный акт, которым этот объект дан). Такое смешение, по Сартру, неизбежно

приравнивает сознание к простой «вещи» и фактически воспроизводит ассоциалистский жест, сводящий ментальную жизнь к комбинации элементов. Стремясь четко определить «территорию» воображения, Сартр помещает его исключительно в сферу сознания, понимаемого как чистая интенциональность и спонтанность. С этой позиции он радикально отвергает любую возможность того, чтобы «воображающее сознание» могло быть «загрязнено» изначально существующими вне нее «спонтанными образами». То есть предзаданными, независимыми от акта сознания ментальными «картинками» или структурами, каковой, по его мнению, и является неясная бергсоновская схема [16, р. 136]. Для Сартра образ не ассилируется сознанием извне, но конституируется самим сознанием в акте интенции. Любое допущение предсуществующих образов или схем как самостоятельных сущностей разрушает эту фундаментальную чистоту и спонтанность сознания.

Радикальный переворот Симондона: схема как операция

В работе «О способе существования технических объектов» (1958) Симондон определяет их конкретный способ существования через функционирование последовательно, обозначая этот принцип термином «динамическая схема» [8, р. 14–30]. Наша гипотеза заключается в том, что именно эта концепция, к которой Симондон постоянно апеллирует для описания работы технического объекта, предлагает решение проблемы, ранее сформулированной Бергсоном и Сартром. Развивая (и одновременно радикально преобразуя) мысль Бергсона, Симондон противопоставляет свою «динамическую схему» концепции Сартра, отмечая у последнего неясность происхождения самой идеи схемы. Ключевой для Симондона тезис: схема не является прежде всего ментальной реальностью. Она изначально есть характеристика самих технических объектов. Как указывал Бергсон, схема принадлежит машине и лишь, затем относится к инженеру. Однако если Бергсон ограничился определением динамической схемы как «непрерывного преобразования абстрактных отношений, предполагаемых воспринимаемыми объектами» [15, р. 173], то Симондон же придает этому «предположению» фундаментальный статус, делая его основой своего понимания изобретения. Знакомство с техническими схемами происходит в процессе взаимодействия с машинами и их элементами. Этот процесс можно рассматривать с двух взаимосвязанных перспектив. Во-первых, перспектива объекта (машины) через специфику способа существования технических объектов. Во-вторых, перспектива техника через его действия, оперирующими этими схемами.

Стремясь сравнивать и классифицировать объекты по чисто техническим принципам, Симондон противопоставляет понятие «схемы» более распространенному понятию «использования». По его мнению, подлинное техническое знание должно классифицировать объекты не по внешней цели (как их применяют), а по их внутренней логике, соответствующей схеме их функционирования. Возвращаясь к классическому примеру, техническая логика не станет объединять паровой двигатель и пружинный двигатель в одно семейство лишь на основании схожего применения. Вместо этого она выявит, например, реальную аналогию между пружинным двигателем и луком: оба технических объекта основаны на сходной технической схеме – высвобождении накопленной потенциальной энергии. Именно техническая схема, согласно Симондону, лежит в основе изобретения. Говорить о техническом изобретении – значит говорить о той технической реальности (схеме) в рамках которой оно развивается. Однако главным действующим лицом этого становления, этой эволюции не может быть сам конкретный

технический объект в его единичном воплощении. Технический объект, рассматриваемый в данный момент времени, предстает как фиксированный срез, результат текущей стадии индивидуации технической схемы: он не является первичным центром своей индивидуации (как живое сущее), а лишь ее материальным выражением. Сам по себе, как изолированный экземпляр, он не способен к дальнейшей фундаментальной трансформации или эволюции. Эволюционируют же (конкретизируются) сами технические схемы, а не отдельные объекты как таковые, то есть абстрактные принципы их действия. Конкретные объекты являются последовательными временными материальными воплощениями этой эволюционирующей схемы.

Таким образом, техническая схема – это не столько характеристика отдельного объекта, сколько свойство всей технической линии, в которую он включен. Симондон определяет схему как метастабильную «техническую сущность», которая трансформируется в рамках своей эволюционной линии [8, р.42]. Подобно филогенетической линии в биологии, каждая стадия технической эволюции содержит в себе динамические схемы, принципиально способные порождать новые структуры [8, р.20]. Именно схема, согласно логике Симондона, лежит в основе эволюции технических структур, выступая формирующей единицей их родословной. Она никогда не является полностью завершенной, но несет в себе потенциал для реализации в новых структурах, которые еще предстоит создать. Как отмечает Симондон, техническая сущность проявляется в том, что она остается метастабильной на протяжении эволюционной линии. И не просто метастабильной, но и продолжающей порождать структуры и функции посредством внутреннего развития [8, р.43]. Эта внутренняя способность к развитию и отличает схему как движущую силу технической эволюции. Кроме того, чтобы понять, как трансформируется и развивается схема как «техническая сущность», важно учитывать ее трехуровневую структуру. Во-первых, историческая схема стабилизирована в конкретной структуре (например, шаровой обратный клапан здесь и сейчас). Во-вторых, линейная схема выражает метастабильность схемы в пределах одной технической линии (например, линия обратных клапанов в целом). В-третьих, чистая схема (или абстрактная схема) способна транспонироваться между различными линиями. То есть Симондон определяет третий уровень схемы, отличный от исторического и линейного уровней: «Выше этого рода существует чистая схема функционирования, которая может быть перенесена в другие структуры» [8, р.42]. Чистая схема описывает общий принцип работы клапана, а именно обеспечение асимметричного потока. В результате эта чистая схема является общей для различных линий, таких как линия механических клапанов (обратные клапаны) и линия органических клапанов (сердце, артерии и вены). При этом кровеносные сосуды сами обеспечивают асимметричный поток крови. Чистая схема позволяет охарактеризовать общую операцию уже не в рамках одной линии, а между разными линиями, что способствует созданию транслинейного технического сообщества.

Можно отметить, согласно логике Симондона, чистая схема зарождается в доиндивидуальном состоянии бытия. Симондон рассматривает реальность как изначально доиндивидуальную. Это состояние, насыщенное потенциалом, напряжениями и диссонансами, но лишенное оформленных стабильных индивидуальностей, как технических, так живых и психических. Это фон, из которого возникает всякая индивидуация [8, р.247-248]. В этом доиндивидуальном поле возникают проблемные ситуации, диссонансы, метастабильности. Чистая схема – это не готовый план или идея, а скорее потенциал разрешения, направление возможной организации, зарождающееся в ответ на эти напряжения. Она представляет собой абстрактный принцип действия, который может разрешить диссонанс и привести к появлению новой индивидуальности.

Важно подчеркнуть, что чистая схема у Симондона не является трансцендентной платонической формой или априорной идеей. Она имманентна самой доиндивидуальной реальности, ее напряжениям и возможностям. Она не предшествует материи логически, а возникает из ее внутренних динамик как возможный путь их гармонизации^[8, р.48-49]. Чистая схема – это абстракция. Для того, чтобы она реализовалась, она должна материализоваться, вступить во взаимодействие с конкретной средой (материалами, энергиями, другими системами). В процессе этой материализации и последующей конкретизации (разрешения внутренних диссонансов самой схемы в ее новом воплощении) чистая схема утрачивает свою «чистоту» и абстрактность, становясь конкретной функциональной структурой технического объекта или иной индивидуальности.

Кроме того, способность чистой схемы к транспозиции позволяет определить ее как «трансдуктивную». Трансдукция – это операция, которая развертывается, начиная с этой схемы. Схема задает логику становления, динамический принцип, по которому доиндивидуальное поле будет структурироваться, разрешая свои напряжения и порождая новую индивидуальность (технический объект, живое сущее, психический акт). Поэтому трансдукция – это способ бытия, который не сводится ни к индукции (от частного к общему), ни к дедукции (от общего к частному), ни к простой причинности. «Это операция физическая, биологическая, ментальная, социальная, посредством которой активность распространяется от элемента к элементу внутри некоторой области, основывая это распространение на структурировании области, осуществляющем от места к месту, где каждый участок сложившейся структуры служит принципом конституирования для следующего участка»^[8, р.30-31]. Это саморазвивающийся процесс, где каждая фаза является одновременно условием и результатом. Иными словами, трансдукция подчеркивает динамический процессуальный характер становления (жизни, сознания, технической схемы). Акцент на движении, операции, развертывании. Чистая схема – это начальный момент трансдуктивного процесса индивидуации.

Анализируя историческую схему конкретного объекта с опорой на логику Симондона, можно выявить «реальную аналогию» или, по-другому, фундаментальный принцип работы, который можно перенести на принципиально иные структуры. Сам Симондон демонстрирует это, сопоставляя, например, пружинный двигатель (в часах) и лук: несмотря на разницу в материальном воплощении, оба артефакта реализуют одну и ту же чистую схему – накопление потенциальной энергии с последующим ее высвобождением через спусковое устройство. Аналогично «схема релаксации» описывает общий принцип работы как прерывистого фонтана, так и патологического тремора при болезни Паркинсона^[8, р.219]. Этот метод познания через аналогию и транспозицию схем Симондон в статье «Технический менталитет» определяет как особый (единственный в своем роде) способ мышления. Технический менталитет опирается на аналоговый перенос и парадигмы, выявляя общие режимы функционирования в самых разных порядках реальности – живом и неживом, человеческом и нечеловеческом^[10, р.296]. Хотя в этой работе Симондон прямо не связывает такой менталитет с созданием новых структур, однако именно аналоговое знание схем («техническое мышление») является необходимым условием изобретательской способности. Следовательно, способ познания, подразумеваемый техническим мышлением, является условием изобретательской способности.

Поэтому для техника, стремящегося к изобретению, знание схем и их трансдуктивного потенциала выходит за рамки чистой концептуализации. Понимание технической схемы у

Симондона – это не теоретическая рефлексия, а синкетический акт, одновременно когнитивный (схватывание логики функционирования), аффективный (эмоциональный резонанс с диссонансами объекта) и оперативный (сенсомоторное воплощение в практике). Другими словами, изобретение требует не рационального расчета, а «схватывания» динамики схемы через: когнитивный резонанс, аффективную вовлеченность и сенсомоторный опыт. Только через эту триединую модальность схема «оживает»: она моделируется в мышлении, переживается как напряжение и направляет телесное взаимодействие с технической реальностью. Это знание рождается в непосредственном контакте с объектом: наблюдение, разборка и сборка простых машин раскрывают их внутреннюю логику. Однако для сложных систем ручные методы недостаточны. Их схема постигается через диаграмматизацию и моделирование (например, численные симуляции), где многократное «проигрывание» метастабильного функционирования заменяет физический контакт, формируя иное, но равноценно резонирующее понимание. В результате Симондон, чтобы охарактеризовать такое соотношение, говорит об «изодинамизме». Между техником, который изобретает, и работающей машиной существует взаимосвязь изодинамизма. Изобретать – значит заставлять свою мысль функционировать так, как может работать машина: ни в соответствии с причинной связью слишком фрагментарной, ни в соответствии с единой целью, но в соответствии с динанизмом пережитого функционирования, захваченного, потому что произведенного, сопровождаемого в его бытии [8, р. 138].

Вместе с тем аффективный резонанс при познании технической схемы принципиально зависит от типа объекта и масштаба телесного вовлечения. Симондон различает ремесленные схемы, соразмерные телу (например, знание свойств резца при работе с деревом), где инструмент становится продолжением сенсомоторного опыта. Например, ремесленник создает свое тело как «среду, связанную» с его функционированием [8, р. 34]. Здесь аффективность рождается из непосредственной интеграции схемы в телесность. Напротив, для промышленных схем (двигатель, мост), которые превышают телесный масштаб, прямое включение невозможно. Их аффективная модальность возникает через опосредование диаграммами, чертежами, моделями и симуляциями. Хотя Симондон не развивал эту тему детально, именно такая схематизация позволяет технику «вкладывать» тело в процесс, сохраняя аффективную связь с объектом, где человек присутствует не как центр, а как резонирующий оператор. Эта типология раскрывает нераздельность когнитивного, аффективного и оперативного измерений. Практическая схема всегда сенсомоторна: знание формируется через разборку, сборку, разрушение и моделирование объектов, превращая когнитивный акт в телесно-оперативное взаимодействие. Симондон определяет такой синтез как техническую интуицию, а именно совпадение становления познающего и становления познаваемого [8, р. 36]. Это знание-действие, отличное и от чувственного восприятия, и от абстрактного расчета, возникает из резонанса с имманентным динанизмом технической реальности. Если интуиция объясняет познание схем, то ключ к изобретению лежит в ее способности выявлять метастабильности материала и направлять их конкретизацию через трансдукцию.

Таким образом, знание технических схем формируется синхронно в трех измерениях – когнитивном, аффективном и оперативном – через совместную эволюцию познающего субъекта и познаваемого объекта. Для обозначения этого специфического модуса познания, трансцендирующего оппозицию интеллектуального и чувственного, Симондон вводит термин «интуиция». В этом случае интуиция не является ни чувственной, ни интеллектуальной. Она есть аналогия между становлением познающего и становлением познаваемого, или, по-другому, совпадение двух становлений [8, р. 36]. Именно эта

практическая интуиция, укоренная в имманентном динамизме технической реальности, питает развитие технического мышления, чувствительного к схемам, действующим в среде. Если интуиция раскрыта здесь как инструмент постижения объектов, то центральным остается вопрос: как это резонирующее знание трансформируется в акт изобретения?

Ключевой механизм этого преобразования раскрывается в трансдуктивной природе технических схем, чья способность к междисциплинарному переносу операционных принципов порождает новые технические фазы индивидуации. Реабилитируя аналогическое мышление как двигатель инновации, Симондон противопоставляет: (1) статическую аналогию (формальное сходство структур), (2) операционную аналогию – трансверсальное сопоставление динамических схем функционирования, служащее не объяснению гомологий, а созиданию через перенос имманентной динамики. Иллюстрацией служат транспозиции: принципа регуляции потока (кровеносный сосуд → искусственный клапан), коммутации сигналов (пневматический распределитель → электромеханическое реле), бинарного кодирования (ткацкий станок Жаккара → компьютерные перфокарты)[\[8, p.48-49\]](#). Гносеологический императив требует не узкой специализации, но схематического воображения, прослеживающего линии силы через материальные домены: от гидравлики к нейробиологии, от механики лука к пружинным двигателям. Следовательно, изобретение возникает из резонансного взаимодействия с технической реальностью, где когнитивно-аффективное схватывание изодинамизма систем. Например, электромеханические колебания позволяют конкретизировать метастабильности через материализацию схем.

Заключение

Симондонианская концепция схематизма воображения побуждает нас переосмыслить само понятие «схемы». Подобно кантовской схеме, она действует как генератор образов и структур. Однако ее реальность двойственна: одновременно идеальная и материальная. Схема материальна постольку, поскольку существует лишь через свою актуализацию в конкретных технических объектах. В то же время она идеальна как «чистая схема» так как является общим принципом функционирования, присущего различным аналогичным структурам. Но эта идеальная схема – не неизменный принцип. Она находится в постоянном становлении, трансформируясь с появлением каждой новой материальной структуры. В результате генеалогия технических объектов – это не просто их перечисление, а путь индивидуализации одной и той же схемы. При этом, будучи идеальной, схема не является концептуальной сущностью или чистым продуктом сознания. Она возникает из определенного взаимодействия, участия во внешней реальности. Следовательно, техническое изобретение никогда не основывается лишь на предписывающем человеческом замысле. Оно – результат сотрудничества между изобретателем и технической реальностью: «Изобретатель исходит не из ничего или из бесформенной материи, а из уже существующих технических элементов»[\[8, p.74\]](#).

Схематизация у Симондона возникает исключительно из практического сотрудничества человека и техники, где ключевую роль играет телесное взаимодействие («сенсомоторное участие»). Эта схема связывает когнитивные и технические элементы («когнитивную схему» и «техническую схему») не через абстрактное мышление, а через непосредственное аффективное и когнитивное отношение к динамичной

пространственной реальности. Она не сводится к простой временной синхронизации (как «удержание»), а укоренена в активном практическом опыте тела, взаимодействующего с миром. В результате симондианская схема действует в противоположность кантовской: вместо подчинения опыта априорным структурам разума, она сама открывает мысль через практический опыт, конституируя объект из динамического взаимодействия реальности (сети объектов, ветвящиеся линии) и самой подвижной мысли. Отсюда следует, что по сравнению с Кантом Симондон радикально переосмысливает соотношение общего и частного, а также природу познания. Если для Канта общность и универсальность заключены в субъективных схемах воображения, а объект предоставляет частное (единичную интуицию), то у Симондона общность схемы проистекает из ее трансцендентально-линейного характера (ее способности к переносу в сети объектов), в то время как мысль всегда направлена на конкретное изобретение. Этот схематизм принципиально отличается и от кантовского воображения: изобретательская способность для Симондона – это не рефлексивное суждение, оценивающее частное, а практическое отношение, форма знания, неотделимая от аффекта и действия. Изобретение есть прежде всего сенсомоторное вовлечение в мир вещей, а не дискурсивный акт суждения.

Итак, завершая путь от воображения к способу существования технических объектов, мы сталкиваемся с решающим синтезом в лекциях 1965–1966 годов: понятие «схемы» эволюционирует в «образ-объект». Это не просто смена терминов, а фундаментальное расширение горизонта понимания. В «Способе существования технических объектов» «техническая схема» фиксирует чисто функциональную логику артефакта. В «Воображении и изобретении» «образ-объект» объемлет целостное бытие техники, имманентно сплетая ее техническое измерение с аффективно-эмоциональным, эстетическим, конативным и психосоциальным. Вот почему изобретение перестает быть исключительно рациональным конструированием функции. Оно становится актом восприятия и раскрытия смысла, воплощенного в объектах-образах, их способности вызывать образы, а также перспективы для них нового существования. Воображение обретает свою подлинную силу не в изолированном разуме, а в практическом отношении к этим внешним факторам («образам-объектам»), которые заставляют думать и заставляют изобретать, пробуждая их воображаемую полноту через эстетический и технический анализ, возможно даже транспозицию. Это динамическая реальность, всегда несущая в себе потенциал («заряд изобретательности») для возрождения и новых конфигураций.

Таким образом, Симондон осуществляет радикальный пересмотр самой природы схематизма, совершая решающую инверсию по отношению к Канту. Его «схема» (позднее «образ-объект») – это не трансцендентальное правило, навязываемое разумом опыту. Она является оперативной матрицей, имманентно возникающей из оперативного соучастия (совместного функционирования) человека и техники. Это продукт и двигатель их совместной эволюции. Мысль не подчиняет техническую реальность через априорные схемы. Напротив, через схему (как интерфейс) она вступает в динамическое взаимодействие (практическое отношение, сенсомоторное вложение) с имманентной логикой развивающихся технических систем («сетью объектов», «ветвлением линий»). Это знание есть «оперативное знание» – «знание-аффект-действие», не сводимое к рефлексивному суждению. Философский вклад Симондона здесь фундаментален: он утверждает онтологический и эпистемологический примат операции, отношения и процесса индивидуации над субстанциализмом и трансцендентализмом. Оперативный схематизм Симондона предлагает исключительно плодотворную модель для осмыслиния современной технической динамики, такой как цифровые среды и искусственный

интеллект. В этих системах изобретение и адаптация происходят через непрерывное взаимодействие с имманентной логикой саморазвивающихся объектов-систем, признавая их активную роль и достоинство в становлении реальности. Симондон дарует оперативному отношению и техническому объекту в его целостности онтологическое достоинство.

Библиография

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
2. Longuenesse B. Kant and the Capacity to Judge. Princeton: Princeton University Press, 1998. 420 р.
3. Heidegger M. Kant and the problem of metaphysics. Indiana University Press, 1962. 255 р.
4. Саяпин В.О. Рекурсия как способ самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2023. № 3 (49). С. 62-67. EDN: SRUPMZ
5. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V A C Press, 2020. 400 с.
6. Саяпин В.О. Контингентность и метастабильность как концепты самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2024. № 2. С. 47-53. EDN: XRPMKZ
7. Stiegler B. La Technique et le temps 3. Le temps du cinéma et la question du mal-être. Paris: Galilée, 2001. 329 р.
8. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 р.
9. Simondon G. Imagination et invention, 1965–1966. Paris: PUF, 2014. 206 р.
10. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: PUF, 2014. 460 р.
11. Taine H. De l'intelligence. Т. 1. Paris: Hachette, 1870. 1000 р.
12. Souriau P. Théorie de l'invention. Paris: Hachette, 1881. 156 р.
13. Ribot T. Essai sur l'imagination créatrice. Paris: Alcan, 1900. 313 р.
14. Binet A. L'Étude expérimentale de l'intelligence. Paris: Schleicher frères, 1903. 309 р.
15. Bergson H. L'énergie spirituelle: essais et conférences. Paris: Presses universitaires de France, 1941. 214 р.
16. Sartre J.-P. L'Imagination. Paris: Presses universitaires de France, 1936. 162 р.
17. Sartre J.-P. L'Imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. Paris: Routledge, 1940. 234 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается функционирование понятия «схема» в концепции Ж. Симондона. В качестве «противообраза» этой концепции автор статьи избирает учение И. Канта о схематизме чистых понятий рассудка. Следует заметить, что для того чтобы в историко-философских исследованиях (да и в истории культуры в целом) сравнение оказалось эффективным методологическим приёмом, необходимо не только наличие у сравниваемых объектов как сходных, так и различающихся черт, но и

то, чтобы обнаруженные сходства и различия выявляли существенные черты философских концепций, эпох в истории культуры и т.п. В этой связи принципиально важным оказывается обоснование целесообразности состоявшегося выбора сравниваемых феноменов. Нельзя сказать, что автор совсем не видит этой проблемы, но ей посвящены лишь несколько строк введения. В самом деле, почему концепция Симондона, которая интересует автора, должно сравниваться именно с учением Канта? Только потому, что в обоих случаях присутствует термин «схема»? Этого указания явно недостаточно хотя бы потому, что один и тот же термин (как в нашем случае) может отражать разные понятия, а, с другой стороны, и близкие учения, сравнение которых способно оказаться эффективным способом раскрытия их неочевидного содержания, могут быть представлены читателю посредством несовпадающих «категориальных сеток». В данном случае, если мы посмотрим на последний абзац заключения, то увидим, что преобладают всё же именно различия, речь идёт просто о разных учениях, которые в силу некоторых обстоятельств «пересеклись» в одном термине. В целом складывается впечатление, что то, что автор рассказывает о Симондоне «в связи с Кантом», он мог бы представить и безотносительно к учению немецкого философа. Данное критическое замечание не ставит под сомнение очевидные достоинства статьи – основательность анализа, широкую эрудицию автора и т.д., однако, было бы целесообразно скорректировать (хотя бы во введении к статье) текст таким образом, чтобы читатель увидел необходимость привлечения именно кантовского учения о схематизме понятий в контексте рассмотрения соответствующей концепции Симондона. Язык и стиль работы в целом соответствуют требованиям, предъявляемым к научным публикациям, хотя и в этом отношении коррективы возможны («в этом случае такое сближение...», «То есть краткая постановка...», – предложение не следует начинать с «то есть!» и т.п.). Необходимо также расширить список используемых источников. В частности, учение Канта о схематизме понятий многократно анализировалось отечественными историками философии, и странно, что автор оставляет без внимания эти известные публикации. Рекомендую принять статью к печати.

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Татищев А.А. Постантропоцентрическая модель развития гуманитарных наук // Философия и культура. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76352 EDN: JHRQFR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76352

Постантропоцентрическая модель развития гуманитарных наук**Татищев Александр Андреевич**

ORCID: 0009-0001-2703-496X

ассистент; кафедра теории и истории культуры; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48

[✉ ksandr.taiev@gmail.com](mailto:ksandr.taiev@gmail.com)[Статья из рубрики "Философия науки и образования"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76352

EDN:

JHRQFR

Дата направления статьи в редакцию:

20-10-2025

Аннотация: В статье рассматривается становление постгуманитарной модели научного познания, формирующейся на фоне кризиса классической гуманистики, когнитивного капитализма и процессов постчеловеческой конвергенции. Особое внимание уделяется переходу от гуманистических и антропоцентрических эпистемологических парадигм к постгуманистическим и постантропоцентрическим подходам, основанным на трансверсальности, множественности и реляционных формах субъектности. Анализируется трансформация дисциплинарной структуры науки, в рамках которой пересматриваются границы между гуманитарными, социальными и естественными дисциплинами за счёт включения в поле исследования нечеловеческих агентов – животных, технологий, медиасред и экологических систем. Обосновываются философские и методологические основания постгуманитарного подхода, включая онтологию витального неоматериализма, принципы реляционности и трансверсальности, а также критику универсалистских представлений о научной объективности и валидности. Выделяются ключевые категории, такие как дефамилиаризация, номадизм,

аффективность и экософия, формирующие новые когнитивные и образовательные модели. Методологическая основа исследования опирается на широкую постантропоцентрическую оптику, включая постдисциплинарный и трансверсальный подходы. Используются философско-герменевтический и критический дискурс-анализ, а также сравнительный метод. Научная новизна исследования заключается в уточнении методологических оснований постгуманитарных наук и в обосновании понятия трансверсальности как принципа организации современного гуманитарного знания. В работе раскрывается потенциал постгуманитаристики как формы критического номадического мышления, соединяющей онтологию витального неоматериализма с аффirmативной этикой и экологической чувствительностью. Предлагается авторская интерпретация постгуманитарной парадигмы как перехода от дисциплинарного гуманизма к реляционным и экософским моделям знания, где субъект познания мыслится как множественная, распределённая, аффективная и ответственная сборка. Отмечаются как продуктивные возможности постгуманитарной перспективы – расширение горизонтов знания, переосмысление субъекта и этики, – так и потенциальные риски: методологическая фрагментация, десубъективизация исследователя и воспроизведение гегемонистских установок под видом критического дискурса.

Ключевые слова:

философия науки, гуманитарные науки, постгуманитарные науки, постантропоцентризм, постгуманизм, трансверсальность, неоматериализм, номадический субъект, Рози Брайдотти, критические исследования

Введение

Антropологический кризис и современное постчеловеческое состояние нашей цивилизации, вызванное технонаучным характером современной глобальной экономики, повлекли серьезные последствия для научной сферы, в особенности для гуманитарных наук. Как отмечают исследователи, сегодня в капиталистических обществах можно встретить ситуацию, в которой гуманитарные науки оказались выведены из профессиональной сферы исследований и были опущены до уровня «неточных» наук, что вызывает высокий риск исчезновения гуманитаристики из европейских университетских программ [\[1, с. 25\]](#). При этом и сами университеты как институция сегодня часто обвиняются в непродуктивности, нарциссизме и старомодности, а также оторванности от современной научно-технической культуры [\[1, с. 293\]](#).

В то же время секулярность, универсализм, идея унитарного субъекта и примат рациональности, составляя ядро гуманизма, послужившего основанием для классической науки, одновременно выявляют и её внутреннюю уязвимость: то, что претендовало на универсальное, оборачивается формами скрытого догматизма. История науки демонстрирует, как её достижения и методы оказывались инструментализированы в рамках фашистских и колониальных проектов, что делало её соучастницей националистических [\[2\]](#), расистских [\[3\]](#) и гегемонистских [\[4\]](#) дискурсов. Негативные диалектические процессы секуляризации, натурализации и расового определения «других» воспроизводили режимы частичного знания и полуправды, институционализируя практики исключения и маргинализации [\[1, с. 56\]](#). Критика также подчеркивает, что классические гуманитарные науки пронизаны структурным антропоморфизмом, европоцентризмом [\[5\]](#) и «методологическим национализмом» [\[6\]](#).

Подобные эпистемологические слепые зоны не только формируют их устойчивую враждебность к естественным наукам и технике, но и блокируют способность учитывать культурное и геополитическое многообразие. Более того, подобная оптика делает гуманитарное знание неспособным отвечать на вызовы цифровой эпохи, укрепляя его в пределах дисциплинарной замкнутости.

Таким образом, одним из главных парадоксов сегодняшней эпохи становится напряжённость между необходимостью срочного поиска новых альтернативных форм политического и этического действия в насыщенном технологическом мире и инерцией закрепившихся привычек. В этой перспективе современная наука нуждается в экспериментальной и трансгрессивной активности мышления, способной соединить критику с творчеством и утвердить теорию как форму организованного отчуждения от господствующих ценностей и норм.

Целью настоящего исследования является философско-теоретическое обоснование постгуманитарной модели научного познания и выявление её методологических оснований в контексте трансформации современного гуманитарного знания. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1. Определить концептуальные предпосылки перехода от антропоцентрической к постантропоцентрической парадигме науки;
2. Проанализировать влияние постчеловеческой конвергенции и когнитивного капитализма на эволюцию гуманитарных дисциплин и системы образования;
3. Раскрыть принципы трансверсальности, реляционности и множественности как методологические основания постгуманитаристики;
4. Рассмотреть роль нечеловеческих агентов в формировании новых форм знания;
5. Выявить философско-этические последствия постантропоцентрического поворота для понимания субъекта и ответственности исследователя.

Объектом исследования выступает современная гуманитарная наука в условиях постчеловеческой конвергенции, а предметом — постгуманитарная модель познания как новая эпистемологическая конфигурация, формирующаяся на пересечении науки, философии и технологий. Методологическая основа исследования строится на сочетании философско-герменевтического, критико-дискурсивного и сравнительного подходов. Философско-герменевтический метод позволяет реконструировать смысловые контуры постгуманитарной мысли, выявляя её связь с традицией критической теории, философией постгуманизма и нового материализма. Критический дискурс-анализ используется для выявления ключевых нарративов постантропоцентрического поворота, определяющих изменение эпистемологических установок и понятийного аппарата гуманитарного знания. Сравнительный метод направлен на сопоставление гуманистической и постгуманитарной моделей науки, что позволяет проследить сдвиг от антропоцентрической парадигмы, основанной на универсализме и автономии субъекта, к постантропоцентрической, реляционной и трансверсальной эпистемологии.

Таким образом, исследование направлено на системное осмысление постгуманитаристики как критической теории, переопределяющей границы гуманитарного знания и формирующими новые основания для философской рефлексии науки, техники и культуры в эпоху постантропоцентризма.

Постантропоцентрический контекст развития гуманитарного знания

Наблюдаемый сегодня распад антропоцентризма и крах гуманизма вызвали смещение

дискурсивных границ и категориальных различий, которые также приводят к внутреннему расколу гуманитарных наук. Как отмечают представители постгуманизма, традиционное самовосприятие «Человека» способствовало развитию эгоцентризма как образа мышления, что «извратило» практику гуманитарного познания, превратив его в опыты по иерархическому исключению и культурному господству. Поскольку понятие «Человека» является не нейтральным термином, а особым индексом доступа к власти и привилегиям, традиционные гуманитарные науки приняли и встроили гуманизм как нормативную эпистемологическую структуру, используя формы универсалистских, европоцентрических, гетеронормативных и маскулинных мировоззрений [7]. Ограниченностъ этих встроенных предпосылок была выявлена за последние десятилетия не только социальными движениями, но и критическими дискурсами, междисциплинарными областями, принявшими форму так называемых «исследований» и предложившими иные определения «человеческого»: женскими, постколониальными, этническими, расовыми и культурными. Все они предприняли попытку сформировать новое знание о тех, кто был до того времени не включен в категорию «человеческое» или структурно от нее отличался.

Сформированные радикальные эпистемологии и новая критическая теория, сместив внешние дисциплинарные границы в гуманитарных науках, ввели новые темы и методологии, которые помогли раскрыть скрытый гуманизм и европоцентризм, ставя под вопрос принципы и достижения европейского реализма, а также его роль в проекте западного модерна, раскрывая схожесть рациональности и насилия, научного прогресса с одной стороны и практик структурного разрушения и исключения — с другой [8, с. 1183]. Предлагая небинарный, многовекторный способ анализа функционирования науки, философии и искусства с точки зрения социально исключённых групп, и опираясь на жизненный опыт как основание знания и способ понимания, эти дискурсы акцентировали внимание на вопросах власти, утверждая, что «Человек» является исключающей категорией, которая структурировала собственное гегемонистское самопонимание путём иерархизации различий.

Д. Чандлер также утверждает, что после антигуманистического поворота М. Фуко традиционная организация университета с разделением на факультативные структуры оказалась подорвана ростом новых дискурсивных сфер [9]. В конечном итоге умножение дискурсов стало как угрозой для классического университетского гуманитарного образования, так и возможностью для развития таких методологических инноваций, как критический генеалогический подход, позволяющий углубить риторику об антропологическом кризисе. Если гуманитарные науки, основанные на догматах классического гуманизма, должны были отличаться способностью гуманизировать ценности, социальное поведение и гражданские отношения, что подразумевало моральную ответственность и заботу о благосостоянии ученых, студентов и граждан, то предметом междисциплинарных исследований сегодня становятся катастрофы Новой и Новейшей истории. Это, по мнению, Р. Брайдотти, является институциональным ответом на наблюдавшиеся бесчеловечные явления постантропоцентрических перемен — в эпоху войны с терроризмом, массовой миграции, роботизированного оружия и дронов, которые используются в высокотехнологичных глобальных конфликтах [1, с. 283–284].

При этом преодолевая ограничения антропоцентризма и разрушая иерархию биологических видов, фигура человека рискует остаться без опоры и ориентиров, лишая сферу гуманитарных наук необходимых эпистемологических оснований. Дополнительное напряжение в этой ситуации связано с формированием новых человеко-нечеловеческих связей, представляющих собой сложные интерфейсы между биологическими

организмами и техническими устройствами. Однако, как отмечает Брайдотти, подобный технологизированный постантропоцентризм, напротив, может использовать информационные и телекоммуникационные технологии, а также технологии новых медиа, чтобы обновить гуманитарные науки, поскольку постчеловеческая субъективность неизбежно формирует идентичность гуманитарных практик, обращая внимание на гетерономию и множественную реляционность вместо автономии автореферентного «дисциплинарного пуризма» [1, с. 279]. В этой перспективе антропоцентрическое ядро гуманитарных наук должно смениться конфигурацией комплексных знаний, преимущественно из исследований науки и техники, что открывает возможность выхода на новое глобальное экософское измерение.

Сегодня эволюционные, экологические, когнитивные, биогенетические и цифровые исследования продолжают выходить за рамки дисциплинарных границ классических гуманитарных наук, формируя постантропоцентрическое представление о технологизированной Жизни как о зоо-центричной эгалитарной системе биологических видов. Одновременно наблюдается стремительный рост экогуманитарных исследований, фиксирующих геологическое воздействие человеческой деятельности [8, с. 1188]. В этом контексте на Западе складываются новые междисциплинарные области, такие как «устойчивая гуманитаристика» [10] и «гуманитаристика антропоцен» [11], которые вводят значимые методологические и теоретические инновации, свидетельствующие о завершении эпохи денатурализованного социального порядка, оторванного от экологического и органического оснований. Параллельно развивается богатое терминологическое поле: в оборот входят новые неологизмы и смежные направления, среди которых медицинские, био-, нейро- и эволюционные гуманитарные науки. Расширяется и спектр практико-ориентированных подходов — от «публичных гуманитарных наук» к «гражданским», «коммунальным», «трансляционным», «глобальным» и «расширенным» их формам. Особого институционального оформления достигли «цифровые гуманитарные науки» [12], также известные как «вычислительные», «информационные» или «дата-гуманитарные». Их истоки также чрезвычайно многообразны — от исследований мозга, лингвистики и робототехники до медиаstudий, библиотековедения и применения вычислительных методов к гуманитарному знанию, что подтверждает радикальную трансформацию самой структуры гуманитаристики.

Постгуманитарные науки

В рамках смены парадигмы с антропоцентрической на постантропоцентрическую в академической среде вводится понятие «постгуманитарные науки», которое позволяет расширить исследования человека, добавив «постчеловека» и «постчеловечество» [13, с. 107–108]. Постгуманитарные науки предлагают новое позиционирование гуманитарного знания в условиях постчеловеческой исторической ситуации, открывающей новые перспективы как для субъектов, так и объектов знания. Они представляют собой как эмпирически обоснованные критические подходы к постчеловеческой конвергенции, так и творческие и спекулятивные способы взаимодействия с ней, где «постчеловеческое» рассматривается как концептуальный инструмент, направленный на расширение понимания человеческого, акцентируя внимание на трансверсальных связях, множественности масштабов, словес и локализаций для современных постчеловеческих субъектов [8, с. 1182]. Описываемая постчеловеческая конвергенция происходит в историческом контексте ускорений или де-/ретерриторизации позднего капитализма как шизоидной или структурно фрагментированной системы, в которой экономика знания

движима нечеловеческим разумом передовых технологий [14]. Отражение подобных процессов можно найти в таких концепциях, как «когнитивный капитализм» [15], «платформенный капитализм» [16] и «четвёртая промышленная революция» [17], которые вместе с тем совпадают с планетарным разрушением окружающей среды и ускорением климатических изменений, также известными как «Антропоцен» [18] или «шестое вымирание» [19].

Возникновение постгуманитарных наук предлагает продуктивную возможность переопределения современного знания, принимая во внимание с одной стороны вседесущность технологического посредничества, а с другой — эскалацию экологических катастроф и исчезновения видов, что возможно представить благодаря введению концепта «трансверсальности», помогающего уравновесить оба полюса постчеловеческой конвергенции [8, с. 1182]. Акцент на витальном неоматериализме, который обеспечивает онтологическую основу критического постгуманитарного знания как трансверсального поля, также представляет собой способ сопротивления бизнес-модели неолиберального высшего образования. Постгуманистическая трансверсальность развивается как организационный принцип, критикующий пирамидальную структуру академических учреждений и иерархическую цепочку управления, лежащую в основе большинства университетов [20]. Она также ставит под сомнение роль капитала в высшем образовании, устроенном как глобальный рынок, и неравные трудовые отношения, к которым это приводит, — с огромным «прекариатом» на нижних ступенях академической иерархии [8, с. 1191]. Практики трансверсальности, основанные на сообществе, служат противодействием от корпоративизации университета и монетизации знания, поскольку вводят неиерархическую модель реляционности и бескорыстного аффекта в сферу образования. Как отмечают многие исследователи [21–22], постгуманитарные науки выдвигают на первый план постдисциплинарность как трансформирующий принцип, дестабилизирующий гегемонистскую власть отдельных дисциплин и иерархии знания, которые структурируют академическое разделение между социально-гуманитарными и естественными науками. Новые институциональные формы и методы организации постчеловеческого знания должны разворачиваться в трансверсальных диалогах — через совместные, открытые академические пространства, где общественная работа может осуществляться в неконкурентной среде.

Целью постгуманитаристики как критической теории становится переосмысление человеческой истории и роли самого человека, а также рассмотрение нечеловеческих аспектов этой истории: истребление видов, геноцидов, войн, терроризма, пыток, эксплуатации, массовых миграций, насильственных переселений, принудительной ассимиляции. На этом фоне развиваются и соответствующие области критических исследований, но уже «второго поколения», ориентированные на нечеловеческие объекты и субъекты знания: исследования животных, экокритика, ботанические и океанические исследования, исследования Земли, питания и диет, моды, успеха, травмы, памяти и примирения, прав человека в медицине, а также критические исследования менеджмента. Параллельно развивается и поле исследований новых медиа, которое дробится на отдельные направления: исследования программного обеспечения, интернета, компьютерных игр, алгоритмов и кода. Возрастающий интерес к вопросам безопасности стимулирует появление критических исследований безопасности, а также тематик, связанных со смертью, самоубийством и вымиранием. Возникают глобальные центры исследования конфликтов и проблем мира, а также особые институциональные структуры, которые совмещают исследования с терапевтической

функцией, чтобы помочь справиться с нечеловеческими и болезненными аспектами травматического опыта [23]. Таким образом, возникновение новых междисциплинарных областей исследования продолжают и дополняют традиции гуманитарных наук по преобразованию мира, но уже в нечеловеческом контексте, что позволяет расширить границы классических гуманитарных дисциплин за счет не столько количественного расширения, сколько качественного сдвига в перспективе и методах.

Модель познающего субъекта постгуманитарных наук

Постгуманистика бросает вызов устоявшимся формам гуманистического и антропоцентрического мышления, подвергая сомнению такие дихотомии, как природа/культура, человек/нечеловек, bios/zoe, категориальные границы которых носят не только концептуальный, но и методологический характер, поскольку поддерживают социально-конструктивистскую методологию, лежащую в основе традиционных гуманитарных дисциплин. Такая бинарная методология оказывается неэффективной в условиях экософского, постантропоцентрического, гео-ориентированного и техно-опосредованного мира, поэтому на ее смену должен прийти аффirmативный метод со-конструирования и выражения витальных, неоматериалистических перспектив и позиций [8, с. 1185].

Под новым субъектом познания постгуманитарных наук понимается сложная трансверсальная совокупность zoe-/гео-/техно-связанных факторов, включающих людей как часть материальной сети взаимодействующих человеческих и нечеловеческих агентов. Эти трансверсальные субъективности, сформированные в модусе экософических ассамбляжей, включающих нечеловеческих акторов, подчеркивают укоренённое, ситуативное и перспективистское измерение знания. Постгуманистические субъекты новых наук, таким образом, возникают как критический и творческий проект в рамках постгуманистической конвергенции, вдоль постгуманистической и постантропоцентрической осей исследовательского поиска, объединённые аффирмативной этикой, которая актуализирует нереализованный или виртуальный потенциал того, кем исследователь способен стать.

Трансверсальность постгуманистики изначально исключает любой предопределённый результат в процессе формирования новых субъектов знания: то, кем они могут стать, — это вопрос реляционных альянсов и непрерывных материальных практик, понимаемых в качестве имманентного неоматериализма и ситуативного перспективизма [24]. Таким образом, субъекты, определяемые как трансверсальные реляционные сущности, не совпадают с либеральным индивидуумом, а представляют собой событие сложных сингулярностей или интенсивностей [25], где сама субъективность одновременно постличностна и прединдивидуальна, полностью погружена в условия, которые она стремится понять и изменить. Как замечает Брайдотти: «Мы, в конце концов, — вариации общей материи; иначе говоря, мы отличаемся друг от друга тем более, чем в большей степени соопределяем себя внутри одной и той же живой материи — экологически, социально и аффективно» [8, с. 1187].

Рассматриваемый трансверсальный подход оказывает влияние и на развитие постгуманистической педагогики и образования [26], поскольку основывается на идее становления субъекта как события, происходящего трансверсально — между природой и технологией, локальным и глобальным, настоящим и прошлым — в ассамбляжах, пересекающих и смешающих бинарные оппозиции [7]. Акцент на политике имманентности позволяет включать в образование неантропоморфные элементы — будь то животные,

природные сущности или технологические аппараты. ZOE-/гео-/техно трансверсальные сущности позволяют мыслить через прежние границы между видами, категориями и доменами. Трансверсальность способствует установлению связей с животными, с алгоритмическими системами, с планетарными организмами — на равных, но ризоматических основаниях, включающих в себя территории, геологию, экологию и технологии выживания. Таким образом, трансверсальная модель постгуманитарных наук и образования нацелена на формирование субъекта, который будет позиционировать себя в мире и как часть мира, отстаивая идею производства знания как укоренённого, воплощённого, аффективного и реляционного [\[8, с. 1190\]](#).

По этому принципу новая модель гуманитарных наук предлагает рассматривать теоретический и научный текст как точку передачи между разными мгновениями во времени и пространстве, а также между разными уровнями, формами, степенями и конфигурациями процесса мышления, которое, как и письмо, не может встраиваться в форму линейности, поскольку движется в сети столкновения с идеями и другими текстами, выходя за их пределы. Методологическая линейность, свойственная классическим гуманитарным наукам, должна смениться ризоматичным стилем мышления, который позволил бы проявиться множеству связей взаимодействия, соединяя научный текст со множеством аспектов вне его [\[1, с. 318-319\]](#).

В постгуманистике разрабатывается номадическая модель мышления, ориентированная на аффективное раскрытие геофилософского измерения «хаосмоса» [\[14, с. 232-253\]](#), где мыслящий субъект превращается в порог непрерывных и нецелевых потоков, проявляющих витальную энергию трансформативного становления. Важным становится удерживание верности самой интенсивности аффекта, которая пронизывает текст или концепт, позволяя уловить их скрытую силу — то, на что они способны или уже оказались способны, и каким образом их энергия воздействует как на самого субъекта, так и на других [\[27\]](#). Память в этом контексте обретает смысл не только как хранение прошлого, но как переживание того, какое аффективное впечатление оставляют объекты и данные, отзываясь в теле и мысли. Эта динамика тесно сопряжена с воображением, которое не ограничивается пассивным воспроизведением, но оборачивается творческим пересозданием опыта, превращающим прошлое в источник новых форм мысли и чувствования.

Одной из ключевых характеристик постгуманитарных наук является утверждение разнообразие зое (нечеловеческой жизни) в неиерархической манере, признающей дифференциальный интеллект материи и различные уровни способностей и креативности всех организмов. Рассматриваемые ZOE-/гео-/техно-сущности становятся партнерами в производстве знания, из чего следует, что мышление и познание не являются прерогативой человека [\[8, с. 1187\]](#). Таким образом, мир определяется сосуществованием множества органических видов, вычислительных сетей и технологических артефактов, находящихся рядом друг с другом [\[28\]](#). Номадический образ постчеловеческого познающего субъекта рассматривается как временной континуум и коллективный ассамбляж, связанный как с процессами изменения, так и со строгой этикой чувства принадлежности к экософскому сообществу. Одновременность существования в совместном мире, определяющая этику взаимодействия не только с человеческим, но и нечеловеческими другими, означает «со-присутствие», из чего возникает коллективное распределенное сознание, трансверсальная форма не-синтетического понимания соединяющей всех реляционной связи. Таким образом, центром этики и эпистемических структур становится отношение и понятие сложности, что имеет важные следствия для

производства научного знания.

Методологические основания постгуманитарных наук

Одним из ключевых методов постгуманитаристики является дефамилиаризация, с помощью которой познающий субъект стремится выйти за пределы привычного нормативного образа самого себя и обнаружить собственное существование в «постчеловеческой системе координат» [\[1, с. 322\]](#). Этот процесс предполагает смещение отношения к нечеловеческим другим, отказ от устойчивых форм идентификации, укоренённых в антропоцентрической традиции и гуманистическом мышлении. В результате субъект мыслится как реляционный, то есть находящийся в сложной сети связей и взаимозависимостей с множеством иных форм бытия.

Ф. Феррандо замечает, что в основе постгуманитарных наук должна лежать «постгуманистическая методология» [\[29, с. 11\]](#), которая находит свои ризоматические очертания в постмодернистской критике объективного знания и абсолютной истины. Благодаря ее динамичному, мутирующему и изменчивому характеру, она сближается с основными положениями эпистемологического анархизма П. Фейерабенда [\[30\]](#), открывающего пространство для эпистемологической децентрализации, отказа от доминирующей фигуры универсального рационального субъекта и признания множества форм познания, включая «ненаучные» и маргинализированные. Его идеи глубоко резонируют с постгуманистическим подходом, который также направлен на дестабилизацию модернистских эпистемологических оппозиций: субъект/объект, культура/природа, разум/тело, человек/машина. Постгуманизм отказывается от идеи автономного человеческого субъекта как главного источника знания и подчеркивает роль нечеловеческих агентов, технологий, материальности, экологии и инфраструктур в процессах познания и бытия. Подобно Фейерабенду, постгуманистическая методология стремится к множественности, реляционности и методологической гибкости. Его отказ от единого методологического канона, внимание к историчности и контингентности знания, а также признание культурной и политической встроенности науки совпадают с теми же принципами, которые лежат в основе постгуманитарных исследований. В обоих подходах утверждается необходимость критического пересмотра самой идеи научного знания как привилегированного и универсального — в пользу открытой, гибкой и инклюзивной эпистемологии. Феррандо также заключает: «Постгуманистическая методология должна быть адаптивной и чувствительной; ей необходимо обращаться к собственной семиотике, герменевтике, прагматике, метаязыку, чтобы осознавать возможные последствия своих действий на политическом, социальном, культурном и экологическом уровнях. Эти последствия основаны как на теоретических утверждениях постгуманизма, так и на том, как он формулирует собственные нарративы; на том, в какие традиции он вписывает свои высказывания и каким языком эти высказывания производятся» [\[29, с. 11\]](#).

Феррандо также отмечает, что постгуманистическая методология, формирующая новую модель гуманитарных наук, отказывается от привилегированного статуса письменного текста. В центре оказывается «многофокусная этнография» с её «рассеянным во времени и пространстве» подходом [\[31\]](#), а также практики автоэтнографического перформанса [\[32\]](#), рассматриваемые как способ пересборки «я» и «тела» в академическом поле рефлексии. Постгуманистическая методология также включает в себя распространение и популяризацию знаний, солидаризируясь с правовой системой «Creative Commons» и принципами «открытого источника», чтобы продвигать знания по принципу «делиться одинаково», обеспечивая будущим поколениям доступное

культурное наследие [29, с. 12]. Таким образом, постгуманитарные тексты должны отражать человеческий опыт во всем его спектре, чего возможно добиться благодаря интерсекциональному подходу, цитируя теоретиков и мыслителей, происходящих из разных культурных и дисциплинарных контекстов, предлагающих альтернативные взгляды.

Еще одним не менее важным методологическим принципом постгуманитарных наук становится более тесное сближение науки, философии и искусства. Отмечается, что продуцируемое знание этих видов интеллектуальной деятельности привязано к общему плану интенсивной самопреобразующей энергии Жизни, континуум которых поддерживает онтологию становления как концептуального двигателя постгуманистической номадической мысли [1, с. 327]. Поскольку наука занимается реальными физическими процессами конкретного актуального мира, она менее поддается процессам становления или дифференциации, а значит должна быть открыта философии как дополнительному инструменту для исследователя. Задачей мышления становится развитие способности вступать в различные виды отношений, влиять и испытывать влияние, а значит испытывать качественные изменения и творческие противоречия, что в конечном итоге является прерогативой искусства.

Монистическая онтология, лежащая в основе новой модели гуманитарных наук, позволяет критическому мыслителю объединить философию, науку и искусство в новый союз, переопределяющий отношения между естественно-научной и гуманитарной культурами как двумя разными подходами к витальной материи, составляющей основу для субъективности и ее планетарных отношений [1, с. 329]. Делезианский концепт «геофилософии» стимулирует гуманитарные науки к поиску творческого диалога с современными достижениями биологии и физики [33]. Исходя из аутопоэтического понимания материи, подчеркивается сложность разграничения между ее актуальными состояниями и виртуальными процессами становления. Актуальные состояния материи и виртуальные процессы её становления требуют различных исследовательских подходов. Однако именно те из них, которые обращены к становлениям и открыты к неопределенности, обладают большей этической чувствительностью и выходят за пределы экономических императивов развитого капитализма, включая его когнитивную экспансию в сферу живой материи. В этом контексте постгуманистическая критика подчеркивает необходимость переосмысливания научных законов через призму субъекта познания, понимаемого как сложная сингулярность, аффективный ассамбляж и реляционная виталистическая сущность.

Потенциальные риски новой модели гуманитарных наук

Современные постгуманитарные исследования, нацеленные на преодоление антропоцентризма и пересмотр исключительного статуса человека, сталкиваются с рядом принципиальных возражений. Один из наиболее аргументированных критических анализов предложен А.В. Дьяковым, который рассматривает постантропоцентристические подходы, включая акторно-сетевую теорию Б. Латура, в контексте так называемого «теоретического антигуманизма» [34]. По мнению исследователя, устранение фигуры человека как привилегированного субъекта знания приводит к размыванию самой предметности гуманитарных наук. Если в классической гуманитаристике человек выступал носителем уникального когнитивного и культурного статуса, то в постгуманитарной перспективе он оказывается сведен к одному из множества акторов, не обладающих ни качественными различиями, ни эпистемологическим приоритетом. В результате гуманитарные науки теряют устойчивое основание своей специфики:

исчезает бинарная оппозиция «человеческое – нечеловеческое», обеспечивавшая им предметную область и методологическую целостность. По сути, человек становится неразличимым среди других элементов сетевого взаимодействия, что делает гуманитарное знание, по выражению Дьякова, «не то чтобы беспредметным, но неуместным» — анархическим разделом этологии, утрачивающим собственный объект [34, с. 188].

Критика постгуманистики, таким образом, заключается не в отрицании необходимости пересмотра гуманистического наследия, а в указании на предельные последствия этого пересмотра. Равноправие всех акторов и отказ от фигуры человека как эпистемологического центра грозят обернуться утратой способности гуманитарных наук осмыслять культурные, этические и экзистенциальные измерения человеческого опыта. Вслед за Ж. Бодрийяром Дьяков подчеркивает парадоксальность положения, при котором гуманитарное знание, стремясь к универсализации и децентрализации, оказывается на грани самоотмены — превращается в систему, доведённую до собственного самоуничтожения [34, с. 189].

Тем не менее Дьяков предлагает несколько возможных сценариев выхода из этого кризиса: сохранение гуманитарных наук в прежнем виде как формы «симуляции» их утраченного предмета; следование деконструктивистской логике постоянного сворачивания и пересмотра собственных дискурсов; либо контролируемая пролиферация гуманитарных исследований в смежные и новые области знания, что может позволить им парадоксальным образом обрести потерянный объект — человека — в обновлённой, постантропоцентристической форме. В этом смысле критика Дьякова выявляет внутренние пределы постгуманистики и напоминает, что децентрализация человека не должна означать его концептуального исчезновения, иначе гуманитарные науки рискуют утратить не только предмет, но и саму возможность критического самопознания.

Можно также выделить и другие внутренние методологические напряжения и риски, которые могут подорвать собственные цели постгуманитарного знания. Среди них:

1. **Репродукция гегемонистского эпистемологического порядка или «гегемонистский эссенциализм».** Несмотря на заявленную критику универсализма, постгуманитарные исследования могут неосознанно воспроизводить гегемонистские практики, опираясь преимущественно на признанных авторитетов западной теории, что приводит к закреплению культурно-академической монополии и снижает шансы на подлинный эпистемологический плюрализм. Опасность подобного подхода заключается в склонности к интеллектуальному комфорту — режиму *ipse dixit*, при котором авторитетное мнение автоматически воспринимается как истина, не подвергаясь критической проверке [29, с. 13].
2. **Изоляция маргинализированных нарративов.** В стремлении дать голос угнетенным субъектам и продвигать альтернативные формы знания, постгуманитарные практики могут впасть в методологическую замкнутость. Подобный «эссенциализм сопротивления» [29, с. 15] при всей своей критической значимости рискует создавать закрытые исследовательские кластеры, где важен не междисциплинарный диалог, а подтверждение «своего» голоса, что чревато фрагментацией научного пространства и утратой продуктивной критической динамики.
3. **Смещение от критики к догматизму нового типа.** Методологическая опасность заключается и в том, что как гегемонистские, так и контр-гегемонистские позиции могут превратиться в догматические. В одном случае это «*ipse dixit*»

признанных авторитетов, в другом — безапелляционное первенство маргинального опыта. Оба случая порождают интеллектуальную инерцию и сопротивление внутренней критике.

4. **Парадоксальная десубъективизация исследователя.** Постгуманистическая критика субъекта может привести к размыванию исследовательской позиции и подрыву ответственности учёного за создаваемое знание. При понимании «Человека» как конструкта, а субъекта — как сети отношений, ответственность за интерпретацию, отбор данных и выработку критериев оказывается неочевидной. В методологическом плане это порождает неопределенность, затрудняющую теоретическую операционализацию.
5. **Утрата критериев валидности и научной согласованности.** Поскольку постгуманитарные науки отказываются от универсалистских стандартов, существует риск стирания границ между исследовательским анализом и активистским высказыванием, между знанием и нарративом. Это ставит под вопрос воспроизводимость, обоснованность и объективность получаемых результатов, что в долгосрочной перспективе может ослабить легитимность постгуманитарных исследований в академической среде.

Выводы

В условиях стремительных трансформаций академического ландшафта постгуманитарные науки заявляют о себе как ответ на вызовы когнитивного капитализма, стремясь не просто отреагировать на изменения, но активно их перенаправить — в сторону критических, неприбыльных, неутилитарных форм знания. Это направление предлагает переопределение самих условий мышления, опираясь на гетерогенные линии трансверсальности, децентрализованные формы субъективности и радикально переосмыслиенные отношения между человеком, технологией и средой. Тем не менее, несмотря на свою аффirmативную, критически ангажированную установку, постгуманитарное знание не лишено внутренних рисков — прежде всего утраты предметной определённости, десубъективизации исследователя, размывания границ между различными формами познания и риска репродукции новых форм гегемонии. В этой связи требуется осмотрительный, методологически обоснованный и поэтапный переход к новым научным перспективам, сопровождаемый углублённой рефлексией методов и разработкой институциональных механизмов, способных минимизировать указанные риски.

Библиография

1. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Я. Хамис. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
2. Crawford E. Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939: Four Studies of the Nobel Population. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
3. Proctor R. Racial Hygiene: Medicine Under the Nazis. Cambridge: Harvard University Press, 1988.
4. Dupré J. Against Scientific Imperialism // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. 1994. Vol. 2. Pp. 374-381.
5. Quijano A. Coloniality of Knowledge, Eurocentrism, and Latin America // Nepantla: Views from South. 2000. No. 1(3). Pp. 533-580.
6. Jong A. Modern Episteme, Methodological Nationalism and The Politics of Knowledge in Political Science // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/political-science/articles/10.3389/fpos.2023.1172393/full> DOI: 10.3389/fpos.2023.1172393 EDN:

VMW QII.

7. Braidotti R. *Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. NY: Columbia University Press, 2011.
8. Braidotti R. *Transversal Posthumanities* // *Philosophy Today*. 2019. No. 63(4). Pp. 1181–1195.
9. Chandler J. *Critical Disciplinarity* // *Critical Inquiry*. 2004. No. 30(2). Pp. 355-360.
10. LeMenager S., Foote S. *The Sustainable Humanities* // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2012. No. 127(3). Pp. 572-578.
11. Мёрчант К. *Антропоцен и гуманитарные науки. От эпохи изменений климата к новой эре устойчивости* / пер. с англ. П. Гаврилова. СПб: Academic Studies Press, 2023.
12. Hayles K. N. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999.
13. Феррандо Ф. *Философский постгуманизм* / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
14. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009. EDN: QXAEFV.
15. Moulier-Boutang Y. *Cognitive Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2012.
16. Срничек Н. *Капитализм платформ* / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. EDN: VRPYEZ.
17. Шваб К. *Четвертая промышленная революция* / под ред. А. Меркульевой. М.: Эксмо, 2021.
18. Crutzen P. J., Stoermer E. F. *The 'Anthropocene'* // *Global Change Newsletter*. 2000. No. 41. Pp. 17-18.
19. Kolbert E. *The Sixth Extinction: An Unnatural History*. NY: Henry Holt Company, 2014.
20. *Principles of Transversality in Globalization and Education* / Ed. by D.R. Cole, J.P. Bradley. New York: Springer, 2018.
21. Åsberg C., Koobak R., Johnson E. *Post-humanities Is a Feminist Issue* // *Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 2011. No. 19(4). Pp. 213-216.
22. Lykke N. *Postdisciplinarity* // *Posthuman Glossary*. London: Bloomsbury Academic, 2017. P. 332-335.
23. Брайдотти Р. *Критическая постгуманистика, или Относятся ли медиа-природы к природо-культурям так же, как zoe – к bios?* // *Опыты нечеловеческого гостеприимства*. М.: V-A-C press, 2018. С. 24-41.
24. Braidotti R. *Metamorphoses: Towards a Materialist Theory of Becoming*. Cambridge: Polity Press, 2002.
25. Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения* / пер. с франц. Я. И. Свирского. Екатеринбург; М.: Астрель, 2010.
26. *Nomadic Education: Variations on a Theme by Deleuze and Guattari* / Ed. by I. Semetsky. Rotterdam: Sense Publishers, 2008.
27. Татищев А. А. *Аппарат аффекта иммерсивных сред в теории современной культуры* // *Международный журнал исследований культуры*. 2023. № 2 (51). С. 81-87. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_81 EDN: ISRQYZ.
28. Alaimo S. *Bodily Natures: Science, Environment, and the Material Self*. Bloomington: Indiana University Press, 2010.
29. Ferrando F. *Towards A Posthumanist Methodology. A Statement* // *Frame Journal for Literary Studies*. 2012. No. 25(1). Pp. 9-18.
30. Фейерабенд П. *Против метода. Очерк анархистской теории познания* / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: ACT, 2007.
31. Marcus G. E. *Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography* // *Annual Review of Anthropology*. 1995. No. 24. Pp. 95-117. EDN: HFAHYV.

32. Spry T. Performing Autoethnography: An Embodied Methodological Praxis // Qualitative Inquiry. 2001. No. 7(6). Pp. 706-732. DOI: 10.1177/107780040100700605 EDN: JPCYIV.
33. Bonta M., Protevi J. Deleuze and Geophilosophy. A Guide and Glossary. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.
34. Дьяков А. В. Теоретический антигуманизм в гуманитарных науках: к вопросу о перспективах антропоцентризма // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 184-191. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-3-184-191 EDN: KLCAKG.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметное поле статьи сформировано концептами "постчеловек", "постчеловечество", "постгуманизм", "постантропоцентризм", популярными сегодня в сфере философской антропологии. Постгуманизм как философское мировоззрение выходит за рамки традиционного гуманизма и переосмысливает представление о человеке, сложившееся в эпоху Просвещения. Это мировоззрение рассматривает человека как одну из переходных форм в процессе эволюции, которая должна быть трансформирована и улучшена с помощью технологий (например, биоинженерии, ИИ, киберимплантов). Таким образом, постгуманизм как концепция предсказывает, что в недалеком будущем произойдет своеобразное слияние человека, животного и машины. Автор в своей статье затрагивает эти моменты и переходит от них к рассмотрению того, каким должно стать гуманитарное знание о человеке в постгуманистическом мире.

Тематика статьи безусловно актуальна, так как касается одного из наиболее ярких и динамично развивающихся течений современной философской мысли. Несмотря на то, что автор преимущественно пересказывает положения теоретиков постгуманизма (Р. Брайдотти, Ф. Феррандо и др.), он или она делает это достаточно корректно, а относительной новизной рецензируемой статьи можно признать то обстоятельство, что автор знакомит русскоязычного с содержанием некоторого количества произведений по теме, не переведенных на русский язык. Стиль изложения в целом соответствует нормам академического письма, хотя автор допускает тавтологию ("новые неологизмы") и в некоторых местах приближается к публицистике, о чем будет сказано в своем месте. Тем не менее, статья написана ярко и динамично, что следует признать ее несомненным достоинством.

В самой статье имеет место анализ методологии, к которой прибегают постгуманистические исследователи, однако автор ни словом не охарактеризовал собственную методологию. Это серьезное упущение; по нашему мнению, его необходимо исправить, посвятив хотя бы небольшой подраздел методологическим вопросам.

Структура и содержание представленной работы в целом логично: во введении дается краткая характеристика исследуемой проблематики, далее анализируется постантропоцентрический контекст развития гуманитарного знания, изучаются состояние и перспективы постгуманитарных наук, представляется модель познающего субъекта постгуманитарных наук и приводятся размышления на тему их методологии. Однако, по

мнению рецензента, после этого, в части выводов нарушается логика исследования. Дело в том, что в этом разделе принято в кратком виде сводить воедино выводы, к которым исследователь пришел в ходе своего исследования. Здесь же автор вместо этого рассуждает о рисках, которые поджидают постгуманистические исследования.

Библиография статьи составляет 33 источника, из которых около половины на иностранном языке. Из этого списка доля актуальных работ, опубликованных за последние 10 лет, достаточна. Таким образом, библиографический список отвечает требованиям к публикуемым статьям.

Работа, без сомнения, может вызвать интерес как профессионалов, так и широкого круга читателей, интересующихся постгуманитаристикой.

Подводя итог, можно заключить, что представленная к рецензированию статья заслуживает публикации при условии доработки.

Автору рекомендуется устранить следующие недостатки:

1. Во введении прописать цель и задачи работы. Охарактеризовать объект и предмет исследования. Также следует либо во введении, либо в отдельном подразделе охарактеризовать методологию.

2. При живости изложения статья страдает некоторой декларативностью. Такие смелые утверждения, как "наблюдаемый сегодня распад антропоцентризма и крах гуманизма вызвали смещение дискурсивных границ и категориальных различий, которые также приводят к внутреннему расколу гуманитарных наук", "антропоцентрическое ядро гуманитарных наук должно смениться конфигурацией комплексных знаний, преимущественно из исследований науки и техники, что открывает возможность выхода на новое глобальное эксофское измерение" (в статье постулируется или в лучшем случае дается со ссылкой на различных авторов достаточно много подобного рода утверждений), нуждаются в большей детализации и критическом анализе. При чтении статьи складывается впечатление, что постгуманитарные положения - предмет научного консенсуса, что вовсе не так. Поэтому следовало бы посвятить хотя бы несколько абзацев критике постгуманизма.

3. Из второго пункта вытекает третий. В разделе "Выводы" автор размышляет о рисках и трудностях, с которыми могут столкнуться постгуманитарные исследования. Было бы логично переместить эти соображения в основную часть исследования, обогатив их ссылками на работы, критикующие постантропцентристическую модель развития гуманитарных наук. В самом же разделе "Выводы" рекомендуется суммировать результаты, к которым автор пришел в своем исследовании.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена актуальной и дискуссионной теме трансформации гуманитарного знания в условиях преодоления антропоцентрической парадигмы. Автор предпринимает попытку философско-теоретического обоснования постгуманитарной модели познания. При этом предметом исследования выступает обозначенная выше модель познания, которая формируется на стыке философии, науки и технологии. Подобная постановка вопроса исследования расширяет рамки традиционного осмысливания гуманитаристики как области науки. Актуальность исследования не вызывает сомнений, поскольку оно напрямую отвечает на вызовы, связанные с технологизацией, экологическим кризисом и необходимостью пересмотра эпистемологических оснований гуманитаристики.

Методологическая основа работы представляется комплексной и релевантной поставленным задачам. Сочетание философско-герменевтического, критико-дискурсивного и сравнительного подходов позволяет осуществить многоуровневый анализ проблемы. Особого внимания заслуживает последовательная реконструкция ключевых концептов постгуманитарной мысли, включая трансверсальность, реляционность и зое-центризм, с опорой на работы Р. Брайдотти, Ф. Феррандо и других представителей этого направления.

Научная новизна исследования заключается в систематизации методологических оснований постгуманитаристики и выявлении ее специфического категориального аппарата. Автор убедительно демонстрирует произошедший сдвиг от социального конструктивизма к неоматериалистической онтологии, что действительно составляет суть эпистемологического переворота в гуманитарных науках. Ценным представляется анализ таких принципов, как дефамилиаризация, номадическое мышление и трансверсальная педагогика, которые раскрывают практическое измерение предлагаемой модели.

Стиль изложения в целом соответствует академическим стандартам, хотя в некоторых разделах наблюдается избыточная терминологическая насыщенность, затрудняющая восприятие. В структурном отношении статья хорошо выверена и построена от критики антропоцентризма через описание постгуманитарных наук к анализу методологических оснований и потенциальных рисков. Содержательная часть работы отличается глубиной проработки материала и широким охватом релевантных источников.

Библиографический список репрезентативен и включает ключевые работы по проблематике, хотя можно отметить некоторый перекос в сторону западной традиции при относительной скучности обращения к отечественным исследованиям, за исключением работы А.В. Дьякова.

Важным достоинством статьи является апелляция к оппонентам и критическое осмысливание пределов самой постгуманитарной парадигмы. Автор не избегает сложных вопросов о потенциальной утрате предметности гуманитарных наук, рисках методологического догматизма и парадоксальной десубъективизации исследователя. Раздел о потенциальных рисках демонстрирует зрелость научной рефлексии и понимание спорных моментов предлагаемого подхода.

Выводы работы сбалансированы и отражают как эвристический потенциал

постгуманитаристики, так и ее внутренние противоречия. Статья, несомненно, вызовет интерес у читательской аудитории журнала «Философия и культура», поскольку затрагивает фундаментальные проблемы современного гуманитарного знания. Работа вносит существенный вклад в развитие философской дискуссии о будущем гуманитарных наук и может служить основой для дальнейших исследований в этой области. Несмотря на отмеченные терминологические сложности, статья рекомендуется к публикации после незначительной стилистической правки.

Англоязычные метаданные

The concept of "postmodernity" / "postmodernism" in Russian humanitarian discourse

Dunilov Ivan Mikhailovich

independent researcher

656063, Russia, Altai Territory, Barnaul, Montazhnikov str., 5, sq. 38

✉ 2200imd@gmail.com

Abstract. The article attempts to identify the main approaches of Russian philosophers, cultural scientists, and social theorists to the interpretation of the concepts of "postmodernity" / "postmodernism". The author identifies two main approaches to the interpretation of this concept by Russian-speaking researchers. The first, typical for Russian science, focuses almost exclusively on the field of culture, and the philosophical paradigm characteristic of it largely coincides with French poststructuralism. The main focus of this approach is on the problem of criticism and overcoming the Enlightenment project. Relatively recently, research has appeared in the Russian humanities that can be conditionally combined within the framework of an alternative approach. At the heart of this trend, based on the social and cultural theory of the American philosopher F. Jamieson's explication of the connection between postmodernism and capitalism at a certain historical stage, namely at the stage of "late" capitalism. The following scientific methods are used in the study, which make it possible to identify characteristic interpretations of the concept of "postmodernity" / "postmodernism": the method of comparative analysis and the structural and typological method. An original typology and an assessment of the prospects of research using a particular theoretical basis are proposed. The approach typical for the domestic research (called "traditional" by the author) will prevail for some time not only within the framework of academic science due to institutional inertia, but also beyond its borders. After all, this approach, despite its shortcomings, has migrated from scientific discourse to popular science literature, media materials, etc. Theoretical and practical research related to the theoretical legacy of F. Jamieson's research makes it possible to identify the connections between socio-economic realities and the logic of cultural development of modern cultural trends. Therefore, the author considers this area of research to be more promising.

Keywords: Fredric Jameson, philosophy of culture, history of concepts, cultural studies, humanitarian researches in Russia, the Enlightenment, poststructuralism, modernity, postmodernism, postmodernity

References (transliterated)

1. Vel'sh V. «Postmodern». Genealogiya i znachenie odnogo spornogo ponyatiya // Put'. 1992. № 1. S. 109-136.
2. Avtonomova N. S. Vozvrashchayas' k azam // Voprosy filosofii. 1993. № 3. S. 17-22.
3. Rykov A. V. Postmodernizm kak «radikal'nyi konservativizm»: Problema khudozhestvenno-teoreticheskogo konservativizma i amerikanskaya teoriya sovremennoego iskusstva 1960-1990-kh gg. SPb.: Aleteiya, 2007. 376 s.
4. Rudnev V. P. Slovar' kul'tury KhKh veka. M.: Agraf, 1997. 384 s.

5. Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa. M.: Intrada, 1998. 255 s.
6. Il'in I. P. Poststrukturalistsko-dekonstruktivistsko-postmodernistskii kompleks // Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie. Strany zapadnoi Evropy i SShA: kontseptsii, shkoly, terminy: Entsiklopedicheskii spravochnik. 2-e izd., ispr. i dop. / Pod red. Il'ina I. P., Tsurbanovoi E. A. M.: Intrada, 1999. S. 114-117.
7. Markov A. V. Postmodern kul'tury i kul'tura postmoderna: lektsii po teorii kul'tury. M.: RIPOL klassik, 2019. 256 c.
8. Man'kovskaya N. B. Estetika postmodernizma. SPb.: Aleteiya, 2000 g. 347 s.
9. Epshtein M. Postmodern v Rossii. Literatura i teoriya. M.: Izdanie R. Elinina, 2000. 368 s.
10. Yakimovich A. K. Utrachennaya Arkadiya i razovannyi Orfei. Problemy postmodernizma // Inostrannaya literatura. 1991. № 8. C. 229-236.
11. Hassan I. The Dismemberment of Orpheus // Boundary 2. 1972. № 1. P. 216-224.
12. Yakimovich A. K. O luchakh Prosveshcheniya i drugikh svetovykh yavleniyakh. Kul'turnaya paradigma avangarda i postmoderna // Inostrannaya literatura. 1994. № 1. S. 241-248.
13. Berman M. Vse tverdoe rastvoryaetsya v vozdukhe. Opyt modernosti. M.: Gorizont', 2020. 488 s.
14. Makkheil B. Posleslovie: rekonstruktsiya postmodernizma // KANT: Social science & Humanities. 2020. № 1 (3). S. 52-59.
15. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 664 s.
16. Fishman L. G. Epokha dobrodetelei: posle sovetskoi morali. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 232 s.
17. Pavlov A. V. Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob"yasnyayut nashe vremya. Izd. 3-e, dopolnennoe. M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhGS, 2023. 584 s.
18. Pavlov A. V. Strannaya zhizn' postmodernizma // Dzheimison F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2019. S. 7-53.
19. Afanasov N. B. V poiskakh utrachennoi sovremennosti // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2019. T. 18, № 1. S. 256-265.
20. Pavlov A. V. Postmodernistskii gen: yavlyaetsya li postkapitalizm postpostmodernizmom? // Logos. 2019. № 2 (129). S. 1-24.
21. Pavlov A. V. Problema legitimatsii kapitalizma v XXI veke // Sotsiologiya vlasti. 2021. Tom 33. № 1. S. 6-10.
22. Afanasov N. B. «Pozdnii kapitalizm» i «tsifrovoi kapitalizm». K voprosu o peresechenii ponyatii // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2021. № 4. S. 62-73.
23. Mazorenko D. A. Svoevremennost' pozdnego kapitalizma: pochemu postmodernizm ostaetsya glavnym yazykom opisaniya nashei epokhi? // Sotsiologiya vlasti. 2021. Tom 33. № 1. S. 11-38.

Jean-Francois Lyotard and his theory of postmodernity

Professor, Head of the Department; Department of Museology and Tourism; Altai State Institute of Culture

66a Lenin ave., 303 block, Barnaul, Altai Territory, Russia

irina.jernosenko@gmail.com

Dunilov Ivan Mihailovich

Independent researcher

656055, Russia, Altai Territory, Barnaul, Yurina str., 277, room 310

irina.jernosenko@gmail.com

Abstract. J.-F. Lyotard had a significant influence on the debate about "postmodernity"/"postmodernism", and his book "The State of Postmodernism" became one of the most important philosophical writings in which this term was used. However, Lyotard's position is often viewed simplistically, and Lyotard is described as a typical "postmodernist", but not a theorist using the concept of "postmodern". The concept of "postmodernism" as the decline of the great narratives of Enlightenment developed in science in the context of the political defeat of the left in the late 1960s and early 1970s, under the influence of the latest theories of science by Thomas Kuhn and Paul Feyerabend, the linguistic theory of John Austin, theories of transition to a post-industrial society, as well as in the framework of a dispute with Jurgen Habermas. Lyotard called modern science, legitimized by external ideological discourses, "meta-narratives": that is, postmodern science, in his opinion, is only one of the "language games" for which the principle of effectiveness is sufficient. The comparative analysis is used as a research method in the article. Lyotard's theory is considered in the light of criticism by Fredrik Jamieson, Terry Eagleton, and Frank Webster. As a result of the study, the authors conclude that J.F. Lyotard's understanding of postmodernity is devoid of integrity: if in science he records a paradigm shift, then in culture modernity is postulated by him as a kind of cyclical principle of renewal, in which postmodernity acts as a phase of renewal and the generation of a new stage of modernity. Lyotard distinguished between productive "postmodernism" and negative, subordinated to the logic of capital. According to F. Jamieson and T. Eagleton, J.F. Lyotard could not prove why the new anarchist science should not become a victim of the principle of economic rationality. The French philosopher was not only forced to ignore capitalist and national narratives, but also transferred, according to Jamieson, unfulfilled aspirations about modern culture as an autonomous critical locus to science. The popularization of Lyotard's views in academic science turned his thesis about the death of "big narratives" into a kind of ideological framework.

Keywords: capitalism, history of concepts, the Enlightenment, modernity, the end of grand narratives, postmodernity, postmodernism, philosophy of science, The Postmodern Condition, Jean-François Lyotard

References (transliterated)

1. Lyotard J.-F. The Differend: Phrases in Dispute. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. 232 p.
2. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Spb.: Aleteiya, 1998. 160 s.

3. Anderson P. Istoki postmoderna. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2011. 208 s.
4. Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa. M.: Intrada, 1998. 255 s.
5. Dzheimison F. Vvedenie [k knige Zhana-Fransua Liotara «Postmodernistskoe sostoyanie: Doklad o znanii»] // Marksizm i interpretatsiya kul'tury. M.; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2014. S. 270-287.
6. Khabermas Yu. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma. M.: Praksis, 2010. 264 c.
7. Uest D. Kontinental'naya filosofiya. Vvedenie. M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2015. 448 s.
8. Pavlov A. V. Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teori ob"yasnyayut nashe vremya. Izd. 3-e, dopolnennoe. M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2023. 584 s.
9. Epshtein M. Postmodern v Rossii. Literatura i teoriya. M.: Izdanie R. Elinina, 2000. 368 s.
10. Yakimovich A.K. O luchakh Prosveshcheniya i drugikh svetovykh yavleniyakh. Kul'turnaya paradigma avangarda i postmoderna // Inostrannaya literatura. 1994. №1. S. 241-248.
11. Man'kovskaya N. B. Estetika postmodernizma. SPb.: Aleteiya, 2000 g. 347 s.
12. Rudnev V. P. Slovar' kul'tury KhKh veka. M.: Agraf, 1997. 384 s.
13. Kuritsyn V. N. Russkii literaturnyi postmodernizm. M.: OGI, 2000. 286 s.
14. Dianova V. M. Postmodernistskaya filosofiya iskusstva: istoki i sovremennost'. SPb.: OOO «Izdatel'stvo "Petropolis"», 1999. 240 s.
15. Markov A. V. Postmodern kul'tury i kul'tura postmoderna: lektsii po teorii kul'tury. M.: RIPOL klassik, 2019. 256 c.
16. Khaustov D. S. Lektsii po filosofii postmoderna. M.: RIPOL klassik, 2018. 288 s.
17. Yakimovich A.K. Utrachennaya Arkadiya i razorvannyi Orfei. Problemy postmodernizma // Inostrannaya literatura. 1991. № 8. C. 229-236.
18. Bikbov A. Osvaivaya frantsuzskuyu isklyuchitel'nost', ili figura intellektuala v peizazhe // Logos. 2011. № 1 (80). S. 3-27.
19. Goryainov O. Ekonomika, kotoroi «nam» ne khvatalo // Svezhaya gazeta. Kul'tura. 2018. №№ 19-20 (148-149). S. 28.
20. Liotar Zh.-F. Libidinal'naya ekonomika. M.; SPb: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2018. 472 s.
21. Delez Zh., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. 672 s.
22. Boltanski L., K'yapello E. Novyi dukh kapitalizma. M: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 976 s.
23. Liotar Zh.-F. Postmodern v izlozhennii dlya detei: Pis'ma: 1982-1985. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2008. 145 s.
24. Khabermas Yu. Modern – nezavershennyi proekt // Politicheskie raboty. M.: Praksis, 2005. S. 7-31.
25. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. M.: Akademiya, 2004. 578 s.
26. Igton T. Kapitalizm, modernizm i postmodernizm // Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya / Sost. Kabanova I. V. M.: Flinta; Nauka. 2004. S. 295-312.

27. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva. M.: Aspekt Press, 2004. 400 s.
28. Kollinz R. Srednii klass bez raboty: vykhody zakryvayutsya // Vallerstain I., Kollinz R., Mann M., Derlug'yan G., Kalkhun K. Est' li budushchee u kapitalizma? M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2015. S. 61-112.
29. Dzhenks Ch. Yazyk arkitektury postmodernizma. M.: Stroizdat, 1985. 136 s.
30. Markuze G. Affirmativnyi kharakter kul'tury // Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye rabot po filosofii i sotsial'noi kritike. M.: ACT: Astrel', 2011. S. 318-359.

Working with the “Name” as Translation: Ancient Concepts and the Visual Language of the Roman Catacombs in the Methodology of S. Buck-Morss

Tiurina Svetlana Nikolaevna

Postgraduate student; Aesthetics Sector; Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12, building 1, 501

✉ svetlanatyur@bk.ru

Abstract. The subject of this research is the process of semantic transformation of key ancient philosophical concepts ("whole," "eidos," "mimesis," "image") in early Christian culture, as exemplified in the texts of 2nd–3rd century apologists and the visual language of the Roman catacombs. The article focuses on the transitional period of Late Antiquity, characterized by the complex interaction and interpenetration of antique and emerging Christian traditions. It analyzes how categories traditional to ancient thought were profoundly reinterpreted and imbued with new meaning within the context of Christian theology and liturgical practice, ultimately leading to the formation of the unique visual language and artistic canon of early Christian art. The central material object of the study is the frescoes of the Roman catacombs, considered as the embodiment of this philosophical-theological "translation." The study is based on Susan Buck-Morss's methodology of "history as translation," particularly her approach to working with the "name" as a specific concept that "absorbs history through its meanings" and the principle of "reverse translation" of the present into the past. The scientific novelty of the research lies in the application of S. Buck-Morss's methodology to the material of Late Antique culture, which allows overcoming traditional binary oppositions ("pagan/Christian," "text/image") and demonstrating the genesis of early Christian art as an organic process of semantic transformation rather than a break with tradition. As a result, it is proven that the visual language of the catacombs was not a primitive illustration or random borrowing but the result of a conscious "translation" of the antique heritage, theoretically grounded in the works of the apologists. The key conclusion is that the formation of a new visual paradigm occurred through the rethinking of old "names," which, retaining their form, were filled with new theological content, and the catacombs are presented as a space of "convergence of times" (kairos) where this translation found its material embodiment.

Keywords: Kairos, Susan Buck-Morss, Mimesis, Eidos, Christian apologists, Neoplatonism, Late Antiquity, Early Christian art, Roman catacombs, Visual language

References (transliterated)

1. Bak-Mors, S. YEAR 1: A Philosophical Recounting / S. Bak-Mors. – Kembridzh, Massachusetts : The MIT Press, 2021. – 416 s.
2. Chakrabarti, D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference.

- Princeton : Princeton University Press, 2007. – 330 s.
3. DeLanda, M. A Thousand Years of Nonlinear History. – N'yu-Iork : Swerve Editions, 2000. – 333 s.
 4. Averintsev, S. S. Sud'by evropeiskoi kul'turnoi traditsii v epokhu perekhoda ot antichnosti k srednevekov'yu. – L. : Nauka, 1976. – S. 82. EDN: WCCFLR
 5. Averintsev, S. S. Svyaz' vremen / sost. N. P. Averintsevoi, K. B. Sigova. – Kiev : Dukh i litera, 2005. – 448 s. EDN: YUCBMQ
 6. Averintsev, S. S. Antichnaya ritorika i sud'by antichnogo ratsionalizma // Obraz antichnosti. – SPb., 2004. – 477 s.
 7. Bak-Mors, S. Istorya kak perevod / per. s angl. E. Petrovskoi // Sinii divan. – 2020. – № 24 : Slovar' epokhi pandemii / pod red. E. Petrovskoi. – S. 121-131.
 8. Bychkov, V. V. Malaya istoriya vizantiiskoi estetiki / V. V. Bychkov. – Kiev : Put' k istine, 1991. – 406 s. EDN: ZFVZOT
 9. Derrida, Zh. Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk // Derrida, Zh. Pis'mo i razlichie / Per. s frants. A. Garadzhi, V. Lapitskogo, S. Fokina; sost. i obshch. red. V. Lapitskogo. – SPb. : Akademicheskii proekt, 2000. – 432 s. – S. 352-368.
 10. Irinei Lionskii, svt. Protiv eresei [Elektronnyi resurs] / svt. Irinei Lionskii ; per. prot. P. Preobrazhenskogo, N. I. Sagardy. – SPb. : Izd. Olega Abyshko, 2008. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/protiv-eresej/2 (data obrashcheniya: 20.09.2025).
 11. Katakomby Domitilly : [ofitsial'nyi sait]. – URL: <https://www.catacombeomitilla.it/en> (data obrashcheniya: 25.09.2025).
 12. Katakomby Pristsilly : [ofitsial'nyi sait]. – URL: <https://catacombepriscilla.com/en/home-en/> (data obrashcheniya: 25.09.2025).
 13. Kliment Aleksandriiskii. Pedagog [Elektronnyi resurs] / Kliment Aleksandriiskii ; per. s drevnegrech., vstup. st. i kom. A. Yu. Bratukhina. – Sankt-Peterburg : Izd-vo Olega Abyshko, 2018. – 344 s. – ISBN 978-5-903525-47-3. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/ (data obrashcheniya: 20.09.2025).
 14. Kliment Aleksandriiskii. Stromaty. Kn. 6. Gl. 16 [Elektronnyi resurs] // Azbuka very. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/6_16 (data obrashcheniya: 20.09.2025).
 15. Plotin. Enneady // Istorya estetiki. Pamyatniki mirovoi esteticheskoi mysli : v 5 t. / red. M. F. Ovsyannikov. – M. : Izd-vo Akademii khudozhestv SSSR, 1962. – T. 1.
 16. Said, E. Orientalizm / Per. s angl. A. V. Govorunova. – M. : Muzei "Garazh", 2021. – 560 s.
 17. Sekst Empirik. Pirronovy polozheniya [Elektronnyi resurs] / per. N. V. Bryullovoi-Shaskol'skoi. – URL: https://nibirukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classes/nbr_classics_sextus_empiricus_outlines_of_pyrrhonism.htm (data obrashcheniya: 20.09.2025).

Manifestations of National Identity in Classical Music: A Cultural Studies Perspective

Liu Jingyi □

Postgraduate student; Faculty of Foreign Languages and Regional Studies; Lomonosov Moscow State University

Abstract. Classical music, while being a universal language of art, is simultaneously a powerful medium for expressing unique national characteristics. This article investigates the artistic means of expressing national identity in classical music through examples from Russian and Chinese compositions. The focus is on the work of composers from both countries who, while working within academic genres, deliberately constructed and affirmed national consciousness through musical imagery. The relevance of the study is driven by the need to understand culture's role in shaping identity within multi-ethnic societies. The aim is to identify and conduct a multi-level analysis of these means through the lens of the "dual identity" theory, which allows for distinguishing and tracing the interaction between ethnic (cultural) and national (civic) components within the unified artistic space of a musical work. The research is based on a comparative analysis of specific mechanisms representing national identity within the two compositional schools. The methodology combines the cultural theory of "dual identity," detailed musicological analysis (including specifics of melody, the integration of folk instruments, and unique modal systems – Russian modality and Chinese pentatonicism), and comparative analysis to identify both general patterns and national specificities. The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the phenomenon of national identity in classical music based on the "dual identity" theory, as well as in the comparative analysis of the specific mechanisms of its representation in Russian and Chinese cultures, which reveals both common patterns and nation-specific characteristics. The study has identified and systematized three main categories of national identity manifestation, illustrated by specific works: 1. The use of folk motifs and narratives (exemplified by the operas "Sadko" and "The White-Haired Girl"). 2. The integration of folk musical language, including the quotation of melodies (e.g., "Vesnyanka" in Tchaikovsky's Concerto, folk songs in Xian Xinghai's "Rhapsody of China"), different approaches to instrumentation (stylization in Russian music vs. the direct inclusion of folk instruments in the orchestra of Chinese opera), and the use of unique modal systems. 3. The embodiment of the national spirit, including its duality (as exemplified in Tchaikovsky's The Seasons and Fifth Symphony) and patriotism during periods of historical trials (the "1812" Overture, "the Leningrad" Symphony, "The March of the Volunteers", and the opera "The Red Guards on Honghu Lake").

Keywords: folk instruments, folk songs, folk musical culture, folklore, classical music, dual identity, ethnic identity, national identity, national spirit, patriotism

References (transliterated)

1. Erikson E. H. Childhood and Society. New York: W. W. Norton & Co., Inc., 1950. 397 pp.
2. Erikson E. H. Identity: Youth and Crisis. New York: Norton, 1968. 336 pp.
3. Kochetkov V. V. Natsional'naya i etnicheskaya identichnost' v sovremennom mire // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya. 2012. № 2. S. 144-162. EDN: PAVDFZ.
4. Petrova I. A. Kul'turno-natsional'naya identichnost' Rossii: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kan. filosofskikh nauk: Mosk. gos. obl. un-t. Mytishchi, 2018. 190 s.
5. Isaikin D. M. K voprosu o prave narodov na natsional'nuyu identichnost' // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2012. № 3. S. 60-62.
6. Tsin' Syanzhun. Natsional'naya identichnost' kitaiskikh podrostkov v vozraste ot 11 do 20 let i ee razvitiye: dis. ... mag. psichol. nauk: Khuachzhinskii ped. un-t. Ukhan',

2005. 78 s.
7. Shi Khuein. Issledovanie psikhologii natsional'noi identichnosti i povedencheskoi adaptatsii natsional'nykh men'shinstv v natsional'nykh raionakh Yugo-Zapadnogo Kitaya: dis. ... kad. psikhol. nauk: Yugo-Zapadnyi un-t. Chuntsin, 2007. 150 s.
 8. Gao Yuntszyu. O roli natsional'no-psikhologicheskoi identichnosti v sotsial'noi stabil'nosti // Vesnik Yuzhno-Tsentral'nogo universiteta natsional'nostei (gumanitarnye i obshchestvennye nauki). 2005. No 5. S. 20-24.
 9. Khe Tszin'zhui, Yan' Tszizhun. Ot etnicheskoi identichnosti k natsional'noi // Vestnik Tsentral'nogo universiteta natsional'nostei (filosofiya i obshchestvennye nauki). 2008. No. 3. S. 5-12.
 10. Chzhou Chzhinuo. Analiz muzyki i ispolneniya pesni "Volny na ozere Khunkhu" // Severnaya muzyka. 2014. № 10. S. 43-44.
 11. Lyu Tszini. Narodnye instrumenty v russkoj klassicheskoi muzyke // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2025. T. 31, № 1. S. 168-176.
 12. Men Yuan'. Issledovanie opery "Sedaya devushka": dis. ... kand. literaturovedenii. Kitaiskii un-t Zhen'min'. Pekin, 2005. 176 s.
 13. Starostina T. A. Ladovaya sistematika russkoj narodnoi pesni // Garmoniya: Problemy nauki i metodiki. Rostov n/D. 2002. Vyp. 1. C. 85-105.
 14. Shi Yao. Tekhnicheskie kharakteristiki i priemy instrumentovki kитаискikh pentatonnykh narodnykh ladov // Entsiklopediya Znanii. 2019. № 6. S. 4-7.
 15. Chzhou Zhunshen. Ispol'zovanie elementov traditsionnogo teatra v kитаiskoi natsional'noi opere // Ven'tsun'yuekan. 2023. № 14. S. 70-72.
 16. Yan Tszyao. Nasledie i innovatsii natsional'noi muzykal'noi kul'tury v istorii razvitiya natsional'noj dukha // Vestnik Khunan'skogo universiteta (obshchestvennye nauki). 2016. T. 30, № 5. S. 128-133.
 17. Berdyaev N. A. Russkaya ideya. SPB.: Azbuka-klassika, 2008. 318 s. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyaev/russkaja-ideja/ (data obrashcheniya: 30.09.2025). EDN: QWTPLL.
 18. Pribegina G. A. Petr Il'ich Chaikovskii. M.: Muzyka, 1990. 222 s.
 19. Yuan' Lin'. O roli krasnoi muzykal'noi kul'tury v postroenii sovremennoi natsional'noi identichnosti: dis. ... mag. gosudarstvennoi administratsii. Tszilin'skii un-t. Chanchun', 2015. 41 s.

The concept of the image in Plato's philosophy and its variations in the history of culture

Dubovitskii Viacheslav Vladimirovich □

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Humanities; Moscow State Tchaikovsky Conservatory

13 Bolshaya Nikitskaya str., Moscow, 125009, Russia

✉ fenaur25@mail.ru

Abstract. This article examines the most important provisions of Plato's concept of the image, in which the philosopher carefully separates the image (*eikon*) and the pseudo-image (*phantasma*), which allows Plato to identify the ontological status of the image and thereby link it with the integrity of the universe. The Platonic concept of the image is considered in

the following aspects: image and pseudo-image; image in relation to an idea and a thing; image as a pictorial image; natural (not man-made) image; medial image; geometric image. The problem of similarity, which includes the problem of the involvement of things in ideas, remained explicitly unresolved for Plato. The article suggests what place Kant's teaching (which often appealed to Plato) on transcendental schemes of imagination can occupy in understanding this problem. Some variations of Plato's theme of the image in subsequent culture are considered: understanding of image-making as an ontological process; "studies of the visual", referring in the theory of the image to the theme of the invisible; the tendency of deanthropomorphization in the art of minimalism of the 20th century. The main methodological principle of the study is the hermeneutic principle of "better understanding", which includes not only reconstruction, but also the construction of meaning. The theme of the image in Plato's philosophy is interesting and relevant today in the context of those influences, sometimes indirect, that the subsequent evolution of thought and culture experienced and absorbed. In this regard, the author refers to the Plato's concept of the image, to Kant's teaching on transcendental schemes of imagination and other topics. This makes it possible to include the Platonic concept of the image in subsequent clearly related concepts (in particular, in modern "visual studies") and cultural practices (in particular, the art of minimalism of the 20th century) in order to "better understand" them (the hermeneutic principle), as well as "better understand" some problematic aspects of the Platonic theory of ideas (in particular, the problem of the similarity of a thing and an idea, the connection of Plato's theory of ideas with geometry).

Keywords: geometric image, visual research, the image as a medium, a natural image, The transcendental scheme of imagination, The similarity, the ontological status of the image, pseudo-image, image, minimalism

References (transliterated)

1. Platon. «Timei» // Sobr. soch. v 4-kh tt. T. 3. M., «Mysl'», 1994. (Per. s drevnegrech. S. S. Averintseva).
2. Platon. «Sofist» // Sobr. soch. v 4-kh tt. T. 2. M., «Mysl'», 1993. (Per s drevnegrech. S. A. Anan'ina).
3. Platon. «Gosudarstvo» // Sobr. soch. Ukaz. izd. T. 3. (Per. s drevnegrech. A. N. Egunova).
4. Leibnits G. V. Monadologiya // Soch. v 4-kh tt. T. 1. M., «Mysl'», 1982. (Per s fr. E. N. Bobrova).
5. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. M., «Iskusstvo», 1994. (Per. s nem.).
6. Kant I. Kritika chistogo razuma. M., «Mysl'», 1994. (Per. s nem. N. Losskogo).
7. Leibnits G. V. Teoditseya // Soch. v 4-kh tt. T. 4. M., «Mysl'», 1989. (Per. s fr. K. Istomina).
8. Delez Zhil'. Razlichie i povtorenie. S-Pb., «Petropolis», 1998. (Per. s fr. N. B. Man'kovskoi).
9. Gusserl' Edmund. Logicheskie issledovaniya: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya. // Sobr. soch. T. 3 (1). M., «Dom intellektual'noi knigi», 2001. (Per. s nem. V. I. Molchanova).
10. Plotin. Enneady. Kiev, «Utsimm-Press», 1995. (Per. s drevnegrech. i angl).
11. Petrovskaya Elena. Teoriya obraza. M., Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2012.
12. Platon. «Fedr» // Sobr. soch. Ukaz. izd. T. 2. (Per. s drevnegrech. A. N. Egunova).

13. Platon. «Pir» // Sobr. soch. Ukaz izd. T. 2. (Per s drevnegrech. S. K. Apt.).
14. Platon. «Fileb» // Ukaz.izd. T. 3. (Per. s drevnegrech. N. V. Samsonova).
15. Didi-Yuberman Zh. To, chto my vidim, to, chto smotrit na nas. S.-Pb., 2001. (Per. s fr. A. Shestakova).
16. Platon. «Poslezakonie» // Sobr. soch. v 4-kh tt. T. 4. M., «Mysl'», 1994. (Per. s drevnegrech. A. N. Egunova).

The problem of dating the synoptic gospels and its influence on the reconstruction of the image of Jesus

Chekrygin Oleg Vsevolodovich

PhD in Philosophy

Independent researcher

24 Serpukhovskiy val str., Moscow, 115419, Russia

 ocheck@bk.ru

Nadeina Daria Aleksandrovna

Independent researcher

59 Orehovy St., Moscow, 115682, Russia

 Bogoslovblog@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to a critical revision of the source research within the framework of the "historical Jesus". The authors question the established chronological framework of New Testament texts in academic biblical studies, arguing that the traditional dating of the Synoptic Gospels (Matthew, Mark, and Luke) to the middle of the first century is unfounded. A key argument is presented regarding the priority of Marcion's "Gospel of the Lord" (circa 140 AD), which is considered the primary Synoptic text, while the canonical Synoptics are viewed as later (second half of the second century) and tendentiously edited compilations. Within the Christian tradition, the authors doubt the reliability of the Synoptic Gospels, pointing to the "silence" of the apostle Paul, apostolic fathers, and early Christian authors who do not exhibit familiarity with these texts in their canonical form until the end of the second century. The authors employ both an interdisciplinary approach and a classic historical-critical method. Based on the analysis of non-biblical testimonies (Josephus, Tacitus, Mandaean literature), the conclusion is drawn regarding their extremely limited value due to their late origin and dependence on established narratives. A cardinal chronological shift in the dating of the Synoptic Gospels allows for the proposal of a new hierarchy of sources, with the Gospel of John and, especially, the Gospel of Thomas coming to the forefront. According to the authors, the Gospel of Thomas contains the most ancient layer of sayings (logia) of Jesus and can be considered a candidate for the role of the hypothetical Q source. The Synoptics, in turn, are further examined as a secondary source of questionable reliability. This revision leads to a radical rethinking of the image of Jesus: he emerges not as a messiah within the framework of Second Temple Judaism, but as an antagonist of the biblical tradition, a preacher of a different God—the Heavenly Father. Thus, the research offers a complete revision of the scientific paradigm of the "search for the historical Jesus," calling into question the established consensus regarding his Jewish context and the centrality of the Synoptic tradition.

Keywords: reconstruction, Papias of Hierapolis, Apostolic Fathers, argument from silence,

source criticism, pseudepigrapha, Marcion of Sinope, dating, synoptic gospels, Gospel of John

References (transliterated)

1. Strauss D. F. Das Leben Jesu : kritisch bearbeitet. – Tübingen : C. F. Osiander, 1835–1836.
2. Bauckham R. Jesus and the eyewitnesses : the Gospels as eyewitness testimony / R. Bauckham. – Grand Rapids, MI : William B. Eerdmans, 2006.
3. Reimarus H. S. Apologie oder Schutzschrift für die vernünftigen Verehrer Gottes. 1 / Hermann Samuel Reimarus ; hrsg. von G. Alexander. – Frankfurt am Main : Insel-Verlag, 1972.
4. Reimarus H. S. Reimarus, fragments / H. S. Reimarus ; transl. by C. H. Talbert. – Philadelphia : Fortress, 1970.
5. Arkhimandrit Iannuarii (Ivliev). Rets. na: Dzheims D. Dann. Novyi vzglyad na Iisusa: Chto upustil poisk istoricheskogo Iisusa. – M.: Bibleisko-bogoslovskii institut svyatogo apostola Andreya, 2009. Arkhivirovano 1 noyabrya 2014 goda. // Bogoslov.ru, 14.01.2010.
6. Igumen Innokentii (Pavlov). Ot Renana do Danna. Rets. na Dzheims Dann. Novyi vzglyad na Iisusa. Chto upustil poisk istoricheskogo Iisusa. – M.: BBI, 2009. – 207 s.
7. Weiss J. Die Predigt Jesu vom Reiche Gottes / J. Weiss. – Goettingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1892.
8. Schweitzer A. Von Reimarus zu Wrede : eine Geschichte der Leben-Jesu-Forschung / A. Schweitzer. – Tübingen : Mohr-Siebeck, 1906.
9. Bultmann R. K. Jesus / R. Bultmann. – Berlin : Deutsche Bibliothek, 1926. – (Unsterblichen ; Bd. 1).
10. Bornkamm G. Jesus von Nazareth / G. Bornkamm. – Stuttgart : Kohlhammer, 1956.
11. Funk R. W. The five gospels : the search for the authentic words of Jesus / R. W. Funk, R. W. Hoover, J. Seminar. – New York : Scribner, 1993.
12. Davies S. L. Jesus the healer : possession, trance, and the origins of Christianity / S. L. Davies. – New York : Continuum, 1995.
13. Borg M. Jesus : uncovering the life, teachings, and relevance of a religious revolutionary / M. Borg. – San Francisco, CA : HarperSanFrancisco, 2006.
14. Neklyudov, K. V. Arkheologiya Galilei i "tretii poisk istoricheskogo Iisusa". V sb.: Sovremennaya bibleistika i Predanie Tserkvi: Materialy VII Mezdunarodnoi bogoslovskoi konferentsii Russkoi Pravoslavnnoi Tserkvi. – M., 2017. – S. 199-214.
15. Wright N. T. Jesus and the victory of God / N. T. Wright. – London : Society for Promoting Christian Knowledge, 1996.
16. Borg M. The apocalyptic Jesus: a debate / M. Borg, D. C. Allison, J. D. Crossan, S. J. Patterson ; ed. by R. J. Miller. – Santa Rosa, CA : Polebridge Press, 2001.
17. Roth D. The Text of Marcion's Gospel. – Leiden, 2015. – P. 7-45.
18. Klinghardt M. Das älteste Evangelium und die Entstehung der kanonischen Evangelien. Bd. I-II. – Tübingen, 2015.
19. Vinzent M. Marcion and the Dating of the Synoptic Gospels // King's College, London.
20. Iosif Flavii. Iudeiskie drevnosti. / Per. G. G. Genkelya. – SPb., 1900. – V 2 t. T. 1. 717 str. T. 2. 420 str. – Pereizd.: s pred. i prim. V. A. Fedosika i G. I. Dovgylalo. – Minsk, Belarus', 1994. – T. 1. 560 str. T. 2. 608 str.
21. Tserkovnaya istoriya / Evsevii Kesariiskii; Vvod. st., komment. I.V. Krivushina. –

- Nauchnoe izdanie. – SPb.: Izd. Olega Abyshko, 2013. – 544 s.
22. Tatsit Publii Kornelii. Annaly. – M.: Rodina, 2023. – 448 s.
23. Khaberl, Charl'z; MaKgrat, Dzheims. Mandeiskaya kniga Ioanna: kriticheskoe izdanie, perevod i kommentarii. – Berlin: De Gruyter, 2020. – ISBN 978-3-11-048651-3. – OCLC 1129155601.
24. Metsger, Bryus M. Kanon Novogo Zaveta. Vozniknovenie, razvitiye, znachenie. – Izdatel'skii dom: BBI, 2008. – 332 s.
25. Yastrebov G. G. Kem byl Iisus iz Nazareta?. – M.: Eksmo, 2008. – 384 s. – EDN: QUPPHL.
26. Desnitskii A. S., Stepansov S. A., protoierei Leonid Grilikhes, Vinogradov A. Yu., Tkachenko A. A. Evangelie. Chast' II // Pravoslavnaya entsiklopediya. – M., 2007.
27. Podvizhniki: Izbrannye zhizneopisaniya i trudy. – Samara: Izd. dom "Agni", 1998. – T. 2. – 1999. – 319, [1] s., [18] l. tsv. il. / Sv. Ieronim Stridonskii. O znamenitykh muzhakh. – S. 176-226.
28. Evlampiev I.I. Neiskazhennoe khristianstvo i ego pervoistochniki // Solov'evskie issledovaniya. Vypusk 4(52), 2016.
29. Khazarzar R. Syn Chelovecheskii. – M., 2004. – S. 19-21, 25-27.
30. Rychkov A. L. Gnosticheskoe khristianstvo v istorii evropeiskoi filosofii: ot Markiona do nashikh dnei // Solov'evskie issledovaniya. Vypusk 2(57), 2018.
31. Gospel and the New Testament: Catalyst or Consequence? // New Testament Studies. 2017. Vol. 63 (2).
32. Sv. Iustin-filosof i muchenik: Tvoreniya / [Per. predisl. A.I. Sidorova]. – Reprint. izd. – Moskva : Palomnik : Blagovest, 1995. – 484 s. (Biblioteka ottsov i uchitelei tserkvi) / Otdel I. – S. 1-124.
33. Woodhead, Linda. Christianity: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2004. – ISBN 978-0199687749.
34. Koisin V. "Evangel'skie tsitaty v rannekristianskikh poslaniyakh: opyt statisticheskogo issledovaniya" / Elektronnyi resurs. URL: https://lib.rvvoz.ru/bigzal/koissin_yevangelskiye-tsitaty-v-rannekhristianskikh-poslaniyakh (data poslednego obrashcheniya 16.10.2025).

Multisensory semantization of color in the framework of designing comfortable urban environments

Peshchanitskaia Elena Vladimirovna □

Postgraduate student; Department of Sociology and Philosophy, Smolensk State University
Researcher at the Color Laboratory, Smolensk State University

214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, Przhevalskogo str., 4

✉ ScarletReindeer@yandex.ru

Abstract. The paper aims to analyze and systematize color meanings in the framework of cross-modal correspondences and to outline their potential for sensory urbanism. The field of cross-modal correspondences involving colors and their semantics is the paper's subject matter; its scope covers the mechanisms and patterns behind the formation of multisensory-perception-based color meanings. Multisensory perception is considered as uniting biological and sociocultural factors; the respective approach to designing urban environments is viewed as restoring the "man-city" connection. The principles of human commensurability and intramodal and cross-modal sensory harmony are emphasized as vital for enhancing public

space comfort. The theoretical research methods employed are analysis, synthesis, induction, deduction, classification, generalization, and elements of the semiotic method. Non-conventional meanings are illustrated via synesthesia; their semiotic structure is analyzed through examples from the author's synesthetic color terms database collected from synesthetes' online comments (110 color terms in total). The research identifies a special, biosocially conditioned category of "multisensory" color meanings, analyzes their specifics comprehensively, forms their classification, and assesses their practical application potential, especially for social purposes. Meanings are determined to stem from individual, group, and universal cultural experiences and be formed at the respective levels. The main meaning types are: socioculturally conditioned; biologically conditioned; non-conventional. Their borders are bridged by means of metaphor. Spacetime serves as both the framework of multisensory experiences and their constituent. The author concludes that combining cross-modal harmony principles with overlapping color meanings maximizes the positive effects of urban environments; non-conventional meanings are essential in developing spaces for neurodivergent people (due to their increased physical and emotional color sensitivity and specific responses). The concept of multisensory color semantics enables developing color coding systems that convey ideas via the color fields of cities and interpreting the latter as "multisensory texts."

Keywords: cross-modal harmony, biosocial phenomenon, sensory urbanism, semantization, color semantics, color perception, color, comfort, urban environment, multisensory perception

References (transliterated)

1. Leont'eva E. Yu. Sensornaya urbanistika: vvedenie v predmetnoe pole // Sotsiologiya goroda. 2023. № 3. S. 71-84. doi: 10.35211/19943520_2023_3_71.
2. Griber Yu. A. Eksperimental'noe issledovanie neformal'nykh norm gorodskoi koloristiki // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. 2016. № 12 (68). S. 245-260.
3. Griber Yu. A. Chelovek i tsvet: koloristika kul'turnogo landshafta // Chelovek. 2024. T. 35, № 6. S. 108-123. doi: 10.31857/S0236200724060078.
4. Spence C., Di Stefano N. Crossmodal harmony: looking for the meaning of harmony beyond hearing // i-Perception. 2022. № 13. P. 1-40. doi: 10.1177/20416695211073817.
5. Ward R.J., Ashraf M., Wuerger S., Marshall A. Odors modulate color appearance // Frontiers in Psychology. 2023. № 14. P. 1-8. doi: 10.3389/fpsyg.2023.1175703.
6. Griber Y. A. The "Geometry" of Matyushin's Color Triads: Mapping Color Combinations from the Reference Book of Color in CIELAB // Arts. 2022. № 11(6): 125. doi: 10.3390/arts11060125.
7. Griber Y. A., Samoilova T., Al-Rasheed A.S., Bogushevskaya V., Cordero-Jahr E., Delov A., Gouaich Y., Manteith J., Mefoh P., Odetti J. V., Politi G., Sivova T. "Playing" with Color: How Similar Is the "Geometry" of Color Harmony in the CIELAB Color Space across Countries? // Arts. 2024. № 13(2): 53. doi: 10.3390/arts13020053.
8. Shishova E. S. Zapakhi i sensornoe uporyadochivanie prostranstva novykh zhilykh raionov // Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya. 2020. T. 12. № 3. S. 10-30. doi: 10.19181/inter.2020.12.3.1.
9. Man D., Olchawa R. The Possibilities of Using BCI Technology in Biomedical Engineering // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. № 1. P. 30-37. doi:10.1007/978-3-319-75025-5_4.
10. Kolenda N. Color Psychology: What Each Color Means (and Why) // NICK KOLENDA

- psychology + marketing. URL: <https://www.kolenda.io/guides/color> (data obrashcheniya: 11.08.2025).
11. Pasturo M. Krasnyi. Iстория цвета. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 160 s.
 12. Pasturo M. Sinii. Iстория цвета. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 144 s.
 13. Schmitt B. H. Language and visual imagery: Issues of corporate identity in East Asia // The Columbia Journal of World Business. 1995. № 30(4). P. 28-36.
 14. Galchinova T. A. Vliyanie tsvera na emotsional'noe sostoyanie cheloveka // Innovatsionnaya nauka. 2020. № 5. S. 172-175.
 15. Pasturo M. Zelenyi. Iстория цвета. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 168 s.
 16. Meert K., Pandelaere M., Patrick V. Taking a Shine to It: How the Preference for Glossy stems from an Innate Need for Water // Journal of Consumer Psychology. 2014. № 24. P. 195-206.
 17. Hagtvedt H., Brasel S. A. Color saturation increases perceived product size // Journal of Consumer Research. 2017. № 44(2). P. 396-413.
 18. Lee H., Fujita K., Deng X., Unnava H. R. The role of temporal distance on the color of future-directed imagery: A construal-level perspective // Journal of Consumer Research. 2017. № 43(5). P. 707-725.
 19. Griber Yu. A. Metakognitivnye mekhanizmy tsvetovoi kommunikatsii // Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya. 2025. № 14(3). S. 20-29. doi: 10.17759/jmfp.2025140302.
 20. Ward R. J., Wuerger S. M., Marshall A. Smelling Sensations: Olfactory Crossmodal Correspondences // Journal of Perceptual Imaging. 2022. № 5(11). P. 1-12.
 21. Geurts K. L. Culture and the Senses: Bodily Ways of Knowing in an African Community. Oakland, CA: University of California Press, 2003. 293 p.
 22. Bateson M., Nettle D., Roberts G. Cues of being watched enhance cooperation in a real world setting // Biology letters. 2006. № 2(3). P. 412-414.
 23. Banerjee P., Chatterjee P., Sinha J. Is it light or dark? Recalling moral behavior changes perception of brightness // Psychological Science. 2012. № 23(4). P. 407-409.
 24. Frank M. G., Gilovich T. The dark side of self-and social perception: Black uniforms and aggression in professional sports // Journal of personality and social psychology. 1988. № 54(1). P. 74-85.
 25. Rossotti H. Colour: Why the World Isn't Grey. Princeton: Princeton University Press, 1985. 239 p.
 26. Griber Yu. A. Tsvet iznutri: novyi vektor issledovaniya gorodskoi koloristiki // Proekt Baikal. 2022. № 71. S. 144-149. doi: 10.51461/projectbaikal.71.1956.
 27. Mukhitov R. K., Gordeeva A. E. Neiroarkhitektura: arkhitektura, vliyayushchaya na chuvstva lyudei // Izvestiya KazGASU. 2022. № 2 (60). S. 59-71. doi: 10.52409/20731523_2022_2_59.
 28. Spence C. Using single colours and colour pairs to communicate basic tastes // i- Perception. 2016. № 7(4). P. 1-15.
 29. Griber Yu. A., Lavrenova O. A. Kognitivnaya kul'turologiya tsveta: nauchnye osnovy koloristiki kul'turnogo landshafta. Monografiya. M.: Soglasie, 2024. 188 s.
 30. Nanjundappa N., Umadevi B., Jayasimha R., Thennarasu K. The influence of color on taste perception // National Journal of Physiology, Pharmacy and Pharmacology. 2023. № 13(9). P. 1945-1951. doi:10.5455/njppp.2023.13.02083202316022023.
 31. Griber Yu.A., Nankevich A.A. Vliyanie shuma na tsvetovye assotsiatsii gorozhan // Psikholog. 2022. № 6. S. 29-39. DOI: 10.25136/2409-8701.2022.6.39243 EDN: OZQVZC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39243

32. Sidorov-Dorso A. V. Sinesteziya – chto eto? K opredeleniyu // Sait rossiiskogo sinesteticheskogo obshchestva. URL: <http://www.synesthesia.ru/whatis.html> (data obrashcheniya: 07.11.2023).
33. Sidorov-Dorso A. V. Sovremennye issledovaniya sinestezii estestvennogo razvitiya (analiticheskii obzor) // Voprosy psikhologii. 2013. № 4. S. 147-155.
34. Sidorov-Dorso A. V., Dei Sh. O sinestezii [Elektronnyi resurs] // Sinesteziya: mezhsensornye aspekty poznavatel'noi deyatel'nosti v naуke i iskusstve. Materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii Mezhdunarodnoi assotsiatsii sinestetov, deyatelei iskusstva i nauki (IASAS) / Otv. red. A.V. Sidorov-Dorso. M.: Izdatel'stvo MGPPU, 2021. S. 19-71.
35. Sants Kh. K., Shindler V. M. Tsvetovoi dizain sredy i sinesteziya v kontekste gastronomii // Tsvet v prostranstve goroda: sbornik statei zarubezhnykh avtorov / pod red. Yu. A. Griber. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2015. S. 37-46.
36. Asano M. Consistency of synesthetic association varies with grapheme familiarity: A longitudinal study of grapheme-color synesthesia // Consciousness and Cognition. 2021. № 89: 103090. doi: 10.1016/j.concog.2021.103090.
37. Boitsova Yu. A. Sinesteziya kak vozmozhnaya osnova tvorchestva // Nauka i innovatsii. 2014. № 142. S. 20-23.
38. Griber Yu. A., El'kind G. V., Tsygankova K. Yu. Strategii postroeniya garmonichnykh tsvetovykh sochetanii studentami khudozhestvennykh spetsial'nostei s rasstroistvami autisticheskogo spektra // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2024. № 5 (71). S. 498-518. doi: 10.32744/pse.2024.5.29.
39. Inagaki T. K., Eisenberger N. I. Shared neural mechanisms underlying social warmth and physical warmth // Psychological science. 2013. № 24(11). P. 2272-2280.
40. Khasanova M. S. Tvorchestvo kak proyavlenie autizma i sotsial'nye bar'ery inklyuzii // Sotsializatsiya detei s ogranicennymi vozmozhnostyami zdror'ya: opyt, problemy, innovatsii: materialy XIII vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3-kh chastyakh, Tambov, 14-15 noyabrya 2019 goda. Chast' I. Tambov: Izdatel'skii dom "Derzhavinskii", 2019. S. 323-327.
41. Kazakov K. V. Gorod kak tekst: strukturno-semioticheskii vzglyad // XXV yubileinyye Tsarskosel'skie chteniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 20-21 aprelya 2021 goda / pod obshch. red. S.G. Eremeeva. T. II. SPb: Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A.S. Pushkina, 2021. S. 31-36.

Level matrix of cultural codes as a typological model of culture.

Voronova Natlia Igorevna □

PhD in Philosophy

Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Political Science and Law of the State Social and Humanitarian University

30 Zelenaya str., Kolomna, Moscow region, 140411, Russia

✉ voronova-ni@mail.ru

Nikiforova Anastasiia Aleksandrovna □

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Aesthetics and Ethics; A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Abstract. The article presents an approach to constructing an original typology of culture based on the analysis of forms of cultural identity, which is viewed as a mechanism for encoding, reproducing, and transforming cultural experience at various levels of social interaction. The subject of the research is diverse typologies of culture, and the focus is on the criteria for their construction. The aim of the research is to propose a culture typology based on the concept of levels of cultural identity, regarded as a key mechanism for encoding and transforming cultural meanings. It is assumed that the level matrix of cultural codes will become a theoretical-analytical tool capable of serving both as a diagnostic model and as a methodological foundation for applied research. Its application is relevant in the context of accelerated cultural transformation of modern society, characterized by multiplicity, conflict, and the digitalization of cultural forms. The methodological basis of this approach is a critical analysis of classical typologies of culture, during which the limitations related to reductionism, static nature, and neglect of dynamic processes were identified. The developed level matrix of cultural codes includes six types of culture – monomorphic, polymorphic, hybrid, fragmented, transcultural, and metaculture – each reflecting the specifics of identity functioning at the corresponding social level. This model not only allows for the description and classification of various cultural phenomena but also enables the analysis of their interaction and transformation in the contemporary context of globalization, digitalization, and migration processes. It is shown that the level approach allows overcoming binary oppositions and more adequately describing modern cultural processes characterized by complexity, variability, and mediated nature. As a result of the research, theoretical foundations for distinguishing levels of cultural identity have been formulated; levels of the cultural codes matrix have been developed; and an analysis of the typology's application in various applied fields has been conducted. The proposed typology can be used in intercultural studies, cultural policy and social practice, as well as in teaching the foundations of humanities research.

Keywords: social interaction, cultural code, methodology of humanitarian research, intercultural communication, cultural transformation, level approach, cultural identity, typology of culture, globalization, subculture

References (transliterated)

1. Stockhammer, P. W. (Ed.). Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach. Berlin; Heidelberg: Springer, 2012. DOI: //doi.org/10.1007/978-3-642-21846-0.
2. Voronova, N. I. Evolyutsiya sotsial'no-istoricheskogo samosoznaniya sub"ekta v kontekste sovremennosti: novaya model' "effektivnogo cheloveka" ili "fiktivnaya effektivnost'" [Tekst] // Filosofiya i metodologiya istorii : Sbornik nauchnykh statei VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Kolomna, 27-28 noyabrya 2015 goda. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, 2015. S. 234-247. EDN: SVXCQG.
3. Ten, Yu. P., Prikhod'ko, L. V. Analiz tipologii kul'tur na osnove mezhdisciplinarnogo podkhoda // Observatoriya kul'tury. 2020. № 17(4). S. 340-350. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2020-17-4-340-350>. EDN: ISNNWU.
4. Flier, A. Ya. Kul'tura kak sotsial'no-regulyativnaya sistema i ee istoricheskaya tipologiya // Kul'tura kul'tury. 2014. № 2(2). S. 19-43.
5. Raymond, C. M., Anderson, C. B., Athayde, S., Vatn, A., Amin, A., Arias-Arevalo, P., Christie, M., et al. An inclusive values typology for navigating transformations toward a

- just and sustainable future. Current Opinion in Environmental Sustainability. 2023. Vol. 64. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2023.101301>.
6. Jelen, J., Šantryckova, M., Komarek, M. Typology of historical cultural landscapes based on their cultural elements. Geografie. 2021. Vol. 126(3). S. 243-261. DOI: <https://doi.org/10.37040/geografie2021126030243>. EDN: FVCTEH.
 7. Avanesova, G. A., Kuptsova, I. A. Kody kul'tury: ponimanie sushchnosti, funktsional'naya rol' v kul'turnoi praktike // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii. 2015. № 47. S. 28-37. EDN: TPSWAZ.
 8. Tolstaya, S. M. K ponyatiyu kul'turnykh kodov // AB-60 : Sbornik statei k 60-letiyu A.K. Baiburina / Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. Sankt-Peterburg: Avtonomnaya nekommercheskaya obrazovatel'naya organizatsiya vysshego obrazovaniya "Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge", 2007. S. 23-31. EDN: TYLOIN.
 9. Kessidi, F. Kh. Globalizatsiya i kul'turnaya identichnost' // Voprosy filosofii. 2003. № 1. S. 76-79. EDN: ONWESN.
 10. Fomina, M. N., Borisenko, O. A. Razmyshlenie o transkul'turnom prostranstve kak refleksii globaliziruyushcheisya kul'tury // Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura. 2018. № 1(5). S. 105-113. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-1-5-105-113>. EDN: LBUXJZ.
 11. Shipulin, V. O. Dinamika rossiiskoi kollektivnoi identichnosti: informatsionno-kommunikativnyi kontekst // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 2(27). S. 25. DOI: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2\(27\).25](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2(27).25). EDN: KGIVJY.
 12. Letyagin, L. N., Sholomova, T. V. Esteticheskaya legitimatsiya sotsial'nogo deistviya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2016. № 3(28). S. 66-69. EDN: WGEMIR.
 13. Kholova, M. B. The influence of cultural codes on society. American Journal of Philological Sciences. 2024. Vol. 4(03). S. 82-90. DOI: <https://doi.org/10.37547/ajps/Volume04Issue03-15>. EDN: EKMUKG.
 14. Corner, J. Codes and cultural analysis. Media, Culture & Society. 1980. Vol. 2(1). S. 73-86. DOI: <https://doi.org/10.1177/016344378000200107>. EDN: JOJTPD.
 15. Yachin, S. E. Metakul'tura-mesto tvorchestva lichnosti na granitse kul'turnykh sred // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2010. T. 12, № 1(53-54). S. 108-116. EDN: NDZLGB.
 16. Volkov, Yu. G., Kurbatov, V. I. Gibridnaya identichnost': faktory formirovaniya i formy proyavleniya // Gumanitarii Yuga Rossii. 2022. T. 11, № 2. S. 15-23. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>. EDN: HVDEAS.
 17. Bennett, A., Kahn-Harris, K. After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture. New York: Palgrave Macmillan, 2004. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-230-21467-5>.
 18. Flier, A. Ya. Iстория kul'tury kak smena dominantnykh tipov identichnosti // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2012. T. 14, № 1(69-70). S. 109-120.
 19. Sovremennaya urbanistika: sotsial'noe blagopoluchie i tsifrovaya transformatsiya goroda. Minsk: Ministerstvo obrazovaniya Respubliki Belarus', Belorusskii gosudarstvennyi universitet, 2024. 508 s.
 20. Aririguzoh, S. Communication competencies, culture and SDGs: effective processes to cross-cultural communication. Humanities and Social Sciences Communications. 2022. Vol. 9(96). DOI: <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01109-4>. EDN: QVQLLI.
 21. Khasawneh, N., Khasawneh, S., Khasawneh, M. The Potential Of AI In Facilitating Cross-Cultural communication through translation. Journal of Namibian Studies. 2023.

- Vol. 37. S. 107-130.
22. Sotsial'naya ontologiya i filosofiya obrazovaniya : kollektivnaya monografiya. Sankt-Peterburg: OOO "Izdatel'stvo VVM", 2022. 246 s.
 23. Ignat'ev, D. Yu., Letyagin, L. N. Teleologiya universiteta kak ideal nauchnogo poznaniya // Idei i idealy. 2017. T. 1, № 3(33). S. 77-86. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2017-3.1-77-86>. EDN: ZFTMVH.
 24. Ten, Yu. P., Prikhod'ko, L. V. Cultures Typology Analysis Based on the Interdisciplinary Approach // Observatory of Culture. 2020. Vol. 17(4). S. 340-350. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2020-17-4-340-350>. EDN: ISNNWU.
 25. Ionesov, V. I. Modeli transformatsii kul'tury: tipologiya perekhodnogo protsessa : spetsial'nost' 24.00.01 "Teoriya i istoriya kul'tury" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora kul'turologii. Sankt-Peterburg, 2012. 372 s. EDN: SUJNMH.
 26. Voronova N.I., Mikhailov D.V., Nikiforova A.A. Metodicheskie aspekty prepodavaniya metodologii gumanitarnogo issledovaniya na primere strukturnogo i sinergeticheskogo analiza // Pedagogika i prosveshchenie. 2024. № 3. S. 57-74. DOI: 10.7256/2454-0676.2024.3.71712 EDN: IEBAWM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71712
 27. Prokudin, D. E., Sokolov, E. G. "Tsifrovaya kul'tura" vs "analogovaya kul'tura" // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya. Religiovedenie. 2013. № 4. S. 83-91. EDN: RMWRKB.
 28. Owusu, E., Jones, L. A., Kwaku, A. Cross-Cultural Communication Strategies in the Digital Era: A Bibliometric Analysis. Virtual Economics. 2023. No 2. S. 55-71. DOI: [https://doi.org/10.34021/ve.2023.06.02\(4\)](https://doi.org/10.34021/ve.2023.06.02(4)). EDN: TDKRFS.
 29. Davydov, V. A. Metodologicheskie osobennosti rekonstruktsii istoricheskogo proshlogo // Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta. 2022. № 4(48). S. 14-20. EDN: XFTOUT.

Philosophical reconstruction of the Xieyi tradition and its aesthetic transformation in the digital media space.

Li Zhuoyi □

Postgraduate student; Faculty of Culture and Arts; Transbaikal State University

125 Babushkina str., Chita, Zabaikalsky Krai, 672000, Russia

✉ 2953583122@qq.com

Ivanova Yuliya Valentinovna □

Doctor of Philosophy

Professor; Faculty of Culture and Arts; Transbaikal State University

125 Babushkina str., Chita, Zabaikalsky Krai, 672000, Russia

✉ dimfin@gmail.com

Abstract. The article analyzes the contemporary state of the Xieyi (写意) aesthetics in the context of the transformation of cultural practices influenced by digital media and user-generated content platforms. The subject of the study is the interaction between traditional Chinese aesthetics and new forms of visual and media aesthetic culture, manifested in the changes of artistic expression, perception, and modes of cultural consumption in the conditions of mediatisation and algorithmic logic of digital platforms. Special attention is paid

to how traditional categories of Chinese aesthetics are reinterpreted and reproduced in the digital environment, acquiring new meanings, functions, and formats. The aim of the work is to identify the mechanisms of adaptation of the philosophical and artistic tradition of Xieyi to the networked cultural space, the specifics of the mediatisation of Xieyi aesthetics, and its functioning in polar modes of mass and elite culture. The methodological foundation of the research consists of interdisciplinary approaches of modern cultural philosophy, aesthetics, and media studies, as well as phenomenological and Daoist ontology of artistic experience. A comprehensive cultural analysis is combined with philosophical hermeneutics and comparative methods, allowing the aesthetics of Xieyi to be viewed as a system of meanings transitioning from traditional art to digital communication. The scientific novelty of the study lies in the development of the concept of "dual aesthetics of Xieyi," reflecting the dialectic of mass and elite artistic experience in the era of digitalization. A distinction is made between "everyday Xieyi," focused on emotional expression in the realm of user-generated content, and "conceptual Xieyi," which retains the philosophical depth and autonomy of art. It is shown that their interaction shapes a new ontology of art – an ontology of process, in which meaning emerges in the networked movement between the subject, media, and audience. It is concluded that contemporary Xieyi aesthetics represent a model of cultural adaptation and continuity, connecting the spiritual heritage of Chinese civilization with the philosophy of the digital age. The digital adaptation of Xieyi carries both the potential for cultural continuity and the risk of losing philosophical depth, forming a dual vector for its development in modern culture.

Keywords: mediatization, cultural differentiation, media aesthetics, digital media, elite culture, mass culture, philosophy of art, Chinese aesthetics, Xieyi aesthetics, ontology of art

References (transliterated)

1. Duester, E.; Zhang, R. Digital and AI Transformation in the Contemporary Art Industry in China // Arts & Communication. 2024.
2. 刘耕 [Lyu Gen]. 作为中国特有美学概念的“写意” [Se-i kak spetsificheski kitaiskaya esteticheskaya kontseptsiya] // 艺术设计研究 [Art and Design Studies]. 2021. № 1. S. 104-107. DOI: CNKI:SUN:SHIZ.0.2021-01-017.
3. Gusserl', E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. M.: Akademicheskii proekt, 2011.
4. Fuko, M. Germenevtika sub'ekta. SPb.: Nauka, 2007. EDN: QWQSXJ.
5. 曲雪 [Tsyui Syue]. 新媒体时代精英文化与大众文化共生问题探究 [Issledovanie simbioza elitarnoi i massovoi kul'tur v epokhu novykh media] // 新闻研究导刊 [Journal of News Research]. 2018. 9(04). S. 84-86. DOI: CNKI:SUN:XWDK.0.2018-04-049.
6. Riker, P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike. M.: Academia, 2008.
7. Burd'e, P. Formy kapitala // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. T. 3, № 5. S. 60-74. EDN: OYUVRD.
8. Kim, Y. Aesthetics of New Technological Humanities // Technology and Culture. 2023. Vol. 64(2).
9. Ben'yamin, V. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti // Izbrannye esse. M.: Ad Marginem Press, 2013. S. 23-54.
10. Delez, Zh.; Gvattari, F. Rizoma // Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. M.: Ad Marginem, 2007. S. 7-42.
11. Kittler, F. Grammatologiya media. M.: Akademicheskii proekt, 2009.
12. Maklyuen, M. Ponimanie media. M.: AST, 2018. 480 s.

13. Lotman, Yu. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000.
14. 彭锋 [Pen Fen]. 写意美学与写意艺术 [Estetika Se-i i iskusstvo Se-i] // 美术观察 [Fine Arts Observation]. 2024. № 12. S. 13-16. DOI: CNKI:SUN:MSGC.0.2024-12-008.
15. Zhang, Ying. From Brush to Pixel: The Transformation of Xieyi Aesthetics in Chinese Digital Art // Journal of Visual Art Practice. 2023. Vol. 22(4). Pp. 312-328. DOI: 10.1080/14702029.2023.2265471.
16. Wang, Wenyu; Alli, H. The Significant Development of Chinese Traditional Ink Painting as a New Concept in Visual Communication Design // Online Journal of Art and Design. 2024. Vol. 12(3).
17. Becher, A. The Digital Illusion: Chinese New-Media Artists Exploring the Phenomenology of Space // British Journal of Chinese Studies. 2021. № 11. S. 114-134. DOI: 10.51661/bjocs.v11i0.72. EDN: FUYEPO.
18. Grois, B. Obnovlenie kak esteticheskaya kategorija. M.: Ad Marginem, 2015.
19. Assman, A. Prostranstva pamyati. Formy i transformatsii kul'turnoi pamyati. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
20. Wang, Y. X. ASEAN Students' Perceptions of Contemporary Chinese Visual Culture // SAGE Open. 2025. Vol. 15(2).
21. Li Ch. Nasledie Se-i v kontekste vyzovov chetvertoi tekhnologicheskoi revolyutsii // Kul'tura i iskusstvo. 2024. № 9. S. 105-120. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.9.71445 EDN: CFNWPT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71445
22. Li Ch. Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya iskusstva Se-i: teoriya troistvennoi prirody znaka // Manuscript. 2025. Tom 18. Vypusk 3. S. 1156-1165. <https://doi.org/10.30853/mns20250165>. EDN: JUPBYS
23. Yakovleva N.F., Ivanova Yu.V. Traditsionnaya kitaiskaya zhivopis' i ee rol' v kul'ture Kitaya. Chita: ZabGU, 2015. 221 s. ISBN 978-5-9293-1347-9.

Towards a discussion on the collective subject of scientific knowledge

Koretskaya Marina Aleksandrovna

Doctor of Philosophy

Associate Professor, Head of the Department; Department of Philosophy and Bioethics; Samara State Medical University

443100, Russia, Samara region, Samara, Oktyabrsky district, Novo-Sadovaya str., 2, sq. 47

listarh@list.ru

Abstract. The article offers an analytical review of domestic and foreign research on the collective subject of scientific knowledge. The effect of the scientific activity collective nature becomes a topic of discussion in the context of transcendentalism crisis and increasing interest in the social dimension of science. The research method is a genealogical deconstruction of intellectual history. The study led to the following conclusions. Within the transcendentalist paradigm, subjectivity, constructed according to the ego cogito model, is neither individual nor collective. The interactions of scientists in the "invisible college" lack their own density until the time of Robert Merton, whose ethical code for scientists is conceived as remaining unchanged regardless of the dynamics of the social situation. Karl Popper's critical realism asserts the important thesis that the ways in which objective knowledge is handled are directly collective in nature. However, the "third world" (the sphere of scientific knowledge) is completely devoid of subjective characteristics. V.A. Lektorsky and

N.M. Smirnova present the dialectic of individual and collective subjects of knowledge. The jointness of scientific activity is understood as a derivative of the joint nature of human practice in general, so the bearer of knowledge is a collective subject, understood as a social system that cannot be reduced to a conglomerate of people who comprise it. The constructivist approach to the problem originates with L. Fleck, who proposed the concepts of thought-collectives and thought-styles that determine what cannot be thought in any other way. This idea is further developed in the sociology of science, primarily by S. Woolgar and B. Latour. Finally, we see a tradition of sociology and anthropology of academic communities, which explores the collective dimension of the subject of scientific knowledge, starting from the empirical description of communication models, academic life rituals and success strategies.

Keywords: scientific communication, thought-style, thought-collectives, science, collective knowledge, collective subject, practice, critical realism, dialectics, constructivism

References (transliterated)

1. Bart R. Smert' avtora. // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. – M.: Progress, 1994. S. 384-391.
2. Blur D. Sil'naya programma v sotsiologii znaniya // Logos. 2002. No 5-6. S. 162-185. EDN: TOYTBH.
3. Vakhshtain V. Revolyutsiya i reaktsiya: ob istokakh ob"ektno-orientirovannoj sotsiologii // Logos. T. 27, № 1, 2017. S. 41-84.
4. Vizgin V.P. Granitsy novoevropeiskoi nauki: modern / postmodern // Granitsy nauki. – M.: IF RAN, 2000. – S. 192-227.
5. Gryakalov N., Polozhentsev A. Sny bytiya. Ocherki po antropologii nauki. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, universitetskaya kniga, 2019. 416 s.
6. Lazar M.G. Etos nauki v sotsiologii R. Mertona: sud'ba i status v naukovedenii // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2010. T. 1, № 4. S. 124-139. S. 127. EDN: ONLOHP.
7. Latur B. Daite mne laboratoriyu, i ya perevernu mir // Logos. № 5-6 (3-5), 2002. S. 1-32.
8. Latur B., Vulgar S. Laboratornaya zhizn'. Konstruirovanie nauchnykh faktov. Glava 2. Antropolog poseshchaet laboratoriyu // Sotsiologiya vlasti. № 6-7, 2012. S. 178-234. EDN: RNIFHJ.
9. Lektorskii V. A. Problema sub"ekta i ob"ekta v klassicheskoi i sovremennoi burzhuaznoi filosofii. M.: Nauka, 1980. 358 s.
10. Mamardashvili M. Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti. M.: Labirint, 1994. 89 s.
11. Mikeshina L.A. Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy. M.: Progress-Traditsiya, 2002. 624 s.
12. Moss M. Ocherk o dare // Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii / Per. s frants., posleslovie i kommentarii A. B. Gofmana. M.: "Vostochnaya literatura", RAN, 1996. S. 134-285.
13. Popper K. Ob"ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podkhod. M.: Editorial URSS, 2002. 384 s.
14. Sokolov M. Nauka kak tseremonial'nyi obmen: teoriya prostranstv vnimaniya, akademicheskogo statusa i simvolicheskoi bor'by // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2021. T. 20, № 3. S. 9-42. DOI: 10.17323/1728-192X2021-3-9-42. EDN: PFDBGT.

15. Sokolov M. M. Sotsiologiya kak chudo: protsess sense-building v odnoi akademicheskoi distsipline // Sotsiologiya vlasti. T. 27, № 3, 2015. S. 13-57. EDN: UMUMCX.
16. Sokolov M., Titaev K. Provintsial'naya i tuzemnaya nauka // Antropologicheskii forum. 2013. № 19. S. 239-275. EDN: SWNIWB.
17. Teoriya poznaniya v 4 t. T. 2. Sotsial'no-kul'turnaya priroda poznaniya. / AN SSSR, Institut filosofii; pod red. V.A. Lektorskogo i T.I. Oizermana. M.: Mysl', 1991. 478 s.
18. Flek L. Vozniknenie i razvitiye nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva. M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 220 s.
19. Fuko M. Chto takoe avtor? Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. Per. s frants. – M.: Kastal', 1996. S. 7-46.
20. Fuko M. Nitsshe, genealogiya i istoriya // Filosofiya epokhi postmoderna: Sbornik perevodov i referatov. – Mn.: Izd. OOO "Krasiko-print", 1996. S. 74-97.
21. Cimbora G. Ludwik Fleck: Philosopher of Scientific Practice // Journal for General Philosophy of Science. 2025. DOI: 10.1007/s10838-024-09713-5.
22. Uygun Tunç D. The subject of knowledge in collaborative science // Synthese. 2023. Vol. 201. P. 88. DOI: 10.1007/s11229-023-04080-y. EDN: MKNGKH.
23. Collins H.M. The TEA Set: Tacit Knowledge and Scientific Networks // Science Studies. 1974. Vol. 4. No. 2.
24. Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. № 32(2).
25. Cozzens S. What do Citations Count? The Rhetoric-First Model // Scientometrics. 1989. Vol. 15. No. 5-6. S. 437-447.
26. Franck G. The Scientific Economy of Attention: A Novel Approach to the Collective Rationality of Science // Scientometrics. 2002. Vol. 55. № 1. S. 3-26. EDN: BCAFPV.
27. Knorr K. The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford: Pergamon, 1981.
28. Knorr-Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1999.
29. Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
30. Lynch M. Laboratory Space and the Technological Complex: An Investigation of Topical Complex // Science in Context. 1991. № 4.
31. Lynch M. Sacrifice and Transformation of the Animal Body into Scientific Object: Laboratory Culture and Ritual Practice in the Neurosciences // Social Studies of Science. 1988. № 18.
32. Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. N.Y.: Free Press, 1973.
33. Pinch T. Confronting Nature: The Sociology of Solar Neutrino Detection. Springer, 1986.
34. Politi V. The Collective Responsibilities of Science: Toward a Normative Framework // Philosophy of Science. 2025. Vol. 92. № 1. S. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.1017/psa.2024.28>.
35. Sciortino L. The Emergence of Objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // Studies in History and Philosophy of Science. 2021. Vol. 88. S. 128-137. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>.

In Search of the Self: Overcoming the Boundaries of Psychoanalysis, Subjectivity, and Identity

Bolotnikova Elena Nikolaevna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy and Bioethics; Federal State Educational Institution of Higher Education 'Samara State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation'

225 22 Partseza str., Samara, Samara, 443124, Russia

 e.n.bolotnikova@samsmu.ru

Abstract. The study reveals the problem of individual self-determination within an interdisciplinary approach. The aim is a critical analysis of existing 20th-century philosophical concepts in addressing the problem of the self. The author's focus is on the concept of "subjectivity," which is central in subject-oriented philosophy, in the concept of identity and its numerous variations, as well as having significant importance in psychoanalytic theory. The hypothesis of the research is that the mentioned approaches have a number of shortcomings. The author demonstrates how and why these characteristics prevent individuals from arriving at a productive answer to the question "Who am I?" Individual reflection and self-determination of the contemporary individual are essential both as a vector of theoretical contemplation and as a life practice. The search for orientations in addressing the problem of the self unfolds towards the philosophical ideas of M. Heidegger and M. Foucault. The methodology of the research includes a comparative-historical approach and a critical analysis of the subject problem, conducted using materials from both the Western European philosophical tradition and the studies of contemporary Russian philosophers. The main conclusions of the research suggest the established inadequacy of the resources provided by psychoanalytic theory, classical subject-oriented philosophical thought, and the concept of identity in solving the problem of individual self-determination. The scientific novelty of the work lies in the assertion that M. Foucault's approach to self-determination is the most relevant and pertinent to the current state of reflective discourse. The structure of "care of the self," formulated by M. Foucault, allows any individual to meaningfully characterize themselves while maintaining a dynamic nature of reflection. The author shares the position of M. Heidegger, who showed that care of the self is not a self-enclosure in egoism, but rather a possible expansion of the interpretation of the "self." Any care for oneself can be understood as care for the world, encompassing the existential resource of engagement, courage, will, and practices.

Keywords: structure, personality, psychoanalysis, identity, care, individuality, multiplicity, existence, Self, subject

References (transliterated)

1. Lyu Gaochen', Markasova E.V. Ya est' ya (identichnost' i kommunikatsiya) // Kommunikativnye issledovaniya. 2021. T. 8. № 4. S. 701-716. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716. EDN: QIKOEI.
2. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Identichnost' i simvolicheskii khronotop. – M.: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya", 2020. – 304 s.
3. Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika / Pod red. chl.-korr. RAN I.S. Semenenko. Entsiklopedicheskoe izdanie. – M.: "Ves' mir", 2017. – 992 s.
4. Konev V.A. Ne "VO" vremya, a "IZ" vremeni // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul'tury. 2012. № 4 (9). S. 94-98. EDN: PLTPOF.
5. Oleinikov A. Sovremennost' nesovremennogo // Logos. 2021. T. 31. № 4. S. 1-5.
6. Fedorov A. Proizvodstvo budushchego. Mir "dvoinogo dvoetochiya". – SPb.: ITs

- "Gumanitarnaya Akademiya", 2023. – 496 s.
7. Khaidegger M. Vremya i bytie / Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. – M.: Respublika, 1993. – S. 391-407.
 8. Khaidegger M. Veshch' / Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. – M.: Respublika, 1993. – S. 316-327.
 9. Fuko M. Drugie prostranstva / Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu / Per. s frants. B.M. Skuratova pod obshchei red. V.P. Bol'shakova. – M.: Praksis, 2006. – Ch. 3. S. 191-205.
 10. Isaeva N., Isaev S. Seren K'erkegor: Lestnitsa v nebo – virtual'nyi proekt / V kn.: K'erkegor S. Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim krokham". – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. – 680 s.
 11. K'erkegor S. Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim krokham". – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. – 680 s. EDN: QWLJAL.
 12. K'erkegor S. Naslazhdenie i dolg. – Rostov n/D: Izd-vo "Feniks", 1998. – 416 s.
 13. Shchittsova T. Memento nasci: soobshchestvo i generativnyi opyt (Shtudii po ekzistentsial'noi antropologii). – Vil'nyus: EGU – Moskva: OOO "Variant", 2006. – 384 s.
 14. Mazin V. Sub"ekt Freida i Derrida. – SPb.: Aleteiya, 2021. – 256 s.
 15. Freid Z. Izbrannoe. – Rostov-na-Donu: "Feniks", 1998. – S. 5-42.
 16. Delez Zh., Gvattari F. Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya. – Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008.
 17. Fuko M. Mishel' Fuko. Otvety filosofa / Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. – M.: Praksis, 2002. – S. 172-193.
 18. Savchenkova N. Psikhoanaliz i teoriya lyubvi / Freid Z. Sobranie sochinenii v 26 t. T. 6. Lyubov' i seksual'nost'. Zakat Edipova kompleksa. – Sankt-Peterburg: Vostochno-Europeiskii Institut Psikhoanaliza, 2015. – 280 s. – S. 3-16.
 19. Freid Z. Sovety vracham pri vedenii psikhoanaliticheskogo lecheniya // Psikhoanaliticheskii vestnik. 1991. № 1. S. 140-145.
 20. Shipunova O.D. Perspektivy issledovaniya sub"ektivnosti v sovremennoi filosofii // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2014. № 1 (191). S. 254-260. EDN: SCHHIH.
 21. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. – M.: Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1996. – 344 s.
 22. Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. – 408 s.
 23. Kon'kov D.S. Nuzhna li identichnost' istorii: k kritike kontseptsii identichnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 409. S. 79-84. DOI: 10.17223/15617793/409/12. EDN: WKOAWB.
 24. Khenkin S.M. Rakursy identichnosti // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2018. 4 (61). S. 269-276. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-269-276. EDN: VLJPEZ.
 25. Bulanov S.M. Istoricheskii analiz predposylok formirovaniya sovremenennogo predstavleniya ob identichnosti sub"ekta // Filosofiya i obshchestvo. 2024. № 1. S. 28-45. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.02. EDN: IJOWJW.
 26. Fuko M. Sub"ekt i vlast' / Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu / Per. s frants. B.M. Skuratova pod obshchei red. V.P. Bol'shakova. – M.: Praksis, 2006. – Ch. 3. S. 161-191.
 27. Svas'yan K. Chelovek v labirinte identichnosti. – M.: Evidentis, 2009. – 192 s.

28. Agamben Dzh. Identichnost' bez lichnosti / Nagota. – M.: OOO "Izdatel'stvo "Gryundrisse", 2014. – 204 s. – S. 79-91.
29. Khaidegger M. Bytie i vremya. – Khar'kov: "Folio", 2003. – 503 s.
30. Khaidegger M. Pis'mo o gumanizme / Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. – M.: Respublika, 1993. – S. 192-221.
31. Fuko M. O genealogii etiki. Obzor tekushchei raboty // Logos. 2008. № 2. S. 135-159. EDN: TJLKDR.
32. Fuko M. Germenevtika sub"ekta: Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu. – SPb.: Nauka, 2007. – 677 s.
33. Fuko M. Muzhestvo istiny. Upravlenie soboi i drugimi II. Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1983–1984 uchebnom godu. – SPb.: Nauka, 2014. – 358 s. EDN: UULEEF.

The representation of interethnic piece by the mass media in Buryatia

Chimitova Irina Zorigtoevna

PhD in Sociology

Associate Professor; Department of Cadastre and Law; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'V.R. Filippov Buryat State Agricultural Academy'

8 Pushkin Street, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670024, Russia

 rindaol@mail.ru

Abstract. The object of this study is the activity of mass media in the Republic of Buryatia. In the contemporary context, these media outlets simultaneously function as mass communication tools. Alongside other functions, they perform informative and communicative roles, catering to such existential human needs as the need for information and interaction by providing the audience with a platform for expression and the exchange of opinions. The subject of this research is the regional media's activity in informing the public about the favorable state of interethnic relations in the republic and in representing the model of traditional interethnic trust, friendship, and accord, thereby contributing to the preservation of this model in the future. The purpose of this paper is to identify the nature of the representation in the media of the Republic of Buryatia concerning the stability of interethnic accord, and the expression of the idea of the necessity to preserve it. The author pays considerable attention to concepts such as "communication" and "accord," and examines the characteristics of modern mass communication tools, their functions, and the specifics of the given multi-ethnic region. In the course of this research, a systemic approach was employed, guided by the principles of reliability and objectivity, alongside the dialectical method. The study also applied structural-functional, logical, and historical methods, as well as analysis, synthesis, induction, deduction, and other general scientific methods. The key finding of the conducted research is the assertion that the regional media continue to strive for an objective reflection of the neighborly relations, friendship, and accord among representatives of different ethnic groups, which serve as stable models of interethnic communication. As evidenced by media materials, these models are positively perceived even by many representatives of ethnic groups that have only recently begun residing in Buryatia. Currently, the media successfully represent the dominant and traditional models of interethnic accord in Buryatia. The novelty of the research is evident both in its problem statement and in its compelling demonstration that the republic's media are now fulfilling their communicative function more actively than before. They facilitate a rapid exchange of opinions among

different communicators, provide timely audience feedback, and serve as a platform for public debate. The author also substantiates the specificity of this region, where multi-ethnicity has long ceased to be a marker of heterogeneity requiring any form of "smoothing" to overcome "otherness," as its inhabitants are united by a profound sense of fraternity and kinship.

Keywords: ethnocultural, communicative function, readership, communication model, Buryatia, traditionally multi-ethnic region, mass media, interethnic harmony, communication, representation

References (transliterated)

1. Luman N. Ponyatie obshchestva // Problemy teoreticheskoi sotsiologii. S.-Peterburg: TOO TK "Petropolis", 1994. S. 25-42.
2. Gurevich P. S. Vidnyi myslitel' KhKh stoletiya // Fromm E. Dusha cheloveka: Perevod. M.: Respublika, 1992. (Mysliteli KhKh veka). S. 5-12.
3. Barulin V. S. Osnovy sotsial'no-filosofskoi antropologii. M.: IKTs Akademkniga, 2002. 455 s.
4. Kapitonov E. A. Sotsiologiya KhKh veka. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo "Feniks", 1996. 512 s.
5. Lektorskii V. A. Gumanizm kak ideal i kak real'nost' // Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya. M.: ROSSPEN, 1996. S. 103-114.
6. Nazarov M. M. Televideenie v konvergentnoi mediasrede: auditornye trendy // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2021. № 6. S. 69-78. DOI: 10.31857/S013216250014208-1 EDN: MHPPHH
7. Buraeva O. V. Khozyaistvennye i etnokul'turnye svyazi russkikh, buryat i evenkov v KhVII-seredine KhIKh v. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2000. 207 s. EDN: TZASKR
8. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / pod red. V. A. Tishkova, V. V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2017. 551 s.
9. Efimochkina N. B., Maslennikova L. V. Fenomen kommunikatsii kak aktor novoi paradigmy upravleniya // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2019. № 12. S. 21-30. EDN: SIVZDY
10. Altshull J.H. Agents of Power: the role of the new media in human affairs. New York and London: Longman, 1984.
11. Dabain B. Pozyvnoi "Buryat": vechnyi voin // Buryatiya. 2025. 16 iyulya.
12. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie // Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie. SPb.: Nauka, 2000. S. 173-286.
13. Drobizheva L. M. Resurs mezhnatsional'nogo soglasiya i balans neterpimosti v sovremennom rossiiskom obshchestve // Mir Rossii. 2012. № 4. S. 91-110. EDN: PEBAVD
14. Chimitova I. Z. Sredstva massovoi informatsii kak faktor vozdeistviya na uroven' mezhnatsional'nosti // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, kul'turologiya. 2011. Vyp. 14. S. 117-122. EDN: OMSGDB
15. Chimitova I. Z. Problemy mezhnatsional'nykh otnoshenii: missiya pechatnykh SMI Buryatii // Intelligentsiya, ee grazhdanskie pozitsii v sovremenном mire: materialy KhI Mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2 t. / otv. red. I. I. Osinskii. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2016. T. 2. S. 267-272. EDN: WKSDVZ
16. Dagbaev E. D. Pressa i natsional'no-politicheskii protsess regiona (opyt

- politologicheskogo i sotsiologicheskogo analiza). Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1995. 127 s.
17. Makhachkeev A. "Tikhaya" buddizatsiya // Buryatiya. 2020. 24 iyunya. S. 4;
 - Makhachkeev A. Tikhaya buddizatsiya-2 // Buryatiya. 2020. 1 iyulya.
 18. Zhambalova E. Printsipy dobrego sosedstva // Nomer odin. 2024. 24 aprelya.
 19. Rodionova R. Musul'manskaya vesna na buryatskikh ulitsakh // "Moskovskii komsomolets" v Buryatii. 2019. 27 marta-3 aprelya.
 20. Danilov S. Singapurskaya sem'ya vybrala Buryatiyu dlya zhizni v Rossii // "Moskovskii komsomolets" v Buryatii. 2025. 23-29 aprelya.
 21. Dashizhapova S. Luchshii gorod Zemli dlya Emmanuelya // "Moskovskii komsomolets" v Buryatii. 2025. 16-22 iyulya.

From Immanuel Kant to Gilbert Simondon: Schemas of Operational Imagination

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

✉ vlad2015@yandex.ru

Abstract. The rethinking of schemes by Gilbert Simondon marks a radical break from the Kantian tradition. For Kant, the schematism of pure reason served as an a priori mechanism for subordinating sensory diversity to the categories of understanding, ensuring the possibility of knowledge while remaining confined within the transcendental sphere of the subject. In contrast, Simondon makes an ontological turn. His "operational schemes" are rooted not in the structures of consciousness but in the very dynamics of the material world, primarily in technology. Schemes are immanent patterns of development of "technical lines," crystallizing in the process of invention through "productive imagination." Simondon's novelty lies in the rejection of the primacy of reason over experience: the scheme arises not prior to experience as its condition but from the practical, operational participation of thought with things, from the effort to resolve specific technical problems. Here, imagination is not reproduction or combinatorics but a force rooted in action and materiality, generating new forms of being of technology. The research is based on the consistent application of complementary methods appropriate to Simondon's dynamic non-substantial ontology: genetic-critical method, technontoontological analysis, operational hermeneutics, and comparative-topological approach. In this case, not only the immanence of schemes to technical lines is revealed, but also Simondon's break with Kantian transcendentalism is highlighted. This methodology allows us to avoid the reification of schemes, revealing them as living tools of procedural reality, which corresponds to Simondon's key "maxim," namely, to know means to follow the individuation of being. The relevance of the Simondonian concept of "operational schemes" is difficult to overestimate today. In the era of algorithms, interfaces, and self-learning systems, it offers a powerful tool for understanding how technical objects themselves generate schemes that mediate our thinking and action. Digital platforms, artificial neural networks, and "smart" environments – all embody "dynamic schemes." Moreover, this approach is relevant as an epistemological shift: it overcomes the divide between theory and practice, reason and matter. Operational schemes assert an ontology of relation and action, where knowledge and invention arise not from contemplation but from engaged interaction with the world. This makes Simondon's philosophy indispensable for understanding the joint evolution of humans and their artificial

environment.

Keywords: imagination, technical diagram, dynamic scheme, metastability, pre-individual, transduction, individuation, Bergson, Kant, Simondon

References (transliterated)

1. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Nauka, 1999. 655 s.
2. Longuenesse B. Kant and the Capacity to Judge. Princeton: Princeton University Press, 1998. 420 p.
3. Heidegger M. Kant and the problem of metaphysics. Indiana University Press, 1962. 255 p.
4. Sayapin V.O. Rekursiya kak sposob samoorganizatsii sovremennoogo sotsiuma // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Voronezh, 2023. № 3 (49). S. 62-67. EDN: SRUPMZ
5. Khuei Yu. Rekursivnost' i kontingentnost'. M.: V A C Press, 2020. 400 s.
6. Sayapin V.O. Kontingentnost' i metastabil'nost' kak kontsepty samoorganizatsii sovremennoogo sotsiuma // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Voronezh, 2024. № 2. S. 47-53. EDN: XRPMKZ
7. Stiegler B. La Technique et le temps 3. Le temps du cinéma et la question du mal-être. Paris: Galilée, 2001. 329 p.
8. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
9. Simondon G. Imagination et invention, 1965–1966. Paris: PUF, 2014. 206 p.
10. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: PUF, 2014. 460 p.
11. Taine H. De l'intelligence. T. 1. Paris: Hachette, 1870. 1000 p.
12. Souriau P. Théorie de l'invention. Paris: Hachette, 1881. 156 p.
13. Ribot T. Essai sur l'imagination créatrice. Paris: Alcan, 1900. 313 p.
14. Binet A. L'Étude expérimentale de l'intelligence. Paris: Schleicher frères, 1903. 309 p.
15. Bergson H. L'énergie spirituelle: essais et conférences. Paris: Presses universitaires de France, 1941. 214 p.
16. Sartre J.-P. L'Imagination. Paris: Presses universitaires de France, 1936. 162 p.
17. Sartre J.-P. L'Imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. Paris: Routledge, 1940. 234 p.

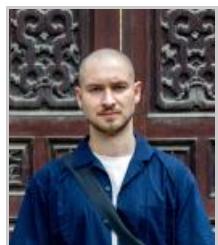
Post-Anthropocentric Model of the Development of the Humanities

Tatishchev Aleksandr Andreevich

Assistant Professor; Department of Theory and History of Culture; Herzen State Pedagogical University of Russia

191186, Russia, St. Petersburg, nab. Moika River, 48

✉ ksandr.taiev@gmail.com

Abstract. The article examines the emergence of a post-humanities model of scientific knowledge, formed against the backdrop of the crisis of classical humanistic studies, cognitive capitalism, and the processes of posthuman convergence. Particular attention is given to the transition from humanistic and anthropocentric epistemological paradigms to posthumanist

and post-anthropocentric approaches grounded in transversality, multiplicity, and relational forms of subjectivity. The study analyzes the transformation of the disciplinary structure of science, within which the boundaries between the humanities, social sciences, and natural sciences are redefined through the inclusion of non-human agents – animals, technologies, media environments, and ecological systems – into the field of inquiry. The article substantiates the philosophical and methodological foundations of the post-humanities approach, including the ontology of vital new materialism, the principles of relationality and transversality, as well as a critique of universalist notions of scientific objectivity and validity. Key categories are highlighted, such as defamiliarization, nomadism, affectivity, and ecosophy, which shape new cognitive and educational models. The methodological framework of the study relies on a broad post-anthropocentric perspective, incorporating postdisciplinary and transversal approaches. The research employs philosophical-hermeneutical analysis, critical discourse analysis, and comparative methods. The scientific novelty of the study lies in clarifying the methodological foundations of post-humanities and substantiating the concept of transversality as a principle of organizing contemporary humanistic knowledge. The work reveals the potential of post-humanities as a form of critical nomadic thought that combines the ontology of vital new materialism with affirmative ethics and ecological sensitivity. It offers an original interpretation of the post-humanities paradigm as a transition from disciplinary humanism to relational and ecosophical models of knowledge, where the knowing subject is conceived as a multiple, distributed, affective, and responsible assemblage. The article also highlights both the productive possibilities of the post-humanities perspective – expanding the horizons of knowledge and rethinking the subject and ethics – and its potential risks, such as methodological fragmentation, researcher desubjectivation, and the reproduction of hegemonic attitudes under the guise of critical discourse.

Keywords: Rosi Braidotti, nomadic subject, new materialism, transversality, posthumanism, post-anthropocentrism, posthumanities, humanities, philosophy of science, critical studies

References (transliterated)

1. Braidotti P. Postchelovek / per. s angl. D. Ya. Khamis. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2021.
2. Crawford E. Nationalism and Internationalism in Science, 1880–1939: Four Studies of the Nobel Population. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
3. Proctor R. Racial Hygiene: Medicine Under the Nazis. Cambridge: Harvard University Press, 1988.
4. Dupré J. Against Scientific Imperialism // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. 1994. Vol. 2. Pp. 374-381.
5. Quijano A. Coloniality of Knowledge, Eurocentrism, and Latin America // Nepantla: Views from South. 2000. No. 1(3). Pp. 533-580.
6. Jong A. Modern Episteme, Methodological Nationalism and The Politics of Knowledge in Political Science // Frontiers in Political Science. 2023. Vol. 5. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/political-science/articles/10.3389/fpos.2023.1172393/full> DOI: 10.3389/fpos.2023.1172393 EDN: VMWQII.
7. Braidotti R. Nomadic Subjects: Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory. NY: Columbia University Press, 2011.
8. Braidotti R. Transversal Posthumanities // Philosophy Today. 2019. No. 63(4). Pp. 1181–1195.

9. Chandler J. Critical Disciplinarity // *Critical Inquiry*. 2004. No. 30(2). Pp. 355-360.
10. LeMenager S., Foote S. The Sustainable Humanities // *Publications of the Modern Language Association of America*. 2012. No. 127(3). Pp. 572-578.
11. Merchant K. *Antropotsen i gumanitarnye nauki. Ot epokhi izmenenii klimata k novoi ere ustoichivosti / per. s angl.* P. Gavrilova. SPb: Academic Studies Press, 2023.
12. Hayles K. N. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: The University of Chicago Press, 1999.
13. Ferrando F. *Filosofskii postgumanizm / per. s angl. D. Kralechkina*. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2022.
14. Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya? / per. s fr. i poslesl. S. Zenkina*. M.: Akademicheskii proekt, 2009. EDN: QXAEFV.
15. Moulier-Boutang Y. *Cognitive Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2012.
16. Srnichek N. *Kapitalizm platform / per. s angl. i nauch. red. M. Dobryakovoi*. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. EDN: VRPYEZ.
17. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya / pod red. A. Merkur'evoi*. M.: Eksmo, 2021.
18. Crutzen P. J., Stoermer E. F. The 'Anthropocene' // *Global Change Newsletter*. 2000. No. 41. Pp. 17-18.
19. Kolbert E. *The Sixth Extinction: An Unnatural History*. NY: Henry Holt Company, 2014.
20. Principles of Transversality in Globalization and Education / Ed. by D.R. Cole, J.P. Bradley. New York: Springer, 2018.
21. Åsberg C., Koobak R., Johnson E. Post-humanities Is a Feminist Issue // *Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 2011. No. 19(4). Pp. 213-216.
22. Lykke N. *Postdisciplinarity // Posthuman Glossary*. London: Bloomsbury Academic, 2017. P. 332-335.
23. Braidotti R. *Kriticheskaya postgumanitaristika, ili Otnosyatsya li media-prirody k prirodo-kul'turam tak zhe, kak zoe – k bios? // Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva*. M.: V-A-C press, 2018. C. 24-41.
24. Braidotti R. *Metamorphoses: Towards a Materialist Theory of Becoming*. Cambridge: Polity Press, 2002.
25. Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / per. s frants.* Ya. I. Svirskogo. Ekaterinburg; M.: Astrel', 2010.
26. Nomadic Education: Variations on a Theme by Deleuze and Guattari / Ed. by I. Semetsky. Rotterdam: Sense Publishers, 2008.
27. Tatishchev A. A. Apparat affekta immersivnykh sred v teorii sovremennoi kul'tury // *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul'tury*. 2023. № 2 (51). S. 81-87. DOI: 10.52173/2079-1100_2023_2_81 EDN: ISRQYZ.
28. Alaimo S. *Bodily Natures: Science, Environment, and the Material Self*. Bloomington: Indiana University Press, 2010.
29. Ferrando F. Towards A Posthumanist Methodology. A Statement // *Frame Journal for Literary Studies*. 2012. No. 25(1). Pp. 9-18.
30. Feierabend P. *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya / per. s angl.* A. L. Nikiforova. M.: AST, 2007.
31. Marcus G. E. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // *Annual Review of Anthropology*. 1995. No. 24. Pp. 95-117. EDN: HFAHYV.

32. Spry T. Performing Autoethnography: An Embodied Methodological Praxis // Qualitative Inquiry. 2001. No. 7(6). Pp. 706-732. DOI: 10.1177/107780040100700605 EDN: JPCYIV.
33. Bonta M., Protevi J. Deleuze and Geophilosophy. A Guide and Glossary. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004.
34. D'yakov A. V. Teoreticheskii antigumanizm v gumanitarnykh naukakh: k voprosu o perspektivakh antropotsentrizma // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 3. S. 184-191. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-3-184-191 EDN: KLCAKG.